Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

На правах рукописи
УДК 008(091):502.8(908)

Личак Наталия Алексеевна

ОРГАНИЗАЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ В 1920—1930-Х ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)

Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры»

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора культурологии

Научный консультант -
доктор исторических наук,
профессор Ю.Ю. Иерусалимский

Ярославль

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ 32
1.1. Историография по теме исследования **32**
1.2. Источники исследования **71**
1.3. Методология исследования **91**
ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ 130
2.1. Организационные основы государственной политики сохранения памятников искусства и старины **130**
2.2. Формирование памятникоохранных органов на местах **152**
2.3. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины **168**
ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ПАМЯТНИКООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Х ГОДАХ 199
3.1. Мероприятия местных органов власти по выявлению и сохранению памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х гг. **199**
3.2. Участие местных органов власти в проведении реставрационных работ в губерниях Центрально-промышленной области **219**
3.3. Поддержка губернскими комиссиями процесса музеефикации религиозных ценностей **247**
3.4. Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры **266**
ГЛАВА 4. НАПРАВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКООХРАННОГО ДЕЛА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Х ГОДАХ 295
4.1. Уничтожение памятников храмовой архитектуры в период «воинствующего безбожия» **295**
4.2. Исследование, переучет и сохранение музейных ценностей **329**
4.3. Деятельность краеведческих обществ по сохранению исторических памятников **348**
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 383
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 389
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 392

ВВЕДЕНИЕ

Сложные историко-культурные процессы, которые российское государство и общество переживают в XXI в., те вызовы, которые предлагает им современность, требуют от исследователей изучения и осмысления предшествующего опыта деятельности и преобразований государственных институтов сохранения памятников истории и культуры. Освоение духовных ценностей прошлого призвано выполнять важную синтезирующую функцию в жизнедеятельности каждого общества. Политика духовного возрождения, провозглашенная правительством, не может быть полностью реализована без комплексного изучения культурных ценностей своей страны.

Актуальность и значимость проблемы и исследования заключается в том, что сохранение губернских «памятников искусства и старины» Центрально-промышленной области (ЦПО) 1920—1930-х гг. являлось составной частью общероссийского культурного процесса, действенным рычагом развития общества, важнейшим хранилищем исторической памяти страны. Памятники искусства и старины как составная часть историко-культурного наследия вбирали в себя ту часть многогранного опыта общества, которая была необходима человеку, позволяла проследить неразрывную связь времен. Тот круг объектов, что не входил в состав понятия «памятник искусства и старины»[1], переставал быть единицей культуры и, в конечном счете, прекращал свое существование[2].

В деятельности государственных и местных органов власти в первые послереволюционные десятилетия существовало несколько аспектов, связанных с формулировкой цели, решением практических, идеологических и

[1] Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794.
[2] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1933 г. «Об охране исторических памятников» // СУ РСФСР. 1933. № 44. Ст. 179.

методологических задач. Что именно следовало сохранять, т.е. признавать памятником (говоря современным языком, объектом культурного наследия) — являлось приоритетным вопросом. Вторым был заявлен вопрос, для чего необходимо было сохранять памятники искусства и старины. Каким образом построить функционирующую систему сохранения культурных ценностей и кто будет заниматься реализацией памятникоохранных мероприятий — были сформулированы в качестве третьей и четвертой проблем.

Организация исполнения государственно-правовых решений в деле сохранения памятников искусства и старины 1920—1930-х гг. в губерниях ЦПО имело обогащающую опытом историю, на протяжении которой происходила эволюция ее средств, форм и методов[1]. В процессе сбережения данных памятников изменения затрагивали всю систему субъектов сохранения и характер реализации ими своих полномочий.

Специалисты по охране памятников искусства и старины столкнулись с проблемой классификации памятников, поскольку она должна была отражать процесс передачи «наследия». Дефиниция «памятник», прежде всего, была ориентирована на сохранение памяти, воспоминания[2], а также ее интерпретацию и преумножение[3]. В 1920—1930-х гг. ситуация в памятникоохранном деле осложнялась внедрением новой идеологии, адаптировавшей изучение памятников искусства и старины к существующим мировоззренческим реалиям.

В деятельности руководства страны по сохранению памятников искусства и старины совершенствовалась как правовая, охранительная и исполнительная деятельность, так и объектная — непосредственная дея-

---

[1] Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья в 1917—1930 гг.: дисс. ... канд. ист. наук / Н. А. Личак. Ярославль, 2003.

[2] Селезнева, Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов : дис. … д-ра филос. наук / Е. Н. Селезнева. М., 2004.

[3] Миронова, Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: дис. ... канд. культурол. наук / Т. Г. Миронова. М., 2000.

тельность государственных органов по сбережению культурных ценностей, возможность исследователей на доступ к их изучению.

Исследование вопросов, связанных с организацией сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленой области в 1920—1930-х гг. представляется весьма своевременным с учетом той конкретной ситуации, которая сложилась в России с памятниками культурного и исторического значения. Разрабатываемая в стране концепция «Прошлого в настоящем»[1] требует от исследователей на данном этапе не только переосмысления маркеров, которыми обозначены ключевые точки характеристики прошлого исторических памятников, но и самого отношения ученых к ним. Признание того, что «прошедшее не прошло»[2], понимание культуры как ситуации постоянного многомерного диалога[3] оказывается на современном этапе чрезвычайно продуктивным не только для развития «туризма наследия» и процесса привлечения всех возможных ресурсов, но и для выстраивания собственной позиции к тому, что каждый из исследователей считает для себя прошедшим.

Последние годы характеризуются более осознанным отношением к памятникам искусства и старины как фактору государственной стабильности и развития. К сожалению, объекты культурного наследия оказались в числе основных жертв «экологической агрессии»[4], распространенных ныне способов ведения хозяйства и присущего современному человечеству образа жизни в целом. Современная ситуация в деле сохранения недвижимого культурного наследия современной России определяется значительным разрывом между желанием общества оберегать и эффективно использовать полученные в наследство памятники и

---

[1] Каменский, С. Ю. Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого / С. Ю. Каменский // Режим доступа: http://www.pandia.ru/text/77/151/6066.php

[2] Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 201.

[3] Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. СПб., 1996. С. 404.

[4] Доверительное управление культурным и природным наследием в России: прецеденты, аргументы, документы / Под ред. А. П. Кудрявцева, Ю. Л. Мазурова. М., 2005.

реальным состоянием дел в этой области. Помимо этого на современном этапе следует говорить о практиках «оживления прошлого» как о единственных реальных механизмах сбережения памятников, поскольку их полноценное сохранение невозможно без включения в текущую культурную жизнь, без понимания обществом их ценности и значения.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется в равной мере поиском путей сохранения и функционирования региональных памятников истории и культуры на современном этапе. Именно в сочетании современных традиций и опыта, накопленного ранее, лежит залог успеха в организации сбережения местных объектов культурного наследия. В связи с этим ни в коей мере нельзя игнорировать исторический опыт сохранения провинциальных памятников искусства и старины двадцатых—тридцатых годов двадцатого века как репрезентативный.

Подчеркивая актуальность темы, отметим, что в начале XX в. исследователи использовали несколько обобщающих понятий для изучения культурных ценностей, которые отражали различные методы их оценки. Так, понятия «памятники старины», «исторические памятники» отражали приверженность археологическому методу, т. е. связи объектов с историческими событиями. Введение понятия «памятники искусства и старины» в 1920-х гг. было обусловлено распространением художественного метода оценки памятников зодчества[1].

Призывая «копить искусство, а не тратить», в статье «О памятниках» в 1917 году русский художник А.Н. Бенуа подчеркивал, что для этого мало «высоких лозунгов, нужна сложившаяся культура, нужно накопления опыта… нужны традиции»[2], традиции сохранения и защиты культурного наследия. Под традицией понимался способ осуществления

[1] Полякова, М. А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия / М. А. Полякова // Режим доступа: www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_kult_nasl_historical.pdf

[2] Бенуа, А. Н. О памятниках / А. Н. Бенуа // Александр Бенуа размышляет… (статьи и письма 1917—1960 г.) / Подгот. издания, вступит. статья и комментарии И.С. Зильберштейна и А.Н. Савина. М., 1968. С. 69.

преемственности, в котором интегрировались тенденции творческой деятельности прошлого, имевшие значение для современного развития[1].

Комплексный метод сохранения памятников, с помощью которого он применялся для изучения историко-культурных проблем (причем, не как единичный объект, а как элемент его исторического окружения), оставался приоритетным в советский период[2]. Несмотря на жесткий идеологический диктат, после Октября 1917 года сохранение памятников искусства и старины продолжалось. Многие культовые памятники, например, поддерживались в обстановке активной антирелигиозной пропаганды, уничтожения огромного числа церковных построек, сожжения икон, исчезновения предметов декоративно-прикладного искусства. Вместе с тем один из исследователей церковной архитектуры Л.А. Беляев усматривал в данной драматической ситуации и положительный момент. Церковные древности, по его мнению, выпали из литургического, служебного оборота и стали, как никогда прежде, доступны научному анализу[3].

Важное методологическое значение для ученых имела статья Н.Б.Бакланова о сохранении памятников во всем многообразии тем и объектов с ними связанных[4]. Архитектурные памятники рассматривались как культурные тексты эпохи, обладавшие разноплановой информацией — технологической, художественной, а также как элементы социальной топографии города. Углубленное сбережение памятников зодчества, отдельных форм и мотивов в их сочетании, по мнению специалистов, позволяли установить внутренние и внешние связи архитектур-

---

[1] Петров, А. В. Традиции и инновации в сохранении российского культурного наследия / А. В. Петров, О.В. Галкова // Режим доступа: http://www.online-science.ru/m/products/cultyrology/gid128/pg0/

[2] Полякова, М. А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия / М. А. Полякова // Режим доступа: www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_ kult_nasl_historical.pdf

[3] Беляев, Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение / Л. А. Беляев. М., 1998. С. 464.

[4] Бакланов, Н. Б. Изучение строительной техники как один из способов датировки памятников / Н. Б. Бакланов // Известия ГАИМК. 1938. № 7-8. С. 33-40.

ного творчества данного края и времени, проливая свет и на связи внутри культуры в целом[1].

Проблема исследования определяется, во-первых, сложностью выявления, необходимостью изучения и систематизации знаний о трансформации исторической ценности памятника искусства и старины в условиях его сохранения в Центрально-промышленной области на протяжении 1920—1930-х гг. Данная задача выражалась, прежде всего, в том, что он служил носителем информации о прошлом, т.е. историческим источником. Во-вторых, определялись закономерности и причины эволюции памятникоохранной деятельности государственных и местных органов власти ЦПО в условиях жесткой централизации советской власти. В-третьих, анализировались результаты попыток научных специалистов и священнослужителей сберечь музейные принципы в противовес разрушительным действиям идеологизированных чиновников.

Данное проблемное поле охватывает масштабный корпус фактов и событий, связанных с деятельностью специалистов в организации сохранения памятников искусства и старины, со спецификой взаимодействия местных органов власти с различными институтами общества и, прежде всего, с церковью. Выявленная проблема вызвала необходимость анализа источникового и историографического материала, рассматриваемого в различных контекстах через построение нарративного повествования, содержание которого позволило увидеть логические закономерности изучаемого явления в историко-культурном ракурсе — организацию передачи полномочий государственными органами власти губмузеям в проведении памятникоохранного процесса в условиях формирования тоталитарного режима в советском государстве в 1920—1930-х гг.

[1] Воронин, Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник: Заметки к постановке вопроса / Н. Н. Воронин // Советская археология. 1954. Вып. 19. С. 49.

Целью диссертационного исследования является изучение историко-культурного опыта организации мероприятий по сохранению памятников искусства и старины государственными и местными органами власти, музейными специалистами и краеведами Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. и комплексное исследование эволюции памятникоохранной деятельности в контексте выявленной специфики сохранения (разрушения) памятников искусства и старины в губерниях исследуемого региона в 20—30-х гг. XX в.

В соответствии с заданной целью в диссертационном исследовании поставлены следующие *задачи*.

1. Исследовать изменения историографических подходов к изучению системы государственного руководства сохранением памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области с начала 1920-х гг. до настоящего времени, способствовавших расширению источниковой базы, переосмыслению многих устоявшихся оценок и историко-культурных концепций, повышению объективности исследований; ввести в научный оборот новые исторические источники, изученные в государственных и региональных архивах, проанализировав процесс сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

2. Определить принципы формирования и развития понятия «памятник искусства и старины», сформулированного в государственных нормативно-правовых актах и регулировавшего отношения в области сохранения памятникоохранных объектов, отобразив новый методологический и концептуальный подход в унификации исследуемого культурно-исторического феномена в 1920—1930-х гг.

3. Применить междисциплинарный интегративный подход к научному исследованию организационных основ государственной политики сохранения памятников искусства и старины в губерниях ЦПО, ис-

пользуя научный аппарат для выявления историко-охранной специфики 1920-х гг.

4. Выявить своеобразие формирования разветвленной сети памятникоохранных органов на местах, эффективность проводимых мероприятий по сохранению оказавшихся под угрозой гибели культурных ценностей в годы гражданской войны;

5. Проанализировать деятельность провинциальных музеев как самостоятельных научно-просветительных и исследовательских центров, которые в условиях реорганизации органов охраны, кадровых перестановок, остаточного принципа финансирования и политики, осуществляемой в отношении церкви в 1920-х гг., сыгравших значительную роль в сохранении памятников искусства и старины Центрально-промышленной области.

6. Определить специфику мероприятий губернских органов власти по массовому выявлению и обеспечению сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920-х гг.

7. Охарактеризовать особенности участия в реставрационных работах местных органов власти в 1920-х гг. в губерниях ЦПО, творческая инициатива которых была предопределена результатами деятельности сотрудников Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР в ходе комплексных научных экспедиций.

8. Проследить направления поддержки губернскими комиссиями процесса музеефикации религиозных ценностей в условиях изменения отношения власти к памятникам искусства и старины в губерниях ЦПО в 1922 г.

9. Систематизировать сведения об активных действиях местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры при размещении на их территории музейных экспозиций в 1920-х гг.

10. Раскрыть особенности процесса уничтожения памятников храмовой архитектуры как «не имевших высокой ценности» в условиях «воинствующего безбожия».

11. Сформулировать принципы комплексного подхода к исследованию, переучету и сохранению музейных ценностей, разработанного на основе критериев разделения архитектурных объектов на категории, подготовки первого государственного списка советских памятников 1938 г.

12. Охарактеризовать деятельность специалистов в деле сбережения памятников искусства и старины как фактора интеграции региональной краеведческой среды в 1930-х гг.

Объектом диссертационного исследования является процесс сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области, развивавшийся на единых основах государственной политики, но отличавшийся региональными особенностями.

В связи с вышеизложенным, *предметом диссертационного исследования* является деятельность государственных и местных органов власти, музейных специалистов, представителей церкви и общественности в ходе реализации государственной политики сохранения губернских памятников искусства и старины Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний Центрально-промышленной области.

Территориальные рамки диссертационного исследования определяются границами губерний Центрально-промышленной области (современные Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская и Ярославская области). При определении территориальных районов мы придерживались источников дореволюционного экономико-географического районирования[1]. Кроме того, в задачах II Всероссийского съезда советов народного хозяйства 1918 года, в проектах VII—VIII

[1] Статистический временник Российской империи. Серия 2. Вып. 1. СПб, 1871.

съездов Советов 1919—1920 гг. и XII съезда РКП(б) 1923 года[1] были заявлены вопросы о новом административно-хозяйственном делении в качестве первоочередных. Согласно «проекта районирования» Госплана 1920 года, Ярославская и Рыбинская губернии вместе с соседними — Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Иваново-Вознесенской (как имевшие много общего в своем экономическом и историческом развитии) должны были входить в Центрально-промышленную область[2]. Однако в 1920-х гг. состав губерний ЦПО являлся ареной для постоянных дискуссий[3], административно-территориальные границы региона подвергались частым изменениям. В диссертационной работе будем придерживаться равным образом положений Постановления Президиума ЦИК от 14 января 1929 года, на основании которых — Александровский, Владимирский, Кинешемский, Костромской, Рыбинский, Шуйский, Ярославский и Иваново-Вознесенский округа вошли в Ивановскую промышленную область[4].

Выбранные для изучения губернии, входившие в состав Центрально-промышленной области (Ивановской промышленной области с 1936 года, а затем выделившиеся в результате разукрупнения административных единиц РСФСР в 1935—1937 гг. Ивановская, Калининская и Ярославская области; Владимирская и Костромская области — в 1944 году[5]), дали возможность проследить направления реализации государственной политики сохранения памятников искусства и старины в указанном регионе в 1920—1930 гг. Выявление данных особенностей

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1896—1925 / Коллектив авторов. Сб. документов. М., 1953. С. 712-719.

[2] Дитмар, А. Б. Очерк истории административного деления Ярославского края / А. Б. Дитмар // Краеведческие записки. Вып. 2 / Под ред. П. Г. Андреева, А. Н. Иванова, М. Г. Мейеровича. Ярославль, 1957. С. 224.

[3] СССР по районам. Центрально-промышленная область / Сост. М. Б. Вольф, Г. А. Мебус. М.-Л., 1926. С. 148; Бинович, Л. К вопросу организации Центрально-промышленной области / Л. Бинович // Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/43645/l.binovich.k_voprosu_organizacii_centralno_promyshlennoy_oblasti.pdf.

[4] Районы Ивановской промышленной области. Ч. 1. Экономическая характеристика. М.-Иваново, 1933.

[5] Вачнадзе, Г. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации / Г. Вачнадзе. М.-Марбург, 1995.

предусматривает изучение локальных тенденций в деле сбережения культурных ценностей, определяя территориальные границы диссертационного исследования.

Хронологические рамки исследования совпадают с общепринятыми временными границами. В процессе сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. прослеживается два этапа. Первый связан с сохранением памятников искусства и старины посредством формирования памятникоохранных и музейных организаций на местах, проведения охранительно-фиксирующих мероприятий с 1918 по 1929 год.

В социальной, политической, идеологической и культурной сферах жизни общества возникла потребность в формировании системы сохранения памятников искусства и старины. С 1918 по 1923 год были заложены и развиты основы государственной политики в области сбережения культурных ценностей. Начался процесс формирования и развития музейной политики, появилось новое отношение к памятникам искусства и старины на местах. Тем не менее, в ходе осуществления государством политики по отделению церкви от государства, а также кампании 1921—1922 гг. по изъятию советской властью церковных ценностей для помощи голодающим был нанесен непоправимый урон культурным объектам движимого имущества — тем памятникам искусства и старины исследуемого региона, которые являлись свидетельствами исторических и религиозных событий, культурным наследием народа. Незначительное отступление от указанной хронологии в первой главе диссертации было предпринято с целью выявления истоков развития памятникоохранительного процесса.

В 1924—1929 гг. трансформированная государственная система управления делом сохранения памятников искусства и старины и привела к расширению функций местной исполнительной власти при решении

вопросов сбережения, использования, а затем и частичного разрушения памятников культовой архитектуры и древнерусской живописи. Важным положительным событием 1924 года явился правотворческий процесс в формулировании границ такого явления как «памятник искусства, старины и природы». Кодификации подверглись все объекты архитектурного (или скульптурного) сооружения в память или в честь какого-либо лица или события, движимого имущества музейного значения, подлежавшие сохранению в исследуемый период.

Второй этап изучения сохранения памятников искусства и старины в диссертационном исследовании уместно определить рамками 1930—1938 гг. Данный период начинается с особенностей реформирования системы сохранения памятников в губерниях ЦПО с 1930 года. Постепенное превращение музеев в один из «инструментов культурной революции» привело к изменению их статуса как научно-исследовательских учреждений. Вместе с тем использовавшиеся методы памятникоохранной работы, имея исключительно агитационный и антирелигиозный характер, требовали усиления внимания к культурным ценностям, более тесных контактов государственных органов охраны памятников с различными хозяйственными, плановыми и проектными организациями, привлечения широких кругов общественности. Результатом явился подготовленный в 1938 году общий список советских памятников.

Таким образом, в 1920—1930-х гг. происходило становление и развитие новой системы сохранения памятников искусства и старины, которая была сформирована как в государстве, так и в рассматриваемом регионе с учетом ее принципиальных основ, структуры и содержания. Несмотря на жесткое противостояние защитников и разрушителей, каждый хронологический отрезок отмечен своим положительным и отрицательным отношением к прошлому.

Источниковая база исследования требует самостоятельного освещения в рамках диссертационного исследования в п. 1.2. Она включает значительный по объему и разнородный по составу объем опубликованных (просмотренных в оригинале в газетах или фондах архивов) и неопубликованных, впервые введенных в оборот источников, который следовало разделить на различные группы. Использованные источники подверглись глубокому анализу в контексте диссертационного исследования с целью понимания позиции государственных и местных органов власти в процессе организации сохранения памятников искусства и старины в сложных экономических и политико-идеологических условиях 1920—1930-х гг. При интерпретации источников нами как исследователями руководило стремление подыскать психическое значение источника, которое более всего соответствовало данным нашего чувственного восприятия, т.е. материальному образу источника[1]. Необходимость критического анализа новых документов и использованной ранее другими историками источниковой базы предопределила *методологическая составляющая диссертационного исследования*, представленная в п. 1.3.

Материал исследования составили несколько групп источников:

- архивные материалы по архитектуре и древнерусской живописи (фотографии, обмеры, описание и др.) в государственных архивах (филиалах) Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областей; в архивах: отдела письменных источников (г. Москва); научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва); отдела рукописей государственной Третьяковской галереи (г. Москва); государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва); историко-архитектурного музея-заповедника (г. Ярославль); отделения центральных реставрационных мастерских (г. Ярославль);

[1] Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. М., 2006. С. 317.

- музейные источники и коллекции: Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; ярославского художественного музея; государственного музея-заповедника (Ростовский кремль); государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурылина (г. Иваново); историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Кострома); Владимиро-Суздальского музея-заповедника;

- источники в отделах редкой краеведческой книги, в том числе дореволюционный фонд изданий в научных библиотеках: Владимирской областной научной библиотеки, Костромской областной универсальной научной библиотеки, Ярославской областной научной библиотеки, Российской государственной библиотеки;

- интернет-материалы, составившие основу личного опыта автора, приобретенного в результате многолетнего изучения исторических интернет-экспозиций музеев, фотографий памятников архитектуры и иконописи исследуемого региона.

Теоретико-методологическая значимость исследования. Междисциплинарный характер исследуемого процесса как историко-культурологического концепта, системно раскрывающего феномен развития памятникоохранного дела ЦПО 1920—1930-х гг., позволил применить как общенаучные, так и специальные методы историко-культурного исследования. При подготовке диссертации были использованы такие классические общенаучные методы как синтез, дедукция, сравнение. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции — перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для

развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений. Подробный анализ методологии исследования приведен в первой главе диссертации.

Более полно раскрыть особенности становления и развития системы сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. как предмета исследования диссертации, выявить последовательность данных процессов во времени в совокупности с изменениями в системе местных органов власти, происходивших на различных этапах становления и развития памятникоохранного дела в губерниях ЦПО в 20—30-х гг. XX в. позволили идеографический, историко-генетический, хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-феноменологический методы, системно-исторический метод, а также метод психоистории.

Степень изученности проблемы соотнесена с фактом проведения исследования на стыке двух научных дисциплин, что позволяет выделить два уровня данной работы:

- культурологический;
- исторический.

Культурологический уровень. Значимыми для диссертационного исследования являются работы, в основе которых лежат отечественные и зарубежные теории организации деятельности по сохранению памятников искусства и старины. В настоящей работе с культурологических позиций используются культурные смыслы сохранения памятников культуры и истории, основываясь на положениях отечественных теоретиков В.И. Вернадского, Л.Н.Гумилева, Д.С. Лихачева и Н.Н. Моисеева о роли культурной и экологической среды как целостной системы для формирования высокоморального общества. Современные исследователи Ю.М. Лотман, А.Г. Васильев, Е.В. Грязнова, К.Е. Рыбак, И.В. Кондаков, О.Н. Астафьева акцентируют внимание на своих позициях посредством феномена «соци-

альной памяти», т.е. сохранения актуальной социальной информации и передачи её от поколения к поколению.

Рассуждают о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном воздействии процессов социальных трансформаций на коллективные представления об истории, зарубежные исследователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М. Хальбвакс и П. Штомпка.

Исторический уровень. В отечественной науке вопросы сохранения памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в 1920—1930 гг. определяются результатами исследований научного сообщества в ракурсе проблематики истории культурного наследия и охраны памятников, теории и практики популяризации памятников искусства и старины в современных условиях.

Теоретические аспекты организации сохранения памятников искусства и старины в дореволюционный период осмыслялись, например, в работах М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, В.Н. Татищева. Обращение к данным исследованиям позволяет рассмотреть материальные объекты в качестве источников информации о прошлом страны, организации их выявления и анализа.

С помощью обращения к исследованиям по истории сохранения культурных ценностей, выполненным А.М. Эфросом, И.Э. Грабарем, Н.И. Романовым, Ф.И. Шмитом, И.С. Смирновым, В.К. Гардановым, О.В. Ионовой, И.А. Булыгиным, С.М. Троицким, а также к трудам Н.Р. Левинсона, С.Ф. Ольденбурга, А.А. Миллера, посвященным вопросам охраны памятников прошлого и музейного строительства в целом по стране, нами были выделены вопросы о неудовлетворительном состоянии дела по сохранению памятников в рассматриваемый период, о необходимости создания музеев как наилучшего средства для сохранения культурных ценностей в первые послереволюционные годы.

В фокус нашего внимания попали вопросы, связанные с сохранением культурного наследия в различных регионах Советской России. О.В. Ионова, В.В. Горбунов, Ю.И. Овцин, Ф.В. Борисевич, Л.А. Стешенко, И.О. Подобедова, Н.А. Кривова впервые ввели в научный оборот архивные материалы и документы, мемуарные источники по исследуемым проблемам, а также проанализировали сложившуюся в исследуемый период ситуацию.

Подробному рассмотрению подверглась деятельность органов охраны памятников искусства, старины и музейного строительства в губерниях Центральной России, проведение научных экспедиций во Владимире, Иваново, Костроме, Ярославле в работах Д.А. Равикович, Ю.Н. Жукова, Е.С. Ревякина, Н.С. Майоровой, К.Г. Левыкина, В.Ф. Козлова, Н.П. Рязанцева. Данные авторы поддерживают точку зрения академика РАО С.О. Шмидта, согласно которой, период с 1917 по 1927 год по праву называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения. На основе изучения архивных документов авторами были определены этапы сохранения, а затем целенаправленной борьбы по уничтожению уникальных исторических памятников губерний ЦПО.

Важную для исследования проблематику затрагивают исследователи В.М. Рославский, Т.А. Рутман, Т.П. Тимофеева, выдвигая тезис, согласно которому в основе отношения большевистской партии к сохранению материальных форм культурного наследия с самого начала лежал экономический и политический прагматизм.

Исследуя историю *зарубежной историографии* сохранения памятников советских губерний рассматриваемого периода, следует отметить, что наиболее востребованным зарубежными учеными периодом советской истории стал период 1930-х гг. Концентрируя внимание на уникальности советской политики, Ш. Фитцпатрик и Ш. Плаггенборг изучали воздействие революции 1917 года на культурное развитие страны. Особый инте-

рес зарубежных исследователей Т. О'Коннора, Р. Слассера, Р.Сервиса, Д. Байрау и Р. Такера возник к лидерам нового культурного процесса 1920—1930-х гг. Сложность и эпохальность рассматриваемых событий, предопределили интерес исследователей к различным аспектам жизни людей. Р. Пайпс выделяет особую роль религиозного фактора советского общества в сохранении культуры.

Таким образом, весь массив проанализированной отечественной и зарубежной литературы, затрагивающий проблематику диссертационного исследования, следует разделить на следующие тематические блоки: культурологические аспекты сбережения памятников искусства и старины, историческая специфика и правовое регулирование сохранения ценностей. Проблемное поле приведенной характеристики научных работ охватывает масштабный корпус фактов и событий, связанных с изучением особенностей взаимодействия государственных и местных органов власти с различными институтами общества в организации сохранения памятников искусства и старины. Вместе с тем в рассмотрении процесса сбережения культурных ценностей в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. отсутствуют комплексные исследования, не выявлены условия и специфика формирования памятникоохранных организаций на местах, не проанализирована роль местных органов власти в проведении реставрационных и музейных работ в губерниях ЦПО, не учтен масштаб как потерь для региона. Приведенные обстоятельства формируют значимость и актуальность данной темы для науки и подлежат ее поэтапному рассмотрению в параграфе 1.1 диссертационного исследования.

Согласно научной *гипотезе,* изучение процесса памятникоохранной политики губерний ЦПО в 1920—1930-х гг. должно быть направлено, прежде всего, на выявление тех причин, согласно которым памятники искусства и старины в губерниях часто сохранялись не благодаря, а вопреки реакции государственных органов власти на политико-

экономические события, происходившие в обществе. Забота о памятниках искусства и старины со стороны государственных органов власти — Наркомата Имуществ и Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР, решавших возникавшие проблемы путем формирования законодательной базы и создания памятникоохранных организаций, в губерниях Центрально-промышленной области не была последовательной. Поэтому многое зависело от местных органов власти, которые были незамедлительно включены в решение памятникоохранных проблем, посредством активации сбережения и вместе с тем разрушения раритетов. Личная инициатива квалифицированных специалистов, сотрудников музеев и краеведов на начальном этапе сохранения культурных ценностей в определенной степени сводилась к научным формам удовлетворения заинтересованности в сбережении каждого памятника искусства и старины. Взаимоотношения краеведов, представителей церкви, жителей городов и власти в 1920—1930-х гг. стали свидетельством их взаимообусловленности и стремления одних (исследователей) постоянно напоминать о возникновении проблем, а других (государственных и местных органов власти) их решать ради усиления своего влияния, постепенно увеличивая идеологический прессинг. Вследствие названных парадоксов в 20—30-х гг. XX в. провинция становилась памятникоохранным центром, в котором интенсифицировались механизмы своего рода музеефикации культурных ценностей в противовес свертыванию мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

Научная новизна диссертационного исследования выражена в том, что:

1. Впервые было определено, что памятники искусства и старины в 1920—1930-х гг. не только подвергались уничтожению, но воспринимались государственными органами власти как особый, исключительно

ценный вид имущества, обладавший набором специфических признаков, свойств и подлежавший сбережению в интересах складывавшегося нового социума.

2. Впервые доказывается, что губернии ЦПО в 1920-х гг. оказались не только пространством, обремененным памятниками искусства и старины, но культурными центрами, в которых древнерусские ценности были вписаны в послереволюционную действительность, став ее неотъемлемыми ментальными и материальными элементами.

3. Впервые утверждается, что государственная политика в деле сохранения памятников искусства и старины, хотя и была подготовлена ведущими специалистами страны, однако не была однозначно предопределена. Реализация охранительно-фиксирующих мероприятий стала возможной благодаря совокупности экономических, политических и идеологических предпосылок, находившихся в сложном взаимодействии друг с другом. Автором собраны доказательства того, что организационные мероприятия по сохранению памятников искусства и старины 1920-х гг. содержали элементы дореволюционной памятникоохранной политики губерний ЦПО в ее попытке сформировать новую систему на основе комбинации комплексного, ансамблевого определения понятия «памятник». В то же время преобладали не такие факторы, как «святость», «намоленность», связь с подлинными или легендарными лицами и событиями, а, в первую очередь, стоимость и функциональность.

4. Впервые отмечается, что у местных органов власти отсутствовал опыт управления сформировавшейся системой по сохранению памятников искусства и старины. Автором приведены доказательства того, что важнейшие причины свертывания памятникоохранного дела в 1930-х гг. заключались, во-первых, в непоследовательности, определяемой идеологическими и экономическими факторами, придающими памятникоохранному делу второстепенную роль; во-вторых, в том, что значительная часть со-

храненных губернских памятников в 1920-х гг., — в 1930-х гг. была распродана, разворована или уничтожена; в-третьих, физическое уничтожение краеведов и краеведческих обществ явилось пусковым механизмом исчезновения квалифицированного наблюдения за памятниками искусства и старины как необходимого условия их сохранения.

5. Впервые автором вовлечен в научный оборот значительный объем неиспользованных ранее источников из государственных и региональных архивов.

6. Впервые с историко-культурной точки зрения были проанализированы памятникоохранные мероприятия, проводившиеся на территории губерний ЦПО в 1920—1930-х гг., свидетельствовавшие о преобразовательной активности предшественников. Часть такого рода памятников искусства и старины сохранила свою актуальность для последующих поколений, другая подверглась трансформации под воздействием текущих требований.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке и обосновании теоретико-методологической основы изучения сохранения памятников искусства и старины как историко-культурологического концепта, многоаспектно и системно раскрывающего особый феномен развития Центрально-промышленной области 1920—1930-х гг. Выработанный в диссертационном исследовании новый культуросообразный теоретический подход к изучению сложнейшей в социально-экономическом и идеологическом плане проблемы эпохи показал, что процесс развития и сохранения памятников был двуединым: музеефикация культурных ценностей проходила одновременно со свертыванием мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

Актуальные события исторического прошлого были проанализированы в контексте научной идеи интегративного осмысления сохранения памятников искусства и старины, ранее являвшейся в отечественной науке

темой рассредоточенного, узкоспециального анализа, рассмотрение производилось исключительно с позиций сохранения или с позиций разрушения памятников искусства и старины.

Систематизация полученных сведений обеспечила изучение предмета исследования на институциональном, региональном и субъектном уровнях. Междисциплинарный характер исследуемой дефиниции «памятник искусства и старины» 20—30-х гг. XX в. позволил применить как общенаучные, так и историко-культурологические методы исследования как специальные. Общие принципы, характерные для всей Советской России экстраполировались на культурные практики всего региона Центрально-промышленной области, который был чрезвычайно показателен с точки зрения многочисленных и многообразных сохраненных и уничтоженных памятников.

Диссертационный труд может послужить научно-методологической базой для работ в области культурологии, истории, музееведения, краеведения, правоведения. Практическая значимость диссертационной работы связана с тем, что полученные историко-культурные сведения могут использоваться при разработке программ культурноохранных мероприятий на региональном уровне, учитывая опыт общероссийских традиций. Материалы диссертации могут также применяться при организации работы по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию, а также туристической деятельности.

Личный вклад диссертанта.

На базе различных источников, впервые введенных в научный оборот, осуществлено исследование особенностей организационных мероприятий по сохранению памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

С помощью междисциплинарной методологии выявлены и исследованы направления деятельности государственных и местных органов вла-

сти, результаты которой оказывали влияние на процесс сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

Обоснован и реализован интегративный методологический подход к изучению памятникоохранных явлений и процессов 1920—1930-х гг. в контексте системного анализа.

Определены особенности классификации и категоризации памятников искусства и старины в нормативно-правовых документах на протяжении всего исследуемого периода.

Осуществлен анализ процесса адаптации памятников искусства и старины к существующим реалиям в условиях влияния идеологической составляющей.

С историко-культурной точки зрения оценен вклад краеведов в процессе контроля над памятниками искусства и старины в 1920—1930-х гг.

В процессе изучения проблематики взаимодействия государственных и местных органов власти в деле сбережения культурных ценностей 1920—1930-х гг. произведена систематизация, типологизация обширного эмпирического материала, впервые анализируемого в историко-культурном контексте. На основе созданной базы фактов и событий были выделены закономерности эволюции памятникоохранной деятельности с целью выявления специфики сохранения, а также разрушения памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в 1920—1930-х гг.

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечивается фундаментальной постановкой проблемы, комплексным характером ее решения; сформированными теоретико-методологическими установками, разработанной методологией, позволяющей выполнить поставленные в работе задачи; всесторонним изучением специфики памятникоохранной деятельности государственных и местных органов власти, эволюции их деятельности в послереволюционные десятилетия, проведенной апробацией результатов работы.

На защиту выносятся следующие основные положения, в которых нашла отражение научная новизна диссертационного исследования.

1. Памятники искусства и старины губерний Центрально-промышленной области (большая часть которых являлась образцом церковного искусства) рассматривались государством, учеными и обществом как эффективное средство воздействия на мировоззрение граждан, считая их феноменом «социальной памяти». В сложных условиях трансформации государственной памятникоохранной деятельности удалось добиться трансляции культурной памяти как необходимого условия сохранения культурных ценностей в губерниях ЦПО.

2. Памятникоохранная политика в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. явилась особым феноменом в сохранении русской культуры. Она была сформирована на основе нормативно-правовых актов, принятых руководством страны, но, в то же время, адаптировалась под региональные традиции сбережения сокровищ искусства и старины. При этом пересмотру в губерниях ЦПО подвергался весь спектр мероприятий по сохранению древностей: методы, способствовавшие выявлению движимых и недвижимых губернских памятников, их научная регистрация и классификация, корректировка местных сводов памятников.

3. Особую роль в памятникоохранной деятельности сыграли губернии ЦПО, став памятникоохранными центрами, интенсифицировав механизмы музеефикации культурных ценностей в противовес свертыванию мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

4. Для культурологического дискурса современной отечественной гуманитарной науки актуальной и нерешенной в полной мере задачей остается раскрытие сущностных принципов организации сохранения памятников искусства и старины в целом и, в частности, в ЦПО в первое послереволюционное десятилетие. Главным основанием названного про-

цесса являлось утилитарное отношение к культурным ценностям. Признаваемые полезными для практической жизни в 1920-х гг. губернские памятники искусства и старины сберегались. Невозможность использования культурных ценностей в качестве орудия классовой борьбы, целью которой являлось воспитание нового человека, приводила к тому, что часть социально-значимого культурного наследия дореволюционной России была вычеркнута из жизни ярославского, владимирского, костромского, тверского, ивановского обществ в конце 1920—1930-х гг.

5. Сохранение памятников искусства и старины в губерниях ЦПО в изученный период развивалось недостаточно последовательно, несмотря на жесткие правовые установки, систему государственного контроля, циркуляров и инструкций, возможности реализации региональной политики, определения форм описи значимых в культурном отношении предметов, создания образцов охранительной документации, поддержки местных краеведческих обществ.

6. В условиях изменения общественных приоритетов отбора и использования культурных ценностей трансформировались структура и задачи органов, занимавшихся сбережением губернских древностей. Деятельность местных органов власти была переориентирована на приспособление памятников искусства и старины к практической работе в новой идеологической обстановке. Губернская система памятникоохранительной деятельности в период своего становления не только не прервала дореволюционную российскую традицию охраны памятников истории и культуры, т.е. систему общегосударственных и местных мероприятий, ставящих целью сохранение и защиту культурных ценностей, но и первоначально воплотила в себе многие лучшие черты универсальной доминанты традиционной культуры, выработанные в предшествующий период, прежде всего, научно-историческими обществами и краеведческими организациями ЦПО второй половины XIX—начала XX вв.

7. Помимо государственных органов, с их не всегда последовательной и продуманной политикой в сфере сохранения историко-культурного наследия, проблемы в памятникоохранной деятельности создавало так называемое общественное мнение. Союз воинствующих безбожников, действовавший и на территории губерний Центрально-промышленной области, был массовой и в отдельные периоды своей истории чрезвычайно активной общественной организацией, осуществлявшей деятельность по нескольким направлениям. В давлении на религиозные организации и разрушении памятников искусства и старины Союз воинствующих безбожников играл немалую, отчасти первостепенную роль.

8. В деятельности памятникоохранных органов разных губерний ЦПО было немало сходных приемов сохранения памятников искусства и старины, поэтому следует говорить о наличии определенного культурного кода губернских традиций сохранения ценностей, которые трансформировались под воздействием изменения исторических реалий. Несмотря на то, что в послереволюционное время часть культурных ценностей погибла или была распродана, огромное количество выявленных и взятых на учет культурных ценностей было сохранено в фондах музеев.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены на заседаниях кафедры отечественной средневековой и новой истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», кафедры гуманитарных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ярославский государственный технический университет»; международных, всероссийских и региональных конференциях: «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ». Ярославль, 2008, 2009; «Актуальные проблемы научного знания в XXI веке».

Рубцовск, 2008; «Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития». Москва, 2008, 2009, 2011; «Российская семья: историко-психологический портрет». Санкт-Петербург, 2008; «Человек в пространстве культуры». Ярославль, 2009, 2010, 2011; «XX век в истории России: актуальные проблемы». Пенза, 2009; «Наука и современность – 2010». Новосибирск, 2010; «Научное творчество XXI века». Красноярск, 2010; «Образы города в горизонте российской динамики», Ярославль, 2010; «Церковь в истории и культуре России». Киров, 2010; «Путь святости Земли Ярославской». Ярославль, 2011; «Роль религии в современном обществе: опыт, проблемы, перспективы». Павловск (Республика Казахстан), 2011; «Актуальные проблемы науки». Тамбов, 2011, 2014; «Кострома и судьбы российской государственности». Кострома, 2012; «Развитие российской государственности и Ярославский край». Ярославль, 2013; «Роль Русской Православной Церкви в становлении и развитии российской государственности». Ярославль, 2014; «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность». Кингисепп, 2014, 2015; «Государство, общество, церковь в истории России XX века». Иваново, 2010–2015 и др. Основное содержание диссертации нашло свое отражение в 66 научных публикациях, в том числе в 19 статьях в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в 2 монографиях.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 24.00.01 — теория и история культуры, а именно п. 1.1.7. Культура и религия; п. 1.1.8. Генезис культуры и эволюция культурных форм; п. 1.1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; п. 1.1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества.

Структура диссертационной работы построена с учетом традиционного разделения научной работы на введение, основное содержание, заключение, список использованных источников и литературы. Построение труда соответствует логике исследования и подчинено решению задач, необходимых для достижения цели диссертации. Основное содержание диссертации состоит из четырех глав, первая из которых посвящена историографии, источникам и методологии исследования, а следующие за ней главы раскрывают суть деятельности государственных и местных органов власти по сохранению памятников искусства и старины в исследуемый период. Логика данного диссертационного исследования открыта для суждений различных специалистов региональных исследований, что позволяет привести в содержании диссертационной работы новые обстоятельства и аргументированные умозаключения.

Осмысление оснований сбережения памятников искусства и старины позволило оформить и обосновать *концепцию сохранения и использования историко-культурного наследия*, выражающуюся в определенном влиянии деятельности государственных и местных органов власти на процесс сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. Трансформация затронула изменение сознания носителей традиционной для культуры губерний ЦПО. События истории исследуемого периода свидетельствуют о том, что диалог местных исследователей с властью в указанные годы был возможен и необходим с единственной целью — сохранить любой ценой памятники прошлого для будущих поколений. Тем самым, послереволюционный период рассматривается в качестве своеобразного, достаточно автономного в своем развитии этапа развития. Вместе с тем внедрявшиеся в умы людей новые приоритеты и ориентиры памятникоохранной политики поощряли пренебрежение к символам прежней культуры. В то же время сохранение части памятников искусства и старины

позволяло при необходимости демонстрировать цивилизованному миру наличие деятельности в памятникоохранной области. Одновременно у населения всеми способами вытравливалось пиететное отношение ко многим традиционным смысловым составляющим понятия «памятник искусства и старины». Это было необходимо власти для беспрепятственного осуществления грандиозных планов социальных преобразований под лозунгами строительства социализма.

В 1920—1930-х гг. сохранение памятников искусства и старины прошло сложный и противоречивый путь, отмеченный как достижениями, так и большими ошибками, имевшими существенные последствия для губернской культуры ЦПО. Сам факт создания законодательной основы в памятникоохранном деле являлся большим достижением страны на пути к цивилизованному отношению к памятникам искусства и старины. Однако эпоха господства политизированного мировоззрения в области культуры не могла не повлиять на содержание происходивших событий на местах. Памятники искусства и старины губерний ЦПО явились эффективным средством воздействия на мировоззрение, как отдельного человека, так и больших социальных групп, одним из факторов формирования общественного сознания.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография по теме исследования

Сохранение памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. являлось весьма сложным процессом, сочетавшим в себе различные аспекты общественной жизни. Исследование такого многогранного явления, уяснение основной идеи функционирования механизма государственного и местного сбережения культурных ценностей в первые послереволюционные десятилетия осуществляется в русле нескольких научных направлений, причем в составе каждого из них имеют место различные подходы к разработке данной проблемы.

В основе отечественной теории и практики организации деятельности по сохранению памятников искусства и старины лежит ряд оригинальных концепций, в разработке которых значительную роль сыграли достижения отдельных профильных дисциплин, изучающих материальные объекты прошлого, проводя междисциплинарные исследования в русле изучения историко-культурных аспектов сохранения памяти и сбережения ценностей. В начале XXI в. они предопределили формирование комплексного подхода, позволившего по-новому увидеть роль памятникоохранных традиций в контексте их регулирования обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность самого исторического развития, передачу культурных достижений от поколения к поколению.

Рассуждая о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном воздействии процессов социальных трансформаций на коллективные представления об истории, зарубежные иссле-

дователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М.Хальбвакс и П. Штомпка в своих теориях делают акцент на содержании, закономерностях, формировании и развитии коллективных воспоминаний.

Философ культуры Э. Ренан подчеркивал, что для существования нации необходимы как общие воспоминания, так и коллективное забвение определенных моментов прошлого[1]. Социолог Э. Дюркгейм определял, что для поддержания стабильности общества и для того, чтобы его члены ощущали историческую преемственность существования своей группы, они должны иметь определенную степень интеллектуального и мемориального конформизма своих членов[2]. Считая, что герой является олицетворением социальной общности и воплощением ее важнейших ценностей, историк С. Чарновский приходит к выводу, что при помощи данного культа группа утверждает свое существование и специфичность[3]. Философ М. Хальбвакс отмечал в своих работах отсутствие статичности сохранения и постоянной трансформации образов прошлого группы[4].

Вместе с тем Дж. Г. Мид рассматривал память как феномен индивидуального сознания, коренящийся в «глубинах духа» и представляющий собой статичное хранилище «следов» и «отпечатков» к пониманию того, что содержание памяти и ее внутренняя организация определяется извне, при помощи инструментов, предоставляемых культурой, господствующих норм, социально-политического контекста и т. п.

В настоящей работе с культурологических позиций применяются теоретические смыслы сохранения памятников культуры и истории, основываясь на положениях отечественных теоретиков В.И. Вернадского о

---

[1] Цит. по: Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. М., 2001. С. 216.
[2] Цит. по: Васильев, А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Васильев // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. М., 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 58.
[3] Там же. С. 59.
[4] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М., 2007.

ноосфере[1], Л.Н. Гумилева об этносфере[2], Д.С. Лихачева о роли культурной и экологической среды как целостной системы для формирования высокоморального общества[3] и Н.Н. Моисеева о коэволюционном взаимоотношении общества и природы[4].

Современные исследователи Ю.М. Лотман, А.Г. Васильев, Е.В. Грязнова, К.Е. Рыбак, И.В. Кондаков, О.Н. Астафьева акцентируют внимание на феномене «социальной памяти», т.е. сохранения актуальной социальной информации и передачи её от поколения к поколению.

«Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени… С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло»[5], — отмечал в своих исследованиях Ю.М. Лотман. Культурная память есть способ конструирования реальности, инструмент социализации и идентификации различных социальных субъектов[6]. Вместе с тем политика государства, по мнению И.В. Кондакова, О.Н. Астафьевой, не должна снижать интерес общества к своей истории, культурному наследию, содействуя толерантности культурному разнообразию и творчеству человека[7]. К.Е. Рыбак, А.Г. Васильев настаивают на том, что представления о прошлом постоянно трансформируются, что они являются не застывшей суммой исторических истин, а скорее, функцией от непрерывных социальных изменений[8].

---

[1] Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский / Отв. ред. А. Л. Яншин. М., 1991; Он же. Биосфера и ноосфера. М., 2012.

[2] Гумилев, Н. Л. Этносфера: история людей и история природы / Н. Л. Гумилев. М., 2002.

[3] Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. СПб, 2000.

[4] Моисеев, Н. Н. Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. 1997. № 2-3. С. 7; Он же. О мировоззрении и миропонимании // Экология и жизнь. 1999. № 4. С. 8; Он же. Думая о будущем // Экология и жизнь. 2002. № 1. С. 5; Он же. Сохранить человечество на земле // Экология и жизнь. 2000. № 1. С. 12.

[5] Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 201-203.

[6] Грязнова, Е. В. Социальная память как элемент культуры / Е. В. Грязнова// Человек и культура. 2015. № 1. С. 92-106.

[7] Кондаков, И. В. Культурология: История культуры России / И. В. Кондаков. М., 2003; Астафьева, О. Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике / О. Н. Астафьева// Синергетика: будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2008.

[8] Рыбак, К. Е. Современные проблемы регулирования музейной деятельности / К. Е. Рыбак // Культура: управление, экономика, право. 2005. № 4. С. 37-39; Васильев, А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций / А. Г. Васильев // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72-91.

Учитывая данные аспекты, сохранение памятников искусства и старины как системный объект рассматривались в диссертации, во-первых, через структуру вышеуказанного объекта — государственную и местную подсистемы (каким образом упорядочены эти составляющие систему элементы, какую иерархию они образуют); во-вторых, через функцию составляющих систему частей (какую роль играет тот или иной элемент, в какой мере он ответственен за сохранение стабильности системы выявления, изучения, сохранения и использования объектов советских культурных ценностей, а также через их изменения); в-третьих, через характеристику системы сбережения памятников как постоянно усложняющейся информационной системы, в которой сохранение памятников искусства и старины выступает, прежде всего, как выбор на том или ином историческом отрезке времени социально-значимой для общества информации о своем прошлом.

Современный этап в изучении проблем сохранения памятников в губерниях Центрально-промышленной области связан с необходимостью теоретического осмысления наиболее употребляемых в исторической науке приемов исследования, а также качественным переосмыслением по сравнению с советским периодом целого ряда ее центральных теоретико-методологических установок.

Любая концепция заключает в себе «определенный способ понимания и трактовки каких-либо явлений, основную точку зрения, руководящую идею для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности»[1]. Для создания концепции, соответствующей современным требованиям теории и практики культуры, необходимо представить систему научных взглядов на организацию сохранения памятников искусства и старины 1920—1930-х гг., проанализировав при этом состояние научной разработанности исследуемого вопроса. В данном

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 278.

случае научная платформа формируется на основе анализа исторических, культурологических и юридических исследований в означенной сфере в хронологической последовательности.

Различные аспекты деятельности местных органов власти в целях сохранения памятников культурных ценностей губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. постоянно привлекают внимание исследователей. Вместе с тем остается неосвоенным огромный массив фактического материала, а теоретические разработки носят фрагментарный характер относительно вопросов, поднятых в диссертации.

В развитии научных знаний по вопросам сохранения памятников в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. следует выделить два основных этапа: 1) советский период (1917 — 1991 гг.); 2) современный период (90-е гг. XX в. — до настоящего времени), каждому из которых был присущ ряд специфических черт. Если в советской историографии положение и судьба губернских памятников в научной исторической литературе рассматривались мало, то в условиях постсоветского этапа указанная проблема становится объектом активных научных исследований. Данные изменения в общенаучной среде способствовали расширению источниковой базы, переосмыслению многих устоявшихся оценок и исторических концепций, повышению объективности исследований.

Советская историография. Судьба многих памятников истории и культуры после Октября 1917 года складывалась очень непросто и подчас трагично. Революционные лозунги разрушения старого мира, нередко понимавшиеся в буквальном смысле слова, приводили к разрушению и утрате многих памятников культуры. Все это было и остается фактом нашей истории. Но вместе с тем советское государство сумело в короткий срок сформировать систему государственных органов сохранения памятников,

обеспечило законодательную основу их деятельности, и стихийно начавшийся процесс разрушения культурных ценностей был остановлен.

Вскоре началась масштабная работа по выявлению, взятию на учет и передаче государству многих памятников искусства и старины. На этой основе стали возникать многочисленные музеи, как в крупных городах, так и в провинции. Тогда же впервые в истории России были сформулированы основы государственной политики в области сохранения памятников и музейного строительства. В ее разработке и практическом осуществлении важнейшую роль сыграли представители старой дореволюционной интеллигенции, усилиями которых был сохранен огромный пласт отечественной культуры.

Проблема сохранения культурных ценностей в первые годы революции не осталась без внимания исследователей. Первые публикации по исследуемому вопросу появились уже в первые годы складывания государственной системы органов сохранения памятников. В работах И.Э. Грабаря, Н.И. Романова, Ф.И. Шмита и других специалистов разного профиля— участников этого процесса, были поставлены вопросы о неудовлетворительном состоянии дела с охраной памятников, о действиях власти по выходу из этого положения, об основных направлениях государственной музейной политики в стране, о необходимости создания музеев, как наилучшего средства для сохранения культурных ценностей[1].

В статьях И.Э. Грабаря рассматривались практические аспекты сохранения древнерусской архитектуры в губерниях Центрально-промышленной области. Руководитель Всероссийской реставрационной комиссии, выступая на страницах печати, изложил восьмилетнюю историю осуществления реставрационных работ. Основной задачей в деле сохране-

[1] Романов, Н. И. Местные музеи и как их устраивать / Н. И. Романов. М., 1919; Шмит, Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи / Ф. И. Шмит. Харьков, 1919; Миронов, А. Охрана памятников искусства и старины / А. Миронов // Казанский музейный вестник. 1920. № 1-2; Феноменов, М. Я. Музей местного края / М. Я. Феноменов. М., 1919; Машковцев, Н. Г. Принципы музейного строительства / Н. Г. Машковцев // Художественная жизнь. 1920. № 4-5; Дауге, А. Охрана памятников искусства и старины в провинции / А. Дауге // Художественная жизнь. 1920. № 2.

ния монументальных памятников он определял приоритет их выявления и реставрации на основе складывавшихся советских и уже известных зарубежных методов[1]. Сведения о практической деятельности ярославских и владимирских реставраторов в послереволюционные годы работы, трудности, с которыми столкнулись инициаторы восстановительных работ, были раскрыты в трудах А.И. Анисимова[2]. Историко-философской работой явился труд П.Н. Флоренского, в котором отмечались особенности сохранения религиозных памятников в качестве объектов просветительской деятельности[3].

Практически все авторы поддерживали тезис И.Э. Грабаря о том, что «нужно покрыть Россию густою сетью музеев, этих хранителей живого творчества и рассадников культуры»[4]. В ряде работ были высказаны конкретные рекомендации по выявлению и вывозу культурных ценностей, по методике формирования музейных коллекций. Специалисты считали также своим долгом высказать суждения по проблемам общегосударственной музейной политики и законодательства. Как писал Ф.И. Шмит, «эти вопросы... новые, еще в печати сколько-нибудь подробно не обсуждавшиеся». Но «именно от настоящего момента зависит придать всему дальнейшему развитию правильное... или неправильное направление»[5].

В начале 1920-х гг. вопросы музейного строительства и сохранения культурного наследия широко освещались на страницах журналов «Крае-

---

[1] Грабарь, И. Э. На страже памятников искусства / И. Э. Грабарь // Красная новь. 1923. № 40; Он же. О музейных делах // Художественная жизнь. 1920. № 2; Он же. Восемь лет реставрационной работы // Вопросы реставрации. Сборник ЦГРМ. М., 1926. Вып. 1. С. 10; Он же. Реставрация у нас и на Западе // Наука и искусство. 1926. № 1. С. 91; Он же. Моя жизнь. Автомонография. Музейная деятельность. 1913—1930 гг. М., 1937.

[2] Анисимов, А. И. Реставрация памятников древнерусской живописи в Ярославле. 1919—1926 гг. / А. И. Анисимов. М., 1926: Он же. О древнерусской живописи. М., 1983.

[3] Флоренский, П. Н. Храмовое искусство как синтез искусств / П. Н. Флоренский // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 6.

[4] Грабарь, И. Э. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины / И. Э. Грабарь. М., 1919. С. 5.

[5] Шмит, Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи / Ф. И. Шмит. Харьков, 1919. С. 100-101.

ведение» (Москва, 1923—1929 гг.), «Известия ЦБК» (Москва, 1925—1929 гг.), Еженедельник» (позднее «Бюллетень Наркомпроса», Москва 1921—1934 гг.) и «Бюллетень Главнауки» (Москва, 1922—1928 гг.) и других центральных и региональных изданий. Авторы этих публикаций были, как правило, активными участниками памятникоохранного процесса, много лет занимавшимися данными проблемами. Они критично анализировали процесс формирования государственной музейной сети, оценивали основные тенденции сохранения культурных ценностей в послереволюционные годы, могли сравнивать современное положение дел с дореволюционным. В отсутствии жесткой цензуры 1920-х гг., в рамках «культурного нэпа» эксперты могли свободно высказываться по всем злободневным проблемам сохранения памятников искусства и старины, поэтому в их работах отражены новые тенденции в русле сбережения ценностей.

В советской историографии позже утвердилось мнение о том, что проблема сохранения памятников искусства и старины фактически не затрагивалась в работах 1920—1930-х гг. Инициатива в разработке истории сбережения культурных ценностей после Октябрьской революции, возможно, принадлежала Ю.А. Осносу, статья которого вышла лишь в 1940 году[1]. В российской историографии эта позиция также не вызывала возражений. Например, Ю.Г. Галай по традиции утверждал, что до середины 1950-х гг. обращение исследователей к вопросам охраны культурного наследия носило эпизодический характер[2].

С такой точкой зрения нельзя согласиться. Уже в 1920-е гг. появлялись работы, которые непосредственно касались вопросов сохранения памятников прошлого и музейного строительства в послереволюционный период. Среди них обстоятельностью и

[1] Оснос, Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры / Ю. Оснос // Искусство. 1940. № 6.
[2] Галай, Ю. Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Фелдерации. 1917—1929 гг. Историко-правовой аспект / Ю. Г. Галай. Нижний Новгород, 1997. С. 8.

аналитическим подходом выделяется работа известного специалиста, сотрудника Музейного отдела Наркомпроса А.М. Эфроса, в которой он анализировал процесс сохранения историко-культурного наследия в стране до середины 1920-х гг.[1]. Автор отмечал, что начинать процесс охраны после революции приходилось буквально с нуля, так как ни одного закона, ни одного мероприятия у старой власти в этой области не было. Преемственность в этом смысле отсутствовала. Музейный отдел с самого начала поставил перед собой триединую задачу — выявление, учет и сохранение памятников прошлого.

А.М. Эфрос объяснял, по какой причине в одном случае требовалась национализация культурного наследия, а в другом только учет. Он показал специфику работы по сохранению разного вида памятников — усадеб, храмов, археологических памятников, художественных собраний, а также особенности проведения этой работы в разных регионах страны. В работе было проанализировано изменение политики Музейного отдела на протяжении семи лет революции, как от политики учета «всей суммы художественных ценностей» произошел переход к политике сохранения ценностей «исключительного музейного значения». Были также проанализированы первые мероприятия, как по ремонту, так и по научной реставрации памятников. Значительное внимание автор уделил становлению планового музейного строительства, как одного из основных направлений сохранения памятников старины и искусства.

К подобным исследованиям можно отнести работу П.Е. Корнилова, в которой давался краткий экскурс в историю проблемы. Автор отмечал, что появление первых декретов и организация губернских подотделов внесли определенную плановость в дело сохранения памятников. Анализируя десятилетний период работы по сбережению культурных ценностей,

[1] Эфрос, А. М. Музейное дело в Советской республике / А. М. Эфрос // Советская культура. Итоги и перспективы. М., 1924; Современное издание этой работы см.: Музейное дело. Музееведение России в первой трети XX в. Сборник научных трудов. М., 1997. Вып. 24. С. 161-185.

исследователь выделил в нем два этапа: этап создания «музейноохранной» традиции (до 1923 года), и последующий этап, когда успешное сохранение памятников зависело в значительной мере от эксплуатации спецфондов, то есть от самих практических работников[1]. Подобные статьи, основанные как на общероссийском, так и на региональном материале, нередко появлялись и в других изданиях[2].

В трудах исследователей рассматривались проблемы становления и развития краеведческих музеев, их структура, принципы и методы организации экспозиционной деятельности. В работах П.Е. Васильковского был сделан акцент на необходимости сохранять богатства страны, разрушавшихся в ходе усиления темпов хозяйственного строительства[3]. Решение данного вопроса предлагалось расширить путем активизации работы общественных движений в деле охраны природы и памятников культуры[4]. В то же время автор отмечал, что в провинции недостаточно сил, чтобы создавать новые краеведческие организации, число членов в них ничтожно.

На результатах исследований 1920-х гг. отразились события развернувшегося противостояния сил внутри страны, которые имели своей целью утверждение нового политического режима в стране[5]. Главный

---

[1] Корнилов, П. Е. Охрана памятников ТССР (1917–1927) / П. Е. Корнилов // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8. С. 163-173.

[2] Греч, А. И. Изучение русской усадьбы / А. И. Греч // Казанский музейный вестник. 1924. № 1; Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции / А. И. Иванов // Труды II конференции по изучению производительнх сил Владимирской губернии. Владимир, 1926; Малицкий, Г. Л. Обзор деятельности комиссии по музееведению / Г. Л. Малицкий // Государственная академия истории материальной культуры. Московская секция. М., 1928. № 1; Гейнике, Н. А. Роль краеведных организаций в деле охраны памятников искусства и старины / Н. А. Гейнике // Известия ЦБК. 1928. № 9.

[3] Васильковский, П. Е. Роль краеведов в охране природы и памятников культуры / П. Е. Васильсковский// Краеведение. 1929. № 6; Он же. Краеведческая работа организаций в РСФСР к 1930 г. // Краеведная работа в РСФСР. М., 1930.

[4] Шнеерсон, Н. А. Из опыта построения художественно-исторического краевого музея / Н. А. Шнеерсон// Московский краевед. 1928. Вып. 7-8; Радченко, Е. С. Краеведение и политпросветработа / Е. С. Радченко. М., 1929. Краеведная работа в СССР. Краткие обзоры по областям. М., 1930; Объедков, А. И. Охрана памятников революционного движения, труда и искусства / А. И. Объедков. М., 1930.

[5] Залевский, А. Искусство и пролетариат / А. Залевский. М., 1918; Керженцев, П. М. Культура и Советская власть / П. М. Керженцев. Пг., 1918; Он же. К новой культуре / П. М. Керженцев. Пг., 1921; Лукин, М. Н. Революция и церковь / М. Н. Лукин. М., 1923; Ярославский, Е. М. 10 лет на антирелигиозном фронте / Е. М. Ярославский. М., 1927 и др.

акцент в историографии только начал смещаться в сторону нигилистического отношения к прошлому в соответствии с задачами политической жизни страны, стремясь разорвать историческую преемственность с наследием царской России[1].

В 1930-е гг. интерес к названной проблематике резко снизился, что было вызвано изменением государственной политики в области сохранения культурного наследия. Вместе с тем некоторые работы, содержавшие ссылки на опыт предыдущих лет, все же появлялись. Они носили констатирующий характер, политика в сфере сохранения памятников искусства и старины оценивалась исключительно позитивно. В статье Н.Р. Левинсона были проанализированы основные декреты и постановления, касавшиеся сохранения памятников, показан процесс обследования сотен дворянских усадеб, деятельность комплексных экспедиций по выявлению и взятию на учет памятников искусства и старины в различных регионах страны. Положительно оценивалась роль специалистов в ходе кампании по изъятию церковного имущества.

Автор весьма подробно показал процесс составления списка архитектурных памятников, констатировал его сокращение к началу 1930-х гг. с десяти тысяч до трех тысяч, а затем до 1200 объектов. Ликвидация Главмузея характеризовалась им как позитивная мера, потому что «задачи охраны памятников переросли возможности одного ведомства[2]. Подобная позиция только положительной оценки деятельности государства в области сбережения памятников и констатация того, что эта проблема остается актуальной, была характерна для ряда статей этого периода[3].

---

[1] Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925; Как изучать свой край. Сб. статей. Л., 1926.
[2] Левинсон, Н. Р. Охрана внемузейных памятников / Н. Р. Левинсон // Советский музей. 1932. № 6. С. 66.
[3] Ольденбург, С. Ф. Индустриализация страны и охрана памятников / С. Ф. Ольденбург // Сообщения ГАИМК 1931. № 4-5; Миллер, А. А. К вопросу об охране памятников старины / А. А. Миллер // Сообщения ГАИМК. 1931. № 4-5.

Среди публикаций 1930-х гг. интересны два тома материалов первого советского съезда музейных работников[1]. На съезде предлагалось использовать фонды всех музеев для создания единого музея диалектического материализма, превратить музеи в культпросветкомбинаты и вообще заменить понятие «музей» другими терминами. Во многих выступлениях говорилось об атеистической работе в музеях («каждый краеведческий музей должен быть антирелигиозным музеем») и создании антирелигиозных музеев (к тому времени в стране их было более 35). На протяжении 1931 г. в журнале «Советский музей» (Москва, 1931—1940 гг.), издававшемся большим тиражом, публиковались материалы, разъясняющие и развивающие «генеральную линию», намеченную на съезде.

В начале 30-х гг. XX в. сохранение памятников искусства и старины, в том числе музеефицированных культовых зданий в печати и литературе по музейному делу обсуждалось мало; в основном это были заметки о закрытии и о сносе зданий. В открытой печати некоторые сведения встречаются в выпусках журнала «Советское краеведение» (Москва, 1930—1936 гг.)[2].

Проблема сохранения исторических памятников в условиях перестройки музеев всех профилей в соответствии с требованиями отражения в экспозициях исторического материала с классовых позиций и основных положений диалектического материализма и атеизма была освещена в работах идеологов и специалистов музейного дела тридцатых годов А.Б. Гиленсона, Н.А. Шнеерсона, Е. Клемма[3]. В основе дея-

---

[1] Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. l. Протоколы пленарных заседания 1—5 декабря 1930 г./ Под ред. И. К. Луппола. М., 1931; Т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г. / Под ред. И. К. Луппола. М.-Л., 1931.

[2] Клабуковский, И. Г. Задачи краеведения после IV Всероссийской конференции / И. Г. Клабуковский // Советское краеведение. 1930. № 5; Преображенский, Н. Ф. Роль и значение IV Всероссийской конференции по краеведению / Н. Ф. Преображенский // Советское краеведение. 1930. № 1-2; Всем республиканским, областным и окружным краеведческим организациям РСФСР о новых формах организации краеведческой работы // Советское краеведение. 1930. № 6; Карпыч, В. Ф. Ближайшие задачи краеведческой секции комакадемии / В. Ф. Карпыч // Советское краеведение. 1930. № 3-4.

[3] Гиленсон, А. Б. В помощь работнику музея / А. Б. Гиленсон. М., 1936; Шнеерсон, Н А. Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. 1931. № 4;

тельности музеев, по мнению исследователей А.А. Федорова-Давыдова, А.И. Объедкова, И.К. Луппола, В. Радус-Зеньковича должна была лежать массовая политико-просветительная работа[1]. Она приводила к игнорированию музейных предметов и превращению экспозиций в иллюстрации истории Советского государства в соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Работа с культурным наследием в качестве приоритетного направления в деятельности музеев А.С. Киселевым была подвергнута резкой критике[2], поскольку предполагалось уделять большее внимание памятникам революции, гражданской войны и труда.

Под жестким государственным контролем в стране находилось сохранение культурных ценностей XVIII—XIX вв. Система была сформирована путем создания единой централизованной концепции руководства научными, музейными, краеведческими и памятникоохранительными учреждениями. Было объявлено, что «область охраны памятников являлась и является в настоящее время широкой ареной классовой борьбы»[3].

Разгром научной и партийной оппозиции в 1930-х гг. привел к установлению жесткой единственной господствовавшей линии в идеологии и теории марксизма, санкционированной партийно-государственными органами. После уничтожения краеведческих школ, сложившихся в дореволюционный период времени, настал момент многочисленных публикаций о необходимости улучшать антирелигиозную

Он же. Музейный съезд и музеи Поволжья // Советский музей. 1931. № 4; Он же. Проблема сети и научно-исследовательской работы краеведческих музеев // Советский музей. 1934. № 1; Он же. К вопросу о целеустановке исторических музеев // Советский музей. 1935. № 6; Клемм, Е. Задачи художественных отделов местных и республиканских музеев / Е. Клемм // Советский музей. 1932. № 1.

[1] Федоров-Давыдов, А. А. Советский художественный музей / А. А. Федоров-Давыдов. М., 1933; Радус-Зенькович, В. О некоторых вопросах музейной работы / В. Радус-Зенькович // Советский музей. 1938. № 5; Луппол, И. Проблема культурного наследства / И. Луппол // Под знаменем марксизма. 1935. № 1; Он же. Диалектический материализм и музейное строительство // Труды I Всероссийского музейного съезда. М., 1931; Объедков, А. И. Охрана памятников революционного движения, труда и искусства / А. И. Объедков. М., 1930.

[2] Киселев, А. С. О музеях и музейной работе / А. С. Киселев // Музейное строительство в РСФСР. 1931—1934. М., 1934.

[3] Кожин, Н. Значение и задачи охраны памятников искусства, старины и ревдвижения / Н. Кожин // Советское краеведение. 1934. № 1. С. 5—6.

пропаганду в массах через музеи, о том, как подчинить этому экспозиции и экскурсионную деятельность. Авторы статей — работники нового поколения, пришедшие в музей «от станка», из партийных рядов, из педагогической сферы; в большинстве своем — люди, формировавшиеся уже при новой власти[1].

В конце 1930-х гг. демонстрация исключительно достижений в деле сохранения памятников искусства и старины стала преобладающей. Так, В.Н. Иванов в своей работе кратко остановился на основных декретах в области учета, охраны памятников и музейного строительства, сделал вывод о том, что «все эти годы советское правительство путем государственных актов регламентировало и улучшало дело охраны памятников». Эта планомерная работа «по учету, охране и реставрации памятников дала совершенно замечательные результаты»[2].

Истории охраны памятников после Октябрьской революции была посвящена статья Ю. Осноса. Со ссылкой на архивные материалы, прессу, выступления А.В. Луначарского и И.Э. Грабаря он утверждал, что «горячка распродаж художественных памятников» пришлась на время правления Временного правительства. Курс на сохранение культурного наследия был взят советской властью с первых дней революции. Большую роль в этом процессе сыграл Петроградский ВРК, Наркомпрос и Наркоматы земледелия и государственного контроля. Непосредственно делом охраны памятников в Петрограде ведала художественно-историческая комиссия, а в Москве — комиссия по охране памятников при Моссовете. В статье содержался анализ первых декретов в этой области[3]. В трактовке вопроса о создании и функционировании государственных органов охраны памятников автор исходил из тех свидетельств, которые

[1] Наши очередные задачи // Материалы Общества Изучения Тверского края. Вып. 7. 1930. С. 4; Олещук, Ф. Н. О задачах антирелигиозной пропаганды / Ф. Н. Олещук. М., 1937.
[2] Иванов, В. Н. Задача охраны памятников архитектуры / В. Н. Иванов // Русская архитектура. Доклады, прочитанные в связи с декадником по русской архитектуре в Москве в апреле 1939 г. М., 1940. С. 129-130.
[3] Оснос, Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры / Ю. Оснос // Искусство. 1940. № 6. С. 62-66.

содержались в воспоминаниях И.Э. Грабаря, изданных в 1937 году[1].

Согласно данным воспоминаниям, по инициативе В.И. Ленина в ноябре 1917 года А.В. Луначарский создал при Наркомпросе Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины, которую возглавил Г.С. Ятманов. Вскоре коллегия была преобразована в отдел. В конце 1917 года по поручению А.В. Луначарского И.Э. Грабарь создал подобную коллегию в Москве. После переезда Совнаркома в Москву 26 мая 1918 года коллегия была переименована в Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины[2]. Замалчивание сведений о действительном руководителе Отдела по делам музеев и охраны памятников — Н.И. Троцкой — подтверждало идеологическую составляющую исследований конца 1930-х гг.

В 1940—1950-е гг. на проблемы охраны памятников старины в послереволюционные годы было обращено несколько большее внимание исследователей. В работах И.С. Смирнова, В.К. Гарданова, О.В. Ионовой, И.А. Булыгина, С.М. Троицкого и других исследователей[3] были рассмотрены вопросы национализации и сохранения культурных ценностей в начальный период революции. Впервые было обращено внимание на деятельность комиссаров ВРК и Наркомата имуществ республики в области охраны памятников. Версия И.Э. Грабаря о создании центрального органа охраны памятников была подвергнута некоторому сомнению. Использование в основном документов центральных архивов не позволило показать процесс формирования органов охраны на местах. Правда, О.В. Ионова попыталась преодолеть этот недостаток. Она проанализировала

---

[1] Грабарь, И. Э. Моя жизнь: Автомонография / И. Э. Грабарь. М., 1937; Он же. Моя жизнь: Автомонография. Этюды о художниках. М., 2001.

[2] Грабарь, И. Э. Моя жизнь: Автомонография / И. Э. Грабарь. М., 1937. С. 262-265.

[3] Смирнов, И. С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти/ И. С. Смирнов. М., 1949; Он же. Из истории строительства социалистической культуры в первые годы Советской власти. М., 1952; Он же. В.И. Ленин и руководство делом народного образования (к истории реорганизации Наркомпроса в 1920—1921 гг.) // Советская педагогика. 1958. № 4; Гарданов, В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) / В. К. Гарданов // История музейного дела в СССР: Сб. науч. статей. М., 1957; Он же. Музейное строительство в РСФСР (1917—1920-е гг.) // Вопросы истории. 1955. № 4.

практическую деятельность восьми подотделов по делам музеев и охраны памятников и назвала их общее число — 64. Но в то же время неясным для исследователей остался вопрос о разграничении полномочий Наркомпроса и Наркомата имуществ республики и неверно были названы причины их объединения[1].

Возросший интерес к памятникам прошлого, расширение проблематики в 1960—1980-х гг. привели к дальнейшему изучению исторических проблем охраны культурного наследия[2]. Активно публикуются материалы по отдельным вопросам сохранения исторических памятников и их реставрации, по проблемам экспозиции в музеях, организованных на территории бывших храмов. Авторы работ — Н.Д. Виноградов и Ю.П. Малиновский, И.А. Булыгин, С.М. Троцкий[3] — профессионалы со стажем практической музейной работы на основе официальных документов, декретов Советской власти, дают оценку функционирования Комиссии по охране памятников искусства и старины и Наркомата имуществ Российской республики с 1917 по 1918 гг.

В 60-х гг. XX в. определенный вклад в разработку проблемы охраны историко-культурного наследия изучаемого нами периода внесли В.В. Горбунов и И.С. Смирнов, Ю.И. Овцин, Ф.В. Борисевич, Л.А.Стешенко[4]. Ими впервые были введены в научный оборот архивные

---

[1] Ионова, О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти / О. В. Ионова // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 11; Она же. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ музееведения. Вып. 5. М., 1961. С. 80-175; Она же. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928-1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 5. М., 1963.

[2] Лихачев, Д. С. Памятники культуры — всенародное достижение / Д. С. Лихачев // История СССР. 1961. № 3; Алтухов, А. Забота В.И. Ленина о памятниках культуры и искусства / А. Алтухов // Искусство. 1962. № 4; Крупнов, Е. И. Памятники культуры — всенародное достояние / Е. И. Крупнов // Советская археология. 1965. № 2; Брайчевский, М. Ю. Сохранить памятники истории / М. Ю. Брайчевский // История СССР. 1966. № 2.

[3] Виноградов, Н. Д. Охрана памятников культуры в первые годы советской власти / Н. Д. Виноградов, Ю. П. Малиновский // Архитектура СССР. 1958. № 11; Булыгин, И. А. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства / И. А. Булыгин, С. М. Троцкий // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 3(9).

[4] Смирнов, И. С. Ленин и советская культура, государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства. Окт. 1917 — лето 1918 г. / И. С. Смирнов. М., 1960; Овцин, Ю. И. Большевики и культура прошлого / Ю. И. Овцин. М., 1969; Борисевич, Ф. В. Развитие Советского законодатель-

материалы и документы, связанные с вопросами сохранения культурного наследия в различных регионах. Исследования были созданы в русле традиционном для того времени «партийного подхода» при рассмотрении проблемы сохранения памятников истории и культуры 20—40-х гг. XX в.

Появляется ряд исследований, в которых авторами делается попытка осмысления сущности отношения советской власти к историко-культурному наследию России в период индустриализации, коллективизации, культурной революции, анализа ошибок и перегибов в осуществлении политики по сохранению памятников в 20—30-х гг. XX столетия[1]. Их общим недостатком является обзорный характер проводимых мероприятий на местах.

Заложившие основу развития памятникоохранного процесса в общероссийском масштабе научные ежегодные сборники шестидесятых годов «Очерки истории музейного дела в СССР», «Очерки истории музейного дела в России», приводили положительные результаты исследований по истории сохранения культурного наследия в рамках музейного дела[2].

ства по охране памятников истории и культуры / Ф. В. Борисевич. Минск, 1976; Стешенко, Л. А. Правовая охрана памятников культуры в СССР / Л. А. Стешенко. М., 1974; Горбунов, В. В. Разработка В. И. Лениным проблемы культурного наследия / В. В. Горбунов. М., 1980; Кедринский, А. А. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Б. Н. Омстов, А. Г. Раскин. Л., 1983; Раскин, А. Г. Охрана и реставрация памятников архитектуры / А. Г. Раскин, Н. Н. Весонис. Л., 1981.

[1] Бабаева, Л. М. Из истории национализации частных художественных собраний в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) / Л. М. Бабаева // История СССР. 1977. № 2. С. 186—193; Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII—XX в. М., 1978; Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967) / Тр. НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры / Д. А. Равикович. М., 1970. Вып. 22. С. 3—52; Она же. Формирование государственной музейной сети (1917— I половина 60-х гг.). Научно-методические рекомендации НИИ культуры. М., 1988; Гулев, В. В. Политика Советского государства в области культуры (окт. 1917—1921 гг.) : автореф. дис. канд. ист. наук / В. В. Гулев. М., 1984; Омельченко, Н. А. Проблема культурного наследия в идейной жизни советского общества I пол. 1920-х гг.: автореф. дис. канд. ист. наук / Н. А. Омельченко. М., 1985; Кормильцева, О. М. Охрана художественно-исторических памятников пригородов Петрограда — Ленинграда в первое десятилетие советской власти : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. М. Кормильцева. Л., 1985.

[2] История музейного дела в СССР. Сб. науч. тр. М., 1957. Вып. 1; Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2; Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3; Вопросы истории музейного дела в СССР. Сб. науч. тр. М., 1962. Вып. 7.

В работах А.Л. Фраймана, М.Б. Кейрим-Маркус, Е.В. Кончина и других[1] были подняты вопросы создания и структуры органов охраны памятников, а также основные направления их деятельности. Приводились многочисленные примеры спасения объектов культурного наследия. Исследователи отказались от прежней схемы создания Музейного отдела, предложенной И.Э. Грабарем, но в то же время еще не сумели досконально разобраться в механизме его формирования. Подчас авторы работ просто повторяли выводы своих предшественников, не подвергая их сомнению. Практически неизвестным оставался процесс сохранения культурного наследия в провинции, то есть территории всей страны.

Вопросы формирования органов управления охраной памятников искусства и старины, музеями стали основными в исследованиях А.Б. Закс и Д.А. Равикович[2]. А.Б. Закс, наряду с изучением деятельности центральных музеев, затрагивала проблемы создания провинциальных краеведческих музеев, а также вопросы организации экспозиций в местных очагах культуры. Автор сделала важный вывод, что причиной стихийного пополнения фондов являлась невысокая музейно-теоретическая подготовка их сотрудников[3].

В работах Д.А. Равикович подробно рассматривается деятельность органов охраны памятников искусства, старины и музейного строительства в губерниях Советской России. Подробно было рассказано о работе научных экспедиций, особенно о реставрационных работах в Новгороде, Пскове, Владимире, Ярославле и в других городах. Исследователь прихо-

---

[1] Фрайман, А. Л. Форпост социалистической революции: Петроград в первые месяцы Советской власти / А. Л. Фрайман. Л., 1969; Кейрим-Маркус, М. Б. Государственное руководство культурой: Строительство Наркомпроса, ноябрь 1917—середина 1918 гг. / М. Б. Кейрим-Маркус. М., 1980.

[2] Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967 гг.) / Д. А. Равикович // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970. С. 3—127; Она же. Организация музейного дела в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925) // Очерки истории музейного дела. Вып. 6. М., 1963. С. 116—117; Она же. Формирование государственной музейной сети (1917—1960-х гг.). М., 1988 и др.

[3] Закс, А. Б. Музеи исторического профиля в 1917—1934 гг. / А. Б. Закс // История СССР. 1962. № 5; Она же. Историко-бытовой отдел Русского музея (1918—1943) // Очерки истории музейного дела. М., 1962; Она же. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917—1936) // Труды НИИ музееведения. Вып. 22. М., 1970; Она же. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. 1980. № 12; Она же. Музееведческий центр России (1930—1960-е годы) // Вопросы истории. 1994. № 10.

дит к выводу, что в начале 1920-х гг. можно было утверждать, что система государственных учреждений, определявшая функционирование сохранения памятников, сложилась. Впервые выделяются организационные центры системы — Отдел по делам музеев и охране памятников Главнауки Наркомпроса как административно-организационный центр и губмузеи на местах. Автором была убедительно показана многообразная практическая работа на местах по выявлению и постановке на учет памятников старины. Однако, некоторые положения декрета 1924 года и инструкции Наркомпроса, которая была выпущена в его развитие, автором трактовались ошибочно.

Д.А. Равикович справедливо отмечала, что в изменившихся условиях второй половины 1920-х гг. возросла роль краеведческих организаций в деле охраны памятников. Научная общественность смелее и активнее ставила перед властями острые вопросы и, используя журналы «Краеведение» и «Известия ЦБК», а также всероссийские краеведческие конференции, добивалась необходимых результатов. В то же время в работе убедительно показано, как на рубеже 1920—1930-х гг. победу одержала тенденция нигилистического отношения к памятникам прошлого. Ликвидация Главнауки и работавшего в ее составе Музейного отдела стали началом нового этапа в отношении к памятникам. Формально охрану передали музеям. Но они не имели для успешной деятельности ни юридических полномочий, ни финансово-организационных возможностей.

Деятельность государства по сохранению истории и культуры в годы гражданской войны стала объектом исследования старшего научного сотрудника Института истории искусств АН СССР И.О. Подобедовой, занимавшейся фондами рукописей[1]. Ее оценка совпадает с пред-

[1] Подобедова, О. И. Игорь Эммануилович Грабарь / О. И. Подобедова. М., 1964; Она же. Вместо предисловия // Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966; Она же. Вводная статья к разделу «Письма И. Э. Грабаря из экспедиций (1919—1930 годы)» // Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966; Она же. Игорь Грабарь. [1871—1960]. К истории советского искусствознания // Искусство. 1966. № 6; Она же. И. Э. Грабарь // История русского искусства. Т. X. Кн. 2. М., 1969; Она же. К уясне-

ставлениями советских исследователей о роли И.Э. Грабаря как одного из главных организаторов реставрационных работ послереволюционного периода, архитектора и ученого советской школы реставрации древнерусской живописи. Кроме того, автор ввела в оборот ценные мемуарные источники.

Следует упомянуть в ряду публикаций работу В.А. Разумова, в которой освещена проблема возврата и сохранения исторических памятников Советской России[1]. Автор детально охарактеризовал недостатки и ошибки в деятельности организаций, занимавшихся охраной ценностей с 1917 по 1920 гг. — Наркоматов Просвещения и Имуществ Республики, Госконтроля, ВЧК, Комитета по охране художественных сокровищ. Неточный учет, плохие условия хранения, а нередко и недобросовестная работа при выполнении всех указаний и постановлений, особенно в провинции, по мнению автора, приводили к потере ценных памятников.

Обобщающий характер носила и работа Ю.А. Бычкова, в которой процесс сохранения культурного наследия прослеживался на протяжении нескольких десятилетий[2]. Но в целом работы этого периода были написаны по определенной, прочно утвердившейся в историографии схеме. Они рассматривали охранительную деятельность государства с появления того или иного декрета, затем показывали практическое претворение его положений в региональном масштабе, на примере конкретного музея или учреждения. Затем следовал вывод о постоянном бережном отношении власти к историко-культурному наследию прошлого[3].

нию роли иконы и фрески в духовной жизни Руси // Святыни и культура. М., 1992. С. 125—133; Она же. Выявление, изучение и сохранение памятников русского средневекового искусства. К проблеме традиций // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М., 1993. С. 4—35.

[1] Разумов, В. А. Богатства, возвращенные народу. Как были сохранены художественно-исторические богатства нашей родины в первые годы Советской власти / В. А. Разумов. М., 1968.

[2] Бычков, Ю. А. В государственном масштабе / Ю.А. Бычков. М., 1980.

[3] Бабаева, Л. М. Из истории национализации московских частных художественных собраний в первые годы Советской власти, 1917—1920 гг. / Л. М. Бабаева // История СССР. 1977. № 2; Богуславски, Г. А. Пролетарская революция и памятники культуры: Деятельность М.С. Ольминского по охране национальных

Заметный вклад в изучение проблемы во второй половине 1980-х гг. внесли работы Ю.Н. Жукова[1]. На обширном круге источников, которые включали законодательные и нормативные акты, с привлечением многочисленных материалов центральных и местных архивов, используя разнообразные специальные и ведомственные периодические издания тех лет, а также опубликованные документы, он убедительно показал историю этого вопроса с дореволюционных времен до окончания гражданской войны.

Специально был выделен этап первых мероприятий новой власти по отношению к памятникам прошлого. Очень подробно проанализирован процесс создания и деятельности учреждений охраны памятников в Петрограде и Москве, который завершился образованием всероссийского органа — Музейного отдела Наркомпроса. Детально прослеживается процесс формирования государственной системы органов охраны, а также его правовое и кадровое обеспечение. Многие оценки и выводы автора сделаны в разрезе современных автору тенденций в историографии. Однако в работе отсутствует конъюнктурный подход к исследуемым процессам. Работы Ю.Н.Жукова остаются до сих пор самыми заметными трудами в деле изучения сохранения памятников 1920-х гг.

Современная историография. Последнее десятилетие двадцатого века привели к появлению целого ряда работ по вопросам сохранения памятников искусства и старины. Речь идет, как о статьях в различных изданиях, крупных разделах в коллективных трудах, так и о монографиях. В условиях отсутствия жесткой цензуры и идеологического диктата авторы этих

художественных ценностей / Г. А. Богуславский // Исторические записки. М., 1977. Т. 100; Он же. Из истории советского законодательства об охране памятников: Декрет от 5 октября 1918 г. // Правоведение. 1987. № 5. С. 87; Рогожин, Н. М. Документы по истории восстановления, реставрации памятников и организации музеев Московского Кремля, 1917—1920 гг. / Н. М. Рогожин // Советские архивы. 1978. № 1; Варшавский, С. Билет на всю вечность: Повесть об Эрмитаже / С. Варшавский, Б. Реет. Л., 1978; Кончин, Е. В. Эмиссары восемнадцатого года / Е. В. Кончин. М., 1981; и др.

[1] Жуков, Ю. Н. Сохраненные революцией. Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 годах / Ю. Н. Жуков. М., 1985; Он же. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. М., 1989.

работ чаще подвергают события тех лет критическому анализу, дают более объективную трактовку источников, делают упор на тех негативных явлениях, которые недостаточно рассматривались предыдущими исследователями. В частности, больше внимания уделяется разрушениям памятников старины, ликвидации церковного имущества, распродаже художественных ценностей за рубежом[1]. Некоторые работы рассматривают проблему в региональном или узко тематическом плане[2].

Заметную роль в современной историографии сыграли авторы, занимающиеся, кроме исследовательской, и публикаторской работой. В трудах Н.А. Кривовой, посвященных взаимоотношениям государства и церкви в 1920-е гг., раскрыты основные направления кампании по изъятию церковных ценностей в антирелигиозной политике советского государства в период голода в том числе в губерниях Центрально-промышленной области в 1922 году[3]. Достоинством работ является обширная источниковая база ранее недоступных материалов фондов архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Автором собран редкий, неопубликованный ранее региональный материал по проблеме сохранения выдающихся памятников культовой архитектуры и церковных ценностей музейного значения в 1920-х гг.

В том же ключе, продолжая работу Н.А. Кривовой и целого коллектива авторов сборника документов «Политбюро и церковь»,

---

[1] Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. / Г. А. Кузина // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVI1I—XX вв.). М., 1991.

[2] Фарсобик, В. В. Вопросы охраны и изучения недвижимых памятников в центральных органах печати советского краеведения (1923—1936 гг.) / В. В. Фарсобик // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. Сборник научных трудов НИИ культуры. М., 1992; Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья (1917—1930 годы) / Н. А. Личак. Ярославль, 2008; Полякова, М. А. Русская провинциальная усадьба XVII — начало XX века/ М. А. Полякова, Е. Н. Савинова. М., 2011 и др.

[3] Кривова, Н. А. Власть и церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. М., 1997; Она же. Власть и Русская православная церковь в 1922—1925 гг. (Политика ЦК РКП (б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ—ОГПУ): дис… докт. ист. наук : 07.00.02. М., 1998.

С.Г.Петров[1] провел подокументный систематизированный анализ материалов делопроизводства ЦК РКП(б). По мнению эксперта, исследователи при введении в научный оборот секретных документов высших органов ЦК РКП(б) не соблюдали общепринятых правил и норм, что не могло не сказаться на результатах работы.

Открытие спецхранов обеспечило приток неожиданных, совершенно неоднозначных документов, дающих возможность переоценить ранее сформированные позиции исследований[2]. В этой связи расширился и круг рассматриваемых проблем. Исследователи в рамках изучения вопросов, связанных с памятникоохранными мероприятиями, иначе взглянули на работу и значение Поместного собора 1917 года, на деятельность Союза воинствующих безбожников, на принципы и результаты антицерковной политики Советской власти[3].

В.А. Алексеев отмечал активизацию сопротивления верующих светской власти в послереволюционные годы[4]. Автор попытался объективно оценить роль и участие духовенства, а также патриарха Тихона в решении вопросов сохранения культурно-религиозного наследия. В отличие от большинства предшественников В.А. Алексеев приводит факты, свидетельствующие отнюдь не о массовости безбожного движения, а о росте религиозности населения во второй половине 1920-х гг. Учитывая настроения крестьянства, власти пошли на некоторое послабление и пересмотр антирелигиозной политики. Исследователь сделал вывод о существовании в стране кратковременного «религиозного НЭПа», сменившегося в конце 1920-х гг. началом новой войны с религией.

---

[1] Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. / Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. [Кн. 1.]. Новосибирск-М., 1997.

[2] Травля Патриарха Тихона // Слово. 1991. № 1. С. 78—83; «Взять на учет все духовенство...» // Источник. 1994. № 6. С. 101—105; «Применить к попам высшую меру наказания» // Источник. 1995. № 3. С. 114—131.

[3] Кашеваров, А. Государство и церковь: из истории взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви 1917—1945 / А. Кашеваров. СПб., 1995.

[4] Алексеев, В. Иллюзии и догмы / В. Алексеев. М., 1991; Он же. Штурм небес отменяется? М.: Политиздат, 1992; Он же. Православная общественность в современном мире. М., 2006.

М.И. Одинцов приводит документы и материалы, свидетельствующие о перегибах, насилии, нарушениях законности, администрировании в борьбе с религией, дореволюционной культурной основой. Законодательство о культах, по его мнению, существенно ущемляло права, как религиозных организаций, так и верующих. Представители власти на местах спешили воплотить в жизнь партийные резолюции и постановления, дабы не быть записанными в число отступников от «идеологических установок партии на противоборство с религией»[1]. Этим он объяснял взаимоотношения между государством и содержанием культовых зданий. Автором был сделан и вывод о неизменности военно-коммунистических методов борьбы с религией. Он отмечал, что такие органы, как ВЦИК, НКВД, ОГПУ, НКП имели одинаковое влияние на церковную политику и систему охраны культурного наследия. И если ситуация еще в период НЭПа была стабильной, то в последующий период решение церковного вопроса и судьба сохранения памятников искусства и старины была определена решениями органов ОГПУ и НКВД.

Неизвестные ранее документы местных архивов впервые были введены в оборот в диссертационных исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих проблемы памятникоохранных отношений церковных зданий. Историки видели свою задачу в анализе содержания, направлений, результатов и последствий антирелигиозной политики, осуществляемой государственными, партийными и общественными организациями.

---

[1] Одинцов, М. И. Государство и церковь. История взаимоотношений (1917—1938 гг.) / М. И. Одинцов. М., 1991; Он же. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. № 1, 4—6; Он же. Путь длиною в семь десятилетий: От конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 29—71; Он же. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти // Вопросы научного атеизма. М., 1989. Вып. 39. С. 307—313; Он же. Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 5—8; Он же. Изъят из церковных имуществ // Гласность. 1991. № 31; Он же. Золото Льва Троцкого // Диспут. 1992. № 4; Он же. «Дело» патриарха Тихона // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 46—71; Он же. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; Он же. Золото Льва Троцкого // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1995. С. 53—65; Он же. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века): автореф. дис ... докт. ист. наук. М., 1996; Он же. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.// Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1940/odinzov.htm (дата обращения 21.01.2011).

Анализируя деятельность партийных и государственных органов Ивановской области с 1929 по 1936 гг., Е. Ревякин[1] отмечал отсутствие результатов антирелигиозной политики и делал вывод о росте религиозности населения вопреки разгрому и резкому сокращению числа религиозных организаций. В то же время автор отразил судьбу памятников церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия». Исследуя местный материал, Н.С. Майорова[2] обозначает в качестве региональных особенностей противоречивую позицию местных органов власти относительно высокого уровня религиозности населения губерний Центрально-промышленной области, слабости проводимой здесь антирелигиозной работы и незначительную роль обновленческого движения. В работе приводятся цифры разрушенных памятников древнерусского зодчества.

Исследователи активно описывали условия, в которых разворачивались события по сохранению культурного и церковного наследия[3], соотнося цели нового общества и проблемы сохранения памятников искусства[4], содержательно освещали судьбы краеведов в губерниях ЦПО.

---

[1] Ревякин, Е. С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и церкви в 1929—1936 гг. : по материалам Иванов. пром. обл. : дис. ... канд. исторических наук : 07.00.01 / Е. С. Ревякин. Иваново, 1995; Он же. Религиозный состав населения СССР второй половины 30-х гг. (по материалам Всесоюзной переписи населения 1937 года) // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VIII меж. начн. конф. Иваново, 2009. Часть 2. С. 328-330; Он же. Памятники церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия» (по материалам Ивановской промышленной области) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI вв. Материалы XIV Международ. науч. конф. Иваново, 2015. С. 282-289.

[2] Майорова, Н. С. Государственно церковные отношения в 1917—1929 гг. / Н. С. Майорова. Кострома, 2006; Она же. Местная власть и сектанские организации Костромской губернии в 1920-е гг. // Режим доступа: http://www.kocio.kostroma-eparhia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=72:2010-01-31-14-49-20&catid=43:-1&Itemid=63

[3] Левыкин, К. Г. Памятью сердца минувшее… / К. Г. Левыкин. М.., 2004.

[4] Киндзерская, М. А. Музейное дело и сохранение историко-культурныхз памятников в России в начале XX в. конце 1930 гг.: дис... канд. культурологии. Краснодар, 2005; Она же. Охрана памятников в начальный период осуществления социалистических новаций // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2. С. 8—9; Она же. Музейное дело и охрана культурно-исторического наследия в дореволюционной России // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета: сборник научных трудов. Т. 1. М., 2010. С. 106—118; Олейник, О. Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: Справочно-библиогр. указатель / О. Ю. Олейник. Иваново, 2000; Он же. Власть, интеллигенция и патриотизм в советском обществе в 1930-е годы // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Иваново, 2002. Вып. 2. С. 11-17; Он же. Изучение проблем интеллигенции в конце XX — начале XXI вв.: Справоч.-библиограф. указат. Иваново, 2003; Олейник, И.

Силами региональных историков и краеведов были подготовлены диссертации, посвященные изъятию церковных ценностей[1], памятникам церковной архитектуры, истории их возникновения и разрушения.

В.Ф. Козлов на основе изучения архивных документов определил этапы целенаправленной борьбы по уничтожению уникальных исторических памятников губерний Центрально-промышленной области[2]. Автором публикаций были использованы фонды комиссий по делам культов при Президиумах ВЦИК и Мособлисполкома, документы Москомунхоза, Центральных реставрационных мастерских, различных государственных архивов, что подтверждает ценность полученных результатов.

Некоторые авторы подвергают анализу законодательную деятельность власти, то есть рассматривают главным образом правовой аспект проблемы, в основном, с позиций формационного подхода, что не позво-

---

И. Органы юстиции Верхневолжского региона в 1920—1930-х гг.: историко-правовой аспект / И. И. Олейник. Владимир, 2002.

[1] Разумов, Д. С. Антицерковная политика советской власти в 1921—1921 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): дис… канд. ист. наук / Д. С. Разумов. Ярославль, 1997; Полищук, И. С. Духовенство и крестьянство в политике большевицкой партии и советской власти в 1920—1930-х гг. (На материалах Тверской губернии): дис… канд. ист. наук / И. С. Полищук. Тверь, 2001; Говорова, И. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений: дис. ... канд. ист. наук / И. В. Говорова. М., 2006.

[2] Козлов В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму, 1917—1928 гг.: автореф. канд. дис. / В. Ф. Козлов. М., 1984; Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917—1930 гг. : по материалам моск. архивов и музеев // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 40-54; Он же. Первый штурм московской старины // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 11; Он же. Судьбы памятников архитектурной старины в 1920—1930-х годов (по протоколам ЦГРМ) // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1992; Он же. Монастыри России в первые годы после революции // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 4. С. 26—33; Он же. Свидетельствуют документы (об изъятии церковных ценностей) // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 9. С. 47-52; Он же. Музеи-монастыри в Советской России (1917—начало 1930-х гг.) // Мир источниковедения. Пенза, 1994. С. 340; Он же. Гибель церковных колоколов в 1920—1930-х гг. (история уничтожения церковных колоколов большевистской властью) // Отечество : краеведческий альманах. М., 1994. С. 143-161; Он же. Музеи-монастыри в Советской России // Мир источниковедения. М., 1995; Он же. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е годы // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. / Под ред. А. А. Черёмина. М., 1998. С. 96-105; Он же. Гибель церковных колоколов в 1920—1930-е гг. // Режим доступа: http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/articles/gibel_tserkovnyh_kolokolov_v_192.html (дата обращения 08.04.2010); Он же. Краеведы о целях и задачах краеведения (по страницам центральной краеведческой периодики 1920-х гг.) // Археографический ежегодник за 2004 г. М., 2005. С. 229-241; Он же. Краеведение как государственное дело // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов: «Любовь к Малой Родине — основа патриотизма» (Воронеж, 31 января Москва, 1 февраля 2005 г.). М., 2006. С. 22-27 и др.

ляет полностью избавиться от идеологических штампов[1]. Исследователи В.И. Мелехов, Л.Г. Шаповалова, Е.Г. Лопатина и В.В. Стравинкас[2] отмечают высокий законодательный уровень и короткие сроки по созданию нормативно-правовой базы охраны культурного наследия в 20—40-х гг. XX в. Е.Г. Лопатина подтверждает, что в начале 1920-х гг. утверждалось право государственной собственности на те историко-культурные ценности, на которые государство считало необходимым заявить свои права (независимо от того, в чьем владении они бы не находились). Отмечалась сложность структуры взаимодействия органов охраны памятников и их функций, которые были впервые закреплены в классификации памятников, близкой к современной, выделив в отдельные категории памятники зодчества, археологии, сады и парки, а также музейный фонд (музейное имущество). Сюжеты, посвященные сохранению историко-культурного наследия, с различной степенью полноты излагаются в разного рода учебных и справочных изданиях[3].

---

[1] Галай, Ю. Г. Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегородской земле. 1917—1941 гг. / Ю. Г. Галай. Горький, 1989: Он же. Политико-правовые вопросы охраны культурных ценностей в первые годы Советской власти. Лекция. Горький, 1989; Он же. Правовая охрана памятников в первые годы советской власти // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990; Губернские и областные органы охраны памятников в РСФСР // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991; Он же. Первая государственная регистрация памятников искусства и старины в РСФСР // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике. Н.Новгород, 1995; Он же. Голод 1922 года в России и сокровища православных храмов // Нижегородский православный сборник. Н.Новгород, 1997; Он же. Правовая эффективность первых советских декретов по охране памятников истории и культуры // Нижегородские юридические записки. Вып. 3. Н.Новгород, 1997; Он же. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации 1917—1929 годы: Историко-правовой аспект. Н.Новгород, 1997; Лифшиц, Л. И. История законодательства в области охраны и реставрации памятников культуры / Л. И. Лифшиц // Реставрация памятников истории и искусства в России в X1X-XX веках. История, проблемы. М., 2008 и др.

[2] Мелехов, В. И. Сохранение и государственная охрана объектов культурного наследия России / В. И. Мелехов, Л. Г. Шаповалова // Правоведение. 2005. № 3. С. 12—20; Лопатина, Е. Г. Законодательные акты советского государства в области культурно-исторического наследия (1917—1923 гг.) / Е. Г. Лопатина // История государства и права. 2007. № 10; Стравинскас, В. В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия / В. В. Стравинскас. Н.Новгород, 2008.

[3] Музейное дело России / Под ред. Каулен М. Е., Коссовой И. М., Сундиевой А. А. М., 2003; Юренева, Т. Ю. Музей в мировой культуре / Т. Ю. Юренева. М., 2003; Фролов, А. И. Усадьбы Подмосковья / А. И. Фролов. М., 2003; Дубов, И. В. Музееведение. Исторические и краеведческие музеи. Краткий курс лекций / И. В. Дубов. СПб., 2004; Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России / М. А. Полякова. М., 2005; Каулен, М. Е. Музеефикация храмов и монастырей Верхнего Поволжья в первой половине 1920-х гг. (по документам ЦГА РСФСР и ОПИ ГИМ) / М. Е. Каулен // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: тезисы докладов III региональной науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры». Н.Новгород, 1992. С. 91—93; Она же. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001; Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен. М., 2003; Она же. Музеи-храмы

Весьма широко в трудах историков представлены события, связанные с усадебной культурой как объектом государственного наследия. Тезис о том, будто бы революционные события провоцировали народ на разгром, а затем и дальнейшее разрушение помещичьих усадеб, на уничтожение всего того, что было накоплено многими поколениями просвещенного дворянства, не подтвердился архивными документами[1]. Следует в данном случае говорить об экономическом процессе разрушения дворянских усадеб, который начался задолго до революционных событий 1917 года, поскольку дворянские хозяйства тяжело вписывались в новые условия пореформенной России и постоянно разорялись. Интерес исследователей к памятникам усадебной культуры, возможно, позволит объективно осветить указанные явления.

В конце XX—начале XXI вв. круг вопросов, связанных с изучением истории сохранения памятников губерний Центрально-промышленной области как средства исторического просвещения и демократизации в развитии общества, значительно расширился. Это было связано с тем, что исследователями проводилась мысль о том, что памятники истории и культуры являются носителями определенного исто-

---

и музеи-монастыри России. М., 2005; Она же. Музеевикация историко-культурного наследия России. М., 2012; Анкудинова, Е. А. Утраченные святыни Ярославля: справочник-путеводитель / Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман. Ярославль, 1999.

[1] Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1—8. М., 1994—2002; Иванова, Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей: По архивным материалам / Л. В. Иванова // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71; Она же. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.: Ист. очерки. М., 2001; Злочевский, Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий / Г. Злочевский // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 86; Греч, А. Н. Венок усадьбам / А. Н. Греч // Памятники Отечества : Альманах. 1994. № 32; Ермолин, Е. Судьба дворянских гнезд / Е. Ермолин, Г. Раздобурдина // Любитель природы: Статьи, очерки и рассказы, стихи, наблюдения, практические советы. Ярославль, 1996. С. 150—151; Фролов, А. И. Русская усадьба на пороге XXI века: Общество изучения русской усадьбы (1922 — начало 1930-х гг.). Организация, состав, ведущие направления работы / А.И. Фролов // Русская культура вне границ: Информационно-аналитический сборник. Вып. 6 / РГБ: НИО Информкультура; Государственная культурно-досуговая ассоциация России. М., 1996. С. 30—32; Черепанова, Н. Г. Государственная политика в отношении дворянских усадеб в 1920-е годы / Н. Г. Черепанова // Проблемы истории, филологии, культуры. Ч. 1: История: Межвуз. сб. / Ин-т археологии РАН, Магнитогор. гос. пед. ин-т. 1997. Вып. 4. С. 230—236; Пушкарева, И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России: к постановке проблемы / И. М. Пушкарева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 15; Врангель, Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры / Н. Врангель. СПб., 1999; Рубан, Н. И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920—1930-е гг.) / Н. И. Рубан. Хабаровск, 2002; Русская усадьба и ее судьбы: Круглый стол // Отечественная история. 2002. № 5. С. 139.

рического смысла, свидетелями народной судьбы, а значит, служат воспитанию поколений, пресекая беспамятство и национальное обезличивание[1].

Некоторые авторы придерживаются мнения, согласно которому, период с 1917 по 1927 год по праву называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения[2]. В ту короткую эпоху послереволюционного духовного подъема общество ставило перед краеведением важнейшие задачи пропаганды хозяйственного и культурного строительства, патриотизма и демократических традиций русской интеллигенции, содействия распространения грамотности и исторических знаний. Во многих губернских, уездных и волостных центрах Центрально-промышленной области возникали краеведческие и научно-просветительские общества, кружки, музеи, объединявшие в своих рядах всех, кто стремился к освоению новых знаний. В провинции краеведческие организации нередко заменяли собой и научно-исследовательские и образовательные, и культурные учреждения, превратившись в своего рода «академии наук на местах». Краеведческие научные общества и музеи много сделали для сбора, учета и сохранения памятников искусства и старины. При почти полном отсутствии средств, нередко, рискуя своей жизнью и здоровьем, краеведы спасали от уничтожения бесценные шедевры древнерусской живописи, прикладного искусства и архитектуры, исторические раритеты, редчайшие книги и

---

[1] Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А. М. Кулемзин. Кемерово, 2001; Неподобная, Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921—1929 гг. (На материалах Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Неподобная. Екатеринбург, 2002; Она же. Культурное наследие и государственая политика: к постановке проблемы / Г. А. Неподобная // Режим доступа: http://mmj.ru/index.php?id=40&article=253&type=98 (дата обращения 30.09.2004); Кудрина, Т. А. Культурное наследие: правовой аспект в истории отношений государства и Русской Православной Церкви / Т.А. Кудрина // Режим доступа: http://www.rlinfo.ru/projects/seminar1200/08.html (дата обращения 26.01.2005).

[2] Соболев, В. С. Академия Наук и краеведческое движение / В. С. Соболев // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535—541; Самохин, Ю. С. Оправдание краеведения / Ю. С. Самохин. М., 2000. - Режим доступа: http://kraevedenie.chat.ru/sam/sam0.htm; Рашковский, А. Л. История и методология краеведения / А. Л. Рашковский. Частный электронный архив личных фондов, коллекций и документов. Режим доступа: http://www.1archive-online.com/archive/rushkovsky/kraevedenie.htm.

старинные документы[1]. Того же мнения придерживался председатель союза краеведов России, академик РАО С.О. Шмидт, проводя исторические параллели с современным краеведческим подъемом, начавшемся с 1990-х гг.[2].

В исследованиях В.М. Рославского[3] отмечены положительные результаты деятельности системы учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР. Особое внимание автор уделяет практическим вопросам деятельности Комиссии по сохранению памятников древнерусской живописи, продолжавшимся в течение трех лет, с 1918 по 1921 год. В последующие годы ее существования деятельность Комиссии была затруднена по причинам в основном материального характера. Изменения в экономической политике государства привели к острой нехватке средств на производство реставрационных работ, к проведению дополнительных сборов памятников искусства и церковной старины Центрально-промышленной области, возникновению необходимости сокращать штаты сотрудников. Автор настаивает на идее, согласно которой в основе отношения большевистской партии к сохранению материальных форм культурного наследия с самого начала лежал экономический и политический прагматизм.

---

[1] Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. Кострома, 1990.

[2] Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990; Он же. Роль музеев Москвы в сохранении и изучении историко-культурного наследия // Исторические музеи в системе культуры города. М., 1997.

[3] Рославский, В. М. Деятельность Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи — Центральных государственных реставрационных мастерских. 1918—1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук / В. М. Рославский. М., 2002; Он же. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917—1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация. М., 2004. С. 15; Он же. Советская власть и исторические памятники в 1918 г. : реставрация, охрана, реквизиция // Россия и современный мир. 2005. № 3. С. 208—213; Он же. Первое периодическое издание в России, посвященное проблемам реставрации памятников искусства и старины. Новые книги по истории книжной культуры // Книга в пространстве культуры: [сб. ст.]: вып. 1 / Рос. гос. б-ка; [отв. сост. О. Р. Хромов]. М., 2005; Он же. Особенности современного изучения истории советской реставрации // Христианство в искусстве / Сост. И. А. Стерлигова, Л. А. Щенникова, отв. ред. А. К. Левыкин : Материалы и исследования. М., 2010. С. 355—372.

Различные аспекты методов охраны культурного наследия находили отражение в исследованиях по широкому кругу проблем памятникоохранной деятельности в России. Обращающийся к региональным аспектам охраны памятников истории и культуры ярославский историк Н.П.Рязанцев посвятил ряд своих работ введению в научный оборот архивного материала, касавшегося создания системы сохранения памятников, состояния храмов, музейного строительства и усадебной культуры в Ярославской губернии и в целом по Советской России[1]. Исследователь отмечает, что разрушение и утрата памятников искусства и старины в российских губерниях начались задолго до 1917 года. Данную точку зрения подтверждают документы центральных и местных архивов.

Историки Т.А. Рутман и Т.П. Тимофеева собрали огромный фактический и документальный материал по истории церквей и монастырей Ярославля, Владимира, Боголюбова, Суздаля. Наибольшее внимание Т.П. Тимофеева уделила советскому периоду истории Владимирского края, представила подробную картину перепрофилирования храмов в культурные учреждения, жилые дома, пытаясь проследить судьбу церковного имущества, подвернутого описям, изъятиям, распродажам[2].

---

[1] Рязанцев, Н. П. Общество и власть в деле охраны памятников: по материалам Ярославской губернии. 1918—1943 / Н. П. Рязанцев // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник. М.-СПб., 1996. С. 214—216; Он же. Музейное строительство и охрана памятников истории и культуры в Ярославском крае в 1920—1930-е годы // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997; Он же. «Спасти живую старину…»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 годах. Ярославль, 2000. С. 27—32; Он же. Охрана культурного наследия в России в XX веке: текст лекций. Ярославль, 2007; Панов, Л. С. Из истории усадьбы К. Н. Батюшкова «Хантоново» / Л. С. Панов, Н. П. Рязанцев // VII Золотарёвские чтения: Тезисы докладов научной конференции (16—17 окт. 2000 г.): К 90-летию Рыбинского музея / Под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск, 2000. С. 134; Рязанцев, Н. П. Русская дворянская усадьба накануне и в период Октябрьской революции / Н. П. Рязанцев // Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_09.htm.

[2] Тимофеева, Т. П. 20 лет из истории Успенского собора во Владимире (1918—1939). Документальная хроника / Т. П. Тимофеева // Христианское чтение. СПб., 1992. № 2. С. 40—54; Она же. Владимирский музей в 1940—1958 гг. Тезисы // Материалы исследований ВСМЗ. Владимир, 1998. С. 8—9; Она же. Ретроспектива музейно-реставрационного дела во Владимирском крае. (1918—1941 гг.). Избранный документальный свод из фондов ГАВО // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. С. 299—334; Она же. Градостроительная история Владимирского края в документах госархива Владимирской области // Архивы и культура. Тезисы докладов научно-практической конференции. Владимир, 1998. С. 10—11; Она же. «Лежит в развалинах Твой храм…» : О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939) / Документальные хроники. Владимир, 1999; Она же. Архитектурно-реставрационная история Дмитриевского собора в XX в. (1919—2000 гг.) // Материалы исследований ВСМЗ. Владимир, 2003. С. 131—142; Музейное дело во Владимирском крае в 1918—1939 гг. Документальная хроника // Памятники

Наиболее полное описание храмов и монастырей Ярославля, их судеб приведено в издании Т.А. Рутман[1]. На широком источниковедческом и обширном фотографическом материале изложены сведения о церквях и монастырях города, ныне действующих и разрушенных, их создателях и попечителях. В работе отражены аспекты сохранения внутрицерковного убранства после разрушения старинных храмов Ярославля.

Следует отметить, что работы, посвященные вопросам сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг. в целом характеризовались узостью подходов, отсутствием обращения к основным методологическим проблемам исторического познания. Усиление внимания историков к вопросам историографии конструировало новую концепцию развития отечественной исторической науки. Однако какого-либо нового подхода к изучаемым вопросам в современной историографии обнаружить не удалось. Более того, некоторым авторам сложно было избежать поверхностного подхода к проблеме. Многим работам явно не хватает использования широты источниковой базы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в изучении вопросов организации сохранения памятников в послереволюционные десятилетия рано ставить точку. Необходимо продолжать изучение всех сторон проблемы, привлекая новые, ранее неизвестные источники не только центрального, но, прежде всего, регионального происхождения.

Таким образом, содержание и форма любого предмета, явления или

истории и культуры Верхнего Поволжья / Материалы II региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Н.Новгород, 1991. С. 278—284; Она же. История реставрации древней живописи Успенского собора в XX веке // Материалы исследований ВСМЗ. Владимир, 2004. С. 75—82; Она же. Дмитриевский собор // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 207—215; Она же. Архитектурно-реставрационная история белокаменных памятников Боголюбова в XX веке // Материалы исследований ВСМЗ. Владимир, 2007. С. 12—19 и др.

[1] Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле / Ист. очерк Т. А. Рутман [предисл. Т. С. Злотниковой]. Ярославль, 2001; Бусева-Давыдова, И. Церковь Ильи Пророка в Ярославле / И. Бусева-Давыдова, Т. Рутман. М., 2002—2004; Рутман, Т. А. Из истории Успенского собора в Ярославле // Источники по истории реставрации и изучения памятников русской художественной культуры. XX век. М., 2005. С. 104—111: Успенский собор по собор в Ярославле / Сост. Т. А. Рутман. М., 2007; Она же. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. (Историко-краеведческое издание). Ярославль, 2008; Она же. Ярославский Казанский женский монастырь. Ярославль, 2010.

процесса обладают имманентными связями, соотношением и взаимодействием. Это в равной мере касается и такого сложного историко-культурного образования, каким является сохранение памятников искусства и старины.

В исследовании сбережения культурных ценностей губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. осуществлен подход к исторической науке как к комплексному гуманитарно-общественному знанию с учетом зарубежных разработок. Следует отметить, что *зарубежная историография* сосредоточена на изучении исторического материала общероссийского значения, а региональные исследования, связанные с вопросами сохранения памятников искусства и старины 20—30 гг. XX века, отсутствуют. Вместе с тем ученые выделяют из всего многообразия рассматриваемого исторического процесса наиболее значимые явления 1930-х гг. В этом смысле сложность анализа содержания исследований заключалась в том, чтобы обеспечить оптимальный отбор таких явлений из прошлого, которые и позволили бы воссоздать его объективную реальность.

Реконструируя историю зарубежной историографии Советского Союза рассматриваемого периода, можно понять не только развитие историографии советской истории, но и общие методологические тенденции гуманитарных наук после Второй мировой войны. Следует выделить, в частности, 1970—1980-е гг., когда бесспорными фаворитом в зарубежной историографии стала новая культурная история[1]. Для историографии был характерен интерес к культурно-историческим феноменам, к единичному (казуальному). В методологическом плане новые направления различны: если клиометрия, психоистория и новая социальная история претендовали на научное объяснение прошлого, то есть развивались в рамках модернизма и объективизма, то в новой культурной истории и близкой ей мик-

[1] Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США: учебное пособие / А. Б. Соколов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. С. 130.

роистории широко применялись постмодернистские теории.

Среди работ, посвященных культуре как орудию политики, первым появился сборник статей «Культурная революция в России, 1928—1931» под редакцией Ш. Фитцпатрик[1]. Исследователь использует понятие «культурная революция» не только для того, чтобы подчеркнуть темы, занимавшие руководство страны, но и чтобы отметить важность развития культурных процессов для перехода от нэпа к пятилеткам.

Особый интерес зарубежных исследователей возник к лидерам нового культурного процесса 1920—1930-х гг.[2] Следует выделить работы, посвященные А.В. Луначарскому[3]. На широкой базе архивных источников Советского Союза рассматриваются революционный путь А.В. Луначарского, его отношение к старой и новой интеллигенции, культуре, просвещению. Т. О'Коннор совершенно справедливо подчеркивал и то, что А.В. Луначарский не играл главной роли в разработке партийной политики в области искусства, а лишь реализовывал на практике «решения, принятые Лениным, Бухариным и Троцким»[4].

Ведя речь о позднем советском периоде, Д. Байрау[5] сосредотачивается не на отдельных ярких примерах, а на общей системе отношений между творческой интеллигенцией и властью. И приходит к выводу, что основная часть интеллигенции поддерживала мероприятия, проводимые руководством советского государства.

В историческом исследовании Р. Пайпса, посвященном русской революции, автор выделяет особую роль религии в сохранении культуры.

---

[1] Фитцпатрик Ш. Культурная революция в России, 1928–1931 / Ш. Фитцпатрик. Издательство Индианского университета, 1978; Она же. Повседневный сталинизм. М., 2008.

[2] Слассер, Р. Сталин в 1917 году / Р. Слассер. М., 1989; Сервис, Р. Ленин / Р. Сервис. М., 2002; Такер, Р. Сталин. История и личность / Р. Такер. М., 2006.

[3] Wojnar, I. Lunaczarski / I. Wojnar. Warsz., 1980; Вуковиh, М. Естетички рогледи А.В. Луначарского / М. Вуковиh. Никшип, 1988; Maciejewska-Jamroziakowa, A. Anatol Lunaczarski — aksjologiczny wymiar estetyki / A.Maciejewska-Jamroziakowa. Poznan, 1989; О'Коннор, Т. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Т. О'Коннор. М., 1992. 222 с.

[4] Власов, В. А. Первый нарком просвещения: взгляд американского историка / В. А. Власов // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 333-337.

[5] Байрау, Д. Интеллигенция и власть: советский опыт / Д. Байрау // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122-135.

Такой повышенный интерес к данному социальному институту может быть объяснен только крайней религиозностью историка[1]. Автор рассматривая всю систему отношений власти и религиозных деятелей, приходит к тому выводу, что «ради насаждения своей утилитаризованной и технократической культуры, советская власть методично растлевала «низкую» культуру простого народа, с ее складывавшимися веками обычаями и уходящими корнями в религию ценностями». Признанные властями архитекторы и градостроители разрабатывали самые фантастические планы тотальной реконструкции российских городов и призывали к полному разрушению старой застройки, чтобы высвободить место для своих монументальных проектов жилых домов и госучреждений. Эти грандиозные замыслы так и остались на бумаге, отчасти из-за недостатка средств, но главным образом тормозились из-за необходимости сноса под них исторических сооружений.

Одной из значимых зарубежных монографий рассматривающих исследуемый период, является книга «Революция и культура» Ш.Плаггенборга[2]. Она посвящена раннему периоду советского государства и касается, главным образом, не перемен, перевернувших экономику и политику страны, а насильственным переменам в мировоззрении, образе мышления и жизни людей.

Итак, наиболее востребованным зарубежными учеными периодом советской истории стали 1930-е гг. Однако существует опасность использования американских или западноевропейских ценностей как главной линии оценки советской реальности. Следует, по нашему мнению, концентрировать внимание на уникальности советской политики. Воздействие революции на культурное развитие страны сказалось не сразу, накапливалось постепенно, прошло долгую эволюцию, но значимость этого влияния

[1] Пайпс, Р. Россия при большевиках / Р. Пайпс. М., 1997.
[2] Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И.Карташевой. СПб., 2000.

на современном этапе мало кто решается оспаривать, вне зависимости от того, какие оценки даются характеру произошедшего. Даже сами разногласия, существующие среди зарубежных историков культурной революции, так же являются следствием о её сложности и эпохальности, а не только различий в методологии и политических установках тех или иных авторов. Многое зависело от ракурса под которым рассматривались тенденции развития отечественной культуры в 1920—1930-х гг.

Для многих зарубежных историков был характерен прикладной взгляд, при котором культурную революцию рассматривали как мероприятия большевиков, например, по созданию новой советской интеллигенции. Для современных историков характерен и иной подход при котором на первое место выдвигаются политические задачи, решаемые властью в ходе культурной революции. В этом случае под культурной революцией понимается коренной поворот в духовной жизни общества, для которого было характерно утверждение марксистско-ленинской идеологии в качестве единой мировоззренческой основы всех советских граждан, стандартизация мышления, подавление всякого рода носителей антисоветского сознания, наконец, создание принципиально новой культуры, как в те годы говорилось — социалистической по содержанию, интернациональной по природе, национальной по форме. Суть современных работ состоит в перемещении «исследовательских интересов с идеологических конструктов на мировидение». Интерес исследователей сосредоточился на человеческой личности, на поступках людей в тех или иных обстоятельствах. Иными словами, предметом истории стал человек, который выступил в качестве участника диалога между прошлым и настоящим.

***

Вышеприведенный историографический обзор показал, что вопросы сохранения памятников истории и культуры губерний Центрально-

промышленной области в 1920—1930-х гг. до сих пор остаются недостаточно изученными. Вместе с тем общую картину сбережения культурных ценностей в стране в исследуемый период можно восстановить посредством изучения конкретного опыта губерний Советской России.

Следует отметить, что с начала 1920-х гг. выходили исследования, посвященные формированию государственных принципов сохранения памятников искусства и старины в целом по Советской России. В данных работах предпринимались попытки изучения истории сбережения памятников, оценки роли государства в сохранении культурных ценностей, подчеркивалась различная степень изученности каждого ее региона относительно памятников искусства и старины. Однако вопросы памятникоохранных мероприятий в губерниях ЦПО оставались без достаточного внимания исследователей.

В соответствии с особенностями идеологии того времени появлялись работы, посвященные проблеме взаимоотношений государства и церкви, изъятию церковных ценностей в помощь голодающим, отразившие отношение государства к памятникам архитектуры и ценностям, находящимся в церквях и монастырях, историко-музейная ценность которых полностью отрицалась. Освещавшиеся вопросы государственно-церковных отношений после выхода Декрета об отделении церкви от государства, кампании по изъятию церковного золота, носили характер политического заказа, базируясь на ценном фактологическом материале.

Авторами обосновывалась необходимость конфискации церковных ценностей, духовенство обвинялось в нежелании помочь голодающим в губерниях и в организации сопротивления во время изъятия культовых ценностей. Эти работы, несмотря на классовый характер и субъективизм в оценках действий церкви, представляют все же определенный научный интерес, поскольку содержат интересный статистический материал. Работы отечественных руководителей памятникоохранным процессом

освещали вопросы сохранения памятников искусства и старины, призывая к культурно-просветительской работе в массах, предлагая цивилизованный подход к использованию церковной архитектуры, сохраняя ее в качестве музеев, считая подобные формы и методы атеистической пропаганды наиболее эффективными.

Стоит отметить, что в 1940—1950-е гг. была предпринята попытка анализа мероприятий советского правительства по созданию государственной системы сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг., а также деятельности первых советских государственных органов охраны культурных ценностей наследия на местах. Указанные исследования не исчерпывают всех вопросов политики по сохранению памятников в регионах в 1920-х гг. Вместе с тем они позволяют расширить источниковую базу по исследуемым вопросам.

В 1970—1980-е гг. появляется ряд исследований, где авторами делается попытка осмысления сущности отношения советской власти к памятникам искусства и старины губерний Центрально-промышленной области в период индустриализации, коллективизации, культурной революции. В работах проводится анализ ошибок и перегибов в осуществлении политики сохранения культурных ценностей.

Замалчивание серьезных просчетов и ошибок в работе по обеспечению сбережения губернских памятников искусств и старины в отечественной историографии до начала перестройки привело к другой крайности — стремлению историками как можно быстрее заполнить образовавшийся информационный вакуум любой ценой. Произошедшая переоценка прошлого за последние десятилетия привела к тому, что некоторые исторические факты игнорируются или откровенно искажаются. В современной исторической науке приоритет отдается тем исследованиям, в которых оценивается исключительно негативно неоправданный снос старинных особняков, уничтожения или продажи за границу уни-

кальных образцов живописи, графики, прикладного искусства. Объективная оценка ситуации, сложившейся в исследуемых губерниях на том или ином историческом этапе, подчас отсутствует.

Значительный массив информации по теме содержат материалы международных, всероссийских и региональных конференций. Исследователями защищены и первые диссертации, материалы которых заслуживают особого внимания, раскрывая различные аспекты темы, в частности, деятельность краеведческих музеев и проведение историко-краеведческих исследований в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.

В целом историографические обзоры, независимо от устремлений авторов, на современном этапе получаются скорее полемичными, нежели аналитическими. Вероятно, в современных условиях это почти неизбежно. В любом случае следует иметь в виду, что все процессы, происходившие в исследуемом регионе, являлись управляемыми и взаимообусловленными. Невозможно очернить политику большевиков, считая, что только они в ответе за совершенные ими поступки. Объективно оценивать в рамках истории сохранения памятников искусств и старины, следует и все общество в целом.

Кроме того, Русская Православная церковь в настоящее время проявила с новой силой уже свой политический потенциал, став одним из самых активных институтов, с которым взаимодействуют власти и к которому обращено внимание всего общества. В условиях духовно-нравственного кризиса, переживаемого Россией в начале XXI в., существенным фактором возрождения культурных основ жизни российского общества может стать обращение к историческому наследию исследуемого региона, роль которого в данном процессе трудно переоценить.

Подводя итоги, отметим, что профессиональная литература в последние десятилетия значительно расширила границы исследователь-

ской проблематики, связанной с изучением процесса сохранения памятников искусства и старины на местах. Вместе с тем не все проблемы, связанные с полученными результатами деятельности губернских органов в деле сбережения культурных ценностей нашли свое отражение в трудах исследователей.

Неразработанными остаются вопросы периодизации памятникоохранной работы в 1920—1930 гг., проблемы сохранения губернских культурных объектов, в частности, в сфере храмовой архитектуры. Не до конца выясненными остаются вопросы, связанные с организацией музейного дела. В имеющихся работах не подается развернутая характеристика вклада краеведческих сил в изучение прошлого губерний Центрально-промышленной области и его особенностей. Актуальным остается исследование личного вклада местных краеведов в развитие истории региона, чьи имена были незаслуженно забыты.

Остаются нерассмотренными вопросы, определяемые изучением памятникоохранного дела в губерниях Центрально-промышленной области как своеобразного историко-культурного явления. В дальнейшем осмыслении нуждается и понятийно-категориальный аппарат исследования памятников искусства и старины.

1.2. Источники исследования

В диссертационном исследовании были использованы различные источники, которые по происхождению и функциональному назначению разделены автором на пять групп. Все опубликованные и неопубликованные источники следует разделить по видам и типам на следующие группы: 1) нормативные и правовые акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) статистические источники; 4) периодическая печать; 5) публицистика; 6) фотодокументы.

Нормативные и правовые акты представляют первую группу источников, внутри которой можно выделить несколько составляющих его подгрупп документов: 1. Декреты РСФСР и СССР; 2. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР; 3. Ведомственная инструктивно-актовая документация[1].

Основные положения законодательных источников, начиная с 1918 г., в целом репрезентативны, точно отражают основные черты всей совокупности реально издаваемых документов исследуемого периода. Репрезентативность законодательной и исполнительной деятельности государственных органов власти полностью определяли правовое поле функционирования всей системы сохранения культурного наследия губерний Центрально-промышленной области. Выделенная группа источников позволяет определить прерогативы верховной власти в деятельности местной власти, такие как финансирование из центра, структуру местных властей, статус государственных и местных памятникоохранных организаций, а также законодательно очерчены взаимоотношения церкви и государства в деле сохранения исторического наследия. В этой связи особое место среди них занимают Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 года и Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства старины и природы» от 7 января 1924 года, оказавшие качественное нормативно-правовое влияние на формирование системы

[1] Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР. 1931—1932 гг. М., 1934; Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; Т. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1964.; Т. 8. М., 1976.; Т. 9. М., 1978; Сборник декретов и постановлений по охране памятников истории и культуры. 1917—1967 гг. М., 1968; Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материалов : (1917—1972 гг.) / сост. Ф.В. Борисевич; Белорус. добр. о-во охраны памятников истории и культуры, Бюро пропаганды. Минск, 1972; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 11-ти томах. М., 1984; Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. М.-Л., 1940; Культурное строительство во Владимирской области. 1917—1977 гг. : Сборник документов. Ярославль, 1982; Культурное строительство в Ивановской области (1917—1987) : Сборник документов. Ярославль, 1987; Культурное строительство в СССР. 1917—1927 гг. Документы и материалы. 1928—1941 гг. М., 1986; Инструкция Наркомпроса и Комэкосо по госфондам РСФСР «О порядке учета и реализации музейными учреждениями ненужного и ветхого имущества, а также госфондов немузейного значения» от 13 января 1926 г. // ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 5. Л. 41—42; Распоряжение Главнауки Наркомпроса директору Ярославского государственного областного музея от 21 мая 1926 г. // ГАЯО. Ф.Р.—1400. Оп. 1. Д. 5. Л. 58—59.

охраны и использования памятников губерний Центрально-промышленной области. Представлявшие большую общественную ценность памятники культуры впервые влились в складывавшуюся в истории и культуре России классификацию национального достояния нового государства.

Особое значение для судеб многих культовых зданий имела «Инструкция Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению» от 3 января 1919 года[1]. Данный документ предписывал передачу государству всех культовых зданий, «имеющих историческое, художественное или археологическое значение», создание для этого специальных комиссий из представителей «местного Совдепа», местной Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, Государственного контроля. Значение данного источника трудно оценить однозначно. С одной стороны, он узаконивал принудительное изъятие ценных в художественном отношении зданий; с другой, благодаря этой инструкции, многие культовые здания были спасены от уничтожения.

Вторую группу исторических источников составили делопроизводственные материалы, которые включают документы центральных и местных органов памятникоохранных структур. Делопроизводственная документация представлена отчетами Комитета по делам музеев и охраны памятников Главнауки Народного Комиссариата Просвещения и имуществ республики[2], документами центральных и местных музеев, отчетами членов научных организаций[3], каталогами музеев, отчетами об

---

[1] Инструкция Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению от 3 января 1919 г. // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 30—31.
[2] ГАРФ. Ф.А.-410. Народный комиссариат имуществ республики (1917—1918).
[3] Козлов, В. Ф. Обзор документов отдела письменных источников Государственного Исторического музея о музейном деле и охране памятников истории и культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти (1918—1927 гг.) / В. Ф. Козлов // Теории и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 204—211.

их экспедициях, распоряжениями, разъяснениями по музейному строительству, протоколами Всесоюзных съездов воинствующих безбожников[1], справочной, отчетной документацией губернских отделов народного образования, которые занимались разработкой и непосредственным воплощением в жизнь политики государства в отношении охраны памятников, краеведческих организаций[2].

Важное значение имеют документы Народного Комиссариата Просвещения РСФСР — приказы и распоряжения, протоколы комиссий, планы и отчеты о его работе, отделов и учреждений, переписка с другими министерствами с 1918 по 1941 года — размещены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ РФ). Народный комиссариат просвещения (НКП, Наркомпрос РСФСР)[3], созданный на заседании II Всероссийского съезда Советов 28 октября 1917 года ставил своей задачей руководство культурной революцией в стране. Документы представляют информацию о направлениях деятельности государственных комиссий, о финансировании мероприятий на местах, об описи изымаемых ценностей в губерниях Центрально-промышленной области, дополняя сведения, которые можно почерпнуть из региональных архивов.

В Государственном центральном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) нами были изучены документы Государственного музейного фонда Наркомпроса РСФСР с 1917 по 1929 гг. (фонды 29, 36), характеризующие деятельность художественно-исторических комиссий при петроградских дворцах в ноябре 1917—мае

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-5407. Центральный Совет союза воинствующих безбожников СССР (1925—1941); ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-913. Ярославский губернский совет Союза воинствующих безбожников (1925—1930); Ф.П.-918. Ярославский городской совет Союза воинствующих безбожников (1929—1933); Ф.П.-3378. Ярославский район совет Союза воинствующих безбожников (1930—1933); Ф.П.-272. Протоколы, докладные записки советских органов по вопросу закрытия церкви в с. Черная заводь Некрасовского района.

[2] Отчет Ярославского Естественно-исторического общества с 1913 по 1919 г. Ярославль, 1919; Положение о Костромской губернской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины // Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. Кострома, 1919. С. 23.

[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Министерство просвещения РСФСР (1917—1988); Ф.А.-2307. Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука) Наркомата Просвещения РСФСР, сектор науки НКП.

1918 года. Материалы содержат информацию о работе оценочно-антикварной комиссии, о деятельности некоторых сотрудников Отдела музеев по охране памятников искусства и старины и музейному строительству в Центрально-промышленной области. В документах фонда содержатся циркуляры и приказы Комиссариата имуществ республики и Наркомпроса, постановления и переписка о национализации дворцов и особняков, протоколы собраний и другая управленческая документация. Однако при наличии большого количества списков продаж почти полностью отсутствуют полагающиеся при этом акты приема-передачи комиссией непосредственно в «Антиквариат» продаваемых вещей. Фонд содержит обширную переписку Государственного музейного фонда Наркомпроса РСФСР с Главнаукой (отделом Наркомпроса), ОГПУ (затем НКВД), НКИД, НКВТ (в лице всесоюзного объединения по продаже антикварных ценностей), «Антиквариатом», горкомом ВКП (б) Ленинграда, Ленсоветом, иностранными консульствами, губфинотделом и прочими.

Известно, что с середины 1920-х гг. делопроизводство структур церковного управления было свернуто. В связи с естественным дефицитом источников церковного происхождения резко возрастает значение материалов государственных органов, ведавших церковной политикой (профильных структур Наркомата юстиции — ГАРФ. Ф.А.-353; специальных комиссий — ГАРФ. Ф.А.-5263 и др.), однако, персональной информации они практически не дают. В этой связи внимания заслуживают информационные сводки специальных органов, содержащие разделы о «положении церковников / церковном вопросе» — в них встречаются упоминания о деятельности некоторых иерархов и видных представителей монашества на местах (обычно в связи с масштабными конфликтами православных групп различной

ориентации)[1].

Вместе с тем именно документы архивно-следственных дел являются зачастую единственным источником по истории довоенного православного общества, позволяя, однако, и на основе скудных документальных свидетельств приходить к различным заключениям о характере государственно-церковных отношений и сохранению храмов верующих губерний Центрально-промышленной области. Именно материалы следственных дел епископов, представителей белого духовенства, в частности, позволили воссоздать обстоятельства истории православных обителей Ярославской епархии в 1920—1930-х гг.[2].

С 1918 по 1934 гг. изучением и сохранением памятников искусства и старины в Советской России активно занимались Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ). Документы мастерских, хранящиеся в Центральном архиве г. Москвы (ЦАГМ. Ф.Р.-1), объединенные в блоки по регионам, позволяют по описи найти сведения о местном памятнике. В протоколах заседаний архитектурной секции ЦГРМ, особых делах исследователь может воспользоваться актами осмотра, заключениями, резолюциями, перепиской с властями по наиболее известным церковным зданиям и монастырям Владимирской, Костромской, Ярославской и других губерний Центрально-промышленной области. Фонд ЦГРМ служит важным источником для судеб памятников древнерусского зодчества в 1920-х гг.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) были проанализированы документы 54 фонда, позволяющие уточнить и конкретизировать некоторые стороны процесса реставрации памятников зодчества в Ярославле. На ряд сюжетов пред-

---

[1] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М., 2001—2008. Т. 1—8.

[2] Все мы Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918—1953. Краткие биографические сведения. Ярославль, 2012.

ставлялось взглянуть совершенно по-иному: на взаимоотношения Наркомата просвещения и Наркомата имуществ, на ход реставрации, на особенности восстановления объектов гражданской архитектуры города, на масштабы финансирования восстановительных работ.

Сведения, отражающие более полно деятельность местных органов власти в исследуемом регионе, получены из фондов государственных архивов Владимирской, Тверской, Ивановской, Костромской, Ярославской областей (ГАВО, ГАТО, ГАИО, ГАКО, ГАЯО) и их филиалов. Работой по организации музейного дела в провинции занимались местные губернские подотделы по делам музеев, действовавшие при отделах народного образования, поэтому документы, освещающие процесс формирования органов управления музейным делом на местах, сосредоточены именно в фондах губОНО по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы[1].

Основу этих фондов составляют делопроизводственные документы (распорядительная, организационная, отчетно-обобщающая, контрольная документация). Изучая протоколы заседания музейных коллегий, можно выделить основные направления работы, трудности, с которыми встречались его сотрудники, и пути их решения. Деловая переписка губернского подотдела по делам музеев с центральными учреждениями дает представление о масштабе складывавшейся системы управления сохранением памятников и музейным делом в губерниях ЦПО. В них отражен процесс реализации рекомендаций, указаний и других распоряжений центральных музейных органов на местах. В частности, из фонда ярославского губернского подотдела по делам музеев и охране памятни-

[1] ГАВО. Ф.Р.-1045. Отдел народного образования Владимирского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; ГАВО ХДНИ. Ф.П.-85. Фракция РКП(б) - ВКП(б) Владимирского губернского исполнительного комитета (фракция РКП(б) - ВКП(б) Владимирского губисполкома); ГАКО. Ф.Р.-24. Костромской губернский отдел народного образования; ГАТО. Ф.Р.-488. Тверской губернский отдел народного образования; ГАЯО. Ф.Р.-178. Ярославский губернский отдел народного образования; ГАЯО. Ф.Р.-1007. Ярославский губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы.

ков искусства и старины были использованы документы II-ой областной конференции музейных работников Центрально-промышленной области, проходившей в Ярославле с 12 по 16 декабря 1926 года[1]. Тезисы докладов и резолюции к ним позволяют оценить содержание музейной работы, а также научно-исследовательской, образовательной и политико-просветительской деятельности, осуществляемой сотрудниками центральных и местных музеев.

Наиболее полная информация о музейной работе в деле охраны памятников содержится в фондах губернских музеев[2], а также в документах местных научных обществ[3] (так как инициаторами организации некоторых музеев были именно научные общества), содержащиеся в фондах региональных архивов. Отчеты как губернских, так и уездных музеев являются итоговыми документами. Уже к середине 20-х гг. XX в. сложилась определенная форма документа, согласно которой музей давал отчет о своей работе. Она включала в себя 50 пунктов (место расположения, время открытия музея, состав, отделы, план работы). Отчеты составлялись по месяцам, полугодиям и годам (с октября одного года до октября следующего). Но, к сожалению, сведения о музейной работе в деле сохранения искусства и старины были неполными (ответов на все поставленные вопросы чаще всего не было), многие отчеты просто отсутствуют.

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 64—66.

[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Владимирский краеведческий музей; ГАВО. Ф.Р.-2590. Суздальский государственный музей; ГАКО. Ф.Р.-1043. Костромской областной краеведческий музей; ГАЯО. Ф.Р.-1400. Государственный Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (1919—1972); ГАИО. Ф.П.-393. Иваново-Вознесенский отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины; Ф.Р.-2969. Государственный музей Палехского искусства Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР (с. Палех); Ф.Р.-486. Ивановское отделение художественного фонда РСФСР (г. Иваново); Ф.Р.-2977. Палехское отделение художественного фонда РСФСР (р/п. Палех); Ф.Р.-2725 Управление по делам искусств при исполнительном комитете Ивановского областного совета депутатов трудящихся (г. Иваново); РФ ГАЯО. Ф.Р.-429. Рыбинский краеведческий музей; Архив ТОКГ. Ф.-1. Тверская областная картинная галерея.

[3] ГАВО. Ф.Р.-3239. Муромское научное общество краеведения; ГАКО. Ф.Р.-838. Костромское отделение Ивановского научного общества по изучению местного края; ГАЯО. Ф.Р.-221. Ярославское естественноисторическое и краеведческое общество; РФ ГАЯО. Ф.Р.-334. Рыбинское научное общество.

С 1923 года более точными становятся сведения по музейной отчетности. В отчетах встречается и информация о сотрудниках музеев, их социальном положении, образовании и должности. Эту краткую информацию можно дополнить сведениями, взятыми из личных дел. Результаты проверок музейной работы начинают появляться в архивных документах с конца 1920-х гг. Оформленные в виде отчетов проверочных комиссий в большинстве случаев они содержали перечень недостатков в работе музеев и рекомендации по их исправлению.

Деятельность реставрационной комиссии в Ярославской губернии в послереволюционный период отражены в материалах нескольких архивных фондов[1]. Материалы фонда 1401 Государственного архива Ярославской области дополнены сведениями, собранными в результате работы с содержанием двух ведомственных архивов — бывшей специальной научно-реставрационной и производственной мастерской (преемнице ярославского отделения центральных государственных мастерских, ныне ОАО «Ярреставрация») и Ярославского художественного музея (ЯХМ). Наиболее ценной является «Памятная записка И.И. Князева» (ОАО «Ярреставрация»), раскрывавшая направления работ по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 гг. Сопоставляя планы работ и полученные результаты, можно оценить масштаб задуманного и реализованного на практике.

Материалы ярославского отделения ЦГРМ (ЯО ЦГРМ), хранящиеся в ЯХМ, образуют фонд № 7, включающий 67 дел. Хронологически документы распределяются по двум периодам. Особенно интересны дела, относящиеся к периоду активной деятельности ярославского филиала — до 1935 г., который совпал с эпохой музейного строительства и

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1401; Ярославское отделение центральных реставрационных мастерских (1920—1930 гг.): Архив ОАО «Ярреставрация» (неразобран); Архив ЯХМ. Ф.-1. Оп. 1; Ф.-7. Оп. 1.

формирования коллекции иконописи. Интересен тот факт, что дублирование документов можно найти архиве Государственной Третьяковской галереи [1], архиве музея им. А.В. Щусева, включающие многочисленные обмеры, черновые наброски и чертежи, проекты реставрации отдельных памятников, рисунки.

Документы Государственного архива Владимирской области позволяют раскрыть состояние музейного и охранно-реставрационного дела во Владимире в 1917—1941 гг. Исследованный нами документальный свод из фондов ГАВО охватывает первые два десятилетия советской власти[2]. Его составляют акты осмотра памятников, сметы на ремонты, переписка — все то, что содержит информацию о состоянии, использовании в хозяйственных целях, реставрации церквей и других памятников архитектуры, бывших в ведении Владимирского музея, от которого зависело их благосостояние или, напротив, неблагополучие.

Источники, позволяющие изучить направления музейной и внемузейной деятельности, сосредоточены также в фондах соответствующих ведомств и общественных организаций и комитетов. Особый интерес представляют фонды Костромской губернской ученой архивной комиссии (Ф.-179), Костромского научного общества по изучению местного края (Ф.Р.-508, Ф.Р.-848), костромского музея-заповедника (Ф.Р.-548). Использованы и материалы личных фондов В.И. Смирнова (Ф.Р.-550), И.А. Рязановского (Ф.Р.-107).

Материалы фонда Центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР[3] о вскрытии мощей, законности арестов веру-

---

[1] ОР ГТГ. Ф.-67. № 332.
[2] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1; Ф.Р.-1826. Оп. 1.
[3] ГАРФ. Ф.А.-5263. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР (1929—1938); ГАРФ. Ф.А.-8422. Валютный комитет при СНК (1936—1937); ГАРФ. Ф.А.-3385. Комиссия заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР (1923—1925); ГАЯО. Ф.Р.-45. Ярославский губернский ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ (1918—1921); ГАЯО. Ф.Р.-1033. Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

ющих и священнослужителей, конфискации церковных имуществ[1] дают представления об отношении верующих к религиозной политике советской власти. Лишенные грифа «совершенно секретно», они позволяют развенчать один из мифов советской историографии о безоговорочной поддержке населением действий властей по национализации церковной собственности, арестов и расстрелов контрреволюционного духовенства, разоблачения культа святых мощей. Материалы и документы СНК, письма верующих с жалобами на необоснованные действия властей, входящие в документацию Бюро жалоб и заявлений VIII (Ликвидационного) отдела НКЮ, свидетельствуют о перегибах органов власти и в реализации декрета об отделении церкви от государства, и в антиохранной политике в целом.

Фонды губернских и уездных исполкомов Советов, отделов народного образования, подотделов и комиссий по отделению церкви от государства, хранящиеся в государственных архивах Владимирской, Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областей[2], представляют особую ценность для выявления региональных особенностей процессов отделения церкви от государства. В отчетных документах Костромского подотдела по отделению церкви от государства, отмечались затянутость процесса и трудности его осуществления, приводились данные о действующих и закрытых храмах и монастырях губернии, организованных сопротивлениях духовенства и верующих.

Переписка губернских и уездных органов власти, в которых рассматривались вопросы о религиозных обществах, о закрытии церквей и монастырей и использовании помещений бывших храмов и молитвен-

[1] ГАРФ. Ф.А.-1726. Комиссия Совета труда и обороны по учету и реализации госфондов (1922—1927);
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Исполнительный комитет Ярославского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1929—1930); ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-394. Ярославский губком ВКП(б) 1917—1929; ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-1. Костромской губком РКП(б) 1918—1922; ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-2. Костромской горком ВКП(б); ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-765. Костромской обком ВКП(б); ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-3656. Управление Министерства государственной безопасности СССР по Костромской области; ГУ ГАНИКО. Ф.П.-9. Чухломской; Архив Костромской епархии.

ных домов, позволяет проследить практическое осуществление советского законодательства о культах, реакцию духовенства и верующих на действия местных властей. Документы дают представление о формах и методах антирелигиозной работы органов власти на местах, об их соответствии партийным и государственным установкам[1].

Документы губернских, уездных и волостных комитетов партии из фондов Центров документации новейшей истории Ивановской и Ярославской области и государственного архива новейшей истории Костромской области включают стенограммы и протоколы губернских партийных съездов, конференций, пленумов и заседаний губкомов, укомов, райкомов и горкомов РКП(б)—ВКП(б), материалы отделений Союза безбожников на местах[2]. Все они позволяют выделить характерные черты реализации генеральной линии партии в религиозном вопросе, отход от постановлений и распоряжений ВЦИК и СНК в целях соблюдения партийного курса на уничтожение религии и церкви[3].

Архивные дела из фонда Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП (б) представляют полную картину изъятия церковных ценностей в губернии и Шуйских событий 1922 года. Переписка центральных и местных властей, шифрограммы из центра, отчеты по расследованию губернской комиссии, противоречивые сведения о «виновности» подозреваемых, скоропалительность судебного процесса и безоговорочные «расстрельные» приговоры служат подтверждением того факта, что изъятие церковных ценностей имело целью не только сбор средств на нужды голодающих, но и окончательное подавление «реак-

[1] ГАЯО. Ф.Р.-600. Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского губернского Совета (1918—1924);
[2] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-913. Ярославский губернский совет Союза воинствующих безбожников (1925—1930); ГУ. Ф.П.-3. Костромской окружной комитет ВКП (б); Ф.П.-1. Костромской губком ВКП (б).
[3] Как это было: документы и материалы о сносе соборов Костромского Кремля в 1934 г. / Сост. А.М. Елизаров. М., 2003.

ционного» духовенства, подрыв экономических и политических позиций церкви.

Поскольку государственно-партийная политика была в первую очередь направлена на учет и сохранение значимых памятников искусства и старины, среди которых основная часть принадлежала «вредным», в идеологическом отношении, памятникам храмовой архитектуры, в диссертации была поставлена задача рассмотреть взаимоотношения государственной и местной власти с религиозными организациями. Документы центральных и местных партийных органов, представленные материалами антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б), отдела агитации и пропаганды, постановлений пленумов и решений съездов партии «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», «О работе в деревне», «О постановке антирелигиозной пропаганды и нарушении пункта 13 программы партии» и другими. В сборнике «Архивы Кремля. Политбюро и церковь»[1], приведены протоколы заседаний этого партийного органа по религиозным вопросам, документы из следственного дела патриарха Тихона, процессов духовенства и верующих с 1922 по 1925 гг.; представлены как черновые варианты принятых постановлений и распоряжений, так и их копии, в которых отсутствуют отдельные пункты решений. Сохраненные составителями автографы членов Политбюро — Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, В.М. Молотова и других — позволяют установить их позиции по обсуждаемым вопросам. Эти пометки и различия черновиков и копий отражают отсутствие единодушия, противоречия в партийном руководстве по отношению к церковным ценностям. Отстаиваемая М.И. Калининым и высказываемая В.М. Молотовым позиция смягчения общей линии по вопросу изъятия церковных ценностей наталкивалась на более жесткую точку зрения В.И. Ленина и Л.Д.

[1] Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. / Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. [Кн. 1.]. Новосибирск-М., 1997.

Троцкого[1], поддержанную в итоге большинством членов Политбюро, практически давших добро в деле организации массовых репрессий по отношению к духовенству, спровоцировавших антисоветские выступления на почве изъятия церковных ценностей. Документы, опубликованные в сборнике, подтверждают нарушение равновесия между партийными и государственными органами по силе влияния на определение главной линии государственно-церковных отношений с 1922 года, отразившаяся на политике местных органов власти в Центрально-промышленной области.

Интересны в отношении политики власти исследуемого региона материалы Государственного архива Российской Федерации, которые содержат информацию по экспорту антиквариата из СССР в 1927—1928 гг.[2]. Согласно распоряжениям, Наркомторгу СССР разрешалось организовать вывоз из СССР предметов старины и роскоши, старинной мебели, предметов домашнего обихода, религиозного культа, предметов из бронзы, фарфора, хрусталя, серебра, парчи, ковров, гобеленов, картин, автографов, русских самоцветов, кустарных изделий, не представлявших музейной ценности, с освобождением вывозимых предметов от таможенной пошлины, но с уплатой в доход казны 10% валюты от продажной выручки за границей за вышеуказанные предметы.

Среди документов и материалов Русской православной церкви особое место по рассматриваемой в диссертации проблеме идеологической политики занимают дела фонда Всероссийского Церковного Поместного собора (ГАРФ)[3], в котором представлены протоколы заседаний соборных комиссий по фактам гонений на церковь, соборные опре-

[1] Записка Л. Д. Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) о создании секретной комиссии по изъятию ценностей из московских церквей. 11 марта 1922 г. // The Trotsky Papers, 1917—1922. Vol. 2 (1920—1922). Paris, 1971. P. 688.

[2] Постановление Совнаркома СССР «Об организации Наркомторгом СССР вывоза за границу предметов старины и роскоши, не представляющих музейной ценности» от 28 июня 1927 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 3. Д. 207. Л. 1. Подлинник; Постановление Совнаркома СССР «О выделении и экспорте антикварных ценностей» от 24 июля 1928 г. // ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 4. Д. 393. Л. 1.

[3] ГАРФ. Ф.А.-3431. Всероссийский церковный поместный собор (Священный собор). 1917—1918.

деления, переписка с губернскими епархиями по вопросу о закрытии церквей. Они свидетельствуют о нежелании большей части духовенства мириться с требованиями нового времени, советским законодательством о культах, принятием решений, противоречащих основным его положениям.

Послания, выступления и постановления патриарха Тихона[1], Священного синода и Высшего церковного совета, рассматриваемые в совокупности с другими группами источников, представляют собой скорее ответную реакцию на жесткие административные действия властей. Позиция патриарха, отражаемая в его посланиях, заявлении 1923 года и в «Завещании» 1925 года, базировалась на невмешательстве в политическую борьбу и сферу деятельности государственной власти, в том числе на местах.

Значительный объем ценных материалов содержится в сборниках документов, которые широко издавались в последние десятилетия. Эти материалы касаются как государственной политики в области сохранения памятников искусства и старины, музейного дела в целом, так и осуществления этой политики в конкретных регионах страны[2].

Третья группа источников включает в себя статистические материалы[3]. Содержащие данные о количестве церквей и монастырей, церковных и монастырских ценностях, они приводят сведения по губерниям.

---

[1] Тихон, патриарх. Россия в проказе / Патриарх Тихон. М., 1998.

[2] Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М., 1973; Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII—начало XX в. Сборник документов. М., 1978; Сохранение памятников церковной старины в России XVIII—начала XX в. Сборник документов. М., 1997; Охрана культурного наследия в документах XVII—XX вв. Хрестоматия. Т. 1. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920—1930 гг. СПб., 2002; Культурное строительство на Севере, 1917—1941 годы: Документы и материалы. Архангельск, 1986; «Вглядись в минувшее бесстрастно...»: Культурная жизнь Ярославского края 1920—30-х гг.: Документы и материалы. Ярославль, 1995; и др.

[3] Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911; Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб, 1890—1904; Дунаев, Б. И. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства : Опыт археолого-статистической переписи / Б. И. Дунаев. М., 1913; Бюллетени Костромского губернского статистического бюро. № 3: Бюллетень по секции статистики народного образования. Кострома, 1919; Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911; Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Вып. 5. Кострома, 1918; Культурное строительство в СССР. Статистический сборник. М.-Л., 1940; Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960.

Интерес представляют сведения об официальном количестве реализованных предметов через систему Госторга.

Четвертой группой источников являются материалы периодической печати губерний Центрально-промышленной области, являющиеся богатым и ценным источником по изучаемой проблеме. Наибольший интерес для исследования темы диссертации представляет местная периодика[1], отражавшая события, происходившие в той или иной губернии. Отношение к памятникам искусства и старины отчетливо проявляется с изменением идеологической составляющей в развитии общества. Если после Октября 1917 года потери на историческом поприще воспринимались как трагедия, то затем наглядно представить атмосферу того времени позволяют статьи на атеистическую тематику в конце 1920-х гг. Проводимые на страницах печати разоблачения и высмеивания священнослужителей нашли отражение в характерных рубриках и подзаголовках периодической печати: «О закрытии церкви Спаса на Запрудне требуют рабочие фабрики № 5 в количестве 435 чел.», «Попы и народ», «В темном царстве», «О религии и церкви», «Требуем изъятия колоколов», «Просим правительство быстрее разрешить вопрос об изъятии колоколов и передаче металла в фонд индустриализации».

Центральные журналы «Бюллетень Главнауки НКП», «Еженедельник НКП», «Бюллетень официальных распоряжений и сообщений НКП», «Революция и церковь», «Безбожник», «Музей», «Советский музей», «Народное просвещение», «Антирелигиозник» представляет документально-правовую базу источников, используемых в исследуемый период.

---

[1] «Костромской церковно-общественный вестник», «Красный мир», «Северная правда» (Кострома), «На ленинском пути», «Просвещение Ивановской области», «Хозяйство Ивановской области», «Советская газета», «Рабочий город», «Рабочий край», «Вооруженная беднота», «Известия Шуйского Совета» (Иваново), «Известия Ярославского губисполкома», «Северный рабочий», «Гудок» (Ярославль), «Известия Владимирского губернского исполнительного комитета», «Воля народа», «Ковровская беднота», «Беднота», (Владимир), «Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Рыбинск), «Районная газета», «Калининградская правда», «Призыв», «Живая церковь», «Пролетарская мысль», «Тверская правда», «Пролетарская правда», «Спутник активиста», «Тверская деревня» (Тверь) и др.

Печатные органы губернских Советов содержат материалы дискуссии по вопросу принятия декрета «О свободе совести и религиозных объединениях», приводят разные точки зрения на его основные положения и статьи. В местной прессе представлены материалы по истории снятия колоколов, результаты кампании по вскрытию мощей, статьи, осуждающие позицию церкви по вопросу изъятия церковных ценностей, статистика изъятого и разрушенного.

Выходившие в первые послереволюционные месяцы журналы «Костромской церковно-общественный вестник», «Костромские епархиальные ведомости» (1917—1918 гг.) выражали позицию неприятия религиозной политики большевиков, отстаивания собственных взглядов на вопросы о свободе совести, положении церкви в государстве. Непримиримость к инакомыслию представителей Советской власти привела к закрытию журналов за контрреволюционную деятельность и антисоветскую пропаганду. Заполнившие печатный вакуум атеистические журналы «Революция и церковь» (1920—1924), «Безбожник» (1926—1929), «На ленинском пути» (1928—1929), «Просвещение Ивановской области» (1929) отражали партийно-государственные взгляды по проблемам религии и церкви, со своей стороны способствовали разрушению религиозных предрассудков. Журнал «Хозяйство Ивановской области» (1936) приводил на своих страницах планы реконструкции города, создававшие их архитектурный образ в 1930-х гг., отвергая включение в планы памятников церковной архитектуры.

В документальном наследии советской эпохи источники личного происхождения, равно как и документы по исторической биографике имеют особое значение, позволяя увидеть в структуре нового общества индивидуальность, личность в контексте исторической эпохи.

Пятая группа источников — публицистика — произведения руководящих партийно-государственных деятелей — В.И. Ленина, И.В.

Сталина[1], Н.И. Бухарина[2], А.В. Луначарского[3], Н.И. Троцкой[4], Е. Ярославского[5] отражают процесс разработки основных принципов и направлений политики советского государства в отношении памятников искусства и старины, а также связанные с ними вопросы религии и церкви. Работы В.И. Ленина и А.В. Луначарского, посвященные вопросам культуры, носили, скорее, характер наставления («Берегите народное наследие»), чем исторического исследования, призывая сохранять старину и определять ценность наследия прошлого[6].

В данной группе источников также даны указания центральным и местным органам власти, предложены меры по ограничению влияния религии, активизации антирелигиозной пропаганды и повышению ее качественного уровня. В них представлены различные точки зрения на формы и методы антирелигиозной работы (от жестких административных до более мягких пропагандистских). Лидеры коммунистического общества настаивали на применении правовых форм охраны российского наследия, декларативно выступив против применения административных методов при закрытии церквей, ликвидации монастырей, приводивших к утрате древностей.

Реставраторы, художники, музейные деятели и просто свидетели тех событий описывали различные события, участниками и наблюдате-

---

[1] Сталин, И. В. Сочинения. Т. 11. / И. В. Сталин. М., 1949.
[2] Бухарин, Н. И. Этюды / Н. И. Бухарин. Репр. воспр. изд. 1932 г. - М.: Книга, 1988.
[3] Ленин, В. И. Переписка, доклады, документы / В. И. Ленин, А. В. Луначарский. М., 1971.
[4] Троцкая, Н. Музейное строительство и революция / Н. Троцкая // Наука и искусство. М.; Л., 1926. № 1. С. 29—53.
[5] Личный фонд Е. Ярославского // РГАСПИ. Ф.-89; Ярославский, Е. М. Коммунизм и религия / Е. М. Ярославский. М., 1936; Ярославский, Е. М. Против религии и церкви / Е. М. Ярославский. 1932—1935. Т. 1-3. М., 1936; Он же. О религии / Е. М. Ярославский. М., 1957; Он же. Религия и ВКП (б) / Е. М. Ярославский. М., 1926.
[6] Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 2, 12, 23; Он же. Военная переписка 1917—1922 гг. М., 1966; Он же. О религии (сборник). М., 1983; Он же. Об атеизме, религии и церкви (сборник произведений, писем и других материалов). М., 1980; Он же. Социализм и религия: об отношении рабочей партии к религии. М., 1988; Ленин, В. И. Переписка, доклады, документы / В. И. Ленин, А. В. Луначарский. М., 1971.

лями которых они были[1]. Интересным источником в данной категории является грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии по реставрации памятников искусства и старины, подписанная им в августе 1918 года. Грамота сыграла исключительную роль в истории отечественной культуры — она не только стала надежным «покровом» для упомянутой в ней Комиссии, но и ясно обозначила позицию Патриарха в деле сохранения древних церковных памятников в целом[2]. Благосклонное отношение Патриарха давало возможность производить любые реставрационные работы во всех храмах страны.

Записанные исследователями Ю. Бычковым и В. Чивилихиным воспоминания реставратора П.Д. Барановского, возглавлявшего деятельность по сохранению культурного наследия Ярославля в 1918 году, подтверждают сложности тех исторических условий, в которых велись памятникоохранные мероприятия[3]. С именем И.Э. Грабаря связано становление и развитие советской реставрационной школы. В своих работах глава Центральных государственных реставрационных мастерских сформулировал принципы научной реставрации, использованные в реставрации памятников в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.[4].

---

[1] НИОР РГБ. Ф.-178. М 9502-6 Анисимов Ю. П. «Статья о русской усадьбе» (конец 1920-х гг.); ОР ГТГ. Ф.-106: «Фонд И. Э. Грабаря»; Из истории реставрации древнерусской живописи. Переписка. И.В. Федышина (1924—1930 гг.)/ Под ред. Г. И. Вздорнова. М., 1975; Письмо И. А. Тихомирова в Ярославский окружной музей // ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 51. Л. 28—28об; Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926; Лютер, А. Дневник офицера / А. Лютер // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 158.

[2] ОР ГТГ. Ф.-68. Д. 257. «Грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии по реставрации памятников искусства и старины. Август 1918 г.»

[3] Чивилихин, В. Память / В. Чивилихин. М., 1983; Бычков, Ю. А. Житие Петра Барановского / Ю. А. Бычков. М., 1991; Из частного письма П. Д. Барановского // Северный край. 1993. 28 сент.

[4] Грабарь, И. Э. Письма 1914—1936 / И. Э. Грабарь. М., 1968; Он же. Воспоминания. М., 1937; Он же. О древнерусском искусстве. М., 1966; Он же. Моя жизнь. М., 2001; Он же. О русской архитектуре. Исследования. М., 1969; Он же. Реставрация памятников древнерусского зодчества // Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 357—360; «Как много интересного было в Ярославле» (письмо П. Д. Барановского Н. Н. Малыгину по случаю юбилея Ярославской реставрации, бывшей 25 лет назад) // Северный край. 1993. 28 сентября. С. 3; Левитин-Краснов, А. Э. Очерки по истории русской церковной смуты / А. Э. Левитин-Краснов, В. Шавров. Кн. 9. М., 1996.

После революционных потрясений 1917 года А.Н. Бенуа также остался в Петрограде. Он продолжал, как и раньше, вести активную творческую жизнь, принимал деятельное участие в работе всевозможных организаций, связанных с охраной памятников искусства и старины. Февральские события со всей остротой поставили перед близкой к искусству интеллигенцией вопрос: кто и как возьмет на себя ответственность за сохранение памятников культуры, музеев и галерей от разрушительного энтузиазма революционных масс[1]. Заложенные автором принципы используются и на современном этапе.

Одной из тенденций современного этапа развития источниковедения отечественной истории является расширение эмпирической основы конкретно-исторических исследований за счёт все более активного использования наряду с традиционными, письменными, других разнообразных типов и видов исторических источников, в том числе таких, как фото- и кинодокументы. В этой связи особую актуальность приобретает введение в научный оборот диссертации шестой группы источников — фотодокументальных материалов из региональных архивов[2]. Данные фотографии могут стать основой коллекции образов утраченных церквей в 1930-х гг. Коллекция уникальных фотографий Музея архитектуры им. А.В. Щусева — одна из крупнейших в России[3]. В ней содержатся так называемые архитектурные фотографии, на которых представлены «портреты» губернских архитектурных памятников 1920—1930-х гг., и фиксационные фото, сделанные в ходе реставрации памятников Ярославля и Владимира, и другие фотосюжеты. По фотографическим источ-

[1] Александр Бенуа размышляет: [статьи, письма, высказывания]. М., 1968; Бенуа, А. Мои воспоминания. В пяти книгах / А. Бенуа. М., 1993; Он же. Мой дневник. 1916—1917—1918. М., 2003.
[2] ГАВО. Ф.П.-590. Оп. 7; ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1; Ф.Р.-1401. Оп. 1; Ф.Р.-2380. Оп. 2; Памятники Архитектуры Костромской области. Буйский, Сусанинский районы. Вып. X. Кострома, 2008; сайт Костромской епархии РПЦ МП // Режим доступа: www.kostroma-eparhia.ru; сайт «История и культура Костромского края» // Режим доступа: kostromka.ru; сайт «Храмы России» // Режим доступа: www.temples.ru.
[3] Фотографический фонд музея: Краткий путеводитель. М., 1988.

никам можно проследить, как изменялись русские города и наполнявшие их памятники архитектуры.

Разнонаправленные и разнохарактерные источники, использованные в работе, имеют значительные отличия по степени достоверности и объективности, масштабах охвата проблемы.

В совокупности весь этот обширный круг источников и литературы позволяет ясно представить состояние проблемы в рассматриваемый период, уяснить основные направления государственной политики в этом вопросе, ее практическое осуществление на местах, а также изменение позиции государства в вопросе сохранения культурного наследия на рубеже 1920—1930-х годов. В ходе исследования применялся комплексный подход и критический сравнительный анализ многообразных источников по проблеме взаимоотношений государства и местных органов власти, государства и церкви, взаимного влияния государства на судьбы отдельных личностей того времени. Введение в научный оборот ряда новых документов, прежде всего, местного происхождения, позволило диссертанту предпринять попытку создания целостной картины всего механизма памятникоохранных мероприятий в регионе.

1.3. Методология исследования

Методологическая основа диссертационного исследования ориентирована на поиск рациональных путей исследования, выбор оптимальных методов познания на всем протяжении работы от этапа сбора материала и до получения конечного результата. Все этапы изучения предмета в рамках культурологии объективно соответствуют общим принципам теории информации и процедурам формализации, систематизации, организации определенных массивов информационных данных. В центре анализа дис-

сертации — деятельность государственных и местных органов власти в процессе сохранения памятников искусства и старины в Центрально-промышленной области. Тем самым, история сбережения культурных ценностей предоставляет исследователям богатейший материал по вопросам изучения и фиксации памятников, реставрации и использования уникальных объектов, сохранения их для будущих поколений.

Прежде чем перейти к рассмотрению методологии данного исследования необходимо остановиться на специфике изменений, которые произошли в исторической науке в течение последних десятилетий. Так, длительное господство только одной марксистской методологии, которая к тому же часто трактовалась в догматическом русле, обыкновенная неинформированность относительно других методологических подходов, возникших и получивших в XX в. распространение в зарубежной историографии, значительно сузили поле исследовательских поисков советских историков, привели к существенной деформации в понимании и осмыслении исторических процессов[1].

На современном этапе одной из главных тенденций мировой историографии является повышенный интерес к проблеме: «Как пишется история сегодня?»[2]. Перед российской исторической школой стоит актуальная задача — интегрировать отечественную историографию в процессы, которые переживает на современном этапе мировая наука. Вместе с тем нельзя забывать, что методология с необходимостью требует от каждого ученого организации своей мыслительной деятельности.

Сложность изучения процессов сохранения памятников искусства и старины заключается в том, что данной проблематикой занимается не одна самостоятельная наука, а несколько — культурология, история, краеведе-

---

[1] Надеждина, В. А. Модернизация в Западной Европе и в России: теоретические подходы и практика изучения особенностей исторического процесса / В. А. Надеждина. Уфа, 2003. С. 60.

[2] Бориснев, С. В. Современные проблемы теории и методологии исторического исследования / С. В. Бориснев // Армия и общество. 2010. № 3. С. 81-87.

ние, правоведение и искусствоведение[1]. В связи с этим в изучении сохранения культурных ценностей прослеживаются два направления: теоретико-методологическое и историческое. Первое включает в себя теоретические разработки в области терминологии, критериев оценки памятников, а также характеристику самой сферы сбережения старины как разновидности междисциплинарного знания, второе — исторические особенности сохранения памятников искусства и старины[2].

Согласно научной гипотезе автора диссертации, опосредованной современным развитием науки, изучение процесса памятникоохранной политики губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. должно быть направлено, прежде всего, на выявление причин тех организационных основ, согласно которым памятники искусства и старины в губерниях ЦПО сохранялись не благодаря, а вопреки реакции государственных органов власти на политико-экономические события, происходившие в обществе. Забота о памятниках искусства и старины государственными органами власти — Наркоматом Имуществ и Отделом по делам музеев Наркомпроса РСФСР, решавшими возникшие проблемы путем формирования законодательной базы и памятникоохранных организаций, в губерниях ЦПО в 1920—1930-х гг. была последовательной. Вместе с тем многое зависело от местных органов власти, которые были незамедлительно включены в решение памятникоохранных проблем, а также личной инициативы квалифицированных специалистов — сотрудников музеев и краеведов, — участие которых на начальном этапе сохранения культурных ценностей в определенной степени сводилось к научным формам удовлетворения заинтересованности в сохранении каждого памятника искусства и старины. Взаимоотношения краеведов, представителей церкви, жителей

---

[1] Свичкарь, И. Г. Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия / И.Г. Свичкарь // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12 (303). История. Вып. 55. С. 90.

[2] Там же. С. 94.

городов и власти в 1920—1930-х гг. стали свидетельством их взаимообусловленности и стремлении одних (исследователей) постоянно напоминать о возникновении и существовании проблем, а других (государственных и местных органов власти) их решать ради усиления своего влияния, постепенно увеличивая идеологический прессинг. Провинция становилась памятникоохранным центром, в котором интенсифицировались механизмы музеефикации культурных ценностей в противовес свертыванию мероприятий по сбережению памятников искусства и старины.

Постановка данной рабочей гипотезы и приводимая в ее защиту аргументация не опровергают общих достижений исследователей в изучении рассматриваемого периода и осуществляются в контексте современной историографии. Гипотеза построена на основе использованного источникового материала, проведенного анализа понятийного аппарата и официальных инструктивных материалов. Гипотеза диссертационного исследования нашла отражение в методологии работы.

Для аргументации выдвинутой гипотезы необходим ответ еще на один очень важный методологический вопрос. Какие памятники искусства и старины следует включать в данные терминологические положения, рассматривая их в контексте 1920—1930-х гг. Для объективного ответа на поставленный вопрос, а, следовательно, и обоснования методологии исследования проведем исторический и правовой анализ данного определения.

Понятие «памятник искусства и старины» подверглось кардинальной юридической трансформации в 1920-х гг. Связано это было с тем, что впервые комплексное сохранение памятников искусства и старины было включено в сферу государственного регулирования. После прихода к власти новых политических сил в октябре 1917 года, провозглашавших иные принципы государственного устройства, вся система сбережения памятников искусства и старины была изменена.

«Предысторией» процесса сохранения российских древностей принято считать XVIII в. Сбережение памятников в дореволюционный период имело свои особенности. Интерес общества к осмыслению исторического прошлого был простимулирован соответствующей государственной политикой, проводимой Петром Первым. Понятия «старина» или «древность» связывались в отечественной культуре, прежде всего, с движимой материальной ценностью вещи и искусностью ее выполнения. При этом исторический возраст вещи далеко не всегда был главным критерием оценки. В документах того времени соседствовали два определения — «зело старо» и «необыкновенно». Тем самым диковинность, отличие от привычных и обыкновенных предметов играли приоритетную роль при определении понятия «древность»[1].

Исследования памятников старины рубежа XIX—XX вв. в значительной мере основывались на успехах профессиональной исторической науки, археологии, деятельности многочисленных архитектурно-художественных и археологических обществ. Определение историко-культурной ценности памятников на стыке столетий опиралось на солидную документальную базу, достоверность которой стала одним из критериев установления исторической ценности. Признаком соответствия, например, архитектурного произведения историко-культурным стандартам служила его принадлежность к определенной эпохе[2].

В законодательных актах 1920—1930-х гг. встречались различные определения, такие как — «культурные сокровища народа», «памятники Республики», «предметы исключительной художественной и исторической ценности», «культурные ценности», «ценности, находящиеся в церквях и монастырях», «предметы искусства и старины», а затем — «памятники искусства, старины, быта и природы». Тем самым понятие «памят-

[1] Полякова, М. А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия / М. А. Полякова // Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_kult_nasl_historical.pdf
[2] Забелин, И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории / И. Е. Забелин. М., 1873. С. 33.

ник искусства и старины» охватывало не только отдельный объект, но и определенную территорию, историко-культурную среду. Формирование комплексной, ансамблевой дефиниции «памятник искусства и старины» стало одним из условий и важнейших элементов содержания на современном этапе более широкого понятия «культурное наследие».

Начало нового отношения государственного аппарата к памятникам было положено в подготовленном в октябре 1917 года «Обращении» коменданта петербургских зданий М.В. Пригоровского. Здания находились в ведении Петербургского Военно-революционного Комитета (Зимнего, Мариинского, Таврического дворцов, Смольного института), а также комиссаров Петербургского ВРК по охране музеев и художественных коллекций Г.С. Ятманова и Б.Д. Мандельбаума[1]. «В ночь с 25 на 26 октября разгромлен Зимний дворец, — говорилось в «Обращении». — Заключающиеся в нём сокровища составляют неотъемлемую собственность народа. Мы призываем вас немедленно обратиться с требованием к тем товарищам, которые по малосознательности или по недоразумению присвоили себе предметы исключительной художественной и исторической ценности, немедленно таковые вернуть в комендантство Зимнего дворца»[2]. В «Обращении» художественно-исторические ценности Зимнего дворца были прямо объявлены неотъемлемой собственностью народа. Аналогичное определение новой принадлежности историко-культурного наследия содержалось и в первых распоряжениях наркома просвещения А.В. Луначарского[3]. 7 ноября 1917 года было опубликовано постановление Народного комиссариата просвещения за подписью А.В.Луначарского об охране памятников искусства и старины по бывшему министерству двора, предусматривавшее их строгий учет, каталогизацию и сбережение.

---

[1] Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 2. С. 112.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 25.

Лозунги о необходимости всемерного сохранения ценностей, находившихся во дворцах и усадьбах, первоначально вылились в форму абстрактной декларации. В письме В.И. Ленина к Ф.Э. Дзержинскому задача поиска и обязательной последующей реквизиции ценностей, находившихся во владении всех более или менее обеспеченных слоев общества, была обозначена как первоочередная[1]. Увеличивавшаяся политическая нестабильность, правовой вакуум и нигилизм, разрушение старых государственных структур привели к оживлению вывоза обывателями и скупщиками ценных предметов культуры за границу[2].

В то же время, музейные работники, искусствоведы, архитекторы и историки, не покинувшие страну, считали своим профессиональным долгом сохранение национального достояния, которое априори «стоит над политикой»[3]. В этой сфере не было саботажа, поскольку как старые, так и вновь созданные комиссии активно работали[4].

Кроме того, по мнению исследователя Г.А. Богуславского, была предпринята попытка выработки у масс пролетариата и крестьянства нового отношения к историко-художественному наследию, интереса к нему и чувства ответственности за его сохранение[5]. Сложность заключалась в том, что трудящиеся, не понимавшие во всей полноте исторического и художественного значения предметов, сосредоточенных в бывших дворцах и усадьбах, монастырях и богатых особняках, видели в них не культурные сокровища, а атрибуты сокрушенного строя, старого образа жизни. Новое законодательство и опиравшаяся на него практика способствовали перело-

---

[1] Политика советского правительства в области музейного строительства. Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920—1930 гг. СПб., 2002. С. 15.
[2] ГАРФ. Ф.А.-5263. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.
[3] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 16; Хусид, М. М. Разочарование / М. М. Хусид // Среди коллекционеров. 1921. № 5. С. 1.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 61об.
[5] Богуславский, Г. А. Из истории советского законодательства об охране памятников: Декрет от 5 октября 1918 г. / Г. А. Богуславский // Правоведение. 1987. № 5. С. 87.

му в отношении и пролетарских масс, и органов пролетарской власти к памятникам прошлого, культурному наследию[1].

С образованием в марте 1918 года в системе Наркомпроса Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины подготовка декретов стала носить целенаправленный характер. Сотрудники вышеуказанных структур подготовили проекты декретов «об учете антикварной торговли», «о воспрещении вывоза за границу каких бы то ни было предметов искусства и старины без разрешения Коллегии», и «об общем учете памятников искусства и старины»[2].

Понятие «предметы особого художественного и исторического значения» были включены в правовой оборот только через год — в сентябре 1918 года. Одним из первых документов, в котором встречался данный термин, явился Декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», изданный 19 сентября 1918 года[3]. Комиссариат Внешней торговли должен был давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Комиссариата Народного просвещения. Понятия «предметы особого художественного и исторического значения», а также «памятники старины и художественные произведения» использовались в законе как тождественные для обозначения движимого имущества, обладавшего историко-культурной ценностью. Родовым понятием вышеуказанных терминов являлся термин «культурные сокровища народа», заявленный в преамбуле документа, обозначавший, по нашему мнению, сохранение драгоценностей (очень дорогих по стоимости предметов) на всей территории Советской России. Государственные органы начинают формировать новую правовую

---

[1] Богуславский, Г. А. Указ. соч. С. 88.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 154. Л. 2об,3.
[3] Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 18 сентября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. № 69. Ст. 751.

политику в отношении памятников прошлого. Контекст законодательных актов был доведен до руководства на местах в короткий срок.

Для скорейшей реализации декрета 22 октября 1918 года Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе одобрила Инструкцию, разработанную представителями таможни, промышленности и торговли[1]. Затем была сформирована Комиссия по контролю за вывозом, определены формы описи малозначимых в культурном отношении предметов, образцы разрешительной документации и т.п.[2]. Тем самым был создан механизм реализации Декрета.

Подтверждение вышеуказанному процессу находим в содержании Декрета СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», принятом 5 октября 1918 года[3]. Данный документ занял главенствующее положение в советском законодательстве, регламентирующем отношения в области сохранения памятников искусства и старины в первые послереволюционные годы. В пункте первом Декрета отмечалось, что в целях охранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России, Совет Народных Комиссаров постановлял «произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины, как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы обладании они ни находились». Тем самым в законе, закрепившем права государства на сохранение памятников искусства и старины, для обозначения созданных людьми ценностей употребляется все тот же термин — «сокровища искусства и старины», которое становилось объединяющим для соотношения понятий «монумен-

[1] Рязанцев, Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917—1930-е гг.) / Н. П. Рязанцев. Ярославль, 2011. С. 69.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 43, 36.
[3] Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794.

тальные и вещевые памятники искусства и старины». Декрет не содержал четкого определения памятников искусства и старины, однако уже разграничивал их по категориям — «монументальные памятники, собрания предметов искусства и старины, а также отдельные предметы, имеющие большое научное, историческое или художественное значение».

Анализ дефиниций Декрета СНК 5 октября 1918 года позволяет сделать вывод о том, что определение понятия «сокровища искусства и старины» охватывало всю совокупность ценных материальных результатов человеческой (культурной) деятельности, достигнутых в прошлом. Материальные ценности составляли движимые и недвижимые вещи, имевшие научное, историческое и художественное значение.

Рассматривая содержание понятий «сокровища искусства и старины», «памятники искусства и старины», сформулированные в Декрете 1918 года, отметим их нечеткость, неудобство для понимания и практического применения, необходимости их дальнейшего пересмотра и усовершенствования. На основании данного определения невозможно было установить четкий круг объектов правового регулирования, по поводу которых у субъектов правовых отношений при вышеуказанных обстоятельствах возникали соответствующие права и обязанности. Законодатель, скорее всего, не ставил перед собой такую цель. Данное понятие давало некий ориентир. Конкретизация памятников истории и культуры, по замыслу разработчиков декрета, должна был найти закрепление в специальных законодательных актах. Так, Циркуляр Всероссийской Чрезвычайной комиссии «Меры против расхищения художественных ценностей»[1] вменял губернским, уездным и пограничным ЧК принимать меры «против бессовестного хищения народного достояния» и «провоза этих вещей через гра-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 4. Л. 69.

ницу»[1]. ВЧК как правоохранительная структура новой власти была нацелена на выполнение данного нормативного акта.

В Декрете Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятом еще 2 февраля 1918 года[2] «народным достоянием» объявлялось все церковное имущество, а Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов бывшего российского императорского дома» 13 июля 1918 года[3] позволял национализировать всю без исключения собственность царской семьи. Приведенные определения также недостаточно назвать конкретными, поскольку они охватывали достаточно широкий круг предметов и не содержали единых универсальных критериев для отнесения их к объектам правового регулирования. Однако в отличие от родовых понятий «сокровища искусства и старины» и «народное достояние», закрепленных в Декретах 18 сентября, 5 октября и 5 ноября 1918 года, в данном случае объектами правового регулирования выступали ценные предметы материального мира, находившиеся скрыто или доступно во владении церковных организаций, хранителей имущества императорской семьи. Кроме того, впервые государство устанавливало жесткий контроль над всеми ценными художественно-историческими объектами, путем приема, регистрации и сохранения. Сохранение в данном случае следовало рассматривать как защиту всех произведений искусства, памятников и артефактов (любых продуктов человеческой деятельности) на принципах созданной системы критериев общественной ценности. Регистрация памятников старины привела к тому, что вся информация о ценных предметах находилась в руках государства, зафиксированные произведения и предметы искусства вывезти за рубеж официально было невозможно.

---

[1] Циркуляр Всероссийской Чрезвычайной комиссии «Меры против расхищения художественных ценностей» 5 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794.

[2] Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 2 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.

[3] Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного российского императора и членов бывшего российского императорского дома» 13 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 583.

Наиболее крупные собрания национализировались, на их основе создавались художественные музеи. Так, были национализированы галерея Морозовых (3 июня 1918 года)[1], Щукина (5 ноября 1918 года)[2] и прочие галереи. Термин «исключительное собрание великих европейских мастеров» был закреплен в Декрете СНК о национализации художественных ценностей галереи Щукина. Владельцы взятых на учет коллекций на всей территории Советской России получали охранные грамоты. Если той или иной коллекции угрожала опасность, сотрудники Музейного Отдела Наркомата Просвещения имели право на принудительное отчуждение собраний. Виновные в неисполнении законных требований подвергались уголовному преследованию.

Исследователи, занимающиеся проблемой сохранения памятников искусства и старины, сталкиваются с необходимостью анализа нечеткой унификационной политики государства в деле сбережения памятников в рассматриваемый период[3]. Единственно точным в своих определениях с правовой точки зрения, по нашему мнению, явился Декрет «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 года[4], предписывавший убрать с улиц и площадей многочисленные памятники, «воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны…». На месте снятых памятников положения Декрета вменяли Комиссиям Народного комиссариата Просвещения и имуществ Республики, а также Отделу изобразительных искусств при НКП «мобилизовать ху-

---

[1] Постановление СНК «О национализации Третьяковской галереи» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. Ст. 541—542.

[2] Декрет СНК «О национализации Художественной Галереи Щукина» 5 ноября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. Ст. 1129.

[3] Галай, Ю. Г. Политико-правовые вопросы охраны культурных ценностей в первые годы Советской власти. Лекция / Ю. Г. Галай. Горький, 1989; Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век / М. И. Одинцов. М., 1994; Олейник, И. И. Органы юстиции Верхневолжского региона в 1920—1930-х гг.: историко-правовой аспект / И. И. Олейник. Владимир, 2002; Васкэ, П. А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в Советской России. 1917—1941 гг.: Дис... канд. юрид. наук / П. А. Васкэ. Н. Новгород, 2006.

[4] Декрет СНК «О памятниках Республики» 12 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Том II. М., 1959.

дожественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции». Согласно толкованию термина, размещенного в Энциклопедическом словаре под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, данная формулировка — единственная из всех точно соответствовала содержанию памятников как «сооружений, возводимых с целью увековечивания памяти известных лиц или событий»[1]. Данный Декрет положил начало плану «Монументальной пропаганды», итогом осуществления которого стало снятие и утилизация памятников российским монархам, размещение на их месте монументальных памятников деятелям революции. Данный Декрет был вызван, прежде всего, идеологическими соображениями.

С принятием ранее Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» начинается процесс отчуждения церковной собственности в пользу государства. В Декрете ВЦИК от 27 декабря 1921 года «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях»[2] все имущество церквей и монастырей подразделялось на три части:

1. Имущество, имеющее историко-художественное значение, подлежавшее исключительному ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (утварь, старинная мебель, картины и т.п.);

2. Имущество материальной ценности, подлежавшее выделению в Гохран РСФСР;

3. Имущество обиходного характера, где оно еще сохранилось, подлежавшее атрибуции в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины или его органов на местах во избежание «неорганизованной продажи или передачи группам верующих».

---

[1] Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1897. С. 675.
[2] Декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях» 27 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1922. Ст. 215.

Начиная с данного момента, законотворческая деятельность советского правительства была сконцентрирована на сохранении памятников и предметов искусства и старины особого художественного и исторического значения, находившихся во владении церквей и монастырей. Предметы материальной и духовной культуры религиозного характера переходили в пользование народа путем национализации, принудительного изъятия из рук бывших владельцев. Порядок отнесения движимых памятников к особо ценным не был определен. Предметы особого художественного и исторического значения как памятники искусства и старины, являясь результатом деятельности многих поколений, обладали рядом специфических свойств, качеств и функций, однако могли быть утеряны из-за некомпетентности новых правообладателей или невежества отдельных служителей церкви. Их список был настолько разнообразным, что определить их исчерпывающий перечень было практически невозможно.

Памятники старины могли классифицироваться в зависимости от цели по различным основаниям: связи с землей (движимые, недвижимые), оборотоспособности, материалу, времени и месту создания, режиму охраны, уникальности и прочему. В свод наиболее ценных объектов сохранения включались объекты недвижимого имущества — земля, строения, сооружения, находившиеся во владении частных лиц и предоставившие общие сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины. В то же время, законодатель, говоря о ценностях в церквях и монастырях, подтверждал, что государство закрепляло свое неограниченное право не только на материальные объекты, но и на духовную составляющую потребностей человека.

Особое внимание было уделено ценностям, поставленным на учет в дворянских имениях. Декрет «О земле»[1] и последовавшие за ним Декрет

[1] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 17.

«Об уничтожении сословий и гражданских чинов»[1] и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»[2] ликвидировали русскую усадьбу как явление общественной жизни. Помещичьи имения и усадьбы подлежали конфискации, а их бывшие владельцы выселению. Юридически вышеуказанные положения были, затем, закреплены постановлением Президиума ВЦИК 1925 года «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах»[3].

Музеефикация наиболее значимых усадеб быстро прекратилась в условиях финансового дефицита. Усадебные постройки, приспособленные под нужды крестьянских хозяйств, привели к разрушению архитектурных, планировочных и ландшафтных особенностей, а также интерьеров родовых гнезд[4]. На бедственное положение памятников усадебной культуры местными органами власти подчас не обращалось внимание несмотря на положения известного циркуляра «Ко всем земельным комитетам и местным советам», автором которого стал художник и музейный деятель И.Э. Грабарь[5]. Согласно документу, запрещались расхищения и разделы домашнего имущества в бывших помещичьих усадьбах. Глава СНК В.И. Ленин разъяснял на страницах газеты «Известия» всем российским крестьянам о необходимости «брать все помещичьи земли в свое распоряжение под строжайший учет, сохраняя полный порядок… бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять»[6].

---

[1] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 72.
[2] Там же. С. 321.
[3] Постановление Президиума ВЦИК 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» // СУ РСФСР. 1925. № 44. Ст. 328.
[4] Цит. по: Иванова, Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей / Л. В. Иванова // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71-75.
[5] Грабарь, И. Э. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины / И. Э. Грабарь. М., 1919. С. 130.
[6] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 47.

Еще до принятия основных Декретов, 17 июля 1918 года Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников обратилась в Наркомат земледелия, к которому отошли многие усадьбы, с просьбой внести дополнение в Закон «О социализации земли»[1]. Суть дополнения состояла в том, что целые усадебные коллекции и отдельные предметы, имевшие историческую и художественную ценность (картины, иконы, скульптура, книги, рукописи, изделия из фарфора и бронзы, старинная мебель и прочее), «впредь до особого на то распоряжения не подлежат вывозу, берутся на учет местными властями и поступают под их ответственную охрану»[2].

В каждом конкретном случае местные органы власти должны были сообщать о принятых мерах в отношении памятников искусства и старины, расположенных в усадьбах, во Всероссийскую Коллегию по делам музеев и охраны памятников при Наркомпросе. Дополнить текст вышеуказанным положением не удалось. Однако Инструкция СНК «Об управлении советскими хозяйствами, созданных на основе образцовых имений»[3], закрепляла требование специалистов Музейного отдела о национализации имущества бывших владельцев, не имевшего прямого отношения к сельскому хозяйству «платье, белье, книги, предметы роскоши и ценности искусства» передать по описи в распоряжение соответственных Народных комиссариатов или их местных отделов.

Следует не согласиться с мнением исследователей, которые видели в формировании нормативно-правовой базы только основу для осуществления государством последующей продажи художественно-исторических сокровищ за границу[4]. Первоначально цель Декретов состояла именно в со-

---

[1] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О социализации земли» 19 февраля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.

[2] Рязанцев, Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917—1930-е гг.) / Н.П.Рязанцев. Ярославль, 2011. С. 72.

[3] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об управлении советскими хозяйствами (Инструкция)» № 441 28 августа 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. VI. С. 86.

[4] Жуков, Ю. Н. Операция Эрмитаж / Ю. Н. Жуков. М., 1993. С. 103; Рославский, В. М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917—1921 гг. Игорь

хранении памятников, в прекращении вывоза художественных ценностей из страны, активно происходивших в первые послереволюционные годы. Данная цель привлекала к делу сохранения памятников искусства и старины ведущих дореволюционных специалистов.

Декрет ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 года «Об учете и регистрации предметов искусства и старины»[1], изданный как дополнение к Декрету от 5 октября 1918 года, был направлен на выявление памятников исключительного музейного значения. Для выделения подлежащих государственной охране такого рода предметов, предусматривалось произведение перерегистрации собраний и отдельных памятников искусства и старины, состоявших на учете Главного Управления научных учреждений академического центра Народного Комиссариата Просвещения Музейного отдела НКП. В отношении зарегистрированных в реестре объектов имущества государством должен был устанавливаться особый режим охраны в чьем бы ведении он не находились. Предметы, признанные не представлявшими музейного значения, снимались с учета и возвращались в распоряжение владельцам[2]. Памятники искусства и старины, внесенные в список, охранялись государством, вследствие чего имелось заключение государственной экспертизы, а также государственная воля на вывоз и продажу за границу данных предметов, переход от одного владельца к другому, преимущество при покупке того или иного произведения, право использования предметов в музейных выставках. Тем самым выявленный памятник искусства и старины становился объектом правовой охраны.

Отмечалось, что по отношению к музейному имуществу должны быть составлены описи под наблюдением исполнительных органов власти. В описи вносились картины, рисунки, гравюры, скульптура, мебель, фар-

---

Грабарь и реставрация / В. М. Рославский. М., 2004. С. 21; Ильин, Н. Проданные сокровища России / Н. Ильин, Н. Семенова. М., 2000. С. 19.

[1] Декрет ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 г. «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» // СУ РСФСР. 1923. № 20. Ст. 245.

[2] Охрана памятников истории и культуры**.** Сб. документов. М., 1973. С. 35-36.

фор, бронза, изделия из благородных металлов и предметы художественного, бытового и коммеморативного значения (принадлежавшего историческим личностям); коллекции и отдельные предметы археологии; коллекции и предметы народного быта; коллекции биологические, геологические и другие. Аналогичные мероприятия предполагались в деле сохранения памятников археологии, парков и садов, памятников природы[1].

В то же время принятие Декрета от 19 апреля 1923 года «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей»[2] предоставляло Наркомпросу право получать доходы от взимания входной платы в музеи, от продажи изданий. В марте 1924 года на основании Декрета «О выделении и реализации госфондового имущества»[3], музеи через антикварные магазины и аукционы получили право продавать свои ценности, не имевшие исторического значения и не входившие в основной состав коллекций. Изменение социально-экономической ситуации в стране привело к финансовым трудностям в деле сохранения памятников искусства и старины, однако не отменяло развитие государственной системы сохранения культурного наследия.

Как было отмечено выше, появившееся в первых Декретах определение «памятники искусства и старины» в законах не конкретизировалось. Это давало возможность широко толковать данное понятие, сохранив максимальное число предметов искусства и старины, памятников народного быта. С другой стороны, на практике это приводило к ситуации, когда местные органы власти отказывались принимать на сохранение вещи или использовали их в своих интересах как непрописанные в законе.

Поворотным моментом в деле сохранения культурных сокровищ народа стало принятие Декрета ВЦИК и СНК от 7 января 1924 года «Об

[1] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране памятников природы, садов и парков» 16 сентября 1921 г. // Известия ВЦИК. 1921. 11 октября. С. 1.
[2] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» 19 апреля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 37. С. 386.
[3] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О выделении и реализации госфондового имущества» 6 марта 1924 г. // Цит. по : Жуков, Ю. Н. Операция Эрмитаж / Ю. Н. Жуков. М., 1993. С. 109.

учете и охране памятников искусства, старины и природы»[1], закреплявшего право за губернскими и областными исполнительными комитетами принимать энергичные меры к соблюдению нового порядка в деле сохранения памятников искусства, старины и природы. Основное внимание было привлечено к зарегистрированным памятникам в Отделе по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра НКП. Ремонт, переделка, разбор и использование памятников зодчества должны были производиться теперь исключительно с разрешения спецорганов. Государственные органы охраны делегировали свои полномочия губернским и областным исполнительным комитетам при непосредственном участии губернских подотделов по делам музеев или заменяющих их органов.

Первая классификация памятников искусства, старины и природы, разработанная специалистами Главнауки была воспроизведена в Инструкции Народного комиссариата Просвещения «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» от 19 февраля 1924 года[2]. Особое внимание было уделено недвижимым памятникам. Согласно Инструкции, памятники архитектуры разделялись на три категории в соответствии с возможностью их хозяйственного использования:

- памятники научно-художественного и археологического значения, являющиеся музейно-показательными, но не вполне пригодными для использования в практических целях (древние крепостные стены, триумфальные арки, монументы, художественные ограды, фонтаны, надгробные памятники и прочие);
- памятники, пригодные для использования без особого ущерба в смысле их сохранности и без нарушения их историко-

[1] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.
[2] Инструкции НКП РСФСР «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» от 19 февраля 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 66. Ст. 654.

художественной ценности путем размещения в них музейных коллекций или предоставления этих памятников в использование учреждениями, общественными организациями и лицами по соглашению с ними;

- памятники, по характеру используемые исключительно с целями научными и музейно-показательными, с сохранением их художественно-исторического внешнего облика, обстановки и внутреннего убранства — музеи-дворцы, музеи-церкви, музеи-монастыри, дома и помещения, связанные с историческими лицами и т.д.

Предлагаемые изменения в классификации 1924 года были сформулированы на заседании комиссии Ученого Совета по охране памятников старины и искусства 26 февраля 1925 года в докладе И.Э. Грабаря, который проводил разграничение памятников архитектуры по трем категориям:

— мирового значения (или «вне категории»). К группе «вне категорий» были отнесены «уники», представлявшие высшие, уникальные достижения стиля; к первой категории — каменные постройки до 1613 г., деревянные до XVIII в. и выдающиеся позднейшие постройки, а также памятники, связанные с особо важными историческими лицами и событиями.

— всероссийского, областного, местного значения. Вторая категория включала в себя все каменные постройки 1613—1725 гг. (двухсотлетние), деревянные до 1825 г. (столетние) и лучшие образцы типичных памятников зодчества позднейшего времени, сооружения, связанные с памятью о выдающихся лицах и о знаменательных событиях.

— «без категории» (или не имеющего исторического значения). Третья — каменные памятники — постройки 1725 г. и более поздние,

деревянные — начиная с 1825 г., имевшие значение в историко-художественном отношении[1].

Приведенная в Инструкции классификация значительно расширяла рамки разделения памятников по категориям в отличие от классификации И.Э. Грабаря, включая в него ряд новых компонентов: музеи-дворцы, музеи-церкви, музеи-монастыри и т.д. В то же время хронологический принцип, положенный в основу разграничения памятников на категории, позволял сохранить памятники архитектуры, не вошедшие в ни в один из сформированных государственных списков.

Для определения категории памятников И.Э. Грабарь предлагал отправить в каждый уезд специальные экспедиции, состоявшие из трех человек — археолога, «вещевика» и технического работника. В каждую губернию должны были быть назначены особые уполномоченные, которые должны были координировать работу в уездах и в случае необходимости выезжать на места. Собранные по всем губерниям материалы, по мнению исследователя, должны были быть изданы в виде «особых памятных книг по губерниям»[2]. Таким образом, был сформулирован механизм выявления архитектурных памятников, их научной регистрации, классификации и формирования первого свода памятников по всей стране.

Использование памятников в хозяйственных целях являлось в условиях индустриального строительства и урбанизации приоритетным[3]. Памятники архитектуры второй группы, согласно Инструкции 1924 года, могли быть использованы путем сдачи их в аренду и других способов. В этом случае к делу подключались исполкомы при согласовании инициативы с музейными работниками. Архитектурные памятники дан-

---

[1] Схема распределения памятников архитектуры на категории // Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 3. С. 2.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 65. Л. 75.
[3] Клушанцев, Б. М. Охрана памятников в Москве и Московской губернии / Б. М. Клушанцев // Московский краевед. 1928. Вып. 7-8. С. 61.

ной категории финансировались за счет арендаторов. Ценные произведения зодчества первой и третьей категории финансировались за счет государственного, местного бюджета и спецсредств.

Интересно в данном ключе содержание циркуляра НКВД от 22 августа 1924 года, которое определяло понятие «церковные дома»…— «это дома, принадлежавшие прежде церковным обществам, построенные прежде на средства церквей на принадлежавшей им земле и дома, построенные крестьянами на собственной земле для служителей культа»[1]. Эти дома были переданы в ведение местных Советов с 1 декабря 1924 года и считались муниципализированными строениями[2].

Таким образом, Декретами 1923—1924 гг. Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об учете и регистрации предметов старины и искусства» и «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» был завершен первый этап формирования государственной системы сохранения памятников[3]. В документах окончательно утверждалось право государственной собственности на памятники искусства и старины, на которые оно считало необходимым заявить свои права, независимо от того, в чьем владении они находились. В нормативно-правовых актах появился и в дальнейшем стал широко употребляться музейными специалистами обобщающий термин «культурные ценности»[4]. В документах была определена структура взаимодействия органов охраны памятников и распределены их функции[5]. Впервые памятникам давалась классификация, близкая к современной, выделялись памятники зодчества, архео-

---

[1] Инструкция Народного комиссариата юстиции и внутренних дел по всем губисполкомам // Цит. по: Передача церковных зданий под клубы// http://www.tambovdoc.ru/arhivnyie-dokumentyi/peredacha-tserkovnyih-zdaniy-pod-klubyi.php#more-455

[2] Постановление Президиума Костромского Исполнительного Комитета // Бюллетень НКВД. 1924. № 31; Цит. по: ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 209.

[3] СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.

[4] Декрет народных комиссаров Союза ССР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» от 19 февраля 1924 г.// СУ РСФСР. 1924. № 19.

[5] См.: Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А. М. Кулемзин. Кемерово, 2001. С. 139.

логии, садово-парковой культуры, а также музейный фонд (музейное имущество).

Данный опыт работы по унификации памятников может быть признан вполне успешным. При всех недостатках памятники искусства и старины получили свое право на сохранение. При благоприятном стечении обстоятельств данная схема могла бы действовать как весьма эффективная в деле сохранения культурных ценностей. В то же время происходило резкое сужение круга охраняемых объектов путем муниципализации строений, вывоза движимого имущества в Гохран.

Во второй половине 1920-х гг. не было принято новых декретов в сфере сохранения памятников. Но некоторые меры в деле памятникоохранного процесса предпринимались. Так, 16 мая 1927 года Президиум ВЦИК издал письмо «О выявлении и охране памятников революционных движений»[1]. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета разъяснял, что «в отношении памятников революции подлежат действию узаконения и распоряжения, изданные по учету и охране памятников искусства и старины». Таким образом, новая категория памятников попадала под действие прежних декретов от 5 января 1918 года и 7 января 1924 года.

Новый термин «культурные ценности» вобрал в себя ранее не используемую категорию «антиквариат»[2]. Стали использоваться в государственно-правовых документах и термины «церковные ценности»[3], «музейные ценности»[4], «заповедники и национальные парки», «памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения», «памят-

---

[1] Письмо ВЦИК РСФСР «О выявлении и охране памятников революционных движений» // СУ РСФСР. 1927. № 28. Ст. 681.

[2] См.: Постановление СНК СССР от 28 июня 1927; Постановление Наркомторга СССР о 4 мая 1928 г. «О новом порядке вывоза из страны товаров антиквариата» // Советская торговля. 1928. № 10. С. 26; Арнольд, М. К экспорту антикварных товаров / М. Арнольд // Советская торговля. 1928. № 10. С. 264.

[3] См.: Циркуляр НКВД РСФСР «О борьбе с хищениями церковных ценностей» от 22 мая 1925 г. // ГАРФ. Ф.А.-393. Оп. 2. Д. 1107. Л. 11.

[4] См.: Циркуляр НКВД РСФСР «Об охране музейных ценностей» от 12 мая 1927 г. // ГАРФ. Ф.А.-393. Оп. 1. Д. 232. Л.12.

ники искусства, старины, быта и природы». Тем самым, четко разграничивая памятники по категориям, руководство постепенно распределяло их использование между заинтересованными музейными и хозяйственными организациями.

Кроме того, через сектор Главнауки должны были передаваться Наркомторгу списки предметов религиозного культа из музейных фондов. Наркомторг обязывал музеи «выделять для продажи предметы» в соответствии с валютными планами и сроками, установленными правительством. Получив план от правительства, Главнаука Наркомпроса РСФСР производила «раскладку» задания по музеям, определяя кто, что и сколько должен выделить и к какому сроку. Согласно документам, провинциальные музеи силами своих работников проводили инвентаризацию фондов, отбирали предметы для реализации и первичную оценку их стоимости[1]. В соответствии с правилами, музеи представляли списки на «выделенное имущество» в Главнауку с тем, чтобы там провели проверку компетентности лиц, проводивших отбор и оценку, а также отсутствие в числе выделенных предметов из основных коллекций. С развитием экспорта последнее правило все чаще не выполнялось, и в ход шли основные музейные экспонаты, которые забирали прямо из залов экспозиции[2].

20 августа 1928 года ВЦИК и Совнарком в постановлении «О музейном строительстве в РСФСР»[3] еще раз обратили внимание Наркомпроса на необходимость надлежащей охраны историко-революционных памятников. Наркомпросу было поручено представить на утверждение правительства список памятников революционного движения, искусства и старины. Все эти памятники подлежали охране и не могли быть

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Л. 260.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Л. 260-261.
[3] Постановление ВЦИК и СНК «О музейном строительстве в РСФСР» 20 августа 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст. 726.

«изъятыми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Народного Комиссариата Просвещения РСФСР». Характерно, что выделение памятников революционного движения стало важным шагом в деле сохранения историко-культурного наследия. Группа памятников прошлого (начиная с XVII в.), попадала под мероприятия по сохранению государством наследия. Многие из этих памятников условно можно было считать революционными. По сути дела, это были памятники искусства и старины. Кроме того, все чаще инструктивные документы упоминали революционные памятники в общем ряду с культурными ценностями. Все они рассматривались теперь в едином контексте истории и культуры страны. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые утверждают, что выделение памятников революции в отдельную категорию, означало забвение памятников искусства и старины[1].

Циркулярным письмом Наркомпроса и Главнауки от 7 декабря 1928 года «Об учете памятников архитектуры»[2] исполкомам разных уровней предписывалось в кратчайший срок представить в правительство списки памятников революционного движения, искусства и старины. Губернские и уездные города должны были представить списки 1 февраля и 1 апреля 1929 года соответственно. В Наркомпрос списки должны были попасть к 1 сентября 1929 года. Составленные топографические карточки на зарегистрированные памятники требовали повторного уточнения в связи с производимым новым районированием СССР. В опубликованном письме Главнауки «О распределении памятников архитектуры на категории» от 17 января 1928 года формулировались в виде схемы общие принципы их классификации. Основным критерием являлась истори-

[1] Сидорова, Н. Ю. Отношение к памятникам искусства и старины в 1920-е годы / Н. Ю. Сидорова // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. 1994. № 15.
[2] Циркулярное письмо Наркомпроса и Главнауки «Об учете памятников архитектуры» от 7 декабря 1928 г. // Бюллетень Наркомпроса. 1930. № 16. Ст. 470.

ческая, архитектурная и художественная ценность. Памятники подлежали разделению на четыре категории (высшую, первую, вторую, третью), определявшие степень охраны и подведомственность центральным органам власти или местным органам власти. К 1930 году Центральные государственные реставрационные мастерские подготовили первый реестр архитектурных памятников РСФСР, включавший 3000 единицы[1].

На основе установок I музейного съезда 1930 года в Москве, специалистам Центральных реставрационных мастерских и Государственной академии материальной культуры была поручена переоценка памятников. Взамен прежней анкетной системы учета были введены «паспорта».

«Паспорт» включал 21 пункт, в котором учитывались особенности использования памятника (первоначальное, на протяжении его истории, в настоящее время), история его возникновения (где и кем выполнен), дата, материал и технология, автор или исполнитель; заказчик; местонахождение; исчерпывающее, хотя и краткое, описание; степень подлинности и сохранности; позднейшие изменения (переделки, записи); техническое состояние памятника и многие другие аспекты[2]. Отличие новой учетной системы состояло в том, что при оценке памятников решающую роль играли вопросы, характеризующие его «социологическую значимость, как показатель тех или иных социальных процессов, продуктом которых он является»[3].

Следует отметить, что социологические подходы к феномену «памятник» концентрировались вокруг его места в системе культуры. В данном случае следует говорить о грандиозной трансформации отношения населения губерний Советской России к культурному наследию, динамике социального состава жителей и, в соответствии с этим, изменении цен-

[1] Левинсон, Н. Р. Охрана внемузейных памятников / Н. Р. Левинсон // Советский музей. 1930. № 6. С. 56.
[2] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 13.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 104.

ностных ориентаций (уничтожая «память мира»), отношения людей к памятникам материальной культуры прошлых эпох. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» 10 августа 1933 года[1] запрещались слом, переделка и использование памятников государственного значения без разрешения Комитета по охране при Президиуме ВЦИК, а памятников местного значения — без разрешения республиканских наркоматов просвещения, краевых и областных отделов народного образования. Это был не законодательный, а, скорее, политический документ, циркуляр, обращенный к местным властям и определяющий «задачи момента», указующий на необходимость несколько замедлить темпы проведения кампании по борьбе с памятниками культуры[2].

Использование памятников должно было производиться на основании арендных договоров, предусматривавших расходы арендатора на охрану и ремонт здания. В документе впервые был отчетливо проведен принцип разделения памятников по их значимости на общероссийские и региональные. Комитету по охране памятников, созданному в 1932 году, поручалось составить список памятников, подлежащих государственной охране и представить на утверждение Президиума ВЦИК. Списки памятников местного значения должны были представляться на утверждение соответствующим органам советской власти Наркомпросами АССР или краевыми, областными отделами народного образования. В «Постановлении» указывалось, что основным источником средств для покрытия «расходов по охране и ремонту используемых памятников» должна быть плата за «использование исторических памятников», основывающейся на договорах аренды.

---

[1] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1933 г. «Об охране исторических памятников» // СУ РСФСР. 1933. № 44. Ст. 179.

[2] Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX—XX веках. История, проблемы: Учебное пособие. М., 2008.

Местные губисполкомы относились к своим арендным обязанностям формально. По этой причине Музейный отдел Наркомпроса РСФСР и разработал в 1936 году подробный «Договор (типовой) на сдачу в аренду учетного памятника»[1]. В документах Ярославского областного архива находим сведения, в которых детально перечислялись обязанности арендатора: выполнение необходимого ремонта здания и использование его «исключительно по назначению»; «не заселять помещения для проживания как временного, так и постоянного характера»; не производить перестроек и переделок без предварительного разрешения Музейного отдела; без его письменного одобрения не сдавать помещения в субаренду; беспрепятственно допускать в рабочее время представителей Отдела для хозяйственного контроля.

Предусматривались санкции за нарушение договора. Просрочка платежей влекла за собой начисление пени в размере 2 % в сутки за каждый день просрочки, но не свыше половины общей суммы основной задолженности; в случае освобождении помещения без сдачи его по акту, а также передачи его другому учреждению без уведомления Отдела, арендатор штрафовался на сумму в размере 2 тыс. руб., а арендуемое помещение изымалось[2]. Такая же сумма полагалась в случае использования арендатором помещения не по прямому назначению или заселения его, хотя бы и частично, под жилье. Документ предусматривал и досрочное расторжение договора, которое наступало при следующих обстоятельствах: в случае государственной или общественной нужды в помещении, а также в случае отвода земельного участка, на котором находился арендуемый памятник, под новое строительство. Арендный договор расторгался по суду с возвратом внесенной арендатором суммы за неиспользованное время.

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 92. Л. 9.

Таким образом, законодательная деятельность государства по сохранению памятников искусства и старины продолжалась на протяжении 1920—1930-х гг. достаточно активно. Новые декреты и подзаконные акты в изменявшейся политической и культурной среде были разработаны в первые послереволюционные годы, сформировав политику сохранения народного достояния. К ранее выявленным памятникам искусства и старины затем добавились памятники археологии, парков и садов, памятники природы, революционного движения. Была проведена масштабная работа по учету и классификации движимых и недвижимых памятников в стране и составлению списка памятников по всем регионам. Общая стратегия развития сферы сохранения памятников формировалась партией и правительством. Вследствие этого огромный объем разрушенных историко-культурных объектов в регионах в конце 1920—1930-х гг. невозможно объяснить только «дисциплинированностью» местных властей. Работники органов власти в провинции, представляя свои проекты по использованию памятников, подчас действовали в обход рекомендаций местных историков и архитекторов, согласовывая сносы и разборы памятников в вышестоящих организациях в Москве.

В контексте диссертационного исследования понятие «памятник» употребляется в значении движимого или недвижимого объекта, составлявшего часть культурного наследия дореволюционной России, Советской России, рассматриваемого региона — Центрально-промышленной области, т.е. определенного социума. Или в более узком смысле — соответственно различным систематизациям законодательных актов. Кроме того, в содержание понятия «памятник» будут включены как отдельные объекты, так и комплексы, ансамбли, усадьбы. Такого рода диалектико-материалистический подход обеспечивает не только соблюдение принципов историзма, но и позволяет перейти от эмпирического уровня познания к уровню научного познания.

Материальная природа культурных ценностей показывает глубинные пласты сущности понимания данного явления, характеризующие определенный (достигнутый) уровень развития человеческого познания, и является специфической формой его отражения в сознании человека, формой усвоения его объективных свойств и законов бытия[1]. Принципы историзма, системности, объективности[2] позволили достоверно рассмотреть организационную деятельность государственных и местных органов власти в деле сохранения памятников искусства и старины на местах как многомерный противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации.

Общая позиция, представленная в диссертации посредством ряда высказываний авторитетных российских ученых, дает основание в *методологии исторического исследования* выделить следующее. Методологией историк овладевает всю свою сознательную жизнь, работая над собой и критично относясь к собственным научным установкам. Поэтому именно в духовных корнях исследователя наилучшим образом соединяются эти усилия в познании и совершенствовании собственной позиции, а через каждую констатацию факта происходит восстановление реальной картины прошлого[3]. Основным в историческом труде должно быть скрупулезно выверенное и литературным языком переданное содержание документов и фактов о деятельности и поступках конкретных людей. Их оценка представляется еще одним важным компонентом научной работы, которая не должна исключать мнений современников и участников исторических событий и суждений об этом же автора диссертационной работы. В этом случае и у читателя не только будет возможность соглашаться с доводами участников событий или следовать за профессиональной логикой их ин-

[1] Дорошенко, Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX—XX века) / Н. Дорошенко М.-СПб., 1997.
[2] Иванов, В. В. Методология исторической науки / В. В. Иванов. М., 1985.
[3] Поляков, В. А. Проблема методологии в историческом исследовании: размышления к постановке вопроса / В. А. Поляков // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 217.

терпретатора, но и останется полное право на суждение собственное не только о деятельности предшественников, но и об исследователях, за такую работу взявшихся.

В ходе подготовки диссертационного исследования был использован классический метод исторического исследования, который имеет все характеристики общенаучного метода, включающего анализ и синтез, индукцию и дедукцию. История во многом описательная наука и в этом заключается ее особенность. Она имеет дело с единичными, уникальными и одновременно с типичными событиями. Вместе с тем история, как справедливо отметил В.Ф. Коломийцев в своей работе «Методология истории (От источника к исследованию)», — синтетическая наука, активно использующая достижения и методы других общественных наук[1]. Особенностью теоретического знания является его обобщенность и абстрактность: восхождение от абстрактного знания к конкретному знанию, анализ и синтез, индукция и дедукция и т.п.

В исследовании организации сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области был осуществлен подход к исторической науке как к комплексному гуманитарно-общественному знанию с учетом современного уровня исторической науки и междисциплинарных исследований[2]. При определении объекта и методов исторического познания особенностей сохранения культурного наследия губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930 гг. большое подспорье оказала монография И.Д. Ковальченко[3]. Согласно принципам его работы «Методы исторического исследования», низший уровень научных методов — методы конкретно-проблемные — характеризуется их конкретностью, а методам высшего уровня — методам философским — присуща наибольшая обобщенность.

---

[1] Коломийцев, В. Ф. Методология истории (От источника к исследованию) / В. Ф. Коломийцев. М., 2001.
[2] Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории / Б. Г. Могильницкий. М., 1989.
[3] Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М., 2003.

Принцип историзма позволил выстроить логику происходивших событий в системе сохранения памятников не в отрыве от основных тенденций развития советского общества в заявленных хронологических рамках, а в соответствии с реальной исторической обстановкой того времени. Применительно к настоящему исследованию, принцип историзма предусматривает изучение особенностей развития системы сбережения культурных ценностей в исследуемом регионе с учетом конкретных исторических условий в хронологической последовательности. Он помогает выявить эволюцию развития процессов учета, сохранения в 1920-х гг., а затем и тенденции разрушения памятников искусства и старины в 1930-х гг. на территории губерний Центрально-промышленной области, осветить качественные изменения в данном процессе, определить исторические реалии перехода от одного этапа к другому. Для раскрытия природы исторического познания важную роль при написании статей сыграла работа Б.Г. Могильницкого «Введение в методологию истории»[1].

Принцип объективности[2], использовавшийся при работе над темой исследования, позволил выявить общие закономерности процессов сохранения памятников архитектуры и древнерусской живописи, происходивших в российской провинции в рассматриваемый период, избегая излишне политизированных оценок и привлекая широкий круг источников, тем самым воссоздавая достоверную картину сохранения культурных ценностей в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.

Выделение наиболее значимых процессов в передаче памятникоохранительных традиций стало возможно благодаря использованию историко-феноменологического метода[3], который позволил раскрыть со-

[1] Могильницкий, Б. Г. Указ. соч.
[2] Методология истории / Под ред. А. Н. Алпеева. Минск, 1996.
[3] Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1998—2002. Вып. 1-4.

держание понятия «памятник искусства и старины» и особенности реконструкции процесса сохранения той или иной культурной ценности, раскрывая внутренние особенности самих традиций[1].

Междисциплинарный дискурсивный характер исследуемой дефиниции позволил применить как общенаучные, так и специальные, прежде всего, историко-культурологические методы исследования.

При подготовке диссертационного исследования были использованы такие классические общенаучные методы как синтез, дедукция, сравнение. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции — перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений.

Идеографический, историко-генетический, хронологический, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-феноменологический методы, метод системного анализа, а также метод психоистории позволили более полно раскрыть особенности становления и развития системы сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. как предмета исследования диссертации, выявить последовательность данных процессов во времени в совокупности с изменениями в системе местных органов власти, происходивших на различных этапах становления и развития памятникоохранного дела в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.

[1] Бочаров, А. В. Алгоритмы использования основных научных методов в конкретно-историческом исследовании / А. В. Бочаров. Томск, 2007.

Применявшаяся в диссертационном исследовании методологическая система философского материализма существенно помогла выстроить типичную для российской провинции модель определения места памятников истории и культуры в первые послереволюционные десятилетия, отображающую реальную канву исторических событий, выявить соотношение закономерностей и случайностей в ходе культурно-исторического процесса.

Конкретная общественно-историческая деятельность — сохранение памятников искусства и старины в Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской и Ивановской губерниях — рассмотрена в системе взаимосвязей с другими явлениями в обществе: экономическими, социальными, политическими, культурными в 20—30-х гг. XX в. Общество для нас как исследователей — это живая, развивающаяся система, существующая в условиях взаимодействия с другими живыми и неживыми системами. Все процессы, происходившие в обществе, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Общественно-исторические процессы, протекавшие в нем, развивались по логике общественных законов. Системно-исторический метод признает социальные явления как специфическую форму развития определенного материального образования — конкретного человеческого общества[1]. Этот метод использовался, в большей мере, для исследования истории сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области, при разработке ее периодизации, а также при рассмотрении деятельности по сбережению памятников как специфической формы жизни всего советского общества в двадцатых-тридцатых годах двадцатого столетия.

Основанный на акцентировании единичности и даже уникальности каждого из памятникоохранных явлений, процессов и событий идеогра-

[1] Парфенов, И. Д. Методология исторической науки / И. Д. Парфенов. Саратов, 2001; Соколова, М. В. Теоретические основы изучения исторической памяти / М. В. Соколова. М., 2008.

фический метод познания оперирует описанием деятельности органов власти как познаваемого объекта с привязкой его к конкретному пространству и времени[1]. Реконструкция данного объекта происходит в качестве относительно замкнутой, целостной системы свойств и отношений. Контекст бытия познаваемого объекта стимулируется через углубление его в качестве элемента в некоторую столь же уникальную, но более широкую реальность, опираясь на различные процедуры понимания.

Историко-генетический, хронологический и ретроспективный методы, использовавшиеся в диссертации для изучения традиций сохранения памятников искусства и старины, способствовали выявлению истоков и факторов отношения власти к памятникам культуры, как в центре, так и на местах, а также изменение данного отношения с течением времени. Методы ретроспективного и перспективного анализа позволили актуализировать полученную информацию.

Историко-правовой метод позволил автору рассмотреть структуру и механизм принятия правовых актов, регулировавших памятникоохранные отношения в исследуемом регионе. Основными участниками данного законодательного процесса явились СНК СССР, ВЦИК, ВЧК, НКВД и НКП РСФСР. Совнарком СССР формировался ЦИК СССР и являлся его исполнительным и распорядительным органом.

Историко-сравнительный метод нацеливал на широкое пространственное и временное (синхронное и синстадиальное) сопоставление российской культуросберегающей системы со своим собственным опытом в каждой исследуемой губернии[2], что позволило воспроизвести общие закономерности преобразований, их темпы, направления и особенности данной системы в рассматриваемых регионах. Историко-

[1] Аванесова, Г. А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX—XX вв. / Г. А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5. С. 83—96.
[2] Келле, В. Ж. Культура и история. Методологические заметки / В. Ж. Келле // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 23—32.

типологический метод позволил выделить различные варианты организации данной деятельности в рамках местных традиций с присущими им сущностными качественными характеристиками, через которые проявлялось как их родовое единство, так и альтернативные тенденции в развитии системы сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.

Отдельные факты и события в рамках исследуемой темы как отражение характерных явлений в системе сохранения памятников были интегрированы на основании системного анализа[1]. Учитывался принцип адекватности предполагаемых подходов и методов объекту и предмету исследования и используемых в нем источников.

В ходе написания диссертации была изучена психологическая мотивация поступков людей в прошлом в рамках психоистории и клиодинамики, под которыми следует понимать «осмысление истории через мотивы, а мотивов через историю»[2]. Исследователи выделяют факторы, которые повлияли на ход исторического процесса, а именно — биологические различия, всевозможные случайности, эмиграции и миграции, культурные контакты, материальные условия, войны и т.п.[3]. Вышеуказанные принципы применимы к изучению изменения массового сознания по отношению к памятникам искусства и старины губерний Центрально-промышленной области в ходе революционных событий и гражданской войны, антирелигиозной пропаганды.

***

Таким образом, в ходе работы над положениями первой главы диссертационного исследования автором было изучено большое количество

[1] Перегудов, Ф. И. Основы системного анализа / Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко. Томск, 2001.
[2] Erikson E. Dimensions of the New Identity. NY., 1974. P. 13; Binion R. Doing Psychohistory // The Journal of Psychohistory. 1978. Vol. 5. № 3. P. 314.
[3] Де Моз, Л. Психоистория / Л. Де Моз. РнД., 2000. С. 178.

научных трудов отечественных и зарубежных историков по заявленной тематике, а также использованы документы из государственных и региональных архивов, впервые введенные в научный оборот. Материал, полученный в ходе исследования, был систематизирован с применением общенаучных принципов и методов.

В основе современной теории и практики организации деятельности по сохранению памятников искусства и старины лежит ряд оригинальных концепций, в разработке которых особую роль сыграли достижения отдельных профильных дисциплин, изучающих материальные объекты прошлого; междисциплинарные исследования по культурологии, истории, праву и социологии. Они предопределили формирование комплексного подхода, позволившего по-новому увидеть роль сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг. в контексте взаимоотношений с обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность самого исторического развития, передачу культурных достижений от поколения к поколению.

Губернская система охраны культурного наследия 1920—1930-х гг. представляется нами как система сложного, нестабильного, динамичного, самообновляющегося, интеграционного развития, находящегося в постоянном многовариантном выборе и взаимодействии общероссийских, локально-региональных подходов к исследуемому явлению.

Учитывая данный аспект, традиции сохранения культурных ценностей 1920—1930-х гг. как системные объекты рассматривались, во-первых, через структуру данного объекта — государственную и губернскую подсистемы (каким образом были упорядочены составляющие данную систему элементы, какую иерархию они образовывали); во-вторых, через функции составлявших систему частей (какую роль играли местные органы власти, в какой мере они были ответственны за сохранение стабильности системы выявления, изучения, сохранения и использования объектов памятников

искусства и старины, а также ее изменения); в-третьих, через характеристику культурного наследия как постоянно усложняющейся информационной системы, в которой сохранение памятников искусства и старины выступает, прежде всего, как выбор на том или ином историческом отрезке времени социально-значимой для общества информации о своем прошлом.

Вышеперечисленные посылы могут быть использованы при определении единой концепции организации сохранения памятников искусства и старины в 1920—1930-х гг.

Использованный в работе корпус источников из государственных и региональных архивов содержит репрезентативную базу информации и позволяет провести комплексное диссертационное исследование по выбранной теме.

Кроме того, одной из наиболее ярких дефиниций отечественных научных исследований, посвященных старине губернских городов, является использование понятия «памятник». Данный термин фигурирует в текстах 1920—1930-х гг. не как историческая категория, а, скорее, в качестве обозначения единицы научного анализа. Его широкое употребление точно соотносится с общенаучным и общественным отношением к сегменту культурного наследия[1]. Понятие «памятник искусства и старины» сформировало данную категорию, включая объекты новейшего времени — дома, вещи знаменитых людей, церковные ценности. А исторический и мемориальный — стали такими же важными критериями для памятника как временной и художественный. Разделение памятников проводилось по двум категориям — на движимые (т.е. экспонаты музеев, произведения искусства) и на недвижимые (т.е. скульптурные ансамбли, усадьбы).

[1] Каменский, С. Ю. Археологическое наследие: на пути к оживлению прошлого / С. Ю. Каменский // Режим доступа: http://www.pandia.ru/text/77/151/6066.php

Подводя итоги, отметим, что, разработав обоснование теоретико-методологической основы изучения губернской системы сохранения памятников как историко-культурологического концепта, многоаспектно и системно раскрывающего особый исторический феномен развития губерний Центрально-промышленной области 20—30-х гг. XX в., нами верифицируется научная парадигма интегративного научного осмысления объекта, ранее являвшегося в отечественной науке предметом рассредоточенного, узкоспециального анализа.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

2.1. Организационные основы государственной политики сохранения памятников искусства и старины

Необходимым условием сохранения памятников искусства и старины наряду с законодательством являлось наличие работоспособного аппарата. Для государственных органов охраны памятников в первые послереволюционные годы было характерно отсутствие научной методики, системности, планирования. Организационные структуры подчас носили временный и чрезвычайный характер. Важно было создать единое учреждение, ведущее постоянную работу по массовому и полному выявлению памятников, их учету и сбережению.

Таким всероссийским органом стало структурное подразделение Наркомпроса РСФСР — Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел Главнауки Наркомпроса). Создание отдела в мае 1918 года открыло новый этап в деле сохранения исторического и культурного наследия страны. Данный орган разрабатывал основы государственной музейной политики, осуществлял ее претворения в жизнь, объединял деятельность отдельных музеев, придавал их работе планомерный характер. Важнейшей составной часть деятельности отдела стало его взаимоотношение с учреждениями и органами охраны памятников на местах.

Местные органы охраны памятников истории и культуры начинают формироваться уже с марта 1918 года. На основе постановления НКП «Об организации губернских коллегий по делам музеев и охране памят-

ников искусства и старины»[1], принятого в декабре 1918 года, начали действовать губернские музеи.

Необходимо оценить первые мероприятия государственной власти в деле сохранения памятников искусства и старины. Захватив в 1917 году власть, руководство страны было озабочено установлением контроля в области идеологии и культуры. Государственные принципы становились определяющими на местах. Важнейшей мировоззренческой составляющей стал классовый подход, который определял прошлое как «наследие эксплуататорских классов и служителей культа»[2].

Спецификой советских традиций охраны культурного наследия являлась доминирующая роль государства в деле сохранения памятников искусства и старины, что объяснялось особенностью геополитической ситуации (увеличивающимся размером территорий, сохранением имперских традиций в ее политической системе, тоталитарным моделям правления, мультиэтничным и поликонфессиональным составом населения, разноплановым характером российской культуры). Система сбережения и защиты культурных ценностей в губерниях страны создавалась и формировалась именно как государственная система.

В рассматриваемый период было накоплено немало положительных примеров диалога государства и общества в деле сохранения памятников искусства и старины. Данный диалог стал основой для постоянного сотрудничества обоих субъектов охраны. Так, Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский в ноябре 1917 года подготовил проект декрета о создании специального органа при Наркомпросе — Государственного совета по управлению дворцами и музеями республики. Предполагаемый государственный орган мыслился как чрезвычайно широкий по представительству, в функции которого входила и охрана памятников. Создавая

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 35—36.
[2] Музей. 1923. № 1. С. 3.

научные исторические общества, развивая краеведческое движение, советское общество активно включилось в дело сохранения раритетов.

В то же время, еще одним государственным органом, функционировавшим с целью защиты и сбережения народного достояния, стал Народный комиссариат государственных имуществ (НКГИ) РСФСР, функционировавший в период с 1917 по 1918 год. Созданный на основе учреждения ранее причастного к ценностям государства (бывшего императорского двора) — министерства государственных имуществ[1], НКГИ сконцентрировал в своих руках полномочия по распоряжению наиболее привлекательных в материальном отношении ценностей государства, содержа своих сотрудников на доходы, полученные от частичной реализации имущества.

«Реквизиции чаще всего подвергаются изделия из золота и серебра…», — так оценивалась работа наркомов Народного комиссариата государственных имуществ РСФСР В.А. Карелина и П.П. Малиновского сотрудниками художественной комиссии, передававшими предметы и капиталы из кабинетов Его Величества, благотворительных учреждений бывшего придворного духовенства в Госбанк, а затем в Монетный двор. Предписания, вынесенные служащим губернских музеев, были также нацелены на способы оценки и описи предметов из благородных металлов и предметов с драгоценными камнями[2]. Нельзя не упомянуть, что основная масса произведений искусства Петрограда была вывезена в Оружейную палату Московского Кремля еще царским правительством в преддверии Первой мировой войны 24 июля 1914 года[3]. Вторая волна эвакуации пришлась на ноябрь 1917 года, когда было упаковано и до-

[1] ЦГАЛИ. Ф.-29. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.
[3] РЦХИДНИ. Ф.-2. Оп. 1. Д. 8776. Л. 15 // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917—1941 гг. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 40.

ставлено в Москву то дворцовое имущество, которое еще оставалось в Петрограде[1].

Имущество, принадлежавшее обеспеченным или относившимся к таковым людям — среднему купечеству, интеллигенции (врачам, адвокатам, профессорам, духовенству), также подвергалось реквизиции с последующей расправой над владельцами и их семьями без суда и следствия[2].

Новой власти в спешном порядке пришлось музеефицировать значительную часть реквизированных ценностей[3]. Показательна следующая зарисовка, что называется, «с натуры»[4]: «Несмотря на мрачное название переулка (Мертвый переулок), где мы размещались, отдел музеев напоминал шумный, жужжащий пчелиный улей... С утра до вечера в нем толкались художники и антиквары, писатели и музейные работники, хлопотавшие о коллекциях фарфора, артисты, имеющие ценные собрания картин..., другие люди. Тут можно было встретить и монаха из далекого северного скита, и старца из Оптиной пустыни, московских старообрядцев, пекущихся о древних иконах и старопечатных книгах. И, конечно, масса ходоков с самых отдаленных концов страны: учителей, заведующих новыми музеями, работников только что организуемых на местах отделов народного образования, представителей ревкомов, волостных и уездных Советов, даже чрезвычайных комиссий, которым приказывалось «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния...»[5].

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.
[2] Там же. Л. 8об.
[3] Музей. 1923. № 1. С. 1.
[4] См.: Мосякин, А. Антикварный экспортный фонд / А. Мосякин // Наше наследие. 1991. № 1. С. 2; Ильин, Н. Проданные сокровища России / Н. Ильин, Н. Семенова. М., 2000. С. 19; Политика советского правительства в области музейного строительства. Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920—1930 гг. СПб., 2002. С. 17.
[5] Кончин, Е. Революция в Мертвом переулке / Е. Кончин // Арбатский архив. Режим доступа: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbat6_1_3.html

Представители среднего класса, аристократии, крупных промышленников и предпринимателей, озабоченные сохранением своего имущества, имевшего культурно-историческую ценность, были вынуждены обращаться к действующим органам охраны памятников, ожидая помощи с их стороны[1]. В ответ на это местные власти предлагали на выбор: либо владелец сам защищает свое имущество от посягательств, либо безвозмездно передает его на государственный учет, получая взамен так называемую охранную грамоту, оставаясь при этом хранителем памятников истории и культуры на месте. Существовала практика приобретения государством частных коллекций[2].

Оказавшись в подобной ситуации и не видя для себя иного выхода, представители обеспеченных слоев были поставлены перед необходимостью выбора второго варианта. Данное предпочтение объяснялось тем, что в этом случае они могли предъявить непрошеным претендентам на свою собственность хоть какой-то документ, подтверждающий их право владения; кроме того, они надеялись найти защиту со стороны органов новой власти[3]. Многие деятели искусства, в том числе немало тех, кто был сам причастен к работе новых государственных органов, воспользовались данным выходом из ситуации, передав свои коллекции на учет регистрирующих комиссий[4].

В подавляющем большинстве случаев ценности, обретенные подобным образом государством, как было обещано, не изымались у бывших владельцев, оставаясь под их присмотром. Однако в скором времени должность хранителя собственного имущества становилась для его хозяина слишком обременительной. Он должен был оплатить одноразовый сбор в размере 25 рублей за выдачу охранной грамоты. Признанные

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 3,115; Ф.Р.-410. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—18.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 99; ГАЯО. Ф.Р.-178. Оп. 1. Д. 165. Л. 21.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 157.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37.

предметами музейного значения, памятники облагались еще «денежным налогом» в размере 2% от их стоимости в год[1]. Подобная оплата за коллекции среди комплекса других мер морального и физического воздействия (например, разграбление и разгром уголовными элементами или люмпенами зажиточных квартир, уплотнение представителей «эксплуататорских классов») вынуждала владельцев также сдавать под «действительную» охрану имущество как национальное достояние[2]. Тем самым, под давлением государства была создана основа саморегулируемой система выявления и учета дореволюционного наследия руками прежних и новых собственников.

В аналогичных, а подчас худших условиях оказались помещичьи земли. На основании документов, принятых II съездом Советов в октябре 1917 года, и, прежде всего, «Декрета о земле», они были полностью переданы в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов «со всем живым и мертвым инвентарем, со всеми постройками и принадлежностями»[3]. По положению «О земельных комитетах»[4], конфискация имений возлагалась на выборные крестьянские органы. Данный процесс должен был проводиться организованно. В теории он включал в себя составление описей имущества (в том числе усадебных художественных ценностей), а затем, при оформлении соответствующей документации предусматривал передачу усадебного имущества новой власти на селе[5].

На практике процесс конфискации имений «на законных основаниях» был скорее исключением, чем правилом. Безграмотным представителям волостных комитетов было не под силу составить описи усадебных собраний. Конфискация часто сопровождалась погромами, под-

[1] ЦГАЛИ. Ф.-36. Оп. 1. Д. 224. Л. 162.
[2] Рославский, В. М. Советская власть и исторические памятники в 1918 г.: реставрация, охрана, реквизиция / В. М. Рославский // Россия и современный мир. 2005. № 3. С. 211.
[3] Цит. по: Декреты советской власти: В 13 т. М., 1957—1989. Т. 1. С. 17.
[4] Там же. С. 18.
[5] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 13. Л. 116 об.

жогами и разграблением опустевших имений. Крестьяне устраивали распродажи усадебных коллекций. В воспоминаниях рязанского губернского комиссара М.И. Воронкова упоминалось, что погромам имений сопутствовал наплыв антикваров из Москвы. В Раненбургском уезде Рязанской губернии был стихийно образован целый поселок скупщиков[1].

В Тверской губернии в октябре-декабре 1917 году было учтено 810 усадеб, разгромлены 33[2]. Тем самым, с первых же дней существования новой власти начался отсчет многочисленных потерь в национальном достоянии губернской культуры. Первоначально это были стихийные разрушения, которые стали результатом проявления социальной психологии крестьянства, спонтанного всплеска ненависти со стороны сельского населения по отношению к олицетворению в его глазах символа господства помещиков — дворянской усадьбе[3].

Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 года, справедливо называют «культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах»[4]. Потери определяются, по нашему мнению, громадными невосполнимыми утратами художественного наследия. Кроме того, произошла утрата «письменного следа», т. е. письменных свидетельств об этом наследии, по которым можно было бы зафиксировать, понять, что имели наши предки.

Семейные и родовые архивы содержали коллекции исторических документов и фотографий, научные работы, сведения генеалогического характера, закрепляли в виде дневников, писем, мемуаров многообразный исторический социокультурный опыт нескольких поколений.

Кроме того, советская власть организовала мероприятия, в результате которых культовые здания, представлявшие значительную художе-

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 9. Д. 112. Л. 1.
[2] Архив ТОКГ. Ф.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 98-101; Иванова, Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. : Ист. очерки / Л. В. Иванова. М., 2001. С. 562.
[3] Греч, А. Н. Венок усадьбам / А. Н. Греч // Памятники Отечества: Альманах. 1994. № 32. С. 26.
[4] Рузвельт, П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 / П. Рузвельт // Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). М.: Улей, 2009. С. 7.

ственную и историческую ценность, такие как русские православные церкви и монастыри, костелы, кирхи, мечети, синагоги, а также предметы, связанные с совершением религиозного обряда, были национализированы[1]. Это было связано с отношением нового общества к памятникам религиозного искусства, отразившееся в декрете СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» 1918 года[2], согласно которому Церковь была отделена от государства. С этого документа начинается процесс уничтожения церковной собственности.

Национализация церковной собственности началась еще при Петре I. После упразднения патриаршества и учреждения Священного Синода, этому крупнейшему государственному учреждению перешло в ведение все церковное имущество. Этот процесс завершился указом Екатерины II 1763 года, когда все владение Церкви было секуляризовано, т.е. национализировано и переведено в царскую (государственную) казну. В диссертационном исследовании придерживаемся той точки зрения, что указом 1918 года о национализации церковного имущества советская власть лишь подтверждала свою преемственность в отношении управления церковной собственностью. Исключение составляли храмы и их внутреннее убранство, которые создаваясь на пожертвования частных лиц, до определенного времени оставаясь в частном владении.

Осуществление декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[3] выразилось в мероприятиях по ограничению места и роли православной церкви в жизни общества. Имущество церковных и религиозных обществ объявлялось достоянием государства. Отныне указанные общества не могли больше владеть никакой собственностью; также лишались прав юридического лица. Нормотворческие статьи

[1] См., напр.: Декрет СНК «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевской лавры» от 20 апреля 1920 г. // Охрана культурного наследия России XVII—XX вв. : Хрестоматия / Под ред. Л. В. Карпова. М., 2000. Т. 1. С. 400.
[2] Декреты Советской власти. М., 1957—1989. Т. 1. С. 374.
[3] История Советской Конституции. В документах. 1917—1956 гг. / Под ред. С. С. Студеникина. М., 1957. С. 109—110.

разъяснялись другими подзаконными актами исключительно в антицерковном духе[1]. Нормативные акты издавались и распространялись среди населения пятым, так называемым «ликвидационным», отделом Комиссариата юстиции под руководством С. Красикова[2]. Следует отметить, что наиболее ценное оставшееся без своих владельцев имущество РПЦ было национализировано уже к лету 1920 года.

Декрет «О слиянии Народного комиссариата имуществ Республики с Народным комиссариатом просвещения» получил свое законодательное оформление в конце 1917 года. Народный комиссариат имуществ вошел в состав Наркомпроса на правах отдела в конце июля — начале августа 1918 года. Область деятельности Наркомата народного просвещения постоянно увеличивалась. В ноябре 1917 года по инициативе наркома просвещения А.В. Луначарского была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства, которая подразделялась на две части: Петроградскую и Московскую (данные регионы являлись сосредоточием крупнейших музеев на территории Советской республики). Главой Коллегии был назначен художник, выдающийся искусствовед, просветитель, музейный деятель И.Э.Грабарь[3]. Именно Коллегии с декабря 1918 года на региональном уровне стали подотчетны губернские подотделы народного образования (губОНО)[4]. Важно, что состав таких отделов включал в себя специалистов музейного дела и представителей новой власти[5].

Возглавивший Петроградскую коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины в марте 1918 года Г.С. Ятманов[6], пригласил к сотрудничеству представителей различных научных учрежде-

[1] Свобода совести в Советской России и репрессии против Русской Православной Церкви в 20-е годы // Режим доступа: www.ortodoxia.org/lib
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 23.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 7. Л. 153—158.
[4] ГАРФ. Ф.А.-410. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. Л. 9.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 1. Д. 141. Л. 35.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 10.

ний и крупных музеев — П.П. Покрышкина (представителя Археологической комиссии), А.А. Миллера, П.И. Нерадовского, К.К. Романова, А.Н. Бенуа (из Русского музея), С.Н. Тройницкого, Д.А. Шмидта (из Эрмитажа), Г.К. Лукомского, А.А. Половцева (кадры художественно-исторических комиссий). В ведение Коллегии поступили крупнейшие музеи и дворцы. Кроме того, ее сотрудники занималась подготовкой декрета, содержание которого основывалось на запрете незаконного вывоза культурных ценностей за пределы страны.

На первом заседании Петроградской коллегии по делам музеев и охране памятников было принято решение заняться выработкой декретов об учете частновладельческих памятников искусства и старины; антикварной торговли и воспрещении вывоза и продажи за границу художественно-исторических предметов[1].

Одновременно была начата широкомасштабная работа по сооружению монументов. Эта деятельность большевиков стала широко известна как «монументальная пропаганда». Изданный 12 апреля 1918 году декрет «О памятниках республики»[2] проиллюстрировал «переплетение», казалось бы, двух таких далеких друг от друга областей как политика и сохранение памятников. В декрете рассматривались вопросы о демонтаже памятников монументальной скульптуры Российской империи, которые были наполнены ярким идейным содержанием[3]. Поскольку такие композиции всегда являлись символами государственной власти, Декрет предписывал: «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию»[4]. На месте демонтированных памятников новая власть предполагала установить монументы известным учителям

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 154. Л. 2—3 об.
[2] Правда. 1918. 14 апреля.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 121. Л. 9.
[4] Правда. 1918. 14 апреля.

социализма и деятелям международной революции, а также художникам и музыкантам.

Список памятников, подлежавших демонтированию, определяла специальная комиссия, в которую вошли представители объединенных Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата имуществ республики. Были сняты с постаментов московские памятники генералу М.Д. Скобелеву, Александру II и Александру III, великому князю Сергею Александровичу в Кремле, ряд памятников в Петрограде и других городах России. В 1918 году был разрушен памятник И.О. Сусанину в Костроме. В настоящее время на месте снесенного памятника установлен памятный знак. В Ярославле еще в ходе февральской революции 1917 года с Демидовского столпа убрали орла как символ самодержавия и небесную сферу (столп демонтировали в 1931 году)[1].

В постановлении СНК от 17 июля 1918 года был представлен список деятелей «международной революции» и представителей культуры, которым новое правительство намеревалось установить памятники. В первые годы советской власти художники создавали свои произведения в различных стилях и формах. Данный список, несколько раз корректировавшийся, являлся интереснейшим памятником эпохи[2]. Он мог появиться только в первые послереволюционные годы, когда культура еще не испытывала такого мощного идеологического прессинга, какой был в период становления и дальнейшего функционирования командно-административной системы[3]. Памятники, установленные согласно вышеуказанному списку, оказались недолговечными, т.к. были сделаны из непрочного материала. Эта «хрупкость» монументальной пропаганды

[1] ГАКО. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 486; Марасанова, В. М. Ярославская губерния в 1777 — 1917 годы / В. М. Марасанова // Режим доступа: http://www.yarregion.ru/Pages/histoire_1777-17.aspx
[2] Луначарский, А. В. Искусство и революция / А. В. Луначарский. М., 1924. С. 12.
[3] Советская Россия в 1917 — 1920-е годы // Режим доступа: www.ido.rudn.ru/nfpk/hist

оказалась весьма символичной и по отношению к законодательным актам.

Создавая новую систему правовых отношений в деле сохранения памятников искусства и старины, новая власть прибегла к эклектизму, пытаясь соединить отобранные дореволюционные правовые нормы, устраивавшие большевиков с так называемой «революционной» законностью и новые, такие как установление памятников, надписей, эмблем и гербов, «отражающих идеи и чувства революционной России»[1]. Тем самым, вопросы охраны памятников решались советской властью в зависимости от характера, назначения и идейной направленности. Заметим, что получившие отражение в законодательстве идеи о бережном отношении к культурному наследию, в дальнейшем сочетались с позициями, связанными с уничтожением памятников.

Начиная с 1918 года, в составе музейного отдела Наркомпроса действовали три подотдела. Отделы монументальной регистрации, архитектурный и археологический, а также Всероссийская комиссия по раскрытию памятников древнерусской живописи занимались охраной памятников. Архитекторы И.В. Рыльский, И.Е. Бондаренко, Д.С. Марков, П.Д. Барановский, исследователи древнерусского искусства И.Э. Грабарь, А.И. Анисимов, В.Т. Георгиевский, Н.Д. Протасов, П.П. Муратов, Н.М. Щекотов, Н.Н. Померанцев, реставраторы Г.О. Чириков, П.И.Юкин, Н.И. Брягин, В.Е. Горохов, М.П. Тюлин принимали активное участие в деле сохранения культурного наследия[2].

И.Э. Грабарь в своих работах сформулировал принципы научного сохранения памятников, реставрации, суть которых подразумевала два вида работ. Первый — ограждение памятника от дальнейшего разруше-

---

[1] См.: Декрет от 12 апреля 1918 года «О памятниках Республики» // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М., 1973. С. 15—16.

[2] См.: Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 193.

ния, то есть ремонт; и второй — раскрытие памятника, то есть воссоздание его в первоначальном виде[1].

В процессе формирования принципов сохранения реставраторы стремились не только отремонтировать памятники архитектуры и живописи, но и восстановить их, насколько возможно, в древнем, изначальном облике, освободить от позднейших пристроек. Так, например, архитектором П.Д. Барановским были открыты особенности древнерусской кирпичной кладки и метод восстановления утраченных декоративных деталей фасадов, который был немедленно внедрен в практические мероприятия при восстановлении ярославских храмов[2].

Работниками реставрационного подотдела при Музейном отделе Наркомпроса были сформулированы две задачи: раскрыть и выяснить основные черты местных художественных школ, а также осветить деятельность прославленных мастеров русского средневековья, таких, как Феофан Грек, Андрей Рублев и т.д.[3]. В целом, несмотря на то, что послереволюционная ситуация в стране не способствовала длительному сохранению памятников старины, а тем более привлечению внимания к более узкой задаче реставрации исторического наследия, вопросы, связанные с ней, вопреки обстоятельствам оказались подняты на «небывалую высоту»[4].

Первоочередной задачей отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса стали мероприятия по восстановлению, ремонту памятников архитектуры, пострадавших во время революционных и военных событий, а в непосредственной связи с ней

---

[1] Реставрация в Советской России // Грабарь, И. Э. О русской архитектуре / И. Э. Грабарь. М., 1969. С. 381.

[2] См.: Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 193.

[3] Подобедова, О. И. Вместо предисловия / О. И. Подобедова // Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве / И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 10.

[4] Рославский, В. М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917—1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация / В. М. Рославский. М., 2004. С. 15.

— обследование и расчистка произведений средневековой монументальной и станковой живописи.

В качестве отрицательно сказавшихся на данном процессе условий отметим тот факт, что у некоторых специалистов профессиональный интерес затмевал все человеческие сомнения. «Возможность доступа во все «тайники» открывала им огромные, новые возможности в области научной работы», — отмечала Н.И. Троцкая в статье «Музейное строительство и революция»[1]. Речь шла об охране памятников, лишившихся хозяев. Некоторые ценности, представляя интерес для реставраторов, находились на попечительстве владельцев.

Музейный отдел Наркомпроса вплоть до 1927 года возглавляла жена председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого — Н.И. Седова-Троцкая[2]. Функции заместителя, заведующего реставрационным подотделом, или ЦРМ (с 1924 года — Центральными государственными реставрационными мастерскими, далее — ЦГРМ), заведующего подотдела Государственных музейных фондов (Национального музейного фонда) были возложены на И.Э. Грабаря[3]. К работе в Музейном отделе были привлечены представители различных музеев, ученые и архитекторы — Н.Г. Машковцев, Т.Г. Трапезников, Б.Р. Виппер, В.А. Городцов.

Отметим, что Н.И. Троцкая, обладая значительными организаторскими способностями и административным ресурсом, сумела за короткий срок сплотить вокруг отдела оставшихся в стране профессионалов в сфере охраны культурного наследия. Сохранив на всех руководящих постах «команду Грабаря», она не стала стеснять её действия административными рамками[4]. Более того, Н.И. Троцкая зачастую защищала своих

---

[1] Троцкая, Н. Музейное строительство и революция / Н. Троцкая // Наука и искусство. М.; Л., 1926. № 1. С. 29—53.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 7. Л. 153.
[3] Там же. Л. 155.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 1.

сотрудников от обысков и арестов, старалась облегчить их материальное положение. Новая власть оценивала их по-своему, считая их «буржуазными специалистами» и оттого «политически неблагонадёжными»[1]. Особую поддержку Н.И. Троцкая оказала реставраторам в ходе восстановительных работ в Ярославле после мятежа 1918 г.[2] (подробнее об этом будет сказано ниже).

Петроградская коллегия по делам музеев и охране памятников учредила специальную художественную комиссию, в задачу которой входил контроль над мероприятиями по вывозу произведений искусства за границу. 2 августа 1918 года на заседании Коллегии для Комиссии была принята Инструкция, содержание основополагающего пункта которой гласило, что последняя «наблюдает за тем, чтобы не вывозились за границу предметы искусства, представляющие высокую художественную ценность или значение национально-историческое»[3].

Члены Художественной комиссии ответственно подошли к выполнению поставленных задач. Один из сотрудников, Н. Ф. Романченко, 1 августа 1918 года информировал: «Считаю долгом довести до сведения Художественной комиссии, что в настоящее время идет усиленная скупка старинных икон, особенно в богатых окладах... Прошу Художественную комиссию о распоряжении запретить продажу икон..., распространив это запрещение на антикварные магазины»[4].

Реализация госфондового имущества, позволявшая музеям через антикварные магазины и аукционы продавать ценности не имевших исторического значения и не входивших в основной состав коллекций, осуществлялась под контролем Комиссии Совета труда и обороны по

---

[1] Арбатский архив // Режим доступа: www.clow.rua-moscow.
[2] Эфрос, А. М. Музейное строительство в Советской республике / А. М. Эфрос // Советская культура. 1924. № 3. С. 54.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 22. Л. 11.
[4] Цит. по: Галай, Ю. Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации 1917—1929 годы. Историко-правовой аспект / Ю. Г. Галай. Н. Новгород, 1997. С. 91.

учету и реализации госфондов (СТО СССР) и Наркомпроса[1]. А.М. Горький писал, что «в Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными из России»[2].

В конце 1920-х гг. проводились так называемые «сталинские распродажи» экспонатов Государственного музейного фонда в огромных масштабах. Два антикварных магазина торговали старинными вещами на Тверской улице в Москве и недалеко от Эрмитажа в Петрограде[3]. Согласно цифрам, приведенным в «Российской музейной энциклопедии», в 1926—1927 гг. только по Ленинградскому музейному фонду и дворцам-музеям было назначено для продажи в Антиквариате (отделе Наркомвнешторга) различного рода предметов искусства на 1 млн. руб.[4]. В 1928—1929 гг. хранилища Государственного музейного фонда были ликвидированы, все ценности переданы музеям и Антиквариату Народного комиссариата внешней торговли.

Первоначально для установления контроля за вывозом художественных сокровищ в Москве при подотделе столичной охраны была образована секция «По принятию мер охраны», а при ней контрольная комиссия с возложенными на нее обязанностями «по просмотру всего вывозимого, как частными лицами, оптантами, так и Внешторгом, и задержании предметов, имеющих музейно-художественное значение»[5]. В условиях разрушения не должны были пострадать истинные произведения искусства от рук не только анархистов, но и от представителей государственного аппарата.

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 11.
[2] Горький, М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре / М. Горький. М., 1990. С. 145—148.
[3] ГАРФ. Ф.А.-3385. Оп. 1. Д. 790. Л. 3.
[4] См. : Российская музейная энциклопедия / Рос. ин-т культурологии; редкол.: В. Л. Янин (председ.) и др. М., 2005. Т. 1. С. 146.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.

В силу вышеперечисленных обстоятельств на данном этапе музеефикация стала главным направлением государственной политики в области охраны памятников[1]. Примерная инструкция для устройства местных музейных коллегий была разработана в июне 1918 года[2]. Музейным отделом НКП в первые дни своего существования были предприняты энергичные шаги, чтобы пресечь утечку художественных ценностей за границу[3].

Музейный отдел обращал особое внимание на сохранение предметов из музеефицированных дворцов и ансамблей, отмечая их художественную ценность, выделяя при этом познавательную роль экспозиций[4]. Нарком просвещения А.В. Луначарский подчеркивал, что представленный материал демонстрировал «деградацию дворянства и царской власти на протяжении XIX—начала XX столетий, головокружительное моральное и эстетическое падение династии и общества, служившего ей опорой»[5].

Знаменательными событиями в деле сохранения и пропаганды памятников искусства и старины в рассматриваемый период явились выставки отреставрированных произведений искусства, прошедшие в 1918, 1920 и 1921 гг. Они вызвали большой интерес у самых широких слоев населения и способствовали мобилизации общественности на решение первоочередных проблем охраны памятников, их изучения и восстановления.

Памятники материальной культуры, археологическое наследие, шедевры искусства контролировались сотрудниками созданной Российской академии истории материальной культуры (РАИМК)[6]. Преобразо-

---

[1] Луначарский, А. В. Советская власть и памятники старины / А. В. Луначарский // Луначарский, А. В. Об изобразительном искусстве / А. В. Луначарский. Т. 2. М., 1967. С. 56.
[2] См.: Народное просвещение. 1918. № 7. С. 2.
[3] См.: Искусство. 1918. № 1 (5). С. 17.
[4] Шпаковская, Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом / Л. Шпаковская // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 10.
[5] Луначарский, А. В. Советская власть и памятники старины / А. В. Луначарский // Луначарский, А.В. Об изобразительном искусстве. Т. 2. М., 1967. С. 56.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 152. Л. 5; Д. 154. Л. 3.

ванная в 1926 голу в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), она являлась «наследницей» упраздненной императорской археологической комиссии, Московского и Петербургского археологического обществ[1].

В ходе проведенных обследований появлялась необходимость разделить памятники усадебной культуры на категории по степени и их художественной ценности[2]. Реальную поддержку в деле исследования и сохранения такого рода культуры проявило Общество изучения русской усадьбы[3]. В отчете руководителя подотдела провинциальной охраны Музейной коллегии А. Дауге, опубликованном еще в 1919 году[4], усадьбы разделялись на несколько групп: а) носившие цельный музейный характер; б) показывавшие картину быта; в) связанные с великими именами.

Деятельность общества пришлась на 20-е гг. XX в. и включала в себя как научные изыскания, так и публикацию путеводителей, налаживание экскурсионного дела. Вместе с тем в течение последующих десятилетий количество усадеб-музеев и музеев, созданных на их базе, сократилось, а музейные работники были уволены[5].

С целью координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в 1921 году создается единый государственный орган — Главное управление научными, научно-художественными, музейными учреждениями (Главнаука). Оно было сформировано в составе Академического центра Народного комиссариа-

---

[1] Реставрация в Советской России // Грабарь, И. Э. О русской архитектуре / И. Э. Грабарь. М., 1969. С. 381.

[2] Козлов, В. Ф. Материалы о руководстве Наркомпроса РСФСР делом охраны исторических памятников в 1920-х гг. / В. Ф. Козлов // Советские архивы. 1985. № 1. С. 67—71.

[3] Он же. Наследие подмосковной усадьбы в контексте государственной политики 1920-х годов (Обзор материалов московских архивов ГАРФ и ЦГАМО) // Источники по истории русской усадебной культуры. РГГУ и О-во изучения русской усадьбы. М., 1997. С. 123.

[4] Дауге, А. Охрана памятников искусства и старины в провинции / А. Дауге // Художественная жизнь. 1919. № 1. С. 10—11.

[5] Из письма И. А. Тихомирова В. Г. Богораз-Тану. 14 декабря 1931 г. // Краеведческие записки. Вып. 7. Ярославль, 1991. С. 16—17.

та просвещения (Наркомпроса, НКП) вместо Управления научными учреждениями и Главного комитета по делам музеев[1]. В задачи Главнауки входили развитие и материальное обеспечение сети научных и художественных учреждений, подготовка и использование научных кадров в интересах строительства советской культуры, организация научных съездов и конференций, распространение научных знаний и художественной культуры, развитие краеведческого движения. Основой деятельности Главнауки являлись организация научных экспедиций, учет, охрана и реставрация историко-художественных памятников[2].

Под руководством Главнауки, начиная с 1925 года, объединились свыше 70 академий и учебных заведений, более 80 научно-исследовательских учреждений теоретического профиля, 11 фундаментальных и научных библиотек, около 470 музеев, заповедников и других учреждений. В составе Главнауки действовал отдел музеев и охраны памятников искусства и старины, а также административный сектор и комиссия по контролю над вывозом заграницу художественных, музейных и научных ценностей[3].

* * *

Условия осуществления сохранения памятников искусства и старины в первые послереволюционные годы являлись своеобразным общественным явлением, которое следует оценивать с точки зрения проходивших мероприятий по всей стране. Особенностью становления системы государственных органов сохранения памятников являлось своевременность ее формирования, как в центре, так и в провинции. Созданная система сбережения памятников искусства и старины и музейных коллекций не была изобретением представителей нового режима. Ак-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Л. 244.
[2] Там же. Л. 245.
[3] Там же. Л. 244.

тивно использовались достижения созданных в дореволюционный период организаций по всей стране.

В то же время государственные органы власти поставили памятникоохранную деятельность под свой контроль и стремились направить ее в нужное идеологическое русло. Было заявлено, что «область охраны памятников являлась и является в настоящее время широкой ареной классовой борьбы». Безусловно, что массовое распространение именно в нашей стране атеизма в начале 20-х гг. XX в. нанесло серьезнейший ущерб сохранению культурного наследия. Данные мероприятия выразились в начавшемся процессе закрытия культовых зданий, большая часть которых, объявленная большевиками «отжившим и ненужным хламом», подверглась уничтожению.

В ходе проведенного диссертационного исследования мы пришли к тому выводу, что государственная политика первых послереволюционных лет сыграла важнейшую роль в приобщении широких социальных слоев к ранее недоступным для них культурным ценностям, положили начало музейному строительству в столице и губерниях Центрально-промышленной области. Разумеется, что сохранение памятников искусства и старины рассматриваемого периода при всех бесспорных достижениях была процессом противоречивым, как противоречива была сама культурная политика нового правительства, основа которой сформировалась в условиях ожесточенной борьбы в годы гражданской войны, интервенции и разрухи.

В тяжелых морально-психологических, военных и финансовых условиях органы государственной власти за короткий срок создали действовавший механизм сохранения и учета памятников. Данная система поставила своей целью наиболее целостное выявление и регистрацию историко-культурных памятников. Процесс собирательства исторических и художественных ценностей шел двумя путями. С одной стороны,

национализировались крупнейшие собрания, с другой — создавалась незаменимая в сохранной деятельности система учета частных коллекций и отдельных, выдающихся по своему художественному значению экспонатов — единая учетная документация книг поступлений, инвентарных книг, паспортов, регистрационных карточек памятников. Здания и предметы дореволюционной эпохи нередко использовались утилитарно: «для нужд советских учреждений», перераспределялись среди служащих и нуждающихся рабочих, движимые памятники активно реализовывались за границей.

Материально-вещественное «наследие прошлого» объявлялось национальным достоянием и собственностью государства, руководство которого получило особое привилегированное положение в контроле над ценностью старых вещей как их собственник, оставляя только те памятники прошлых эпох, которые считала нужным сохранить.

Система сохранения памятников искусства и старины Наркомпроса поставила во главу решение вопроса о сбережении культурных ценностей в качестве первоочередного. Отчуждение, переделка, ремонт или перемещение взятых на учет церквей, икон и других ценностей допускались только с разрешения государственных органов охраны. Любое перемещение или продажа антиквариата без ведома Коллегии по делам музеев запрещались. Владельцам взятых на учет предметов или собраний оказывалось содействие в обеспечении их сохранности. Им выдавались особые охранные грамоты, которые являлись одной из главных форм учета культурных ценностей. В это же время происходило замещение имен и знаков, — превращение церкви или дома в «музей быта», изменение названий улиц и городов, уничтожение «старорежимного» архитектурного декора и «дворянской культуры». Взамен убранных с площадей памятников дореволюционной эпохи устанавливались памятники революционным деятелям и писателям.

С первых месяцев существования новой власти стало очевидно, что ее стремление сконцентрировать в своих руках максимум культурных ценностей имело достаточно простое объяснение. Движимые памятники искусства рассматривались как своеобразная валюта, с помощью которой можно было решить острые экономические и социальные проблемы. У властьпредержащих было свое понимание защиты памятников искусства и старины — с первых лет советской власти началась распродажа за границей культурных ценностей на государственном уровне. Концентрация памятников искусства и старины в руках органов власти была завершена. С началом нэпа десятки особняков и усадеб превращаются в музеи, где выставляются коллекции бывших хозяев и демонстрируется их быт.

На первом этапе перед пролетарским государством встала задача так называемого «первоначального накопления», организации всеобщего, тотального учета на местах художественно-исторического имущества. На территории столичных и губернских городов, в частности, в это время возможен был лишь «грубый» учет без отделения предметов первостепенного значения от тех, что имели не музейную, а лишь антикварную, материальную ценность. При этом вопросы о принадлежности вещей и месте их хранения возникал лишь в тех случаях, когда речь шла о предмете выдающегося значения, а также, если налицо были угрожающие этим предметам обстоятельства. Следует отметить, что продажа отечественного антиквариата была первоначально вынужденной мерой со стороны государственных органов, чтобы пополнить скудный бюджет. Страна находилась в условиях разрухи, гражданской войны. Разумеется, вывоз ценностей во многих губерниях был поспешен и часто небрежен. Фотофиксация интерьеров почти не проводилась. Вещи, которые могли бы быть атрибутированы, поступали в хранилища и музеи иногда

как неизвестные. Юридически право сотрудников губподотделов на вывоз не было бесспорным.

И все же значение данного процесса трудно переоценить, понимая, что многие культурные ценности были спасены в сформированных музейных коллекциях.

2.2. Формирование памятникоохранных органов на местах

Государственная система органов охраны памятников искусства и старины могла быть эффективной только при наличии разветвленной сети органов на местах. Отдельные структуры на местах стали появляться задолго до того как Музейный отдел Наркомпроса начал их целенаправленно создавать. Это было обусловлено как общим охранительным направлением политики новой власти по отношению к культурному наследию, так и стремлением общественности на местах сохранить оказавшиеся под угрозой гибели художественно-исторические ценности.

С целью учета и регистрации памятников искусства и старины на местах при отделах народного образования губернских советов были созданы подотделы (комиссии) по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В течение июня—ноября 1918 года такие подотделы появились в 8 губерниях страны[1]. С декабря 1918 года по август 1918 года было сформировано еще 14 подотделов по охране памятников. К осени 1920 года в масштабах республики было образовано уже 64 губернских и уездных подотдела, несколько позже их стало 69[2]. На 1 января 1922 года по всей стране кроме 69 губернских был зарегистрирован 31 уездный орган охраны памятников. Из них, по нашим подсчетам, 6 находилось в губерниях и 7 в уездах рассматриваемых в диссертации

[1] Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг.: дис. (научный доклад) … докт. ист. наук / Ю. Н. Жуков. М., 1992. С. 178.
[2] Грабарь, И. Э. Письма: 1917—1941 / И. Э. Грабарь. М., 1977. С. 25.

территорий — Ярославской, Владимирской, Тверской, Костромской губерний[1]. К середине 1920-х гг. они были более единообразными, унифицированными, имели единые штаты, финансирование. Задачи их деятельности были четко определены постановлением, поэтому можно говорить о начале становления единой государственной сети органов сохранения памятников на местах[2].

По поводу деятельности провинциальных органов охраны И.Э.Грабарь отметил в одном из своих писем: «...вот уже несколько месяцев, как они (губернские отделы) введены в жизнь и действуют кое-где так себе, а кое-где отлично. Очень надеюсь, что сама жизнь исправит то, что придумано недостаточно практично и дельно, но верю, что... идея останется, и вопросы музейного строительства и охраны перестанут направляться исключительно из центра»[3]. Исследователь-реставратор оказался прав. Местные специалисты и органы власти активно поддержали инициативу из столицы. Однако каждая из властей — исполнительная и памятникоохранная — вкладывала свое содержание в дело сохранения раритетов[4].

Памятники искусства и старины, перешедшие в руки органов власти из частного владения, оценивались как самый крупный реально существовавший материальный фонд. Губернские подотделы встали во главе процесса, связанного с теоретической и практической музеефикацией мемориальных объектов. Мы поддерживаем мнение исследователей, которые справедливо утверждали, что к памятникам относились «как к своеобразному «музею искусства» (в простейшем случае — как к музейному экспонату) и как к документу эпохи[5]. При сохранении церковного

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 1. Д. 141. Л. 36.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 12. Л. 46.
[3] Грабарь, И. Э. Письма: 1917—1941 / И. Э. Грабарь. М., 1977. С. 25.
[4] ГАРФ. Ф.А.-410. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. Л. 9.
[5] Флоренский, П. А. Храмовое действо как синтез искусств / П. А. Флоренский // Маковец. М., 1922. № 1. С. 28—32; Михайловский, Е. В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций) / Е. В. Михайловский // Режим доступа: http://art-con.ru/node/4962.

искусства как высшего объединения различных видов художественной деятельности не допускались произвольные истолкования.

Предполагалось присоединение к большим центральным музеям в провинции «малых» музеев в качестве филиалов, объединение музеев, расположенных в пределах одного города и передача музеев и памятников, которые не представляли научной и культурной ценности в государственном масштабе на содержание местных исполкомов. Приоритет отдавался выявлению своеобразия различных регионов страны, специфики их исторического и культурного развития. Все ремонтные и реставрационные работы подведомственных губмузеев проводились под наблюдением Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

1 августа 1918 года состоялось организационное заседание Комиссии по охране памятников искусства и старины в Ярославле. Присутствовали два представителя из Москвы и представители местных органов — губернского отдела народного образования, естественно-исторического общества, художественного общества — Н.Г. Первухин (археолог подотдела), Д.В. Разов (архитектор), А.И. Смирнов (музейный работник), И.А. Тихомиров (музейный работник), И.А. Лазарев (художник) и другие[1]. Несомненно, что толчком к ее организации послужили тяжелейшие для памятников культуры последствия белогвардейского мятежа. Но члены Комиссии ее задачи видели гораздо шире — сохранение памятников, как в Ярославле, так и во всей губернии и распространение охранных мероприятий не только на общественные, но на все без исключения частные собрания. Было заслушано сообщение Н.Г. Первухина о состоянии Древлехранилища, по итогам которого было принято решение об оказании организации материальной помощи с целью сохранения

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

фондов[1]. Отдельным решением было предусмотрено создание комиссии «для выяснения погибших во время мятежа исторических, художественных сокровищ и экстренные меры для охраны и возможного восстановления пострадавших памятников»[2]. Для решения вопроса о финансировании всей работы было решено обратиться в Москву и в губернский отдел народного образования.

На очередном заседании подотдела 8 мая 1919 года рассматривался вопрос о предварительном распределении тех денежных средств, которые были выделены Наркомпросом для Ярославской губернии. Речь шла о двух миллионах рублей, часть из которых было решено направить на ремонт здания бывшего Братства Святого Дмитрия для устройства в нем музейного хранилища[3].

Подотдел по инициативе Н.Г. Первухина постановил взять на государственный учет храмы Иоанна Предтечи и Ильи Пророка, нанять сторожей и договориться с епархией о дальнейшей судьбе этих памятников[4].

В мае 1919 года Ярославский отдел народного образования издал циркуляр, в котором довел до сведения всех губернских, уездных и волостных органов власти информацию о создании подотдела как специального органа, «без ведома и распоряжения которого отныне не могут производиться никакие сломки и переделки старинных и художественных зданий — церквей, монастырских стен, келий, трапез, барских усадеб, дворянских и купеческих особняков, стильных беседок, ворот и т.п.»[5]. Циркуляр запрещал также отчуждение и продажу икон, картин, мебели, посуды, рукописей, старопечатных книг без особого разрешения подотдела. Подотдел рассматривался, таким образом, как основное структурное звено в формировавшейся системе органов охраны памятников, и ему были

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 20б. Л. 229.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
[4] Там же. Л. 7.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 10. Л. 110.

предоставлены в пределах губернии широкие полномочия.

В период Гражданской войны на территории боевых действий сохранение памятников было поручено специальным отделам при штабах фронта и воинских подразделений Красной Армии. Свою роль в борьбе с расхищением памятников культуры сыграли и органы ВЧК, взявшие под наблюдение сохранение культурных ценностей. Циркуляры ВЧК в виде листовок «Меры против расхищения художественных ценностей» широко распространялись по всей стране[1], сыграв положительную роль, дополнительно создав защиту в сложное для губерний время.

28 декабря 1918 года был образован губернский подотдел в Твери. Данный орган при поддержке Тверского губисполкома принял постановление о регистрации по всей губернии памятников искусства и старины. С этой целью было проведено широкое оповещение населения. Вывешивались объявления, информация была напечатана во многих газетах. Решение губисполкома было доведено до сведения всех уездных и даже волостных отделов народного образования[2]. Одновременно было подготовлено особое обращение подотдела и земельного отдела губисполкома ко всем сотрудникам земельных отделов. При посещении бывших частновладельческих усадеб они обязаны были регистрировать по данному им образцу все находящиеся там художественно-исторические ценности и «принимать меры по охране передачей под наблюдение надежному лицу под расписку»[3].

В Тверской губернии, как и в других, сразу же обозначилась проблема кадров. Отчасти она разрешалась тем, что в губернии постоянно находились в командировках сотрудники Музейного отдела, помощь которых была очень кстати. Так, в декабре 1919 года в губернию приезжал И.Э. Грабарь,

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 1. Д. 301. Л. 27.
[2] Рязанцев, Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917—1930-е гг.) / Н.П.Рязанцев. Ярославль, 2011. С. 104.
[3] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 16. Л. 25.

который помог в организации деятельности подотдела и некоторых музеев, в том числе, Кашинского музея. Практически в это же время в губернии находился уполномоченный Главархива В.П. Олесов, который занимался вопросами сохранения личной переписки императрицы Марии Федоровны, вывезенной из имения Волосово[1].

Постановлением о создании губернских подотделов по делам музеев и охраны памятников искусства и старины 1918 года[2] было предусмотрено, что в состав каждого из них будет входить представитель губернского отдела народного образования в качестве политического руководителя и несколько специалистов — музейный деятель, художник, архитектор, археолог, историк. Специалистов на эти должности должен был приглашать политический руководитель, но кандидатуры нужно было согласовать с Музейным отделом Наркомпроса. Губернские подотделы, являясь частью губОНО, подчинялись, естественно, соответствующим губисполкомам. Вместе с тем они должны были действовать под общим руководством Музейного отдела Наркомпроса. Таким образом, проводился принцип «двойной подчиненности», который использовался тогда при создании всех советских органов власти. Среди направлений деятельности подотделов было «принятие всех мер охраны памятников искусства и старины, регистрация их и взятие на учет, создание губернских музейных фондов, составленных из всех принятых на учет художественно-исторических ценностей»[3].

Отметим, что основной особенностью в деле сохранения памятников в Твери была исключительная возможность превращать выявленные предметы старины в экспонаты музея, так как Путевой дворец, замечательный памятник архитектуры XVIII — начала XX вв., стал музеем уже в январе 1919 года. 29 января 1919 года Наркомпрос выдал охранную

[1] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 21. Л. 5.
[2] Народное просвещение. 1918. № 22. С. 12-13.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 19. Л. 24.

грамоту на этот объект, «как выдающийся исторический памятник архитектуры 18 столетия» и сообщил, что намерен разместить в нем ряд музеев[1]. Это, однако, не помешало городскому совету Твери принять 12 февраля 1919 года решение о передаче дворца местному Пролеткульту, что вызвало оживленную переписку между Тверью и Москвой. Вопрос был урегулирован, но эта история также свидетельствует о многочисленных и порой непредвиденных трудностях, с которыми сталкивались органы сохранения памятников на местах.

Все подотделы Ярославской, Костромской, Владимирской и Тверской губерний объединяло не только наблюдение за сохранностью памятников в своих районах, но и в случае необходимости, опираясь на содействие местной администрации, право побуждать и обязывать отдельных лиц и организации, владевших памятниками, изменять условия его хранения и производить предохранительные ремонты. Вопросы, связанные с капитальным ремонтом и изменением существующего вида памятника зодчества разрешались исключительно Музейным отделом Наркомпроса. Без его санкции губмузеи могли вести ремонтные работы зданий, построенных позднее середины XIX столетия[2]. Перестройка того или иного храма или производство реставрационных работ проводились с целью обеспечения научной постановки работ по ремонту и реставрации памятников искусства и старины, ограждения таковых от порчи и уничтожения, а также планомерного плана проведения музейного строительства[3].

На иконах разрешалось укрепление вздувшегося и осыпающегося левкаса. Осуществлялась промывка и частичное восстановление масляными красками утраченных мест стенной живописи[4]. Отчеты о произ-

[1] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 16. Л. 22.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 152. Ч. 1. Л. 5.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

водственных работах, описание окончательного вида памятника (в важнейших случаях с фотографиями или рисунками, иллюстрирующими процесс работ и фиксирующими начальный и конечный вид памятника) направлялись в Музейный отдел Наркомпроса[1]. Сотрудники губмузеев обязывались наблюдать за правильностью проведения ремонтно-реставрационных работ и, в случае обнаружения нарушений, приостанавливать их, и даже привлекать виновных к судебной ответственности[2].

Все вышеуказанные изменения в системе сохранения культурных ценностей коснулись деятельности губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников при отделе народного образования в Костромской губернии. В развернувшихся работах и мероприятиях губернского подотдела принимали участие известные костромские деятели культуры — возглавлявший в течение ряда лет губмузей В.И. Смирнов, краеведы А.И. Некрасов, И.А. и Ф.А. Рязановский, Л.А. Большаков и другие[3]. Благодаря их самоотверженной работе без преувеличения удалось спасти от гибели многие памятники истории и культуры. Несмотря на отсутствие средств в первые послереволюционные годы, в Костроме и окрестностях были развернуты активные работы по выявлению и регистрации памятников истории и культуры.

Подчас профессиональные сотрудники губернских отделов, а нередко и Музейного отдела, не всегда имели четкого представления о том, что необходимо оценить историческую и художественную ценность, национализировать и вывезти в первую очередь. Сказалось отсутствие научно обоснованных критериев определения ценности памятников архитектуры, усадеб, культурных и церковных ценностей. Во многом процесс конфискаций носил стихийный характер. Определяющую

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 164—216.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 9. Л. 27—31.
[3] Кондратьева, И. Ю. Краткий исторический очерк охранно-реставрационной деятельности в Костромской области / И. Ю. Кондратьева // Культурное наследие: охрана, реставрация, исследование. Кострома, 2005. С. 7.

роль в данном случае играл субъективный фактор — профессиональные предпочтения эмиссаров Музейного отдела НКП — В.А. Мамуровского, Я.А. Тепина, А.В. Трушковского, В.В. Пашуканис, А.Н. Тришевского, А.В. Лебедева, В.И. Раевского, Ю.П. Анисимова и сотрудников региональных отделов по охране наследия[1].

Во Владимирской губернии органы охраны памятников очень широко использовали разного рода обращения к населению, считая это действенной мерой к сохранению памятников. Так, губернский подотдел (созданный в мае 1918 года) обратился во все учебные заведения, прежде всего, сельские школы с призывом бережного отношения к предметам старины и необходимости собирать и сдавать их в уездные и губернский музеи. Совместно с отделом народного образования была разработана анкета для археологов и коллекционеров, чтобы ускорить сбор информации о памятниках искусства и старины, которые находились в частных коллекциях[2]. Идею сразу же поддержал, в том числе и финансированием, Владимирский губисполком. Одним из первых решений Комитета стало взятие под охрану знаменитых Золотых ворот Владимира[3].

Подобные воззвания выпускали и уездные подотделы. Так, Переславль-Залесский подотдел в 1919 года обратился к населению уезда с таким обращением: «Переславль-Залесский... сам по себе настоящий музей, хранящий по церквам, монастырям и домам множество предметов художества и старины. В каждом почти доме, если не в комнатах, то на чердаках и в чуланах имеется старинная утварь, портреты, книги и прочее. Многое лежит в пыли, сырости и полном небрежении. Граждане! Все это - дело рук народного гения и нужно хранить это. Всему заслуживающему внимание следует дать надлежащее место и надлежащее хранение...» [4].

---

[1] НИОР РГБ. Ф.-178. М 9502-6. Анисимов Ю. П. «Статья о русской усадьбе» (конец 1920-х гг.).
[2] Рязанцев, Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917—1930-е гг.) / Н. П. Рязанцев. Ярославль, 2011. С. 106.
[3] Там же. С. 100.
[4] Там же.

На базе спасенных ценностей создавались различные фонды музеев, многие региональные коллекции наполнялись новыми экспонатами[1]. Если до революции действовал 151 российский музей, то после 1917 года было открыто еще 197[2]. Так, в октябре 1918 года Кологривский Пролеткульт Костромской губернии запросил Музейный отдел о судьбе музея Г.А. Ладыженского. Отдел, в свою очередь, возложил ответственность за его охрану «всецело на Коллегию Пролеткульта впредь до обследования и разбора коллекций означенного музея сотрудниками коллегии, командированными из Москвы»[3].

Разработанная весной 1920 года «Инструкция Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины», устанавливала проведение учета, хранения и передачи государству того церковного имущества, имевшее историческое и художественное значение[4]. Согласно данному нормативному акту, сотрудники губмузея должны были, прежде всего, тщательно изучить предметы религиозного культа и распределить их по трем категориям: уникальные; имевшие и не имевшие музейное значение.

Предметы, отнесенные к первым двум категориям, переходили на основании декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в ведение Отдела по делам музеев и уже затем передавались группам верующих в пользование. При этом в содержании Инструкции подчеркивалось, что если условия хранения предметов, признанных историко-культурными памятниками, были недостаточно надежными, или предметы требовались для экспозиций музеев, то они могли быть изъяты сотрудниками Отдела или его отделений на местах[5]. Тем самым было положено начало процесса концентрации в центральных музеях местных

---

[1] Жуков, Ю. Н. Память Отечества / Ю. Н. Жуков. М., 1988. С. 44.
[2] Там же. С. 43.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 35.
[4] Декреты Советской власти. М., 1957—1989. М., 1978. Т. 9. С. 219.
[5] Там же. С. 220.

национализированных коллекций. В большом количестве в хранилища попадали иконы из многочисленных закрытых церквей и монастырей, из соборов и монастырей. В его состав входили все движимые церковные памятники — иконы, древнерусское шитье, литье, церковная утварь, резьба по дереву, камню и кости[1].

Освободившиеся церкви использовались «рационально» — под склады, артели, конторы и телятники[2], поскольку некоторые из них не оценивались как памятники. То, что веками сберегала церковь, на данном этапе взял под надзор губернский музей в составе двух-трех работников[3].

Исторические здания губернии были разделены сотрудниками губмузея на четыре категории. В первую категорию вошли «памятники общегосударственного значения», которые в случае ликвидации общин верующих подлежали передаче музейному отделу в целом с иконостасом и музейными вещами и охранялись Музейным отделом[4]. Вторую категорию составляли «памятники местного значения», которые в случае ликвидации общин тоже «переходят под охрану и ведение музея... все оставшееся имущество вывозится — музейное в музей, а не музейное — в исполком»[5]. Следует заметить, что все памятники данной категории были сохранены.

В третью категорию зданий, «представляющих собой музейный интерес только со стороны внешней архитектуры», отнесены были церкви, из которых после закрытия «музей вывозит музейные вещи, после чего они утилизируются исполкомом для своих потребностей при условии сохранения в неприкосновенности внешней архитектуры»[6]. В дей-

---

[1] См.: Бабаева, Л. М. Из истории национализации частных художественных собраний в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) / Л. М. Бабаева // История СССР. 1977. № 2. С. 183.
[2] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 580. Л. 193.
[3] Там же. Л. 70.
[4] ГАВО. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 272. Л. 102.
[5] Там же. Л. 102 об.
[6] Там же.

ствующих церквях указанной категории договор аренды предусматривал интересы музея. К четвертой категории причислялись церкви, «не представляющие никакого музейного значения», в случае закрытия которых музей «вывозит музейные вещи, если таковые окажутся. Дальнейшая судьба этих церквей определяется исполкомом вплоть до сломки»[1]. Распределение губернскими подотделами памятников на категории, как показали наши исследования, не защищало памятники от разрушения. Меньше всего из церквей пострадали музейные объекты, относившиеся ко второй и третьей категории, поскольку ко второй категории специалисты отнесли памятники церковного зодчества, которые допускали совместное пользование Церкви и государственных музеев, устанавливая по возможности широкий музейный показ памятника.

Деятельность губернских органов ограничивалась недостаточностью финансирования неотложных и экстренных мероприятий. С 1921 года в стране начался восстановительный период, правительство взяло курс на новую экономическую политику. Необходимо было поднимать разрушенные гражданской войной хозяйство и транспорт. Четкий хозяйственный контроль, самоокупаемость, жесткая экономия, разделение единого ранее бюджета на центральный и местный — вот те новые принципы, влияние которых испытали все области народного хозяйства губерний ЦПО. Ограничение расходов на содержание государственного аппарата отразилось и на культуре[2].

Сохранение памятников старины, начиная с 1921 года, сформировала совершенно иную экономическую основу. Ее принципами, как и всей начавшейся в то время новой экономической политики, были хозрасчет и самоокупаемость, что, в свою очередь, предполагало существование децентрализованной системы финансирования[3]. Вся тяжесть рас-

---

[1] ГАВО. Ф.Р.-366. Оп. 1. Д. 272. Л. 104.
[2] Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России / М. А. Полякова. М., 2005. С. 54.
[3] Там же. С. 55.

ходов на сохранение памятников и формирование музеев легла на региональный бюджет, а ответственность за их сохранность — на местные исполкомы и губмузеи[1].

При хорошем региональном финансировании децентрализация, бесспорно, сыграла бы положительную роль, активизируя местную инициативу по сохранению культурного достояния на региональном уровне. Однако в стране в самом начале нэпа сложилась иная ситуация. Местный бюджет был крайне скуден, все денежные и людские ресурсы были сосредоточены на восстановлении хозяйства. В отчетах с мест Наркомпросу сообщалось, что здания, состоявшие на учете губмузеев, испытывали острый недостаток в средствах[2]. Отсутствие в течение ряда лет самого необходимого ремонта грозило многим из них гибелью[3]. Не хватало средств ни на реставрацию, ни на обычный ремонт, ни на охрану. Небольшие музеи закрывались. В то же время в административном порядке на губернские музеи возлагалось производство археологических раскопок, организация художественно-исторических заповедников, создание программ в целях популяризации исторических памятников, устройство выставок, лекций, экскурсий[4].

Вопрос о материальной базе охранных мероприятий был отчасти разрешен постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 12 апреля 1923 года[5]. Организациям, занимавшимся сбережением памятников, разрешалось иметь специальные средства, получаемые от входной платы, продажи печатных изданий, эксплуатации земельных участков и строений. Финансирование исторически значимых объектов проводилось из государственного бюджета[6]. Однако средств на сохранение па-

[1] ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 86. Л. 39.
[2] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 48. Л. 6.
[3] Там же. Л. 7.
[4] См.: Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 196.
[5] СУ РСФСР. 1923. № 12. Ст. 147.
[6] СУ РСФСР. 1923. № 37. Ст. 386; № 37. Ст. 711.

мятников явно не хватало. Иначе как объяснить, что, несмотря на полученные от проведенных мероприятий результаты в Ярославле, Ростове Ярославском, Рыбинске, Угличе местными органами власти были составлены первые списки памятников, предназначенных к сносу[1].

Начало формирования нигилистического отношения к прошлому было положено. Основной причиной являлось отсутствие хозяйского подхода к тому или иному памятнику в полном смысле этого слова. Население, оставшееся в городах, занятое выживанием, не понимало во многом ценности доставшегося ему наследия. Кроме того, пропагандировался принцип разрушения старого мира «до основания».

Другая причина крылась в отсутствии четкой классификации, что именно нужно было сохранять. Этот вывод подтверждает точка зрения М. Хусида, сотрудника Музейного отдела в период нэпа, имевшего непосредственное отношение к атрибуции художественных ценностей. Он считал, что «национализация среди безбожной массы хлама не дала нашим музеям ни одной первоклассной вещи, обогатив лишь несколькими десятками вещей среднего достатка»[2]. При таком подходе, основой которого не была «уникальность коллекций», целостность многих архитектурных комплексов нарушалась. Перестраивались усадебные дома и хозяйственные постройки, вырубались парки, расхищались остатки ценностей и обширных библиотек. Своеобразный «дух» памятника исчезал при отсутствии полноты условий, необходимых для его существования.

***

Начало двадцатых годов в истории губернских органов сохранения памятников искусства и старины вполне закономерно представляет собой особое, исключительное явление. Глобальный перелом социально-

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 424. - Л. 2.
[2] Хусид, М. М. Разочарование / М. М. Хусид // Среди коллекционеров. 1921. № 5. С. 1.

экономических условий, а с ним и гигантский сдвиг в системе идеологических представлений, наложили естественный отпечаток на характер развития губернских органов по сохранению памятников искусства и старины, а также местной законодательной базы сбережения культурных ценностей.

Новые условия для перехода исторических памятников в руки местных органов власти были закреплены путем национализации, их регистрации и учета в губерниях, а затем перемещения наиболее значимых движимых объектов историко-культурного наследия в центральные музеи.

Сохранение памятников проводилось под контролем памятникоохранных органов на местах, сформированных весной 1918 года практически во всех рассматриваемых регионах — в Ярославской, Владимирской, Костромской и Тверской губерниях. Примечательно, что это происходило еще до того как окончательно оформились центральные органы охраны памятников, и в ряде случаев непосредственное отношение к этому процессу имели местные советы.

После создания Музейного отдела Наркомпроса общее направление государственной политики в области охраны памятников стало еще более очевидным. И хотя Музейный отдел еще не дал четкого указания о создании органов сбережения на местах, они продолжали формироваться самыми разными способами. Местные памятникоохранные органы контролировались из центра, подчиняясь Музейному отделу НКП.

В первые послереволюционные годы, в эпоху военного коммунизма и нэпа сохранение губернских памятников искусства и старины и музеев финансировалось централизованно из государственного бюджета. Затем содержание большого количества памятников и музеев было переведено из государственной казны в местный бюджет. Сформированная система не принесла ощутимого результата. Спасение оставленных вла-

дельцами культурных ценностей, формирование на их базе новых уникальных музеев было осуществлено благодаря согласованной деятельности центрального отдела и подчиненных ему сети губернских учреждений лишь частично.

На местах охранные организации опирались на кадровый состав, сформированный из числа специалистов старой идеологической ориентации. В то же время в уездах не хватало специалистов, которые могли бы работать в уездных органах. Губернские подотделы в этой связи сообщали в Наркомпрос, что недостаток в работниках — это общее явление и бороться с ним губмузеи не в состоянии. Справиться со всей массой накопленных проблем небольшой группе местных исследователей было невозможно.

Расширение социальной базы происходило памятникоохранительных обществ за счет вовлечения в них коллективов и отдельных представителей рабочих, крестьян, учащейся молодежи. Ими продолжалось изучение местных историографических и исторических традиций сохранения памятников искусства и старины, появились новые виды и формы сбережения ценностей.

Специалисты из центральных музеев и мастерских получили возможность проведения взаимообусловленных научных исследований и практических реставрационных работ на памятниках, составлявших основу развития региональных научных поисков. Губернские специалисты обладали широкими правами и осуществляли различные функции. Они контролировали, реорганизовывали и создавали музеи, вели учет музейных фондов, начинали археологические исследования, устраивали просветительские лекции, выставки, проводили экскурсии, ведали выдачей «охранных грамот».

2.3. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины

Особая роль в пробуждении общественного интереса к сохранению губернских памятников искусства и старины принадлежала музеям, которые по самой своей сути должны были являться своеобразными научно-просветительными и исследовательскими центрами. Это стремление исследователей к масштабной просветительской деятельности приводило к тому, что музеи представляли собой одно из могущественных орудий распространения знаний в широких кругах народа[1].

Попытка создания целостной системы сохранения культурных ценностей предпринимается на I Всероссийской музейной конференции в 1919 году. Именно тогда прозвучали предложения о разработке единых государственных стандартов и приоритетов в деле сохранения памятников искусства и старины на местах с целью создания централизованной музейной сети и формировании такого понятия как «государственный музейный фонд»[2].

Документы подтверждают, что уже задолго до 1919 года в большинстве губерний Центрально-промышленной области началась перестройка системы сохранения музейного наследия. Местные краеведы привлекались к деятельности музеев на местах, инициируемых государством. Основные мероприятия были сосредоточены на музеефикации памятников, а именно на проявлении совокупности норм и средств их учета, исследования и популяризации[3].

При большом скоплении движимых и недвижимых памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области требовалась четко разработанная государственная концепция музеефи-

[1] Викулина, Е. Н. Из истории музееведческой мысли в России в первой трети XIX века / Е. Н. Викулина // Музейное дело. Музееведение России в первой трети XX в. Сборник научныхз трудов. М., 1997. Вып. 24. С. 23.
[2] Закс, А. Б. Всероссийский музейный съезд / А. Б. Закс // Вопросы истории. 1980. № 12.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 2. Д. 7. Л. 153—158; РА ИИМК. Ф.Р.-67. Д. 3. Л. 19.

кации культурных ценностей. В условиях реорганизации органов охраны, кадровой чехарды, остаточного принципа финансирования внимание к музейной политике губерний и политики, осуществляемой в отношении церкви, провести данные мероприятия было сложно.

Важнейшим направлением работы специалистов являлось сохранение внемузейных памятников, а именно памятников архитектуры и археологических объектов[1]. Дать описание памятников, наладить элементарную охрану в далеких уголках губернии могли только местные культурные силы.

В Ярославле и Ярославском округе в начале 1920-х гг. губмузею были переданы 23 храма и 2 монастыря. Среди них были полностью музеефицированные памятники, храмы, закрытые и показываемые посетителям в первозданном виде, оставленные в пользовании верующим, используемые совместно общиной и музеем. Ряд церквей, значительно разрушенных в ходе белогвардейского мятежа в 1918 году, реставрировался с целью последующего обращения в музей. Повышавшее категорию и вводимое в классификацию понятие «исторического значения» памятника сводилось к установлению его мемориальности, раскрывая связь с выдающимся событием или знаменитым лицом[2].

Хронический недостаток средств и неясность перспектив с расширением экспозиционных площадей, значительно тормозили музейные научные исследования, проведение археологических раскопок и приобретение новых экспонатов. Например, в охраняемом губернскими музейными органами памятнике архитектуры ярославском Спасо-Преображенском монастыре, было устроено общежитие и тюрьма. В них жили и содержались люди, благо монастырскую ограду почти не требо-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 8.
[2] См.: Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 198.

валось переделывать в тюремную стену[1]. Тем самым начинался поиск компромисса между различными элементами советского аппарата — от местных органов сохранения памятников до уголовно-исправительных или коммунальных учреждений. От последних первоначально требовалось «ненарушение главных частей памятника и возможность восстановления произведенных переделок».

Частным лицам выдавались охранные грамоты, защищавшие коллекции. В частности, весной 1920 года в городе Данилов Ярославской губернии прибыли представители Музейного отдела Наркомпроса, сотрудники губернского подотдела. В городе было решено создать музей. 27 ящиков с экспонатами Ф.Г. Шилова отправили из Данилова в Москву. Часть вещей попала в Ярославский музей и небольшая часть была оставлена в качестве экспонатов для будущего губмузея[2].

Осенью 1918 года сотрудники Музейного отдела НКП побывали в Ростове. 17 декабря 1918 года было принято решение организовать в Ростове коллегию по охране памятников и при ней «комиссию из местных сил для заведывания Кремлем», а также направить в город сотрудника отдела Денисова «для выяснения отношений и установления связи с Ростовским Советом»[3]. По словам сотрудника отдела И.Е. Бондаренко, специалисты отдела, обследовав древние памятники старины, сообщали «о полной запущенности Кремля и хаотическом состоянии музея Белой палаты»[4].

В ходе обследования было установлено, что охрана коллекций музея предпринимается недостаточно. Во главе стоял один хранитель, назначенный еще Московским Археологическим обществом. Местная

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 1.
[2] Рязанцев, Н. П. Судьба коллекции букиниста Ф.Г. Шилова на ярославской земле / Н. П. Рязанцев, Т. В. Рязанцева // Книжная культура Ярославского края: материалы научной конференции (Ярославль, 13–14 октября 2009 г.) / Под ред. Д. Ф. Полознева. Ярославль, 2010. С. 86.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 99.
[4] Рязанцев, Н. П. Из истории Ростовского музея в 1920-е годы (по материалам Музейного отдела Наркомпроса) / Н. П. Рязанцев // http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2009/ryazantsev.pdf

власть никак не содействовала развитию музейного дела в Ростове. И.Е.Бондаренко считал, что необходимо или национализировать Ростовский Кремль, или создать местную комиссию, которой и передать дело охраны и реставрации объектов Кремля. Коллегия Наркомпроса по его докладу приняла следующее решение: «Ввиду громадной художественно-исторической ценности…ходатайствовать перед Советом Народных Комиссаров о его национализации, послать в Ростов сотрудника коллегии Денисова и создать там местную комиссию по охране»[1].

В результате проведенного обследования ростовскими властями в 1919 году по смете уездного отдела народного образования музею было выделено около 68 тыс. руб., которые были направлены на пополнение его коллекции. Под охраной у местных органов власти находились иконы, старинная мебель, посуда, картины и фотографии, которые были куплены на полученные деньги. Среди приобретенных экспонатов наибольшую значимость имели икона Владимирской Богоматери XVI в., икона «Страсти Господни», состоявшая из 15 отдельных изображений, английские гравюры XVI в., саксонский фарфор, а также собрание живописных портретов ростовских общественных деятелей и местного купечества[2].

В каждом конкретном случае имелись свои причины, побуждавшие к созданию того или иного музея. В результате сложились весьма благоприятные условия для создания музейной сети в Центрально-промышленной области. В частности, инициативу губернской коллегии по охране памятников истории и культуры всемерно поддерживали костромские краеведы. В президиум коллегии вошли руководители краеведения Е.Ф. Дюбюк, Н.Н. Виноградов, А.И. Черницын[3]. Осенью 1918 года представитель губернского народного образования М.М. Зимин и

[1] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 13. Л. 116 об; ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 34. Л. 8.
[2] ГАЯО. Ф. Р-1007. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.
[3] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3; Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

красноармеец Г.И. Ашкинази, отправились в поездку по Костромской губернии. Под их руководством в 1918—1923 гг. были организованы музеи в Кологриве, в Чухломе, в Галиче, в Солигаличе и других городах[1]. Музеи пополнялись большим количеством книг и журналов из дворянских и монастырских библиотек, вывезенных эмиссарами из сел Солигаличского, Чухломского, Кологривского, Макарьевского, Варнавинского уездов. Только из усадьбы Нероново Солигаличского уезда 26 июля 1919 года было вывезено более 1000 томов[2].

Костромская коллегия отдела музеев и охраны памятников искусства и старины в 1921 году задействовала в своих мероприятиях сотрудников из Москвы. В.М. Стрежнев был отправлен в Кострому для ознакомления с постановкой дела охраны памятников[3], О.М. Гартунг — в село Яковлевское Нерехтинского уезда Костромской губернии для научной описи археологических ценностей[4].

К 1923 году удалось зарегистрировать в уездных городах и сельской местности Костромской губернии 51 культовое сооружение, представлявшее историко-художественную ценность[5]. Только в Костроме было произведено научное описание более 40 церквей[6]. Известные на всю Россию церковь Воскресения-на-Дебре, церковь Спас-Преображения, церковь Иоанна Златоуста, церковь Вознесения, архитектурный ансамбль Ипатьевского монастыря были и взяты на учет[7]. Одновременно проводилась работа по сохранению гражданских сооружений. К данной группе были присоединены здания бывшего дворянского собрания, особняк Сунгурова, дом Янцен, архитектурный ком-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 17.
[2] ЦДНИКО. Ф.П.-2797. Оп. 2. Д. 6. Л. 52.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 1.
[4] Там же. Л. 8.
[5] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.
[6] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 21. Л. 50.
[7] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.

плекс торговых рядов, гауптвахта, дом Общественного собрания, дом сенатора Борщова, усадебные комплексы[1].

Строившее свою работу на дореволюционных принципах Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК)[2], сыграло положительную роль в деле сохранения памятников на территории Костромской губернии в начале 1920-х гг. Оно оказывало поддержку музейному подотделу в деле изучения культурных ценностей. Подотдел, создавший свои отделения в уездах в первые послереволюционные годы, кроме выявления и изучения занимался еще и популяризацией памятников истории и культуры[3]. Историческое краеведение двадцатых годов было тесно связано с научными школами историков и академическими учреждениями страны, что способствовало развитию дореволюционных традиций исторических исследований. На первый план был выдвинут локальный метод краеведения с обязательным введением выявленных в ходе обследований исторических источников в научный оборот. Оказывали КНОИМК поддержку и командированные эмиссары из центра, которые затем в 1919 году принимали меры по охране собраний имения Селище[4].

Интерес центральных охранных органов к древнерусскому зодчеству Костромской губернии проявлялся в ходе проведения комплексных экспедиций под руководством И.Э. Грабаря, участники которых обмеряли, фотографировали памятники, составляли инструкции для губмузея, принимали меры к сохранению памятников на территории губернии. Осмотрев Ипатьевский монастырь в 1923 году, здания которого приспосабливались под жилье, члены экспедиции выступили в его защиту, об-

---

[1] Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. Кострома, 1990. С. 11.
[2] Там же. С. 10.
[3] Положение о Костромской губернской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины// Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. Кострома, 1919. С. 23.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 54.

ратившись с заявлением в губисполком[1]. Однако защитить все памятники древнерусского искусства, находившиеся на территории монастыря, даже такому известному специалисту, как И.Э. Грабарь, было не под силу. Советская власть активно закрывала монастыри[2].

Деятельность сотрудников государственных органов и общественного актива в первые послереволюционные годы проходила в сложнейших социально-экономических и идеологических условиях[3]. Памятникоохранное дело в Костромской губернии сталкивалось с рядом проблем. Одна из них связана с тем, что в 1918 году декретом «Об отделении церкви от государства» [4] религиозные общества были лишены прав юридического лица, что послужило началом ликвидации монастырей. Костромские монашествующие отстаивали свои святыни до последнего, совершая службы в монастырских храмах. Они пытались сохранить обители под видом сельскохозяйственных артелей или в виде приходов, оставаясь в родных стенах даже под угрозой репрессий[5].

Макариево-Унженский монастырь[6], Боголюбский монастырь, Надеевская пустынь[7], Богоявленско-Анастасиин женский монастырь смогли оформить приходы в 1919 году, продлив богослужебную жизнь на несколько лет[8]. В 1922 году Ипатьевский монастырь был перепрофилирован[9]. В 1923 году после пожара архиерейский корпус Ипатьевского монастыря и храм во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарий

---

[1] Грабарь, И. Э. Письма 1914—1936 / И. Э. Грабарь. М., 1968. С. 71.
[2] ГАКО. Ф.Р.-130. Оп. 7. Д. 483. Л. 1,1об; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 198—212об.
[3] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 511. Л. 8; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 511. Л. 42; Реквизиция монастырского имущества (о передаче части имущества Ипатьевского монастыря рабочему клубу) // Советская газета. 1918. 9 апр.; О занятии церквей под школы // Красный мир. 1920. 6 февр.
[4] Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 5 февраля (28 января); СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 269.
[5] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 511. Л. 8.
[6] Соболев, В. С. Охрана культурного наследия в Костромской губернии в первые годы Советской власти/ В. С. Соболев // Памятники Отечества. 1987. Вып. 2. С. 53—55.
[7] Переписка о ликвидации Боголюбоского и Надеевского монастырей (1919—1923) // ГАКО. Ф.Р. 2150. Оп. 2. Д. 46а.
[8] Монастыри Костромской епархии / Сост. св. А. Казарин, св. М. Шастин, В. С. Смирнов, К. Г. Мартюшов. М., 2009. С. 34.
[9] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 21.

были переданы городскому профсоюзу текстильщиков и приспособлены под жилье рабочих костромской текстильной фабрики[1]. Такого рода бесконтрольные переделки, отсутствие водопровода и канализации, а также ремонта приводили памятники в крайне запущенное состояние[2].

Активность принимаемых решений Костромским губисполкомом проявилась в издании в июле 1918 года обязательных для исполнения постановлений. Если в других губерниях Центрально-промышленной области органы местной власти на протяжении всего послереволюционного десятилетия старались мирно сосуществовать с религиозными организациями, то в Костромской губернии дело обстояло несколько иначе. Политкомиссар по церковным делам Н.П. Орлеанский (сын диакона П. Орлеанского, служившего в Крестовоздвиженском храме Костромы) в ходе антирелигиозной деятельности требовал от верующих все вопросы решать самостоятельно и ни с какими просьбами не обращаться к священнослужителям[3]. Н.П. Орлеанский, как следует из документов, действовал в качестве единовластного «правителя церковных дел» на Костромской земле[4]. Он не отступал от политики Наркомата юстиции. Распорядителем монастырских хозяйств являлась советская власть в лице земельных отделов, которые были обязаны соблюдать все законы о землепользовании и инструкции Народного комиссариата земледелия о передаче земель, инвентаря и строений, имеющих хозяйственное значение, в руки трудовых элементов[5]. Проводимая властью политика не могла не отразиться на состоянии памятников, требовавших сохранения.

Костромские приходы, согласно заявлениям новой власти, не смогли сохранить памятники архитектуры в надлежащем виде, что при-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 121. Л. 2об; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 698. Л. 1.
[2] Иванов, Е. Воссоздание монастырского храма / Е. Иванов // Костромские епархиальные ведомости. 2008. № 5. С. 19.
[3] ГАРФ. Ф.А.-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 140—141об.
[4] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1 . Д. 1228. Л. 63.
[5] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1 . Д. 513. Л. 5.

вело к закрытию храмов[1]. Это следует из того, что в списках церквей Костромы, из которых были изъяты церковные ценности в 1922 г.[2], они просто отсутствуют. Большая часть исторических зданий была приспособлена под музейные нужды. По воспоминаниям свидетелей, Сретенский храм в 1920 году был передан в ведение губернского музея[3], а затем приспособлен под склад икон музея в 1925 году[4]. После открытия в стенах Ипатьевского монастыря краеведческого музея в церкви Во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарий была размещена экспозиция, посвященная революционному и советскому периоду развития Костромы.

Находившийся недалеко от Галича Паисиев Успенский монастырь являлся одним из главных центров духовной жизни губернии. Его святыни (Овиновская икона Божией Матери и мощи преподобного Паисия) были объектами многочисленного паломничества[5]. Монастырь был закрыт в конце 1919 года, однако его приходские храмы действовали до начала 1930-х гг. В Галиче сохранились многие памятники, однако в 1920-х гг. у целого ряда построек было изменено их назначение. В Преображенском соборе разместился хлебозавод, Крестовоздвиженский Борисоглебский храм был переоборудован под склад, Солигаличский Рождественский собор XVII в. был отдан музею[6].

В результате к 1920 году территории упраздненных монастырей были заняты так называемыми «советскими поселками». 7 февраля 1920 года Н. Орлеанский докладывал в VIII (ликвидационный) отдел Наркомата юстиции, что Ипатьевский, Богоявленский и Крестовоздвиженский монастыри, находившиеся в Костроме, упразднены. Богоявленский был переименован в Советский поселок № 1-й, Кресто-

---

[1] Игумен Харитон (Просторов). Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь в 1918—1925 гг. / Х. Просторов // Костромские епархиальные ведосмости. 2008. № 10. С. 34.
[2] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 198—212.
[3] Калиткина, Е. Н. Из истории Костромского научного общества и Костромского музея / Е. Н. Калиткина// Краеведческие записки. Вып. 6. Кострома, 2003. С. 146.
[4] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 244об.
[5] Костромские святыни / Сост.: игумен Харитон (Просторов), А. Семенова. Кострома, 2004. С. 106.
[6] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1 . Д. 1228. Л. 62.

воздвиженский — в Советский поселок № 2 и Ипатьевский — в Советский поселок № 3[1]. Здания использовались военным ведомством. Храмы, хотя и находились в фактическом пользовании групп верующих, но официальная передача по особому соглашению была еще не закончена: в «Ипатьевском все храмы и Богоявленском один алтарь зафиксированы как старинные, коллегия же по охране памятников своего решения не высказала и задержка происходит от нее; отдел же отделен[ия] церкви с своей стороны указал, что он, если и дальше будет дело тормозиться, вынужден будет приступить к передаче по соглашению. Все бывшие обитатели указан[ных] монастырей выселены, но немало потребовалось усилий, чтобы провести эту меру»[2].

В 1920 году Костромской горисполком заслушал протокол комиссии по использованию храмов и постановил: «Протокол принять к сведению. Запросить отдел народного образования, сколько ему нужно храмов»[3]. Специальная комиссия приняла решение о приспособлении храмов под школы[4]. Отсутствие уборки в храмах приводило к тому, что пострадало бы как само здание храма, так и старинная фресковая живопись[5].

Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения под председательством Н.И. Троцкой осуществляла контроль над сохранением памятников искусства и старины. В результате коллегия запретила Костромскому губисполкому использовать здание Богоявленско-Анастасииного собора под школу[6]. Собор решено было передать в ведение губернского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины, народного быта

[1] ЦДНИКО Ф.Р.-383. Оп. 2. Д. 33. Л. 92.
[2] ГАРФ. Ф.А.-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 52об.
[3] ГАКО. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 596. Л. 5.
[4] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 177.
[5] ГАРФ. Ф.А.-353. Оп. 3. Д. 792. Л. 109.
[6] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 21. Л. 201; ГАКО. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 511. Л. 92.

и природы. Тем самым было возбуждено ходатайство перед Наркомпросом по поводу национализации Богоявленско-Анастасииного собора[1].

Вскоре решилась судьба часовни Христа Спасителя, принадлежавшей Богоявленско-Анастасииному монастырю и находившейся в Табачных торговых рядах рядом с Успенским кафедральным собором. Она была закрыта[2]. Такая мера не вызвала возражений из центра, что подтверждается ответом за подписью Н.И. Троцкой на жалобу приходской общины[3]. После национализации в 1924 году использование храма верующими было остановлено[4]. Данные мероприятия Костромского губисполкома при содействии губмузея привели к тому, что Богоявленско-Анастасиин собор, закрытый и охранявшийся всего лишь одним сторожем, обветшал[5]. Жители Советского поселка постепенно разбирали храм на кирпич, вынимали стекла, а через прорехи крыши в храм попадала вода, портилась фресковая живопись[6].

Останавливаясь подробно на данных сюжетах, следует проследить взаимное влияние местных органов власти, музейных и церковных организаций в формировавшейся системе музеефицируемого культурного наследия. Формально зафиксированная процедура охраны храмового искусства в начале двадцатых годов наталкивалась на протесты в среде музейных работников. С одной стороны, в ведение губисполкомов попадали и древние памятники гражданской архитектуры Костромы[7]. С другой стороны, строительство элеватора на месте памятника XVII в. церкви Воскресения-на-Дебре в Костроме[8] было приостановлено благодаря активным мероприятиям общественности, которые настояли на отмене

[1] ГАКО. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 210. Л. 244—244об.
[2] ГАКО. Ф.Р.-7. Оп. 1. Д. 596. Л. 137об.
[3] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 244—244об.
[4] Встреча нового со старым // Красный мир. 1924. 30 января; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 181.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 121. Л. 2об.
[6] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 186об.
[7] О порядке производства ремонтов и реставрации древних памятников гражданской архитектуры г. Кострома // ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 185.
[8] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 82; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 177—179.

решения местных властей. В Галиче была сохранена каменная ограда древнего Паисиева монастыря, предназначенная к сносу с целью получения строительного материала[1].

Неблагоприятное отношение к памятникам истории и культуры Костромской губернии в начале 1920-х гг. возникало из-за нигилизма местных органов власти, приводившего к уничтожению выдающихся произведений архитектуры и искусства. Местные органы власти, гипертрофированно выполняя указы советской власти об отделении церкви от государства, положили начало процессу разрушения старины. И все же в Костромской губернии работали увлеченные и сильные личности, готовые спасать культурные ценности.

Инициатива создания музеев во Владимирской губернии принадлежала членам учёной архивной комиссии и московского археологического общества задолго до революционных событий 1917 года[2]. Данные обстоятельства положительно повлияли на судьбу владимирских памятников в 1920-х гг. Комитет по охране памятников старины и искусства при владимирском губернском отделе народного образования был создан по предложению И.Э. Грабаря[3]. Трансформированный затем в губернский подотдел по делам музеев и охране памятников, согласно положению Наркомпроса[4], губмузей отвечал за судьбу всех памятников истории и культуры в губернии[5].

В положении об отделе по делам музеев Наркомпроса и его подразделениях достаточно четко определялся состав провинциального (губернского) подотдела по охране памятников искусства и старины[6]. В не-

---

[1] Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. Кострома, 1990. С. 10.
[2] РГИА. Ф.Р.-789. Оп. 14. Д. 108. Л. 7—8.
[3] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 68.
[4] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
[5] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 101. Л. 47.
[6] Положение об Отделе по делам музеев и охране памятников // ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 144. Л. 2об.

го должны были входить представитель отдела народного образования при местном Совете депутатов как политический руководитель подотдела и специалисты, — музейный деятель, художник-архитектор, историк, археолог[1]. Такой состав был выбран неслучайно. Представитель от губернского отдела народного образования должен был осуществлять контроль со стороны местной власти[2]. Привлечение специалистов разных профилей было также закономерно, так как музейный подотдел должен был стать учреждением, в ведении которого находился широкий круг вопросов охраны (в т.ч. чрезвычайной) памятников зодчества, археологии, истории[3].

12 декабря 1918 года Владимирский губернский съезд, организованный местным отделом народного образования санкционировал формирование уездных подотделов по делам музеев и охране памятников[4]. А уже в июне 1919 года они действовали в Мстере, Переславле, Муроме, Юрьеве, Суздале, Вязниках. В Александров, Гороховец, Ковров и Покровск были отправлены специальные агенты[5]. Состоявшийся в начале июля 1919 года новый губернский съезд по делам музеев и охране памятников принял решения, направленные на координацию действий только что учрежденных местных организаций, на утверждение единой научной методики[6].

Научные силы Владимирской губернии охватили охраной все движимые и недвижимые памятники искусства и старины[7], а получен-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 98.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—3об.
[3] Протокол заседания Владимирской Губернской Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. 1 дек. 1918 г. // ГАВО. Ф.Р.-1045. Оп. 1. Д. 3. Л.16.
[4] ГАВО. Ф.Р.-1045. Оп. 3. Д. 16. Л. 28.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 23.
[6] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. 1—6 ноября 1925 г. Владимир, 1926. С. 68.
[7] Коноплева, Р. Г. Архитектурно-строительная деятельность во Владимирской губернии первых послереволюцинных лет / Р. Г. Коноплева // Материалы областной краеведческой конференции. 18 апреля 2003 г. Владимир, 2004. С. 195.

ные в ходе обследований памятники искусства и старины были размещены в 12 музеях губернии (до революции их было всего 2)[1].

Чтобы судить о характере проводимых мероприятий, следует отметить, что руководителем губернской комиссии был назначен Алексей Иванович Иванов (преподаватель, впоследствии выдающийся ученый-богослов, специалист по истории Византийской церкви, доктор церковной истории), чья активная деятельность способствовала созданию музейных подотделов во всех уездах Владимирской губернии, а также обследованию и принятию на учет десятков замечательных памятников культуры[2]. Исследователь отмечал, что в «…условиях гражданской войны и при полном почти отсутствии транспортных и денежных средств работа в данном направлении требовала исключительной напряженности»[3].

Вышеприведенное высказывание подтверждалось действиями губернского музейного подотдела, обращавшегося во все уездные земельные комитеты и волисполкомы с просьбой выдать сведения о находящихся в их распоряжении помещичьих усадьбах, оказать содействие при их обследовании научным работникам. Вместе с тем в коллегию губернского музейного подотдела были введены представители от губземуправления и губсовнархоза для выработки общих мероприятий по сохранению музейных ценностей, находившихся в бывших помещичьих усадьбах[4].

Однако все вышеперечисленные мероприятия нельзя было свести исключительно к музеефикации[5]. Множество комплексов было перепрофилировано. В числе первых перешли в ведение Владимирского му-

---

[1] Коноплева, Р. Г. Архитектурно-строительная деятельность во Владимирской губернии первых послереволюцинных лет / Р. Г. Коноплева // Материалы областной краеведческой конференции. 18 апреля 2003 г. Владимир, 2004. С. 195.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1926. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.
[3] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 69.
[4] Там же.
[5] Призыв. 1932. 18 февр.

зея Дмитриевский собор, церковь Покрова на Нерли и палаты князя Андрея в Боголюбове, Борисоглебская церковь в Кидекше[1]. Владимирский музейный подотдел должен был беспокоиться и об их ремонте, то есть поддерживать деятельность предыдущего владельца — общины. Акты же фиксации состояния памятников, музейные отчеты, переписка рисуют картины запустения и разорения «памятников архитектуры», некогда ухоженных и поддерживаемых зданий[2].

С призывом к сохранению памятников местная власть обращалась к населению с самого начала установления нового порядка. Александровская уездная коллегия по охране памятников искусства и старины Владимирской губернии 10 октября 1918 года обращалась к гражданам: «Многим памятникам искусства и старины в имениях уезда грозит опасность совершенно погибнуть вследствие ненадлежащей охраны <…> или быть осквернеными людьми, мало ценящими и знающими искусство и древности… Необходимо принять все меры, чтобы спасти их»[3]. Не только в губернии, но практически в каждом уезде выпускались такого рода обращения к населению.

Владимирский губмузей находился на государственном содержании, однако дополнительные спецсредства руководству приходилось добывать путем сдачи охраняемых памятников и земельных владений при них в аренду, наем и пользование[4].

К концу 1922 года на учете музейных органов Владимирской губернии состояло 60 памятников культуры, 7 гражданских и 50 церковно-архитектурных[5], взято на учет 8000 предметов художественно-исторического значения[6]. Осмотры древних владимирских соборов с

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 178—180.
[2] Там же. Д. 141. Л. 55.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1045. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 6. Д. 35. Л. 1.
[5] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.
[6] Смирнова, А. Мы наследники великих богатств / А. Смирнова // Комсомольская искра. 1970. 6 ноября. С. 3.

целью оценки состояния и составления смет на ремонт проводились комиссией во главе с заведующим владимирским губмузеем А.И. Ивановым[1].

Обследование и постановка на учёт церковно-архитектурных памятников и художественных ценностей, а также организация музеев по всей губернии понимались первым заведующим историческим отделом Х.В. Медведковым (в прошлом — военным и художником, учителем рисования и хранителем музея 9-го Гренадерского полка) как важнейшие задачи музея. К 1924 году некоторые монастыри (Спасо-Ефимиевский, Покровский и Рождественский) были защищены памятникоохранным списком Музейного отдела НКП[2]. В 1922—1923 гг. возникли музеи в Суздале, в Александрове, в Юрьеве и Киржаче.

Основу музейных собраний составляли коллекции Древлехранилища Братства А. Невского, владимирской ученой археологической комиссии (ВАК), музея 9-го Гренадерского Сибирского полка[3]. Вскоре к ним начали прибавляться художественные ценности из церквей и монастырей в результате деятельности комиссий по изъятию церковных ценностей (1922 г. — «Помгол», 1923 г. — «Последгол», по закрытию монастырей), а также имущество из «экспроприированных» дворянских имений. Все то, что имело «музейную» ценность — иконы, книги, утварь, ювелирные изделия, работники Владимирского губмузея пытались спасти от реализации или сдачи в финансовые органы. Данные предметы могли бесследно исчезнуть из местных коллекций[4].

В такой сложной обстановке в древнейшем городе Владимирской губернии Переславле-Залесском велась интенсивная музейная деятельность. Было это связано с тем, что в старинных монастырях и храмах

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 72.
[3] Там же. Л. 72.
[4] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 14.

были сосредоточены значительные духовно-исторические реликвии и художественные памятники. Руководителем уездного органа по музейному делу и охране памятников, созданного в Переславле в декабре 1918 года, стал уроженец Переславской губернии, окончивший в 1914 году Московский археологический институт Михаил Иванович Смирнов, научным сотрудником подотдела являлся известный художник, бывший профессор Петроградской Академии живописи Д.Н. Кардовский[1].

М.И. Смирнов принимал активное участие в организации музея в Переславле. Вывезенные им движимые памятники из имений, монастырей, церквей были спасены и заняли достойное место среди художественно-исторических предметов[2]. Примечательно, что заведующий музеем дважды обращался в Наркомпрос РСФСР с просьбой передать из Румянцевского музея г. Москвы картины из собрания уроженца Переславля И.П. Свешникова для организации художественного отдела. Вскоре Наркомпрос пересылает в Переславль 45 картин Свешниковского собрания[3].

Музейное собрание активно пополнилось за счёт переданных из изъятого ЧК церковных облачений, утвари, монет. В марте 1919 года в него было добавлено уже 73 предмета старинной мебели, зеркала, канделябры, люстры из села Трёхселище близ имения Леонтьевых, усадьбы Гагаринская Новосёлка и две пушки из села Загорье (бывшего имения Нарышкиных)[4]. Сотрудник музея С.Е. Елховский, описывая механизм вывоза ценностей из усадьбы Гагаринская Новосёлка в переславский музей, отмечал возникавшие сложности. Изъятие велось с согласия живших в имении прежних хозяев, на основании описи в охранных гра-

[1] Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е годы / В.Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. / Под ред. А. А. Черёмина. М., 1998. С. 97.
[2] Яновская, Е. В. Воспоминания директора провинциального музея М. И. Смирнова как исторический источник / Е. В. Яновская // Вопросы музеологии. 2011. № 1. С. 160-169.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 79.
[4] Козлов, В. Ф. Указ. соч. С. 98.

мотах: «…обстановка заставляла спешить, иначе всё могло быть расхищено, как в Семендяйке, откуда мы получили всего один небольшой ящик сомнительно-музейного имущества. И так уже из Гагаринских Новосёлок пропало несколько тысяч книг художественной русской и иностранной литературы. Ещё летом кто-то стал вывозить их в город, по дороге возчиков застал дождь, и они, недолго думая, свалили несколько возов книг в канаву и разъехались по домам. Книги пропали»[1].

С одной стороны, исследователи в деле сохранения памятников искусства и старины являлись большими энтузиастами, с другой — им представлялось сложным удержаться от реализации личных интересов в том, что им приходилось описывать, вывозить и спасать: «…Дивная мебель карельской берёзы, чудные шкафы красного дерева, люстры, книги, мундиры и чего только там не было»[2], — вспоминал Сергей Евгеньевич. Из имения Бектышево с марта по август 1919 года были вывезены в Переславль картины, антикварная мебель, 45 единиц старинного оружия[3]. В музей свозились и художественные памятники из ликвидируемых переславских монастырей. В середине 1919 года из Никольского женского монастыря привезли царские врата, иконы, связки архивных дел XVII—XVIII вв., а из Никитского — 5 портретов, 12 облачений, крест и посох[4].

Столь быстро растущее собрание нуждалось в окончательном оформлении. Еще 28 мая 1918 года в восьми комнатах Горицкого монастыря состоялось торжественное открытие Переславль-Залесского народного музея[5]. Он состоял из шести отделов: художественного (собрания И.П. Свешникова), художественно-бытового (обстановка и мебель из имения Гагариных), естественно-исторического, родиноведения, а также библиотеки (двух тысяч томов) и исторического архива. Поста-

[1] Переславское Заселье. Фольклорное-этнографическое собрание С. Е. Елховского / Отв. ред. С. С. Савоскул. Вып. 1. М., 2011. С. 9.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 1. Л. 56.
[4] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 687. Л. 27—29.
[5] ГАЯО. Ф.Р-913. Оп.1. Д. 20. Л. 4.

новлением исполкома от 31 января 1919 года под музей было выделено здание духовного училища в Горицком монастыре[1].

М.И. Смирнов самостоятельно вывез, например, из Сольбинской пустыни старинные иконы, облачения, монастырский архив[2]. Оценку собираемых владимирских и переславских памятников должны были проводить специалисты.

Заведующий музеем в мае 1919 года обращался в Наркомпрос с просьбой разрешить привлечь к работе в комиссии игуменью переславского Фёдоровского монастыря Олимпиаду (Монахову) «как прекрасно знающую церковную старину». Игуменью Олимпиаду, судя по всему, к работе привлекали. Однако в выписке из протокола секретного заседания Переславского УИКа от 2 июля 1923 года отмечалось: «…Население переславль-залесского уезда более чем где-либо овеяно религиозным дурманом… Дальнейшее пребывание игуменьи Монаховой и ее сподвижниц Ивановой и Дородневой в пределах Переславского уезда недопустимо, ибо тайная агитация, которую вела игуменья, окончательно разлагает народные массы уезда…»[3].

Процесс передачи церковных памятников искусства и старины в музеи завершился в 1921 году, когда переславль-залесской секцией по делам музеев и охране памятников искусства и старины были приняты под охрану 5 местных монастырей, 3 соборных храма, 6 приходских церквей, несколько сельских храмов и часовен. Позднее в музее был создан отдел церковной старины[4].

Подобные явления наблюдались в губернском центре. На базе конфискованных коллекций в 1923 году во Владимире открылась кар-

[1] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 687. Л. 106.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.
[3] ГАВО. Ф.Р.-445. Оп. 1. Д. 99. Л. 10-11.
[4] Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е гг. / В. Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском / Под ред. А. А. Черёмина. М., 1998. С. 98.

тинная галерея, разместившая свои коллекции в Крестовой церкви Рождественского монастыря, а затем — в «белом» здании на ул. Музейной. Владимирский музейный фонд начал складываться из созданной в середине 1920-х гг. исторической экспозиции и антирелигиозного отдела, размещенного в закрытом Успенском соборе в 1926—1927 гг.[1]. В 1929 году в «собор-музей» превратился Рождественский собор в Суздале[2].

К середине 20-х гг. XX в. направления работы музейного и памятнико-охранительного дела в Переславском крае распространились далеко за пределы уезда. Связано это с тем, что в городе успешно действовало созданное ещё в 1919 году одно из лучших краеведческих обществ Советской России, издававшее сборники трудов на основе результатов проводимых исследований и мероприятий[3].

Судя по исследованным нами документам, аналогичным образом проводилась организация музейного дела на базе Юрьев-Польского монастыря во Владимирской губернии. Первоначально были обследованы владения в пределах монастырских стен, на территории которого были расположены каменные жилые корпуса, церкви, колокольни, затем изучена древнерусская живопись[4].

В отчетном докладе заведующего Переславль-Залесским музеем в январе-апреле 1923 года было отмечено, что все памятники были взяты под контроль и общины верующих начали необходимый ремонт[5]. По техническим причинам (отсутствовал фотоаппарат) в результате обследований не делались фотографии. Некоторые памятники после реставрации были переданы коммунальному отделу для эксплуатации, что в дальнейшем сильно исказило их внешний вид.

---

[1] Тимофеева, Т. П. История реставрации древней живописи Успенского собора в XX в. / Т. П. Тимофеева Материалы исследований. Сб. 10. Владимир, 2004. С. 75—82; Реставрация древнерусской живописи в СССР. 1917—1977. М., 1978. С. 8—10.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 71.
[3] Козлов, В. Ф. Указ. соч. С. 98.
[4] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 16. Л. 40об.
[5] Там же. Л. 70.

Проводивший в большей степени административно-организационную работу по постановке на учет зданий и подготовке памятников архитектуры к реставрации владимирский губмузей с 1923 года одновременно заключал арендные договоры с верующими по использованию древних монастырей во Владимире, Суздале и Муроме, Юрьеве-Польском[1] и окрестных селах[2]. Монастырские общины действовали до 1924 года, пока легально работали в качестве хозяйственных сообществ. Наиболее ценные предметы художественного значения были вывезены с их территорий на музейное хранение[3]. Взятые на учет храмы считались с этого момента отделениями музея, ответственность за их сохранность и поддержание в надлежащем виде как ценнейших памятников старины возлагалась на сотрудников музея[4].

Схожими приемами вел свою работу и Тверской губподотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины[5]. С 1921 года секция была преобразована в Тверской губернский комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы (губмузей) при губОНО. Комитет, осуществляя управление музеями, проводил реорганизацию существующих и организацию новых музеев, которые были нацелены на сохранение памятников искусства и старины по всей губернии[6].

В первой половине 1920-х гг. в условиях разрухи в Тверской, как и в других губерниях Центрально-промышленной области, массовый характер приобрело расхищение и разорение художественных коллекций и ценностей в дворянских усадьбах, храмах и монастырях[7]. Часть ценностей передавалась в государственные музеи, но значительные художе-

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.
[2] Там же. Л. 20.
[3] Там же. Л. 20об.
[4] Там же. Д. 26. Л. 17.
[5] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 88.
[6] Там же.
[7] Там же. Д. 19. Л. 82—82об; ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 84; Оп. 3. Д. 141. Л. 37.

ственные богатства (иконы, фрески, интерьеры и внутреннее убранство церквей) были утрачены[1].

Ремонт, восстановление, переделки и использование памятников зодчества производились только по соглашению с губмузеем. Но данные меры также не всегда гарантировали сохранение культурных ценностей[2]. Часть исторически значимых домов была переоборудована под бараки для тифозных больных. Закрытые Борисоглебский монастырь в Торжке, Нило-Столобенская пустынь и многие другие были переданы под тюрьмы, клубы, склады, цехи мастерских и заводов[3].

Особенностью в деле сохранения историко-культурных памятников в губерниях Центрально-промышленной области явилась исключительная возможность все выявленные произведения искусства, реликвии старины, превращая в экспонаты музея, сразу же размещать в новых экспозициях[4]. Представители тверского губподотдела в составе заведующего Т.К. Краснова, заведующего историко-архитектурным музеем И.А. Виноградова и представителей тверского отделения государственного контроля получили в свое распоряжение памятник архитектуры конца XVIII—начала XIX в. — Путевой дворец[5]. Располагая огромными выставочными площадями, музейные работники стали использовать их под фонды старого тверского музея, собравшего за предыдущие полвека своего существования огромные исторические и археологические научные коллекции. Дополнив их дворцовой мебелью, картинами, образцами прикладного искусства, а также наиболее интересными вещами из окрестных имений, подотдел сумел создать исчерпывающую по полноте экспозицию[6].

---

[1] ГАТО. Ф.Р.-56. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 121. Л. 2об.
[3] Там же. Д. 19. Л. 84; ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37.
[4] Архив Тверской областной картинной галереи (Архив ТОКГ). Оп. 1. Д. 3. Л. 70—79об; Архив ТОКГ. Оп. 1. Д. 13. Л. 6—32.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 20. Л. 2.
[6] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 80.

Осташковкий художественно-исторический музей, созданный 25 октября 1919 года в честь очередной годовщины Октябрьской революции, разместил на своих площадях 140 картин, художественных изделий из ценных материалов, мебель, нумизматику. В то же время сотрудники музея жаловались в Наркомпрос на сырость и неотапливаемость помещений[1].

Изменившееся отношение к памятникам церковных ценностей Тверской губернии в первые послереволюционные годы привело к предварительной оценке полученных результатов, а также формированию дальнейшего плана работ с целью подбора кадров в штат охраны историко-церковных ансамблей в случае удаления монашествующих из монастырей[2]. Это были стратегические планы на будущее, поскольку Тверской губмузей, отчитываясь перед Главнаукой, сообщал о сокращении своих штатов до двух сотрудников[3]. Тем самым была утрачена самая сильная сторона деятельности по сохранении прошлого — ее массовость. Изучение истории памятников губернии стало уделом узкого круга лиц — работника архива и музея.

Политика тверского губмузея дополнялась требованиями по отношению к общинам верующих, согласно которым, верующие должны были производить ремонт исторически значимых храмов собственными силами. Губмузей определял необходимость научной реставрации, оценивал результаты памятникоохранных мероприятий[4]. Верующие откликнулись на предложение губмузея о пересмотре договоров и начали направлять отчеты о проделанной и предстоящей работе. Одни из первых свои отчеты представили советы при Владимирской церкви, Коз-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 69. Д. 354. Л. 16.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 27.
[3] Там же. Д. 158. Л. 90; Д. 164. Л. 94.
[4] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 89.

модамиановской общине, Преображенском тверском Соборе, храме Св. Арсения, Христорождественском и Борисоглебском храмах[1].

Разнообразие причин создания местных музеев позволяет выявить общие закономерности этого процесса. Прежде всего, общая политическая обстановка в стране, сложившаяся в результате революции, гражданской войны, национализации, первых декретов стала мощным стимулом деятельности по сохранению памятников искусства и старины. Практически везде инициатива местных краеведов по созданию музеев организационно и материально была поддержана уездными органами власти, чаще всего отделами народного образования или подотделами по делам музеев и охраны памятников. На самом первом этапе музейного строительства значительную материальную поддержку музеи получали от местных кооперативных организаций, которые действовали на основании решений Всероссийского кооперативного съезда. Следует отметить, что в целом, несмотря на тяжелые условия, складывалась весьма благоприятная обстановка для формирования в стране государственной музейной сети.

В течение 1918—1920 гг. происходил стремительный рост музейной сети. Позже Музейный отдел Наркомпроса назвал это время «стихийным возникновением музеев на местах»[2]. Согласно данным Музейного отдела, за пять послереволюционных лет, на основе бывших усадеб только в Тверской губернии было создано 19 музеев при активной поддержке исполнительной власти и заинтересованных в охране усадебных комплексов специалистов[3].

Итак, с начала 1918 года во многих губернских и уездных городах Центрально-промышленной области при губернском отделе народного образования были созданы специальные отделы (затем переименованные в губмузеи).

---

[1] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 69. Л. 16.
[2] ГАРФ. Ф.Р.-2307. Оп. 3. Д. 53. Л. 5.
[3] Там же.

Общества изучения родного края во всех губернских городах Центрально-промышленной области активно поддерживали мероприятия по сохранению памятников искусства и старины, поскольку в состав таких обществ, чаще всего, входили дореволюционные историки и краеведы, а также активно интересующиеся.

Советская система памятникоохранительной деятельности в период своего становления не только не прервала дореволюционную российскую традицию охраны памятников истории и культуры, т.е. систему государственных и местных мероприятий, ставящих целью сохранение и защиту культурных ценностей. Она первоначально воплотила в себе многие лучшие черты, наработанные в предшествующий период, прежде всего, научно-историческими обществами и организациями второй половины XIX—начала XX вв. В годы гражданской войны и всеобщей разрухи впервые в истории страны появилась возможность формирования целостной системы сохранения памятников искусства и старины.

Для формирования региональных традиций охраны культурного наследия было характерно отставание во времени от аналогичных процессов в центре страны. Однако советские традиции охраны культурного наследия на всем протяжении 1920-х гг. обогащались разнообразным, а в отдельных случаях и уникальным, региональным опытом, сохранившим более глубокие связи с живой традиционной культурой.

Устойчивость и развитость местных традиций сбережения памятников искусства и старины зависели во многом от того места, которое та или иная губерния Центрально-промышленной области занимала в политической, экономической и культурной жизни страны. Сотрудники губмузеев не всегда были в состоянии обеспечить непрерывность в изучении и сохранении памятников искусства и старины, прежде всего из-за ограниченности внутренних ресурсов (интеллектуальных, финансовых и др.), масштабов разрушения.

Однако на государственном уровне был поднят вопрос об управлении провинциальными музеями, оценивалось их высокое значение в формировании целостной сети путем популяризации идеи сохранения памятников. В структуре Музейного отдела НКП начал функционировать специальный подотдел, занимавшийся вопросами провинциальных музеев и их коллекций. Первые провинциальные органы управления музейным делом были призваны проводить правительственные мероприятия по сохранению культурных и исторических ценностей на местах, объединяя под своим руководством заинтересованных в изучении прошлого специалистов губерний Центрально-промышленной области[1]. Ведущие историки, реставраторы, архитекторы и краеведы принимали непосредственное участие во всех мероприятиях на протяжении 1920-х гг., формируя сеть музеев и памятникоохранных организаций[2].

Разработка системы учета и сохранения памятников не означала ее фактической реализации. Губернскому хозяйству Ярославля, Владимира, Костромы, Твери требовались здания под хозяйственные нужды, а архитектурное наследие могло решить некоторые экономические задачи. Музеи, основанные на принципах сохранения культурного наследия дореволюционной эпохи с момента перестройки их работы, потеряли свою актуальность. Для того чтобы освободить место для новых экспозиций, ликвидировались старые, не выдерживавшие «идеологической» проверки. Снимались с учета как не представляющие ценности целые архитектурные ансамбли, структурные части, фонды, библиотеки. Были приняты решения об изъятии из ведения губернских музеев и передаче коммунальным органам перечислением из фонда национализированных в фонд местных храмов как не имевших исторической ценности[3].

---

[1] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 101. Л. 47.
[2] Музей. 1923. № 1. С. 5.
[3] Козлов, В. Ф. Судьбы памятников архитектурной старины в 1920—1930-х годов (по протоколам ЦГРМ) / В. Ф. Козлов // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1992. С. 32.

Городские власти получили возможность распоряжаться уникальными памятниками архитектуры и живописи по своему усмотрению. Памятники церковного искусства наиболее интересные в художественном отношении, подверглись вывозу в центральные музеи или складированию в местных. Вскоре собранных вещей оказалось так много, что те музеи, которые имелись в губерниях, оказались не в состоянии принять огромное количество экспонатов. Тем самым, на практике к движимым памятникам искусства и старины применялось разделение на три категории — музейные, экспортные и «в отход» (для столярных работ и сожжения).

Более двадцати ведущих сотрудников губмузеев Центрально-промышленной области стояли во главе процесса по музеефикации произведений искусства, памятников старины, народного быта, природы, регистрации и взятия их на учет, а также занимались организацией губернских музейных фондов, производством археологических раскопок и реставрационных работ[1]. В структуру каждой организации входили музейный подотдел, подотдел учета и охраны памятников искусства, старины, народного быта, природы и просветительный (научно-методический)[2]. Рост количества губернских и уездных подотделов подтверждали как высокую заинтересованность руководства страны в деле сохранения старины, так и интерес местного населения[3].

***

В контексте изложенного во второй главе, следует отметить, что период начала 1920-х гг. в развитии государственной системы сохранения памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области, является очень важным.

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 59; ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 28. Л. 42.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.
[3] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии / А. И. Иванов. Владимир, 1926. С. 69.

Советская историография представляла создание системы охраны культурного наследия на местах исключительно как достижение новой власти. Действительно, архитектурные памятники и церковные ценности, старинные вещи и другие ценные предметы прошлой эпохи, оставшиеся после 1917 года без хозяев в силу изменения государственного строя требовали не только сохранения, но и умелого перераспределения в руках нового собственника.

В основе деятельности органов власти губерний Центрально-промышленной области лежали правовые нормативные акты, присылаемые из центра страны. На местах были реализованы идеи А.В. Луначарского, И.Э. Грабаря о придании российскому музейному делу государственного значения. По всем губерниям Центрально-промышленной области шел настоящий акт развертывания старых и формирования новых музеев, складывались кадры преданных идее сохранения ценностей отечественной культуры и знающих свое дело профессиональных музейных работников. Некоторые из них сыграли решающую роль для будущих исторических судеб музеев-заповедников и даже целых городов.

Местная власть активно участвовала в процессе сохранения памятников искусства и старины. Об этом говорит состав каждого провинциального (губернского) подотдела по охране памятников искусства и старины. Кроме музейных деятелей и историков в сформированный орган должен был входить представитель отдела народного образования при местном совете как политический руководитель подотдела. Такая структура оправдала себя и организационно. При обращении губернского музейного подотдела во все уездные земельные комитеты и волисполкомы с просьбой выдать сведения о находящихся в их распоряжении культурных ценностях, научные работники всегда получали поддержку. Ответственность за сохранность памятников была возложена на губернские органы охраны культурного наследия и местные исполкомы.

Данные уполномоченные органы координировали свои решения, соединяя принципы сбережения культурных ценностей и использования памятников в хозяйственных нуждах.

Руководители Наркомпроса РСФСР, спуская распоряжения сверху, подчас не знали всей специфики региона. Поддерживая общегосударственную методику обследований и реставрации памятников, такие организационные структуры как губернские съезды позволяли определить стратегическую политику на территории всей губернии, единую линию охраны культурного наследия в регионе. Тем самым были установлены четкие правила разграничения полномочий центральных и местных органов власти.

Важно отметить, что новые кадры, пришедшие в музей, были неоднородны по своему социальному составу. С одной стороны, в центре это была революционная элита, призывавшая осуществлять контроль над искусством путем установления новой идеологии. С другой стороны, в губерниях Центрально-промышленной области действовала интеллигенция, которая, обладая широчайшими знаниями в области искусства, архитектуры, смогла приспособиться к сложившейся ситуации, применить и передать свои знания последователям с целью изучения огромного пласта исторических памятников, интересных, прежде всего, с научной точки зрения.

Несмотря на разветвленную систему государственных органов, положение дел с сохранением культурных ценностей в стране требовало изменений. Местные музейные власти, осуществляя политику государства в регионе, подчас игнорировали регулировавшие данную сферу нормы права.

Не стоит забывать о том, в каких условиях приходилось работать губернским специалистам, заложившим основу системы охраны памятников в начале 1920-х гг. Гражданская война, разруха, религиозный

раскол в среде духовенства, репрессии против активно занимавших свою гражданскую и морально-нравственную позицию соотечественников — все эти обстоятельства отразились на складывавшейся системе охране памятников истории и искусства.

Уникальные вещи в большинстве своем были сохранены. Они вливались в фонды крупнейших музеев, становились основой новых музейных собраний, доступных широким слоям населения. Но вместе с «уникаами» из зданий и усадеб, покинутых бывшими владельцами губерний Центрально-промышленной области, вывозилось огромное количество вещей, характеризовавших бытовую культуру эпохи. Они направлялись в Государственный музейный фонд, скапливались в его складских помещениях.

Финансовые средства в более или менее необходимом объеме выделялись только на некоторые объекты уникального характера. Существовали два фонда — государственный и местный. Например, на отдельно взятый памятник в столице из центрального бюджета могли выделить 50—60 тыс. руб. в год в то время как памятникоохранные органы в провинции могли выделить только 10 тыс. руб. При таких потребностях реальное распределение кредитов в 1931—1932 гг. составило: «на музей в Александрове — 1 тыс. руб., Владимир — 4 тыс. руб...»[1]. Приведенные цифры имели отношение только к кредитам, поступавшим из государственного бюджета. Возможности местного финансирования были невелики.

С быстрым ходом закрытия церквей по городам губерний Центрально-промышленной области непрерывно увеличивалось число памятников, переходящих в непосредственное ведение музейных органов, однако увеличения ассигнований не было[2]. Отпускавшиеся кредиты бы-

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 66об.; Д. 15. Л. 17.
[2] ГАРФ. Ф.А.-5263. Оп. 1. Д. 704. Л. 16.

ли явно недостаточны. Ряд памятников оказывался в положении, близком к катастрофическому.

Государственная политика в деле сохранения памятников искусства и старины дала свои ощутимые результаты. Появление центральных и местных органов сохранения памятников искусства и старины, музейных организаций различных уровней свидетельствовало об увеличении интереса к родной истории и культуре, памятникоохранным мероприятиям. Государственная музейная сеть была построена по новому законодательству, имела единый руководящий центр, работала в соответствии с заложенными принципами. Впервые было выработано понятие Государственного музейного фонда, что способствовало спасению культурно-исторических ценностей.

Основной функцией создаваемых на местах музейных органов стояло сохранение памятников искусства и старины. Данная функция в исследуемый период была действенной и результативной. Собранные сокровища в фондах центральных и губернских музеев закрепили за советским государством титул богатой и просвещенной державы.

ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ПАМЯТНИКООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Х ГОДАХ

3.1. Мероприятия местных органов власти по выявлению и сохранению памятников искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х гг.

Основной задачей местных органов власти по отношению к памятникам старины и произведений искусства до 1924 года являлось их массовое выявление на всей территории губерний Центрально-промышленной области, и принятие мер, обеспечивавших их общую сохранность. Начиная с середины 1920-х гг. период накопления знаний о культурных ценностях сменился действиями по их использованию. Организация сохранения и наблюдения за памятниками искусства и старины закреплялись за местными органами власти. В ведение губмузеев входили ремонт архитектурных памятников и формирование музейных коллекций.

Музейный отдел Наркомпроса развернул работу по учету архитектурных памятников на всей территории России и занялся их классификацией. В 1925 году была закончена работа по ликвидации общин в монастырях, а также деятельность губмузеев по предварительной передаче им исторически значимых церквей и монастырских комплексов, находившихся в них ценностей культа[1]. Данная работа первоначально велась порайонно, представляя собой предварительную сводку церковных ценностей, подлежавших оставлению на учете, взятию или снятию с учета.

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 5. Д. 15. Л. 29.

Ежеквартально составлялся инспекционный план обследования ряда губерний[1].

Производственный план по учету и сохранению памятников и произведений искусства на 1924—1925 гг., выполненный музеями губерний Центрально-промышленной области, включал в себя повторную регистрацию монументов и усадеб, а также мероприятия по защите их от разрушения. План предохранял их от хищения, контрабанды и разрушения[2]. Дифференцированное отношение к памятнику зависело от определения категории, к которой он относился. В первую очередь, внимание оказывалось памятникам революции, а уже затем — собраниям древностей[3].

На учете Владимирского музея в 1926—1928 гг., согласно официальным сведениям, состояли ряд стоянок, могильников, городищ и курганов, 29 гражданских и 192 церковных архитектурных памятников XII—XIX вв.[4]. Часть из них находилась в непосредственном ведении музеев, а часть была передана в пользование общин верующих и различных учреждений[5]. В ходе отчетного периода, производился капитальный ремонт следующих памятников. В палатах Андрея в Боголюбове была произведена окраска крыш, вставлены стекла на небольшую сумму в 112 рублей[6], около Козьмодемьянской церкви XVI в. в Муроме были укреплены берега реки Оки[7]. Под контролем губмузея сотрудники муромского и переславского подотделов в сотрудничестве с общинами храмов активно развернули свою памятникоохранную деятельность. Для учета могил выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционных движений, науки, искусства, а

[1] Там же. Л. 31.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 9. Д. 112. Л. 1.
[3] Россова, Т. Я. Памятник героям революции и гражданской войны / Т. Я. Россова // Коммунар. 1973. 29 мая. С. 4.
[4] Материалы по изучению Владимирской губернии / Под ред. А. И. Иванова. Владимир, 1928. С. 11.
[5] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 121. Л. 8.
[6] Там же. Л. 35.
[7] Материалы по изучению Владимирской губернии. Указ. соч. С. 11.

также надгробных памятников губмузей обратился ко всем учреждениям с целью выявления их местонахождения и охраны[1].

Первоочередной задачей музеев на тот период являлась перестройка научно-исследовательской деятельности согласно нуждам социалистического строительства. Затем исследовательским организациям было вменено провести тщательный учет и изучение революционных памятников. Обращалось внимание на необходимость большого охвата политпросветработой широких слоев рабочих и крестьян, который должен был проводиться с целью расширения доступности любому грамотному человеку, а не только специалисту. И, наконец, музеям необходимо было принять меры по укреплению их материальной базы[2]. Данный принцип действовал во Владимирском, Переславском и Муромском уездах. Более 5 тыс. руб. из специальных средств выделили на ремонт расположенных на данной территории архитектурных памятников, более 2 тыс. руб. — на ремонт трех музеев, на научные расходы выделили достаточно большую сумму — около 5 тыс. руб.[3].

Ликвидация монастырских ансамблей Владимирской губернии производилась с целью переоборудования под бытовые нужды людей. Причем принципы отражались в следующих высказываниях одного из работников: «музей имеет определенную материальную базу в виде переданного имущества; на основе этой базы мы строим свои планы; … нынешний день возьмут монастырь, на будущий другой»[4]. Имущество тринадцати древнерусских комплексов подлежало передаче Музейному отделу — в Суздале (Ефимиева, Ризоположенского, Покровского), в Муроме (Троицкого, Благовещенского, Спасского), в Александрове (Успенского, в Переславле — Даниловского, Горицкого, Никитинского,

[1] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 121. Л. 44.
[2] Материалы по изучению Владимирской губернии / Под ред. А. И. Иванова. Владимир, 1928. С. 12-14.
[3] Там же. С. 3,11.
[4] Там же. С. 5.

в Гороховце — Николького, Флорищева Пустынь), в Юрьеве (Архангельского)[1]. Все монастырское имущество хозяйственного характера, переданное на хранение в горкоммунотдел, было затем распродано. Памятники церковной архитектуры и ценности бывшего Архангельского монастыря были переданы в ведение УОНО для художественного исторического музея, церковь бывшего Петропавловского монастыря приспособлена под радиостанцию[2].

Неблагоприятные последствия новой антирелигиозной деятельности власти коснулись Надеевской пустыни[3], Богоявленско-Анастасиина женского, Макариево-Унженского[4], Боголюбовского монастырей Костромской губернии еще в 1919 году. Все они были закрыты, а на территории Надеевской пустыни был образован рабочий поселок, получивший в 1928 году говорящее название «Безбожник». В 1925 году органы местной власти закрыли Богоявленско-Анастасиин собор с целью размещения в нем губернского архива[5].

Главной причиной обветшания Богоявленско-Анастасиина собора являлось попустительство местных властей. Охраняемый всего лишь одним сторожем, храмовый комплекс подвергался действиям жителей Советского поселка, которые разбирали храм на кирпич. В церковном здании отсутствовали стекла, текла крыша, портилась штукатурка и фресковая живопись[6].

Директор костромского музея В.И. Смирнов был обеспокоен сложившейся ситуацией. 26 февраля 1925 году он обратился с письмом в президиум губисполкома. Указывая на угрожающее состояние собора и

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 233. Л. 14.
[2] Там же. Л. 32.
[3] Переписка о ликвидации Боголюбоского и Надеевского монастырей (1919—1923) // ГАКО. Ф.Р.-2150. Оп. 2. Д. 46а.
[4] Соболев, В. С. Охрана культурного наследия в Костромской губернии в первые годы Советской власти/ В. С. Соболев // Памятники Отечества. 1987. Вып. 2. С. 53—55.
[5] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 40; Монастыри Костромской епархии / Сост. св. А. Казарин, св. М. Шастин, В. С. Смирнов, К. Г. Мартюшов. М., 2009. С. 34.
[6] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 186об.

на то, что уже составленные ремонтные сметы не обеспечиваются средствами, он, в частности, отмечал: «Внешняя охрана памятника [собора] возложена на служащую Губмузея, проживающую в Поселке, но в течение двух уже месяцев она не получает содержания, как и все технические служащие музея и бывшего Губмузея, что едва ли может способствовать особому рвению по службе»[1].

Таким образом, выход из создавшегося положения предлагался следующий. Или немедленно осуществить соответствующие для сохранения памятника меры, или при отсутствии на последнее средств ради его сбережения передать его группе верующих при условии производства текущего ремонта.

Однако руководство Костромской губернии придерживалось иного мнения. Губернский административный отдел в январе 1925 года предлагал губисполкому открыть в здании собора филиал клуба «Красный ткач»[2]. Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса (Главнаука) не исключало возможности вообще разобрать пристройки XIX в., оставив нетронутым лишь древний собор XVI столетия, и полученные при разборке материалы реализовать для получения средств на ремонт[3]. Но за весь 1925 год был лишь принципиально решен вопрос о снятии и продаже Госпромцветмету колоколов бывшего монастыря[4].

Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников принадлежало право изъятия и окончательного разрешения вопроса об отторжении культовых зданий у верующих. Богоявленская община, убедившись в невозможности добиться справедливости на месте, решилась обратиться к председателю ВЦИК М.И. Калинину. 2 ноября 1925 года ве-

[1] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 186об.
[2] Там же. Л. 188.
[3] Там же. Л. 193.
[4] Там же. Л. 235, 237.

рующие направили в Москву заявление, в котором, ссылаясь на действующее законодательство и описывая бедственное состояние собора, просили «обратить серьезное внимание на наше заявление, рассмотреть всесторонне вопросы о закрытии нашего храма». 210 верующих просили отменить распоряжение Костромского президиума губисполкома о закрытии Богоявленского храма и распорядиться передать его группе на основании существующих законов[1].

Бюрократический ответ, запрещающий закрытие обители, верующие получили. Однако местные власти решительно боролись с подобной «самодеятельностью», прибегая к самым жестоким мерам подавления. Специальная комиссия обследовала, а уже затем президиум костромского губисполкома постановил — передать церковное здание губернскому архивному бюро[2].

Кроме приспособления церковных зданий под нужды советского общества, начались первые разборы на кирпич памятников древнерусской архитектуры на основании положений циркуляра ВЦИК. Положение усугубляли экономические причины, препятствовавшие развитию охранной и реставрационной деятельности. Костромская периодика свидетельствует, что власти были, кроме выполнения идеологических функций борьбы с религией, озабочены удовлетворением хозяйственных нужд[3].

Полномочия местных органов власти постоянно расширялись. Доходы в местный бюджет могли быть получены от эксплуатации земельных участков, строений и прочего имущества, не имевших историко-художественного значения, но связанных с музеями, дворцами, мона-

---

[1] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 210. Л. 43 об.
[2] Там же. Л. 47—47об.
[3] Строится здание коммуны: открыт антирелигиозный музей в бывшем Ипатьевском монастыре // Северная правда. 1927. 1 ноября. С. 6; Говоров, С. В стенах бывшего монастыря (об организации охраны труда в Богоявленском монастыре) / С. Говоров // Северная правда. 1927. 4 августа. С. 3; Церковь под культурные нужды (о передаче церкви Успения в Костроме для культурных нужд профсоюзов ГСПС) // Северная правда. 1929. 11 января. С. 3.

стырями, парками, заповедниками и прочим имуществом, находившемся в ведении Музейного отдела[1]. Реставраторы, как вспоминал ярославский архитектор И.И. Князев, умело повели дело: «со всех переданных владений горкомхоз получал доходов около 200 руб. в месяц... через год, с наведением порядка, доходы достигли у нас — около ста тысяч руб. в год. За счет спец. средств были наняты: зав. хозяйством, бухгалтер, секретарь-машинистка, десятник и около 50 человек рабочих»[2]. В Костромской губернии все музеи в первое время после их организации находились в ведении Костромского краеведческого общества, получавшего доход от их деятельности. В то же время владимирские краеведы работали на основе энтузиазма и безвозмездности[3].

Изменения статусов религиозных памятников были связаны с событиями в религиозной среде. В частности, произошла трансформация церковной власти. После смерти патриарха Тихона в 1925 году высшим чином русской православной церкви становится патриарший местоблюститель[4]. В этот же период времени начинает формироваться четкая политическая линия православной церкви, которая в дальнейшем заявит о своей лояльности к советскому государству.

Изменения статусов памятников искусства и старины были связаны и с антирелигиозными мероприятиями, проводимыми организацией «Союз воинствующих безбожников» во главе с Е.М. Ярославским с 1925 года[5]. Для музеев-храмов и монастырей данный период ознаменовался яростными нападками местных властей, общественности, прессы, а также закрытием экспозиций, уничтожением убранства интерьеров, ликви-

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 182. Л. 102.
[2] Архив ОАО «Ярреставрация». Добровольская Э. Д. Оборонительные сооружения Спасского монастыря. Л. 30.
[3] ГАВО ХДНИ. Ф.П.-85. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Отчет Владимирского губисполкома за 1925—1926 гг. Владимир, 1927. С. 11.
[4] Документы патриаршей канцелярии за 1925—1926 гг. Ф.-3. Оп. 2 // Вестник церковной истории. М., 2006. № 1. С. 56—73.
[5] ГАРФ. Ф.А.-5407. Оп. 2. Д. 37. Л. 10.

дациями первых музеев[1]. Музеефицированные памятники культового искусства были объявлены безбожниками своеобразными очагами религиозных настроений. Начинаются ожесточенные нападки атеистически настроенных граждан на конкретные культовые памятники, сохраняемые в качестве музейных в Ярославле[2], Костроме[3] и других губернских городах Центрально-промышленной области.

Главное требование агрессивно настроенной общественности было выражено в резолюции первой московской областной конференции Союза безбожников в 1925 году. Предлагалось «поставить перед Наркомпросом вопрос о немедленном пересмотре исторической и художественной ценности церквей, создав для этого авторитетную комиссию с привлечением в нее представителей общественных организаций, в том числе Союза воинствующих безбожников»[4].

Данный процесс проводился различными направлениями. Первый заключался в лишении культовых памятников статуса музеев и статуса памятников. Второй — в их физическом уничтожении или превращении в склады, фабрики. В результате были закрыты музейные здания для посетителей на многие годы, часто — с уничтожением внутреннего убранства[5].

Сложные условия работы не помешали творческим достижениям реставрационной комиссии в Ярославле. Сформированная бригада из рабочих и научно-исследовательского персонала под руководством архитекторов и инженеров И.И. Князева К.Х. Прилепского, Д.М. Агафьина, И.А. Тихомирова, Н.В. Перцева, А.И. Малыгина в 1925 году начала свою работу, в результате которой в Ярославле были сохранены памятники древнерусского зодчества (церкви Рождества Христова, Спаса на

[1] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-913. Оп. 1. Д. 1. Л. 141.
[2] ЦДНИКО Ф.П.-8. Оп. 1. Д. 505. Л. 16,17.
[3] ГАРФ. Ф.А.-5407. Оп. 2. Д. 84. Л. 1.
[4] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-913. Оп. 27. Д. 3088. Л. 15.
[5] Там же. Л. 18; ГАКО. Ф.Р.-2150. Оп. 2. Д. 193. Л. 100.

Городу, Петра Митрополита, Михаила Архангела, Николы Рубленый город, Петра и Павла на Волге)[1]. Пастуховские торговые ряды (1777—1788 гг.) у стен Спасо-Преображенского монастыря были разобраны. Памятник приобрел первоначальный вид[2]. Открывшийся вид потребовал ремонта Богородской и Угличской башен. Ремонт был произведен. В 1926 году была начата исследовательская работа в отношении 57 памятников гражданского зодчества[3].

Деятельность по сбережению гражданских сооружений активно разворачивалась в Костроме, что являлось характерной чертой сохранения именно в Центрально-промышленной области. К 1925 году был составлен список выдающихся произведений архитектуры Костромы, который включал всего 25 объектов[4]. В связи с тем, что в данной группе числилось достаточно большое количество бесхозных зданий, в список объектов вошли здания бывшего Дворянского Собрания, особняк Сунгурова, дом Янцен, архитектурный комплекс торговых рядов, гауптвахта, дом Общественного собрания, дом сенатора Борщова[5]. В Нерехтинском уезде в 1924—1925 гг. были национализированы и приняты под охрану государства последние три усадьбы, выселены помещики[6].

Положительные моменты организационных мероприятий были отмечены использованием бывших храмовых комплексов под колонии и склады, поскольку приспособление церквей под хозяйственные нужды подчас были сродни уничтожению. В 1926 году губисполком передал выдающийся памятник древнерусского зодчества Толгский монастырь под Ярославлем детской колонии[7]. До этого момента двести человек, проживавшие в ярославском старинном особняке Сорокина, привели

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.
[2] Архив ОАО «Ярреставрация». Добровольская, Э. Д. Оборонительные сооружения Спасского монастыря. Л. 30.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 30. Л. 82.
[4] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 21. Л. 50.
[5] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 91.
[6] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 21. Л. 51.
[7] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 6. Д. 30. Л. 58.

памятник в негодное состояние[1]. После обследования города Александрова Владимирской губернии П.Д. Барановским[2], было принято решение о ликвидации бывшего Рождественского монастыря[3].

Сложившаяся в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х гг. структура органов охраны памятников стала частью общегосударственной системы. Важной являлась и работа по обмену накопленного опыта среди специалистов. Созыву первой всероссийской реставрационной конференции еще в 1921 году предшествовало предварительное совещание, проходившее при поддержке московского и петроградского реставрационных центров. К середине 1920-х гг. были вынесены для обсуждения вопросы об объединении деятельности центров реставрации[4], установление строгого плана работ. Предлагалось создание особого органа — Всероссийской реставрационной комиссии, созыв периодических конференций, имевших законодательное значение, создание объединенного совета, определение функций экспертных комиссий и института уполномоченных по губерниям и районам[5], что сказалось бы, по нашему мнению, положительно на мероприятиях по сохранению культурного наследия.

Председателем московской секции Главнауки Н.И. Троцкой предлагалось создание совета в каждом отделении с целью вынесения директив, активной поддержки различных памятникоохранных мероприятий. В принятом Положении о совете отдела реставрации, подготовленном А.И. Анисимовым, были определены его обязанности. В них входили представление к утверждению Главмузею постановлений конференций, проведение их в жизнь и контролирование их исполнения, подго-

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 9. Д. 132. Л. 70,71.
[3] Там же. Л. 61,67.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 149. Л. 79.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 1.

товка материалов, организация очередных и экстренных конференций, обработка отчетов.

В ходе подготовки к конференции представители петроградской архитектурной секции говорили о том, что необходимо учитывать тяжелое состояние памятников, а также их большое количество. Поэтому следует отказаться от значительных реставрационных работ и ограничиться ремонтом. Недостатком такой позиции являлось сокращение финансирования необходимых работ, отсутствие сформированного штата сотрудников на местах, невозможность формирования региональных реставрационных мастерских[1].

В сообщении московской архитектурной секции приводился список проведенных ремонтов в Ярославле, Угличе, Ростове Ярославской губернии, Гороховце Владимирской губернии. В ходе работы было принято специальное «Положение о конференции по делам реставрации»[2].

Согласно сведениям, собранным П.Д. Барановским к 1927 году, сотрудниками реставрационных мастерских было восстановлено около 20 памятников[3]. В ходе работ были сохранены стены и покрытия Спасо-Преображенского монастыря, построенные в XVI—XIX вв.[4], отреставрирован Митрополичий корпус и трапезная церковь при нем, памятники XVII в. — церкви Богоявления, Николы Мокрого, Николы Надеина. Подведен фундамент под колокольню церкви Рождества Христова, под соборный дом или Митрополичьи палаты, под существовавший в Ярославле памятник гражданской архитектуры XVII в. дом Иванова. Работа велась с составлением актов, все памятники тщательно обмерялись, наиболее ценные детали зарисовывались.

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 3.
[2] Там же. Л. 5.
[3] «Вглядись в минувшее бесстрастно …»: Культурная жизнь Ярославского края 1920—1930-х гг. Документы и материалы / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1995. С. 284.
[4] Архив ОАО «Ярреставрация». Добровольская, Э. Д. Оборонительные сооружения Спасского монастыря. Л. 77.

За ремонт, восстановление, переделки и использование памятников зодчества в уездах Твери в конце 1920-х гг. отвечал Государственный музей[1]. Многие памятники архитектуры были спасены при поддержке специалистов из Москвы[2].

Памятники древнерусской живописи также требовали экстренного сохранения. Проведение реставрации представлялось возможным только в Москве. Однако вывезти все, требовавшие ремонта иконы, не удалось. Поэтому с 14 февраля 1925 года началась деятельность специальной мастерской по реставрации живописи в Ярославле[3]. Разместившись в Спасо-Преображенском монастыре, комиссия под руководством А.И. Анисимова и М.И. Тюлина была занята раскрытием икон деисусного чина Преображенского собора Спасо-Преображенского монастыря и образов «Спас в деяниях» из церкви Иоанна Златоуста в Коровниках и «Илья Пророк в житии» из церкви Ильи Пророка[4]. В помещении кабинета изящных искусств Ярославского государственного университета в 1924 года была устроена выставка памятников древнерусской живописи, посвященная 900-летию Ярославля (в то время датой основания города считался 1024 год)[5].

Мероприятия по укреплению икон из ярославских церквей проводились по плану музея, а также по просьбам церковных общин[6]. В ходе обширных консервационных работ, организованных в церкви Иоанна Златоуста в Коровниках, были восстановлены и реконструированы местный ряд иконостаса, пристенные и настолпные иконы[7]. Оценивая проведенные мероприятия, можно сделать вывод, что благодаря проб-

---

[1] Виноградов, И. А. Деятельность музеев и краеведческих обществ / И. А. Виноградов // Естественные и производительные силы Тверской губернии. Тверь, 1927. С. 166—167.
[2] ГАТО. Ф.Р.-103. Оп. 1. Д. 1352. Л. 3об.
[3] Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. 25. Л. 9,9об.
[4] Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. Д. 26. Л. 5; Д. 25. Л. 10.
[5] Анисимов, А. И. Реставрация памятников древнерусской живописи в Ярославле. 1919—1926 / А. И. Анисимов. М., 1926. С. 8.
[6] Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. 57. Л. 62,71—73,102.
[7] Там же. Л. 10,10об,11—12,129,129об.

ным раскрытиям, были выявлены иконы XVI в. Среди них иконы — «Иоанн Златоуст и Николай Чудотворец» из церкви Иоанна Златоуста в Кремле, «Спас Нерукотворный» из Спасо-Пробоинской церкви, осенявшей ополчение в 1612 году[1]. Кроме того, с целью реставрации и дальнейшего спасения ярославским филиалом ЦГРМ в 1929 году[2], а затем в 1935 году[3] были составлены списки икон, свезенных из закрытых и разрушенных церквей — Воскресенья, Власьевской, Иоанна Предтечи в Толкове, Крестовоздвиженья, Благовещения, а также Казанского монастыря[4]. Всего икон, находившихся в фонде ярославского музея древнерусского искусства в 1925 году, значилось более 2500 единиц[5], картин маслом (XVIII—XX вв.) — 210 штук, гравюр, литографий, лубков русских и западных граверов (XVI—XX вв.) — 723, скульптур русских и западных художников, копий с оригиналов — 27[6].

Во Владимирской губернии производилась аналогичная дополнительная опись и оценка оставшейся в местных музеях церковной живописи в 1925 году. В отдельную группу были выделены такие иконы, как «Византийские письма» (XIV в.), позднейшие «Письмена Владимирских богомолов», а также кустарные образы мастеров из Мстеры на досках. Ценными и выдающимися были признаны иконы XIV—XVI вв. — Владимирская Богоматерь (XIV в.), Боголюбова Богоматерь (XIV в.), Покрова (XII в.), Яхримская, Успения (XIV в.). Итого было учтено 299 предметов из разных церквей. Из них особую ценность представляли фрески XII и XV вв. из Дмитровского и Успенского владимирских соборов[7]. В октябре 1925 года губмузеем были обследованы фрески XVIII в., обнаруженные в кокошниках Ковровского Собора под снятыми желез-

[1] Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. 57. Л. 26—28; 209—209об.
[2] Там же.
[3] Там же. Ф.-7. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.
[4] ГАЯО Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 13. Л. 6,7,10; Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. 60—61,65.
[5] ГАЯО Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
[6] Там же. Л. 11.
[7] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.

ными листами. Специалистами была установлена необходимость их укрепления и расчистки для того, чтобы в дальнейшем осуществить реставрацию[1].

Некоторая часть историко-художественных ценностей нашла свое место, как в местных, так и в столичных музеях. Среди 54 предметов, переданных в 1926 году Оружейной палате из фондов Ярославля, значились следующие предметы, датированные XVII в.: тарелка, два блюда, напрестольный крест, дарохранительница и многое другое[2].

Отделом по делам музеев Главнауки НКП в ходе проведенного осмотра и отбора памятников древнерусской живописи во Владимире в 1926 году было установлено, что среди множества произведений находились выдающиеся, имевшие существенное историко-художественное значение (древнейшая из копий икона Богоматери Боголюбской, храмовая икона Покрова Божьей Матери из церкви Покрова на Нерли, Спас Нерукотворный, образ Кирилла Белозерского; икона Николая Чудотворца в деяниях)[3]. От Отдела по делам музеев Главнауки НКП поступило предложение организовать в одной из комнат существовавшей картинной галереи ремонтную мастерскую, что и было сделано[4]. В 1925—1926 гг. на основе собранных и изученных коллекций был создан Владимирский государственный областной музей с отделениями в Переславле и Суздале. Специальной комиссией из центра были продемонстрированы новые методы, в частности, метод послойного раскрытия древнерусской живописи. Был утвержден новый подход к памятнику как к произведению искусства.

Следует отметить, что в условиях антирелигиозной пропаганды, нараставшей во второй половине 1920-х гг., было достаточно сложно

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 106. Л. 32.
[4] Там же.

осуществлять сохранение памятников древнерусской живописи. В качестве подтверждения в документах находим список 494 икон, отобранных из хранилища в 1929 году, расположенного в церкви Рождества Христова с целью уничтожения как «не имевших художественно-исторического значения»[1].

Отчеты памятникоохранных организаций, результаты которых приведены на страницах источников, свидетельствуют о высокой степени контроля над проводимыми мероприятиями, об ужесточении контроля в сфере финансов, о тотальном учете ценных предметов религиозного культа, о выявлении отсутствовавших в списках икон и облачений[2].

***

Таким образом, с середины 1920-х гг. общество поддерживало курс на лишение высокой историко-культурной ценности архитектурных памятников искусства и старины. Сохранились в качестве музеев немногие, как правило, имевшие мировую известность, уникальные по сохранности и художественному уровню (храмы Владимира, Ростовский Кремль, отдельные храмы Ярославля и Твери и другие), хотя некоторые из них были закрыты на долгую реставрацию, в интерьеры других внесены чуждые экспозиционные элементы, третьи сделались недоступными для посетителей. Имело место уничтожение и распродажа ценных икон, произведений живописи из музейных фондов. Однако уже тот факт, что у власти «не поднялась рука» на музеи, что их удалось отстоять, свидетельствует о признании государственными органами исключительной ценности памятников искусства и старины.

В то же время принимаемые различные меры не давали подчас должного результата. О политике государства в отношении ансамблевых музеев также свидетельствуют бюджетные и сметные документы, штат-

[1] Архив ЯХМ. Ф.-7. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.
[2] ГАЯО Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 13. Л. 4—7,10.

ные расписания, в изобилии сохранившиеся в архивных делах. Имея скудный бюджет, музеи могли содержать лишь по несколько человек персонала (включая сторожей и технических работников). Следить такому персоналу не только за музеем, но и за обширным хозяйством, парками было невозможно, и все быстро приходило в запустение.

Наиболее негативно политика государства по отношению к историко-религиозным ценностям начала проявляться с конца 1920-х гг. Такое изменение общегосударственного курса сказалось на всех отраслях культуры. В области охраны памятников — в ликвидации местных, а затем и центральных памятникоохранительных органов, в уничтожении древних храмов; в области музейного дела — в идеологизации экспозиций и всей научно-просветительской работы, «чистке кадров», в распродаже музейных ценностей за рубеж, «макулатурной кампании» (утилизации тысяч тонн документов для нужд бумажной промышленности) в государственных и ведомственных архивах.

В борьбе за «режим экономии» губернское руководство взяло курс на жесточайшую экономию средств во всех сферах жизни, в первую очередь — в области культуры и памятников прошлого. Проводником курса партии и правительства здесь выступали авторитетные в государственно-бюрократической структуре органы рабоче-крестьянской инспекции. Все чаще на страницах печати и в выступлениях местного уровня стали раздаваться требования утилитарного использования памятников и ансамблей под хозяйственные и социальные нужды — совхозы, дома отдыха, школы.

И все же руководством государственной рабоче-крестьянской инспекции все музейные и научно-краеведческие учреждения были подвергнуты обследованию. Были определены задачи обследования организации в программе, составленной в ноябре 1926 года в недрах Наркомата РКИ: «…Проверить центральные и местные учреждения музейного типа

(в т. ч. усадьбы и монастыри) всех ведомств, предприятий и организаций с точки зрения возможности объединения слабых и ликвидации ненужных музеев, целесообразности действующих методов собирания, систематизации, учета и хранения музейных ценностей в целях наибольшего освобождения государственного и местного бюджетов от непроизводительных расходов»[1].

Последовавшая в 1927—1930 гг. ликвидация губмузеев как специальных органов охраны памятников отрицательно сказалась на судьбе памятников зодчества и старины. Упразднение структуры губернских подотделов по делам музеев и охране памятников повлекло за собой то, что вопросы сохранения памятников искусства и старины перестали подниматься, решались в пользу первостепенности хозяйственных задач социалистического строительства.

Вместе с тем законы о сохранении памятников, принятые правительством, а также активность столичных музейных работников были направлены на пресечение проявившихся в отдельных случаях попыток уничтожения культурных ценностей прошлого. Тому подтверждением являлась деятельность Н.И. Троцкой. Стоявшая до 1927 года во главе Музейного отдела и пользовавшаяся прерогативами власти в целях осуществления памятникоохранной деятельности, Наталья Ивановна много сделала для охраны историко-культурных памятников. В подведомственном Н.И. Троцкой отделе работали крупнейшие специалисты в области искусствоведческой и художественной науки, музейного дела и реставрации, в тяжелых условиях отсутствия финансирования и понимания со стороны других органов советской власти осуществлявших учет и оценку, ремонт и реставрацию памятников на основе научной методики[2].

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 69. Д. 2624. Л. 7.

[2] Эфрос, А. М. Музейное строительство в Советской республике / А. М. Эфрос // Советская культура. 1924. № 3. С. 54.

В книге воспоминаний «Моя жизнь», изданной в Берлине в 1930 г., Л.Д. Троцкий так писал о работе своей жены: «Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные вообще не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, кремлях или церквах... Хранители дворцов и музеев обвиняли военных в недостаточном уважении к культуре, военные же и комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям. Формально выходило, что я находился в непрерывном ведомственном препирательстве с собственной женой. На этот счет было немало шуток...»[1].

Система охраны памятников искусства и старины в дальнейшем столкнется с крайне затруднительным осуществлением своей деятельности в 1929 году, в момент ухода со своей должности А.В. Луначарского, последнего идеолога политики сохранения национального достояния. Переплетение принципов, изложенных в законодательстве с политическими идеями, проводимыми по отношению к ответственным в деле охраны культурного наследия, привели затем к особым направлениям разрушения культурного наследия под воздействием правительственной политики[2].

Идеология оказывала мощное воздействие на мировоззрение и мировосприятие людей. Характерно, что даже многие специалисты музейного дела были согласны с продажей ценностей за границу, не считая, что она наносила «непоправимый урон культуре страны»[3]. Это подтверждает протокол совещания при Управлении Уполномоченного Наркомпроса по вопросу о выделении ценностей для экспорта, прошедшего 27 января 1927 г. «М.П. Кристи (Главнаука): Подлежат выделению пред-

[1] Троцкий, Л. Моя жизнь / Л. Троцкий. М., 1991. С. 80.
[2] Там же.
[3] Васкэ, П. А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в советской России. 1917—1941 гг.: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / П. А. Васкэ. Нижний Новгород, 2006. С. 14.

меты искусства и старины, отсутствие коих в музейных коллекциях не составит существенного пробела в научной и просветительной работе музеев. Философов (Эрмитаж): В связи с изменившейся политикой в вопросе о выделении экспортного товара, весь музейный фонд должен быть пересмотрен. За исключением небольшого количества предметов, необходимых для центральных музеев, весь музейный фонд может быть передан в экспортный фонд»[1].

Приведем пример приблизительных цифр вывезенных из СССР в конце 1920-х гг. предметов искусства и старины. Показателен следующий перечень: «Список драгоценностей и художественных изделий, вывезенных в Германию» в 1927 году занимает 191 лист. В нем перечислено содержание 72 ящиков (всего 2348 предметов). По данным Р. Вильямса, только за первые три квартала 1929 года Советский Союз продал на аукционах 1192 тонны культурных ценностей, а за аналогичный период 1930 года — 1681 тонну[2].

Продажа предметов старины рассматривалась в то время как необходимый источник развития социалистического строительства[3]. В справочнике «Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918 — 1927/28 гг.» были отмечены две статьи дохода: «картины и гравюры» и «предметы искусства и старины»[4]. Пик вывоза предметов искусства приходится на 1930 год. За все проданные произведения искусства и реликвии старины, включая и шедевры, Внешторг получил приблизительно 25 миллионов золотых рублей, или 12,5 мил-

[1] Цит. по: Кругликова, Г. А. Сохранение культурного наследия как фактор социального развития нации / Г. А. Кругликова // Режим доступа: http://do.teleclinica.ru/184727/
[2] Мосякин, А. Продажа / А. Мосякин // Огонек. 1989. № 7. С. 54.
[3] Постановление Совнаркома СССР «Об организации Наркомторгом СССР вывоза за границу предметов старины и роскоши, не представляющих музейной ценности» от 28 июня 1927 г. // ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 3. Д. 207. Л. 1; Постановление Совнаркома СССР «О выделении и экспорте антикварных ценностей» от 24 июля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 4. Д. 393. Л. 1
[4] Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 533.

лиона долларов. В казну государства только за счет экспорта антиквариата поступило 30 миллионов золотых рублей[1].

Вывезенные ценности из губерний Центрально-промышленной области нигде не учитывались. Однако примечателен тот факт, что ящики с нераспроданными предметами церковной старины были определены позднее как «происходящие из Ярославской губернии». На основании распоряжения музейного отдела Главнауки директором Оружейной палаты Д.Д. Ивановым были сданы, а старшим помощником хранителя ярославского губмузея В.А. Перцевым были приняты назад в коллекцию 123 ящика с ценными предметами[2].

Специалисты подсчитали выручку, сравнивая доход от продаж музейных ценностей с прибылью, которую дал вывоз нефти и золота, леса и платины, хлеба и пушнины и признали следующее. Отметим, что экспорт антиквариата никак не оправдал возлагавшихся на него надежд. В то же время деятельность Внешторга можно оценить и по-иному. Картины старых мастеров, фарфор и бронза, мебель и гравюры, рисунки и монеты, медали дали Советскому Союзу чуть больше одного процента всего дохода от внешней торговли. Однако эта на первый взгляд ничтожная сумма получена была в самые трудные для страны годы[3]. Распродажа уникальных произведений искусства являлась громадной потерей для российской культуры в целом. В то же время, вывоз и продажа памятников церковного характера отчасти спасли их от бесследного исчезновения в условиях атеистической борьбы.

Постановление СТО о предоставлении Наркомпросу права тратить суммы, выручаемые от реализации госфондов немузейного значения, изъятых из дворцов и музеев на содержание, ремонт и охрану исторических

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 22. Л . 5.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.
[3] Жуков, Ю. Н. Операция Эрмитаж / Ю. Н. Жуков. М., 1993. С. 103.

дворцов, музеев Республики и другие памятники[1] был реализован с 1923 по 1927 гг. При отборе для продажи Антиквариат отдавал предпочтение произведениям музейного уровня, отличавшимся древностью, интересной иконографией, как правило, небольшими размерами[2]. Антиквариат активно сотрудничал с ярославским отделением ЦГРМ. Вместе с тем переданные Антиквариату иконы навсегда исчезали из поля зрения исследователей.

Положительным моментом Постановления СТО 1923 года являлся тот факт, что все суммы от реализации госфондов немузейного значения, отчисляемые в бюджет Главнауки, давали ее сотрудникам право 60% израсходовать на содержание, ремонт и сохранение губернских памятников. Тем самым, финансовые средства, поступавшие от реализации губернских ценностей, шли на финансирование работ реставрационных мастерских.

3.2. Участие местных органов власти в проведении реставрационных работ в губерниях Центрально-промышленной области

Серьезная постановка вопросов, связанных с реставрацией памятников в губерниях Центрально-промышленной области, была осуществлена в 1920-х гг. На территории Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской и Ивановской губерний находились многочисленные, пользовавшиеся заслуженной репутацией памятники искусства и старины — многочисленные архитектурные постройки, иконы и фресковая живопись расцвета Владимиро-Суздальской Руси, великого Московского княжества[3].

---

[1] Постановление СТО РСФСР от 22 марта 1923 г. «О реализации государственного фонда художественных ценностей, находящегося в распоряжении органов Народного Комиссариата внешней торговли»» // СПС «Консультант Плюс».
[2] ГАРФ. Ф.А.-1726. Оп. 1. Д. 129. Л. 13.
[3] Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве / И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 67—68.

Именно поэтому в губерниях Центрально-промышленной области изначально уделялось равное внимание как движимым памятникам — разнообразным художественным произведениям, реликвиям прошлого, так и памятникам недвижимым, доминировавшим в этих пяти губерниях, практически не затронутых событиями гражданской войны (исключение составляли культурные ценности Ярославля, пострадавшие в 1918 году). Большое воздействие на возникновение такого подхода оказала и близость Москвы, где трудились известные отечественные искусствоведы, специалисты в области древнерусской живописи и архитектуры.

Свою творческую инициативу первыми проявили сотрудники Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе в ходе двух комплексных научных экспедиций в 1918—1919 гг. Участники экспедиций произвели обмеры, фотографирование более чем 120 памятников зодчества, пробные расчистки фресок, учет около 10000 предметов прикладного искусства во Владимирской и Ярославской губерниях[1].

В 1918 году под руководством И.Э. Грабаря сотрудниками первой экспедиции было предпринято научное изучение фресок во Владимире[2]. А.И. Анисимовым, В.Т. Георгиевским и Н.Д. Протасовым были раскрыты и укреплены сохранившиеся фрески в Успенском Соборе 1408 года постройки[3]. Выявленная ранее фресковая живопись в жертвеннике (на столе в алтаре храма) была освобождена от кирпично-каменной закладки и промыта[4]. Поскольку бюджетные поступления на реставрацию древнерусской живописи были ограничены, местные органы власти испытывали в большие финансовые трудности[5]. Самые ценные иконы собира-

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 70,70об,72.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
[4] Дудочкин, Б. Н. Андрей Рублев. Биография. Произведения. Источники. Литература / Б. Н. Дудочкин // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV—начала XX вв. Сборник статей в честь Г. В. Попова. М., 2002. С. 329.
[5] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 22. Л. 72.

лись и складировались с перспективой изучения их в дальнейшем. С целью недопущения социальных волнений, изъятые иконы были на время возвращены общинам верующих, которые брали на себя ответственность по их охране, ремонту и «поддержанию в чистоте и нормальном состоянии»[1]. Однако часть церковных раритетов, изъятая у общин, была отреставрирована, а затем продана[2].

Перед участниками экспедиции под руководством И.Э. Грабаря стояла главным образом задача укрепления и раскрытия фресок, а также рассмотрение проблем научно-исследовательского порядка — определения эпохи, анализа стиля и, в отдельных случаях, установление авторства. Промывка фресок в церквях осуществлялась на центральном коробовом своде Дмитриевского Собора во Владимире на Клязьме[3], затем была исследована живопись на южном склоне малого юго-западного коробового свода, а также уникальные фрески «Лоно Авраамово» и «Лик жен праведных», деревянных ворот[4]. Реставраторы И.Э. Грабарь, А.И. Анисимов и П.И. Юкин[5] укрепили фрески рублевской эпохи в Дмитриевском соборе[6], раскрыли иконы Богоматери «Максимовской» и «Владимирской» XII века в Успенском соборе, а также изображение Кирилла Белозерского кисти Дионисия Глушицкого и Боголюбской иконы Божьей Матери[7].

В ходе экспедиции НКП была обнаружена связь икон владимирской и ярославской школ. До этого момента одни эксперты считали, что ярославская иконопись схожа с нижегородской, другие — настаивали на

---

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 22. Л. 72.
[2] Федосова, Ю. В. Положение Русской православной церкви и духовенства до и после Октябрьской революции 1917 г. на примере Владимирской губернии / Ю. В. Федосова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 2 (июнь). С. 23.
[3] Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве / И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 67—68.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 65—65об.
[5] Грабарь, И. Э. Указ. соч.
[6] Грабарь, И. Э. Фрески Дмитриевского собора во Владимире / И. Грабарь // Русское искусство. 1923. № 2. С. 3.
[7] Там же. С. 4.

своеобразии местной иконы[1]. Исследователями двадцатых годов было найдено подтверждение тому, что в домонгольский период произошло зарождение художественных традиций на Владимиро-Суздальской земле. Особенностью ярославского иконописного центра являлось использование в древней живописи санкирей (тонов), обилия киновари (оттенок красного цвета), плотного золочения фонов[2].

Интерес к памятникам Ярославля возник вследствие чрезвычайно неблагоприятных обстоятельств[3]. Уличные бои и пожары в ходе белогвардейского мятежа 1918 года привели к массовым разрушениям древнерусских памятников, расположенных в центре города[4]. В Ярославль был спешно командирован специалист центрального отдела охраны памятников истории и старины К.Ф. Некрасов «для производства осмотра повреждений в иконах и стенной росписи в храмах»[5].

Специальная мастерская по раскрытию памятников древней живописи, созданная в Ярославле в 1919 году при участии губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины под руководством А.И. Анисимова[6], заложила основу фондов музея древнерусского искусства, размещенного в Спасо-Преображенском монастыре. Первоначально все работы по восстановлению утрат древнерусской живописи велись только с разрешения мастерской и только за счет церковных приходов, что замедляло, но в то же время удешевляло для государства стоимость работ.

---

[1] Болотцева, И. П. Ярославская иконопись второй половины XVI—XVII веков / И. П. Болотцева. Ярославль, 2004. С. 49.
[2] Данилова, И. Е. Живопись XVII века / И. Е. Данилова, Н. Е. Мнева // История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова. М., 1953. Т. 4. С. 345-467.
[3] Добровольская, Э. Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля 1918—1921 / Э.Д.Добровольская // Краеведческие записки. 1960. Вып. 4. С. 172; Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И. И. Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 1.
[4] Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 30 июля.
[5] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 397. Л. 104.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 21.

На протяжении 1919—1920 гг. проводились активные работы по реставрации ярославских икон. Её участниками были расчищены такие замечательные памятники древнерусской иконописи как «Спас Вседержитель» из Успенского собора первой половины XIII в. и «Богоматерь Толгская» из Толгского монастыря (1314 г.)[1]. Данные произведения, раскрытые и укрепленные, представляли огромную историческую ценность. Громадный по количеству, разнородный по авторскому исполнению и состоянию сохранности художественный материал собирался и проходил через руки реставраторов[2]. Кроме того, произведения древнерусской живописи давали возможность формально-технического исследования древнерусской живописи.

Активные начинания были подхвачены местными реставраторами иконной живописи в Костроме, Ростове и Кашине.

Результаты восстановительных работ были представлены на Первой выставке национального Музейного фонда, которая состоялась в 1918 году в Москве[3], затем — в 1919 году в Петроградской академии художеств[4]; на Второй реставрационной выставке в Москве в помещении ВХУТЕМАСа (1920 г.)[5] и Русской выставке в Берлине (1922 г.) [6]. Третья реставрационная выставка состоялась в 1927 г.[7]. Широкий обмен опытом между губернскими реставраторами состоялся в ходе I Всероссийской реставрационной конференции в 1921 году[8].

---

[1] Козлова, Ю. А. Дневник реставрационных работ над иконой Федоровской Божией Матери / Ю.А.Козлова // Костромская земля. Вып. 6. Режим доступа: http://kostromka.ru/ kostroma/land

[2] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

[3] Первая выставка национального музейного фонда Народного комиссариата по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. М., 1918. С. 79.

[4] См.: Подобедова, О. И. Письма И. Э. Грабаря из экспедиций 1919—1930 гг. // Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве / И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 234.

[5] Горелова, С. А. Первая Всероссийская реставрационная конференция 1921 года / С. А. Горелова // Художественное наследие. 2004. № 21 (51). С. 16.

[6] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

[7] Третья реставрационная выставка Центральных государственных реставрационных мастерских. Апрель-май 1927. М., 1927. С. 4.

[8] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

У исследователей может возникнуть вопрос, как сложилось, что в первые сложные послереволюционные годы мероприятия, связанные с сохранением церковной старины, развернулись столь быстро на всей территории губерний Центрально-промышленной области. Ответ на данный вопрос находим в документах, связанных с деятельностью Поместного Собора в 1917—1918 гг. В них запротоколированы обсуждения, связанные с необходимостью создания особого подотдела при патриархате «О храме» под председательством члена Отдела Преосвященного Прокопия, Епископа Елисаветградского и делопроизводителя В.Т. Георгиевского[1]. С целью консультаций, требовавших специальных знаний и касавшихся церковной архитектуры, иконописи, стенописи и всего церковного искусства, предлагалось приглашать членов Совета по делам искусств (Петроградского или Московского отделений), а также художников В.М. Васнецова, М.В. Нестерова, А.И. Савинова, академика-архитектора А.В. Щусева[2].

Примечателен тот факт, что Святейший Патриарх Тихон в 1918 году особой благословенной грамотой поддержал деятельность ученых Комиссии по реставрации памятников искусства и старины, которые в первые годы советской власти прилагали все усилия к их спасению[3]. В ходе мероприятий возникали различные проблемы, связанные с организационной основой реставрации. Например, братия и настоятель Боголюбского монастыря Рождества Богородицы архимандрит Александр отказали специалистам в осмотре святыни — гробницы Андрея Боголюбского, так как при снятии ковчега трудно было избежать недовольства верующих. Для решения данного вопроса Комиссия направила В.Т. Георгиевского во Владимир, где ему удалось заручиться поддержкой

[1] ГАРФ. Ф.А.-3431. Оп. 1. Д. 309. Л. 3.
[2] Там же.
[3] Грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии по реставрации памятников искусства и старины. Август 1918 г. // ОР ГТГ. Ф.-68. Д. 257.

настоятеля монастыря — епископа Юрьевского Евгения (Мерцалова)[1]. Затем ученый срочно выехал в Москву для встречи с митрополитом Владимирским Сергием (Страгородским), знакомство с которым он поддерживал с момента участия в работе Собора Русской Православной Церкви. С помощью благословенной грамоты, несомненно, было намного проще и быстрее договориться не только о необходимости осмотра древней святыни, но и об ее реставрации.

Понимая опасность, нависшую над бесценными древними святынями губерний Центрально-промышленной области и исходя из собственных представлений о задачах их сохранения, патриарх счел необходимым благословить деятельность ученых. Он подписал и скрепил собственной печатью грамоту, оформленную в виде древнего манускрипта. Грамота помогла успешной работе Комиссии, документ стал своего рода «Патриаршим Покровом» для всех членов Комиссии[2].

Комиссией по охране памятников под руководством И.Э. Грабаря с 1918 года были проведены также исследовательские работы по изучению архитектурных и художественных особенностей древнерусских памятников искусства и старины, возможность учитывать и изучать которые появилась во время экспедиций[3]. Одним из основных направлений деятельности специалистов, призванных сохранять губернское историческое наследие, находившегося на грани выживания в начале 20 гг. XX в., стало изучение и обоснование исторической ценности памятников архитектуры[4]. Только за 1918 год специалистами по различным причинам (включая утраты периода гражданской войны), было обследовано

---

[1] Кызласова, И. Л. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи / И. Л. Кызласова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 27–33 - Режим доступа: http://pstgu.ru/download/1167044509.Kyzlasiva_2_2.pdf

[2] Кызласова, И. Л. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи / И. Л. Кызласова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 27–33 - Режим доступа: http://pstgu.ru/download/1167044509.Kyzlasiva_2_2.pdf

[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 22. Д. 306. Л. 2

[4] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 687. Л. 107.

четыре крупнейших кремля (монастыря) в Москве[1], Ярославле[2], Ростове[3], Переславле-Залесском[4].

В кратчайшие сроки в течение 1918 года под руководством Музейного отдела Народного комиссариата просвещения была организована ярославская реставрационная комиссия. Известный специалист в области архитектурной реставрации П.Д. Барановский возглавил ярославское отделение[5].

Руководители Музейного отдела Наркомпроса под председательством правительственного комиссара по делам музеев и охране памятников Г.С. Ятманова, председателя коллегии К.К. Романова, члена Коллегии Наркомпроса Н.Б. Бакланова[6], главного специалиста проводимых работ П.Д. Барановского через несколько дней после подавления мятежа прибыли в Ярославль «для осмотра древних зданий, поврежденных в июле месяце»[7]. Юрист А.М. Поццо прибыл «для выяснения вопроса о необходимости ремонта памятников... с правом принимать экстренные меры»[8].

В отчетном докладе П.Д. Барановского были зафиксированы массовые разрушения памятников архитектуры. Необходима была «материальная помощь и духовная, и помощь немедленная»[9]. Комиссия разделила все поврежденные от обстрела памятники на три категории. К первой категории были отнесены памятники, подлежащие исключительному и немедленному сохранению — церкви Петра и Павла, Николы Мокрого, Николы Рубленый город (всего 11 единиц); вторую категорию состав-

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 45; Д. 20. Л. 20,21.
[2] Там же. Л. 41; Д. 18. Л. 3.
[3] Там же. Л. 28,39об,45.
[4] ОПИ ГИМ. Ф.Р.-54. Оп. 1. Д. 687. Л. 106; ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
[5] Выписка из протокола 45/81 заседания Коллегии Народного Комиссариата по Просвещению от 2 августа 1918 г. // ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 10.
[6] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 397. Л. 77, 84.
[7] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 457. Л. 12.
[8] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 397. Л. 104.
[9] Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И.И.Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 1.

ляли памятники, имевшие большое художественно-историческое значение (6 храмов); третью категорию составляли сооружения, за которыми было решено продолжить наблюдение (8 единиц)[1].

Московские специалисты, вместе с ярославскими исследователями, создали временную комиссию по охране искусства и старины Ярославля. С начала августа 1918 года представители центра А.П. Хотулев и В.М. Овчинников начали обсуждение с ярославскими краеведами И.А. Лазаревым, О.Ф. Шитовым, П.А. Критским, Н.Г. Первухиным, И.А. Тихомировым, членом коллегии губисполкома П.И. Раевским задач охраны памятников искусства и старины как в городе Ярославле, так и во всей Ярославской губернии. Причем эти функции распространялись, по решению комиссии, «не только на общественные, но также и на все без исключения частные собрания и предметы»[2].

Комиссия не могла обойти вниманием и недавние трагические события в Ярославле, в результате которых погибли и были повреждены многие памятники. Было решено принять экстренные меры для сохранения и возможного восстановления тринадцати пострадавших памятников[3]. На отдел просвещения ярославского Совета были возложены мероприятия по компенсации расходов в ходе восстановительных мероприятий[4]. Однако местный бюджет был не в состоянии выделить средства на проведение данных мероприятий[5]. Без финансовой помощи со стороны центральных органов власти деятельность представителей местных органов власти сводилась лишь к созданию временных комиссий и к обращениям в Москву[6].

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 457. Л. 12.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 206. Л. 229.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 206. Л. 229об.
[5] Там же.
[6] Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И.И. Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 1.

П.Д. Барановский, используя поддержку комиссариата народного просвещения в лице Н.И. Троцкой, связи с фронтовыми товарищами в ноябре 1918 года получил суммы, необходимые на ремонт памятников зодчества Ярославля. Согласно сметы НКП, данные расходы были заложены на основании утвержденного ст. 3 п. «г» бюджета НКП как «расходы по архитектурной реставрации»[1]. Организация деятельности подотделов по делам музеев и охраны памятников осуществлялась только в тех случаях, где требовался срочный необходимый ремонт, реставрация или художественные работы[2]. Сложно понять, как в условиях военного времени комиссия по охране памятников искусства и старины при московском Совдепе выделила лично П.Д. Барановскому ссуду в размере 5000 рублей на предварительные работы[3]. В 1919 году последовал перевод в сумме 1 млн. рублей[4]. Из изложенного следует, что на реставрацию памятников Ярославля первоначально были отпущены весьма значительные суммы. Финансирование происходило в виду важности объектов, имевших огромное культурно-историческое и художественное значение старинных памятников архитектуры XVII в., нуждавшихся, по мнению Музейного отдела, в ограждении от разрушения[5]. Финансирование продолжалось до 1921 года (в 1920 году на памятники Ярославля выделяется еще 10 млн. рублей[6]), после чего финансовые «вливания» в реставрационные мероприятия закончились.

Итак, Наркомпрос оказал помощь реставраторам в Ярославле, утвердив смету на неотложные меры по восстановлению памятников и архитектурных объектов города. Крупнейшие специалисты в области реставрации того времени П.Д. Барановский, архитектор Д.М. Агафьин, художник П.А. Алякринский и А.П. Хотулев приняли участие в первых

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 19.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 26—27.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 19.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
[5] Там же. Л. 42.
[6] Там же. Л. 24.

восстановительных мероприятиях в городе[1]. Поддержку комиссии оказали также члены ученой архивной комиссии, при которой имелось древлехранилище, сотрудники которого затем вошли в состав губмузея. Одним из видных местных ученых являлся И.А. Тихомиров, работавший в качестве и архитектора, и археолога, и художника-реставратора. Он «нес на себе всю ответственность за правильность и точность реставрации восстанавливаемых памятников... древности и искусства...»[2].

На руках у П.Д. Барановского имелся список, включавший 25 памятников архитектуры, требовавших безотлагательного ремонта[3]. Было принято решение приступить к консервации наиболее разрушенных зданий, которые находились на территории Стрелки, затем по берегу Которосли до церкви Николы Мокрого (она оказалась поврежденной сильнее других), зданий в центре города, расположенных на волжском берегу[4].

В отчетном докладе НКП П.Д. Барановский отмечал, что спешить с работой было необходимо, так как некоторые памятники имеют повреждения в конструктивных частях и непринятие экстренных мер грозит им полным разрушением[5]. Специалисты признали состояние памятников очень плохим[6].

Обследуя и укрывая памятник от проникновения влаги через места обстрелов, архитекторы одновременно составляли паспорт на реставрируемый объект[7]. Работа местных подразделений и Музейного отдела была тесно взаимосвязана[8]. Московские архитекторы А.А. Кейслер, И.И. Рерберг, В.В. Тарасова заполняли анкетные листы, разработанные спе-

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 19.
[2] ЯИАМЗ. ОПИ. НВФ - 26237/26. Л. 78.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 20.
[4] Добровольская, Э. Д. Из истории реставрации памятников архитектуры Ярославля 1918—1921 / Э. Д. Добровольская // Краеведческие записки. 1960. Вып. 4. С. 173.
[5] Чивилихин, В. Память: Роман-эссе / В. Чивилихин. М., 1983. С. 376.
[6] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
[7] Там же. Д. 460. Л. 1.
[8] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 12. Л. 9.

циально для описания памятников архитектуры губернии, на основании которых памятники заносились в инвентарную книгу. Последним этапом учета являлось заполнение карточек для двух каталогов — географического и хронологического. Карточки были выполнены из картона шести цветов, каждый из которых соответствовал той или иной группе памятников — гражданской, военной, церковной архитектуры, деревянного зодчества, живописи, скульптуры. На оборотной стороне карточки помещались фотография памятника и библиография о нем[1]. Тем самым подчеркивалась важность описи каждого памятника, создание целостной картины охранных мероприятий в губернии.

Примерно через год после описываемых событий в городе побывала экспедиция Наркомпроса, которая обследовала памятники старины — от Твери до Нижнего Новгорода. В составе экспедиции находились известные специалисты того времени — И.Е. Бондаренко, Т.Г. Трапезников, Н.Н. Померанцев и другие. В Ярославле члены экспедиции проинспектировали ход работ по восстановлению и реставрации древних сооружений. Один из прибывших специалистов, С.А. Детинов, докладывал в Москву: «Сделано много, но желательно, чтобы работы шли еще более быстрыми темпами. Вместо 30 рабочих и трех архитекторов, по мнению докладчика, следовало бы нанять до 1000 рабочих и 30 архитекторов»[2]. С.А. Детинов нашел ряд интересных материалов в архиве города, способствовавших дальнейшей реставрации ярославских памятников[3].

Все мероприятия проводились в тяжелых условиях гражданской войны, хозяйственной разрухи и нехватки материалов, когда даже гвозди и стекло приходилось доставать с большим трудом. За короткий, ме-

---

[1] См.: Белозерова, И. В. Из истории учета культурных ценностей в первые годы советской власти: 1918—1921 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМа) / И. В. Белозерова // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С. 55—68.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 188.
[3] Там же.

нее чем двухмесячный срок, силами рабочих и научно-технических работников кровли всех разрушенных церквей были покрыты железом, подперты и укреплены слабые каменные части зданий, заложены поврежденные части кирпичом, вставлены стекла, приняты меры к укреплению отставших слоев фресок[1]. Использование срочных мер и финансовой поддержки привело в дальнейшем к целенаправленной планомерной работе в течение последующего десятилетия. Капитальному ремонту, консервационным (укрепительным) работам, выведению из аварийного состояния, согласно актам приемки работ и фотосвидетельствам с 1918 по 1922 гг., подверглись 40 памятников Ярославля [2].

В 1921 году П. Д. Барановский, выступая на I Всероссийской реставрационной конференции с докладом, привел результаты восстановительных работ в Ярославле, среди которых назывались ансамбль Спасо-Преображенского монастыря, Митрополичьи палаты (Соборный дом) и колокольни церквей Николы Мокрого и Рождества Христова[3].

Проводимые мероприятия в губерниях Центрально-промышленной области не остались без поддержки органов местной власти. Не имея возможности финансировать работы по сохранению памятников, они применяли свои знания и закрепляли навыки по восстановлению гражданских сооружений, проходя подготовку у специалистов из Москвы и Петрограда[4]. Особые усилия прилагались для сохранения разрушенных памятников, а также усадеб за пределами города, которые, оставшись без присмотра, подвергались нападениям и разбоям.

Из числа заинтересованных граждан в сохранении культурного наследия в мае 1919 года был сформирован кадровый состав подотдела по охране памятников старины при ярославском губернском отделе

[1] Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И. И. Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 3.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 7. Л. 181.
[4] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.Р.-1. Оп. 27. Д. 86. Л. 39.

народного образования[1]. В сферу деятельности губернской секции входило руководство музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев в губернии, принятие всех мер по сохранению памятников искусства и старины, регистрация и взятие их на учет, весь цикл ремонтно-восстановительных работ, прочие мероприятия[2].

Стесненность государства в средствах первоначально не отразилась на количестве проведенных памятникоохранных мероприятий. Заинтересованность специалистов старой школы, поддержка властью в лице Н.И. Троцкой, отсутствие идеологического прессинга в отношении религиозной составляющей проводимой реставрации в храмах, — все рассмотренные направления в государственной политике создавали благоприятные условия для деятельности различных памятниковосстановительных организаций в Центрально-промышленной области. Силами местных специалистов при активной организационной и достаточной финансовой поддержке центральных органов власти, были сконцентрированы и сохранены накопленные богатства. Наиболее ценные из них увозились, оценивались и восстанавливались в столице.

В 1922 году петроградское отделение Главмузея предложило решить проблему финансирования текущих ремонтных работ в Ярославле за счет средств арендаторов. Музейный отдел считал целесообразным передать эксплуатируемые здания в ведение губОНО «ввиду опасности вследствие ухудшающегося состояния». Первоначально это были только единичные случаи, но затем горотделом коммунального хозяйства активно начинают использоваться бесхозные церкви в качестве складов[3]. В 1922 году был прекращен доступ в церкви Николы Мокрого, Петра и Павла в Калашном ряду, Спаса на Городу. Это вылилось в подписание соглашений между отделом коммунального хозяйства и губмузеем о

[1] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
[2] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 88.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 424. Л. 12, 13.

сдаче в аренду охраняемых памятников[1]. С одной стороны, это давало надежду на возможность производства самых необходимого ремонта памятников[2]. С другой стороны, данные действия, активно проводившиеся местной властью, стимулировали прихожан закрытых церквей изыскивать средства на ремонт или проводить его своими силами под руководством реставрационной и музейной комиссий[3].

В ограниченных финансовых условиях с начала 1920-х гг. реставраторы могли рассчитывать только на свои собственные силы, поэтому поиск средств на восстановительные работы велся всеми доступными способами. Специалисты были вынуждены заниматься ремонтом квартир, разбирать разрушенные здания с целью получения строительного материала для продолжения реставрационных работ. Получали небольшой доход также от сдачи в аренду складских помещений[4].

В ходе обследований в 1922 году ярославскими специалистами была составлена сводка актов учета церквей относительно их безопасности. Церкви были разделены на три категории: безопасные; поврежденные, но безопасные; опасные[5]. Из всех памятников древнерусского зодчества, назначенных к обследованию, опасными и требующими закрытия оказались 15 зданий, отнесенных к третьей категории по безопасности (к опасным) и перечисленных в третьем столбце прилагаемого списка ярославских храмов (табл. 1). Из остальных 10 зданий, хотя и оказались поврежденные, но они не представляли опасности для людей. Почти все опасные числились и находились под наблюдением ярославской реставрационной комиссии как являвшиеся ценными памятниками древнего народного творчества[6]. Храмы не были закрыты. В тех, что не

[1] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 37об.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 44об.; ГАЯО. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 3,9.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 18.
[6] Там же. Л. 20.

велись богослужения, регулярно проводили проветривания в целях сохранения их внутреннего убранства (фресок, резьбы, иконописей).

Таблица 1

Список обследованных ярославских церквей в 1922 г.[1]

Безопасные	Поврежденные, но безопасные	Опасные
1	2	3
Троицкая в Тверицах	Афанасьевский монастырь	Рождества Христова (Закрыта. В ведении губмузея)
Ильинская на площади	Варваринская	Николо Рубл город (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Николо-Надеинская	Златоустинская в Кремле	Спасо-Пробойная (ремонтируется)
Тихоновская	Михайло-Архангельская	Воскресенская (Закрыта. В ведении губмузея)
Петропавловская теплая	Чудотворц. Спасский монастырь	Петропавловская (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Благовещенская	Семеновская холодная	Успенский Собор (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Преображенский собор	Богоявленская	Пятницы Калачной. Холодная Колокольня (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Семеновская теплая	Рождества Богородицы	Спас-Нагородская. Холодная (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Воздвиженская	Св. Духа холодная	Рождества Богородице Холодная (Сделаны подпоры. В ведении Реставрационной комиссии)
Св. Духа теплая	Никитская холодная	Печерская Спасского Монастыря (Закрыта)
Кузьмы-Демянская	Всехсвятская холодная	Никитская колокольня (В ведении Реставрационной комиссии)
Дмитрия Солунского		Вознесения. Холодная Колокольня (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Петро-Митрополитская		Николо-мокринская (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Богословская		Власьевская холодная (закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Никитская теплвя		Покровская (Закрыта. В ведении Реставрационной комиссии)
Воздвиженская		
Власьевская теплая		
Александровская при больнице		

[1] Составлена по материалам: ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

Окончание таблицы 1

1	2	3
Леонтьевское кладбище		
Андроновская пустынь		
Владимирская		
Пятнице-Всполье		
Римско-Католический костел		
Сретенская		
Богословская		
Всех-Святая теплая		
Николо-Тропинская		
Церковь Николаевского приюта		
Пятнице-Туговская		
Златоустинская в Коровниках		
Ильинская на ветке		
Федоровская		
Предчистенская		
Петропавловская при фке		
Донская		
Успенская Единоверская		
Николо-меленки		
Фабричная		

Результатом составления данного списка явилось заявление П.Д. Барановского на заседании ЦГРМ 5 марта 1922 года «о катастрофическом состоянии восстановительных работ в Ярославле, вследствие полного отсутствия средств и расхищения заготовленных строительных материалов»[1]. Различные организации приспосабливали неотремонтированные памятники архитектуры под хозяйственные нужды. Если памятник попадал в надежные руки (как это было, например, с Успенскими собором г. Ярославля, который был передан яргубисполкомом местным реставрационным мастерским), то он оставался цел, невредим и отреставрирован[2]. Сложнее было со зданием гостиного двора XVIII в., Богоро-

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 12об.
[2] Там же. Д. 8. Л. 215.

дицкой башней Спасо-Преображенского монастыря, которые очень сильно пострадали. Монастырские кельи использовались под концлагерь польских военнопленных[1], что затрудняло восстановление памятников, размещенных на данной территории[2].

У прихожан также отсутствовали средства на проведение ремонта. Исключение составил ремонт церкви Святых ярославских князей и корпус архиерейских палат XVII в., профинансированный в 1922 году ярославским митрополитом Агафангелом[3]. Пример получился заразительным, поэтому вслед за митрополитом на частные средства были отремонтированы церкви Спаса на Городу, Спаса Обыденного, Пятницкая, Рождества Богородицы, Никиты Мученика, на средства губисполкома — церковь Николы Мокрого и многие другие[4]. Но главные причины происходивших перемен следует, скорее всего, искать в другом. А именно в том, что существенно изменился заказчик (им стало государство), поэтому и общественное мнение в отношении памятников стало меняться в рамках существовавших идеологических условий.

Сложившееся положение создало предпосылки для издания в апреле 1923 года декрета Совнаркома «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей»[5]. Разрешалось вводить входную плату в музеи, извлекать доходы от продажи изданий и права на издания, а также получать прибыль от эксплуатации земель, строений и других имуществ, не имевших «историко-художественного значения, но связанных с музеями, дворцами, монастырями, парками, заповедниками и проч., состоящими в ведении музейного отдела»[6]. Специальная комиссия при Наркомпросе была сформирована для составления перечня участков и строений, переходящих к Главмузею и его учре-

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 455. Л. 10.
[2] Там же. Л. 5.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 16об.
[4] Там же. Л. 56.
[5] СУ РСФСР. 1923. № 37. Ст. 386.
[6] Там же. Ст. 386; 711.

ждениям на местах. В 1924 году в протоколах сделана следующая запись: «архиерейские палаты Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле сдать в аренду с условием произвести ремонт. На реставрацию средств нет»[1]. Тем самым финансирование наиболее важных архитектурных объектов перекладываются в полном объеме на местные бюджеты[2], что приводило к сокращению до минимума списка памятников, подлежавших содержанию за государственный счет[3]. Данное замечание было связано с начавшейся кампанией по ликвидации церквей, сокращая круг музеефицируемых объектов[4].

Предопределенная государством возможность использовать финансы от аренды ярославских владений простимулировала передачу в распоряжение губмузея более 40 памятников архитектуры[5]. А получаемые за счет их использования деньги были выделены на памятниковосстановительные работы том числе, Спасо-Преображенского, Афанасьевского и Толгского монастырей; соборного дома XVII в.; дома Иванова XVII в.; корпусов присутственных мест XIX в.; дома духовной консистории у американского моста и Ротонды[6].

Аналогичные вопросы, связанные с финансовыми проблемами восстановительных работ, рассматривались и на прошедшем в Твери I-ом губернском съезде в июле 1921 года. В ходе дискуссии было отмечено, что необходимо увеличивать ассигнования на работы с помощью кредитов губмузею, подготовку кадров на местах[7].

С 1924 года к процессу реставрации памятников на местах были подключены специалисты сформированных под руководством И.Э. Грабаря Центральных реставрационных мастерских (ЦГРМ) Главнауки.

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 25. Л. 123.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 217.
[3] Там же. Д. 437. Л. 14об.
[4] Там же. Л. 20об.
[5] Архив ОАО «Ярреставрация». Памятная записка И. И. Князева. Работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры и живописи в Ярославле за период с 1919 по 1930 годы. С. 4.
[6] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 454. Л. 5.
[7] ГАТО. Ф.Р.-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 189; ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Л. 244.

Мастерские стали методическим центром отечественной реставрации с высоким научным уровнем, привлекая талантливых художников-реставраторов — П.П. Муратова, Н.Д. Протасова, Г.И. Чирикова, Н.М. Щекотова, Н.А. Мацулевича, А.И. Анисимова, Ю.А. Олсуфьева[1], а также молодых специалистов — И.П. Засыпкина, П.Д. Барановского, Н.Н. Померанцева. Филиалы ЦГРМ были организованы и в Ярославле[2].

Результаты исследовательской деятельности фиксировались на страницах сборников статей[3]. Однако с первых же дней работы мастерских отчетливо проявилась нереальность столь грандиозных планов. В частности, связи с отсутствием денежных средств мастерские ограничились ремонтом и реставрацией уникальных памятников архитектуры — Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, нескольких памятников в Ярославле и Угличе[4].

По документам 1923—1924 гг. прослеживается конфликт между государственными органами власти, проводившими охранные мероприятия и местными органами власти, основанный на разграничении как финансовых, так и административных полномочий органов. И, хотя с 1918 года при содействии Наркомпроса данная проблема была в основном разрешена[5], в последующее десятилетие каждая организация, занимаясь ремонтами, письменно отстаивала право на восстановление тех или иных объектов.

Так, Управление работами по восстановлению города под началом Я.Д. Тартаковского просуществовало до 1921 года. За это время не только восстановило многие памятники архитектуры XIX в., но и соста-

---

[1] См. : Перцев, Н. В. О восстановлении памятников древнерусской живописи / Н. В. Перцев // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 154.

[2] Забицкая, О. Л. Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников / О. Л. Забицкая // История и теория реставрации памятников архитектуры. М., 1986. С. 56.

[3] Вопросы реставрации. Сб. 1-2. М., 1926—1928.

[4] ЦГАЛИ. Ф.-29. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[5] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 109.

вило первый генеральный план развития Ярославля на ближайшие 30 лет[1]. Данное управление входило в систему Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и отвечало за ремонт и восстановление гражданских объектов в городе[2]. Памятники церковной архитектуры к его ведению не относились. Управлению была выдана смета в 300 тыс. руб., что позволило сразу же начать ремонтные работы в городе. Частично или полностью сотрудниками Управления были отремонтированы такие объекты, как гостиницы «Царьград», «Столбы», «Славянская», «Берлин», «Европа», гостиница Кокуева, здания Антиповской и Екатерининской гимназий, штаба Северного фронта, коммерческого училища и другие[3]. Через некоторое время Я.Д. Тартаковский с удивлением обнаружил, что в городе ведутся восстановительные работы помимо его Управления. Памятники старины реставрировались и консервировались специалистами Наркомпроса, в частности, П.Д. Барановским. По мнению инженера Управления, такое распыление сил между ведомствами было совершенно недопустимо, о чем и был составлен рапорт[4]. Назревавший конфликт разрешила Н.И. Седова-Троцкая, которая доказала, что комиссия была создана давно, раньше других организаций реставраторов (5 августа 1918 года), осуществляя мероприятия на государственные средства[5].

Ярославская реставрационная комиссия, возглавляемая П.Д. Барановским при поддержке руководства из столицы до середины 1920-х гг., восстановила более десятка уникальных памятников древнерусской храмовой архитектуры, воссоздала их первозданный облик, подтвердив действенность основ научной реставрации. Ценой огромных усилий центральных и местных организаций, силами организованных специа-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 109.
[2] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 86. Л. 39.
[3] Рязанцев, Н. П. Общество и власть в деле охраны памятников: по материалам Ярославской губернии. 1918—1943 / Н. П. Рязанцев // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб., 1996. С. 214—216.
[4] ОПИ ГИМ. Ф.-54. Оп. 1. Д. 397. Л. 73, 73об, 150.
[5] Там же. Л. 75, 75об.

листов Ярославлю был возвращен статус города-памятника, достопримечательности которого предполагалось сохранить в веках.

Все эти мероприятия подтверждают тот факт, что для реставрации памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области была характерна целостность, которая в значительной степени обеспечивалась механизмами наследования, и, прежде всего, памятью, способствовавшими складыванию в сознании человека образа культурного наследия региона, обладавшего всеми атрибутами целостности.

Провинция была ориентирована на сохранение народных, почвенных традиций, демонстрируя замкнутость культурной жизни, ограниченность перемен, устойчивость и преемственность норм, символов, стилей, обычаев, иногда иной цивилизационный выбор, отличный от центра[1]. В наследии это отразилось на формировании уникальной культуры городов Центрально-промышленной области, богатом церковном наследии губерний. Архитектурно-градостроительное наследие уездных дореволюционных центров — Владимира, Костромы, Твери и Ярославля — являлись образцами провинциального культурного наследия.

Традиционными для сохранения памятников искусства и старины на территории рассматриваемого региона являлось превалирование государственных форм сохранения наследия, дополняемых в исследуемый период истории широкой местной административной и общественной поддержкой.

Всероссийская реставрационная комиссия при Наркомпросе стала основным идеологическим центром в деле сохранения культурных ценностей. В 1924 году организация была преобразована в Центральные государственные реставрационные мастерские, специалисты которых сосредоточили в своих руках всю работу в стране. Дополнительные полномо-

[1] Галкова, О. В. Традиции и инновации в сохранении российского культурного наследия / О. В. Галкова, А. В. Петров // Режим доступа: http://www.online-science.ru/m/products/cultyrology/gid128/pg0/

чия были получены также после закрытия реставрационной мастерской при Русском музее в 1925 году. Реорганизация ЦГРМ повлияла на активизацию работ по спасению от разрушения и сохранению историко-культурного наследия на местах.

В 1921 и 1923 гг. во все губернии страны был разослан анкетный лист[1]. В первом экземпляре требовалось указать название памятника зодчества, прислать его фотографию, адрес, имя владельца, даты и документы последнего обследования, а также все архитектурные особенности (размещение и план, материалы постройки, покрытие, число ярусов, комнат, пр.) с целью установления исторической ценности и состояния памятника[2]. Анкета 1923 года направлялась Наркомпросом в отделы по охране памятников губерний с целью опроса, какие еще монастыри и церкви губернии подлежат охране как художественно-исторические памятники (с кратким описанием, указанием отдельных зданий, времени их постройки, художественных ценностей в них находившихся)[3].

Губернский подотдел искусств во Владимире, отвечая на вопросы анкеты, сделал очередной запрос о выделении средств, в котором сообщалось: «Древний Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском стоит с провалившейся в некоторых местах кровлей и побитыми стеклами... от непогод и сырости портятся деревянные знаменитые барельефы собора. Древний Покровский собор в Александрове дал трещину... Между тем... в настоящем году на губернский подотдел до сих пор не отпущено ни единой копейки. Остался один выход — прекратить всякую творческую и организаторскую работу и ограничиться канцелярской перепиской»[4].

Результаты совместной работы сотрудников реставрационной комиссии и владимирского губмузея обсуждались на заседании 30 июля

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Л. 244; Д. 141. Л. 33.
[2] Там же. Д. 141. Л. 33.
[3] Там же. Д. 164. Л. 27.
[4] Там же. Д. 141. Л. 56.

1921 года. На нем отмечалось, что силами квалифицированных мастеров был произведен ремонт кровли церкви Покрова на Нерли в полутора километрах от Боголюбова, обследована церковь Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекше Суздальского уезда. Затем Комиссией был составлен дальнейший план неотложных работ[1]. Ввиду отсутствия средств на ремонт специалистами проводилась опись состояния церквей на территории губернии — Успенского собора, Золотых ворот во Владимире, палат Андрея Боголюбского в Боголюбове и других[2].

Контроль как административный, так и финансовый за деятельностью местных властей осуществлялся Главнаукой. В 1922 году на ремонт древних зданий города владимирским губмузеем предполагалось выделить 166 тыс. руб.[3]. (для сравнения, заработная плата рабочих составляла от 60 копеек у чернорабочих до 2 рублей 50 копеек у квалифицированных рабочих в день. Средний же заработок рабочего достигал 30 рублей в месяц по золотому курсу). Однако, как показывает содержание архивных документов, сотрудники владимирского губмузея регулярно посылают запросы в Отдел по делам музеев Главнауки НКП об удовлетворении представляемых смет на ремонт памятников мирового значения. Отмечалось, что дальнейшее промедление с ремонтом угрожало сохранности обследованных архитектурных памятников.

Средств местного бюджета не хватало, чтобы справиться с ремонтом такого количества исторических зданий. Владимирский губмузей составил сметы на ремонт Дмитриевского собора во Владимире в сумме 192 руб. 40 коп., Успенского собора — 324 руб. 50 коп., церкви в с. Кидекше — 462 руб. 10 коп.[4]; на устройство подвижных лесов для работ и осмотров внутри соборов в сумме 346 руб. 71 коп. Всего — на сумму

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 20об.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 23.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

1343 руб. 73 коп. золотом (в дензнаках 1923 г. 60 465 руб.)[1]. Как видим, заявленной суммы в 166 тыс. рублей было явно недостаточно для поддержки всего фонда древнерусских памятников. Сотрудники Главнауки предлагали владимирскому губмузею изыскивать средства на ремонт самостоятельно, что в условиях галопирующей инфляции было крайне затруднительно[2].

Состояние многих памятников архитектуры было таково, что требовало немедленного вмешательства реставраторов. «Никаких домыслов, — отмечал И.Э. Грабарь о методах ремонтно-восстановительных работ первых лет революции, — дополнений по чутью, по догадке, словом, никакой любительской отсебятины, а лишь раскрытие памятника от наслоений, да и то лишь таких наслоений, которые не имеют самодовлеющей историко-археологической ценности»[3]. Тем самым, в исследуемый период времени складывается реставрационная методика (так называемый метод «фрагментаризации»), не допускавшая индивидуальных подходов восстановительной реконструкции[4]. Используемые приемы научной реставрации формировались в условиях научных дискуссий реставрационных школ. Петроградские специалисты, согласно отчетам, требовали послойных систематических и планомерных раскопок, а московские исследователи, по мнению конкурентов, с научными требованиями подчас не считались, поддаваясь любопытству и увлечению, кладоискательству[5].

Сложившиеся финансовые и организационные обстоятельства привели к необходимости обсуждения на заседании губмузея вопросов по изменению функционального использования церквей во Владимире. В 1923 году было решено закрыть для посещения верующими все церк-

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 94.
[3] См. : Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве / И. Э. Грабарь. М., 1966. С. 299.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 2. Д. 39. Л. 21.
[5] ОР ГТГ. Ф.-106. Оп. 1. Д. 1709. Л. 1 об.

ви музейного значения[1]. Несколько храмов Переславля-Залесского были намечены к разбору[2]. Наиболее ценные в историческом отношении памятники архитектуры Горицкий, Никитский и Данилов монастыри передавались в ведение музейного отдела во избежание их утраты [3]. Муромский Троицкий монастырь, Успенский монастырь в Александрове, Свято-Троицкий Данилов монастырь в Переславль-Залесском были национализированы в 1923 году[4].

Ситуация осложнялась тем, что с 1921 года начали закрываться приходы и монастыри[5]. Первопричиной являлись трудности, связанные с правовым закреплением за общиной храмовых комплексов. Общинам вменялась уплата налогов, организация трудовой сельскохозяйственной деятельности. Второй особенностью являлась постоянно увеличивающаяся арендная плата за пользование церковными сооружениями[6]. Кроме того, на территориях экспроприированных монастырей создавались так называемые трудовые коммуны и артели[7]. Священнослужители подвергались репрессиям со стороны новой власти. Борьба за использование средств от полученных в государственную собственность храмовых сооружений продолжилась теперь между губмузеем, коммунотделом и земельными организациями[8].

***

Следует сделать вывод, что важным направлением в работе центральных органов власти при поддержке местных специалистов в губерниях Центрально-промышленной области в 1920-х гг. являлась реставрация древнерусских памятников. Интерес к губернским памятникам

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 250. Л. 232; ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 3. Д. 3. Л. 429.
[2] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 3. Д. 164. Л. 216.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 1—1об.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 182. Л. 47.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 6. Д. 35. Л. 1.
[7] Федосова, Ю. В. Закрытие церквей в провинциальных городах Владимирской губернии в 20-х гг. XX в./ Ю. В. Федосова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. Серия исторические науки (Волжский рубеж). Т. 12. 2006. № 9. С. 28.
[8] Там же. Л. 102.

ЦПО возник у историков и искусствоведов давно, поскольку данные регионы славились уникальными постройками, древнейшими художественными традициями. В ходе первых послереволюционных лет многие памятники в городах подверглись полному разрушению, некоторым требовались неотложные спасательные работы.

Деятельность по сохранению культурных ценностей на территории рассматриваемых губерний велась под контролем Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины с 1918 года, Центральными государственными реставрационными мастерскими с 1924 года, а уже затем местных органов власти, а именно отделов народного образования, жилищно-коммунальных отделов, церковных организаций. Пересекавшиеся в своих интересах, они осуществляли согласованные действия.

И если первоначально специалисты были заняты тем, что составляли акты осмотра памятников, сметы на ремонт[1], то затем вышеуказанные комиссии осуществляли посильные исследовательско-восстановительные работы. Отмечалось, что древнейшие памятники прошлого дошли в ветхом состоянии и сильно искаженном виде, уцелевшие фрагменты, древние образы были покрыты позднейшими записями, сделанными сообразно вкусам той или иной эпохи[2]. Основная часть собранного и отреставрированного материала составляла базу складывавшихся музейных коллекций. Большую часть экспонатов составляли церковные ценности.

С 1918 года сотрудниками отделов Наркомпроса была проведена работа по предварительной проверке исторически ценных церквей, монастырей и находившихся в них икон и фресок. Активные работы развернулись в двух губерниях — Ярославской и Владимирской. Специаль-

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 20—20 об.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 41.

ному обследованию по сводкам Наркомпроса в 1920-х гг. в губерниях Центрально-промышленной области подлежали памятники Ростова, Углича, Суздаля, Мурома, Гороховца, Твери, Кашина, Торжка.

План инспекционного обследования губерний был частично воплощен в жизнь. Наибольший объем реставрационных работ охватил Ярославль. В городе активно восстанавливались памятники искусства и старины, пострадавшие в условиях гражданской войны. Кроме того, близость расположения к столице давала возможность ведущим специалистам регулярно проводить реставрационные мероприятия. Велика была поддержка местных специалистов, оказывавших реставрационным мероприятиям каждодневную помощь.

Во Владимирской губернии, славившейся своими церковными и монастырскими сооружениями, была отреставрирована храмовая архитектура. К деятельности по сохранению церквей и монастырей были подключены верующие, с которыми заключались договоры о сохранении и ремонте исторических памятников.

Бесхозяйственные движимые ценности, памятники культуры, а также ценности, которым угрожала опасность исчезновения или порчи на местах, подлежали национализации, реквизиции. Выявление такого рода памятников проводилось путем анкетирования. Анкетирование проходило достаточно долго по времени и по районам, что давало предварительную сводку о церковных ценностях, которые необходимо было срочно отреставрировать. Тем самым, с помощью тотальной инвентаризации государственные органы получили целостную картину состава требовавших реставрации музейных ценностей на местах.

В губерниях успевали следить и оперативно реагировать на новации центральных органов власти, поскольку мероприятия были подконтрольны специалистам из столицы. Кроме того, местные специалисты, осознавая

степень ответственности, возложенной на них государством, проводили все реставрационные действия оперативно и тщательно.

Политика, реализованная в губерниях Центрально-промышленной области в области сбережения культурных ценностей с середины 1920-х гг., на время снизила темпы развития дела сохранения памятников. Наряду с идеологическими причинами усугубились экономические проблемы, препятствовавшие развитию реставрационной деятельности. Уменьшается финансирование практических и научно-исследовательских работ в реставрационных организациях и учреждениях по сохранению памятников, сокращаются без того небольшие кадры специалистов.

Основное значение рассматриваемого периода заключается в том, что в 1920-х гг. была создана система восстановительных работ в губерниях Центрально-промышленной области, были собраны известные специалисты, выработаны новые принципы учета и методы реставрационных работ, используемые на современном этапе.

3.3. Поддержка губернскими комиссиями процесса музеефикации религиозных ценностей

Ни одна проблема при ближайшем рассмотрении, вероятно, не высвечивает столь объемно своеобразие становления и развития сохранения памятников искусства и старины губерний Центрально-промышленной области как изъятие церковных ценностей в 1922 году. К изучению ее культурологи и историки обращаются не впервые. В центре их анализа чаще всего оказывались такие ключевые вопросы, как голод, раскол в рядах Русской Православной церкви, особенности использования собранных ценностей для благого дела и сопротивление верующих. Данные вопросы изъятия церковных ценностей с проблемой музеефикации в 1920-х гг. не свя-

зывались. Понятие «музеефикация» впервые было употреблено в 1920-х гг. в трудах Ф.И. Шмита, но утвердилось в профессиональном языке музейных специалистов после организации в СССР первых музеев-заповедников, т.е. с конца 1950-х гг.

В широком смысле музеефикация предполагает помещение в музей или превращение в разновидность музея ключевого момента человеческой деятельности или природного объекта[1]. По мнению З. Странского, в ходе экстрагирования предмета из средового окружения и перемещения в предметный ряд музея статус объекта меняется — он становится материальным (или нематериальным) свидетельством жизни и деятельности человека, источником для изучения и экспонирования, приобретая тем самым новую культурную смысловую реальность[2].

Процесс изъятия церковных ценностей и связанный с ним механизм сохранения церковных памятников продолжались на протяжении всего периода 1920-х гг. Это был период массовой музеефикации, связанный с утратой огромного числа памятников своих изначальных функций и угрозой гибели, нависшей над целыми пластами провинциальной культуры.

Кульминационным моментом стал 1922 год, нормативно-правовой базой которого явился декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих»[3]. Положения данного документа были направлены на борьбу с жесточайшим голодом в стране, унесшим миллионы человеческих жизней. Одновременно данная кампания была использована государством для окончательной ликвидации церковной собственности[4]. В месячный срок со дня опубликования доку-

---

[1] Новицкая, А. В. Музеефикация историко-культурных ценностей Республики Беларусь в системе международной политики в области охраны культурногj наследия / А. В. Новицкая // Режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/izdania/tif/8/Novickaya_AB.pdf (дата обращения 01.04.2015).

[2] Ключевые понятия музеологии / сост. A. Desvallees, F. Mairesse; пер. А. В. Урядникова // The International Council of Museums 2010—2012. Режим доступа: http://icom.museum/professional-standards/key-concepts-of-museology/ (дата обращения 01.04.2015).

[3] СУ РСФСР. 1922. № 19. Ст. 217.

[4] ГАРФ. Ф.Р.-1065. Оп. 1. Д. 16. Л. 42—42об.

мента местным Советам было предписано изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней и передать их в фонд Центральной комиссии помощи голодающим[1].

Изъятию предшествовало создание Всероссийского комитета помощи голодающим под председательством патриарха Тихона. Комитет сумел организовать эффективную международную помощь для борьбы с последствиями голода в Поволжье. Однако уже 27 августа 1921 года комитет был распущен ВЦИК. Под его руководством была образована Центральная комиссия помощи голодающим. Советское руководство тем самым решало свои политические задачи, одновременно расправляясь с РПЦ и вплотную переходя к активным мерам по насильственному изъятию у церкви ценных предметов культа[2].

Представители Главнауки и лично И.Э. Грабарь добивались своего участия в Комиссии Помгола[3]. Не возникает сомнений, что интересы Музейного отдела в кампании сталкивались с интересами представителей Комиссии помощи голодающим, ориентированной на продажу ценностей. Музейный отдел старался сохранить ценности, что далеко не всегда удавалось сделать. В назначении цены комиссия Главнауки руководствовалась продажами аналогичных предметов на мировом рынке. Вместе с тем Наркомторг ускорял кампанию по вывозу ценностей, вплоть до спешного вывоза предметов без предварительной оценки. Комиссия Главнауки, напротив, выступала за экспертизу собраний. С января по август 1922 года Комиссия по контролю над вывозом реализовала 8193 памятника культурно-исторического назначения на сумму 1 100 998 рублей[4].

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 182. Л. 102.
[2] Русская Православная Церковь в новейший период: 1917—1999 // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 45.
[3] Грабарь, И. Э. Моя жизнь. Автобиография / И. Э. Грабарь. М.;Л., 1937. С. 278.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 48.

Важно уточнить причины изъятия церковных памятников. Советская власть испытывала большие финансовые трудности и искала выход из создавшегося положения путем пополнения бюджета преимущественно валютой за счет вывоза и продажи за границей церковного имущества. Голод в Поволжье являлся возможностью пополнить казану за счет реализации изъятых церковных ценностей.

Ставилась задача раскола среди духовенства, переподчинения Церкви, которая первоначально восприняла изъятие как военное наступление[1]. Л.Д. Троцкий считал, что «если в Москве кампания по изъятию церковных ценностей пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой»[2].

Согласно данным документов, местным Советам приказывалось в месячный срок со дня опубликования постановления «изъять из церковных имуществ... все драгоценные предметы из золота, серебра и камней... и передать в органы Народного Комиссариата финансов... в фонд центральной комиссии помощи голодающих»[3]. Для этой цели в каждой губернии была образована комиссия по изъятию церковных ценностей (КИПЦ)[4]. К производству работ в уездах комиссии привлекли местные исполкомы как подкомиссии. Губернские комиссии и уездные подкомиссии не создавали особого аппарата, а пользовались аппаратом соответствующего исполкома[5].

Руководство Русской Православной церкви приняло активные меры для устранения голода как всероссийского бедствия[6]. В августе 1921 года патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помо-

---

[1] Раскол в церкви // Призыв. 1922. № 70 (13 июня). С. 1; Pospielovsky, D. The Renovationist Movement in the Orthodox Church in the Light of Archival Documents / D. Pospielovsky // Journal of Church and State. 1997. № 1. P. 9.

[2] Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917—1941 гг. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 82.

[3] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

[4] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 1.

[5] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 7.

[6] Церковь в помощь голодающим (Воззвание еп. Костромского Серафима) // Красный мир. 1922. 23 февраля.

щи голодающим и обратился с воззванием «К народам мира и православному человеку», в котором просил о помощи стране «кормившей многих и ныне умирающей с голоду»[1]. Комитет был ликвидирован Советом народных комиссаров. В этой связи историк М.Г. Николаев отмечает: «Значение ВКПГ в жизни страны уже современниками измерялось отнюдь не только его вкладом в дело непосредственной борьбы с голодом. Как в России, так и за ее пределами с его возникновением связывали «новый курс» Советского государства, рассчитанный на сближение с широкими кругами общественных сил некоммунистической ориентации»[2].

Все вышеперечисленные мероприятия отразились, в частности, на деятельности губернских комиссий помощи голодающим. Так, изъятие церковных ценностей во Владимирской губернии началось с 17 марта 1922 года на основании инструкции, утвержденной Политбюро ЦК РКП(б). Предгубисполкомам предписывалось контролировать соблюдение инструкции в уездах. Сведения по изъятому имуществу представлял губернский финансовый отдел. Если верующие желали оставить в неприкосновенности богослужебные предметы, им предлагали заменить эти предметы соответствующим денежным или материальным эквивалентом.

В документах представителей органов советской власти на местах находим факты, подтверждающие административное давление на приходы губернских епархий задолго до рассматриваемых событий. Так, 23 января 1918 года Владимирский губернский исполнительный комитет (владгубисполком) получил постановление за подписью члена петроградского военно-революционного комитета (ВРК) и руководителя

[1] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России 1917—1945 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 251—252.
[2] Николаев, М. Г. Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н.Н. Кутлера - одного из творцов денежной реформы 1922—1924 гг. / М. Г. Николаев. М., 1999. С. 70.

бюро комиссаров ВРК М.И. Лациса о необходимости принять все имущество церкви «под строжайший контроль»[1].

Согласно проводимой политике в начале 1920-х гг., местное руководство принимает ряд постановлений относительно закрытия храмов и монастырей в уездных городах Владимирской губернии с целью использования церковных помещений для культурно-просветительских и политических целей. Прихожане должны были заключать соглашения с местной властью на право использования в богослужебных целях храмов и церковного имущества. С целью уберечь монастыри и храмы от грабежа и упадка верующие юридически закрепляют за собой приходы по всей губернии. По данным исследователей, в 1923—1924 гг. было зафиксировано 626 религиозных общества разных конфессий во всех городах России[2].

При изъятии церковных ценностей возникали конфликтные ситуации, священнослужители и верующие противостояли представителям губкомиссий[3]. Во владимирских храмах распространялись «провокационные» слухи о том, что церковные ценности изымаются для того, чтобы обеспечить правительству бегство из России[4]. В то же время выдвигались версии, что изымались церковные ценности не для голодающих, а для утверждения политики советской власти. В документах находим список ярославских церквей, в которых была замечена агитация против изъятия церковных раритетов[5]. На проповедях были слышны такие призывы как «Постоим за веру православную»[6].

Некоторые слухи имели под собой реальную почву. В письме В.И.Ленина от 19 марта 1922 года подчеркивалось, что церковное золото

---

[1] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 101. Л. 55.
[2] Федосова, Ю. В. Кризис религиозного мировоззрения в 1920-х гг. / Ю. В. Федосова // Культурно-духовные традиции — основа русской державности. М., 2007. С. 44.
[3] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 3. Д. 3. Л. 450.
[4] Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. М., 1998. С. 290.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 10,12.
[6] Там же. Л. 1.

необходимо консолидировать для того, чтобы укрепить позицию страны на Генуэзской конференции, на которой ставился вопрос о долгах России[1]. Существует и иная трактовка данного документа. Возможно, В.И.Ленин послал письмо членам Политбюро ЦК РКП(б) с требованием решительно провести в жизнь Декрет ВЦИК 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей» в целях получения средств для борьбы с голодом, подавив сопротивление духовенства[2].

Действительно, в Ярославской губернии ставилась задача подавить возможное сопротивление духовенства и изъять в сжатые сроки все ценности, кроме необходимых при богослужении. Для успешного выполнения этой задачи были созданы две структуры одновременно. «Явная», оформленная в форме губернской комиссии по изъятию ценностей и «секретная» при губкоме[3]. Последняя имела широкие полномочия — от подбора необходимых кадров до общего руководства и контроля над изъятием церковных ценностей. Именно ими на основании инструкции из центра было составлено жесткое указание о правилах «работы», где запрещались любые компромиссы, особенно при сопротивлении духовенства[4].

В храм или монастырь приходили члены городской подкомиссии, имея при себе письменное предписание на изъятие церковных ценностей, выданное губкомиссией[5]. В присутствии представителей общины и служителей церкви изымались ценности. Согласно описи инвентарных книг церкви, составленных общинами еще в 1918 году[6], имущество означенного храма опечатывалось. Затем составлялся протокол, заве-

---

[1] Архивы Кремля. Указ. соч. С. 292.
[2] Ленин, В. И. Письмо Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) / В. И. Ленин // Режим доступа: http://leninism.su/works/99-v-i-lenin-neizvestnye-dokumenty-1891-1922/3671-pismo-molotovu-dlya-chlenov-politbyuro-czk-rkpb.html
[3] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 46. Л. 24; Д. 396. Л. 4.
[4] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 667. Л. 176.
[5] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 22. Л. 72.
[6] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 6; ГАКО. Ф.Р. 371. Оп. 1. Д. 383. Л. 27; ГАВО. Ф.-358. Оп. 3. Д. 138. Л. 223.

ренный печатью губисполкома. В губфинотдел сдавалась квитанция о количестве полученного[1].

Нигде и никогда точно не оговаривалось, сколько ценностей необходимо изъять, поскольку не была известна точная сумма церковных памятников искусства и старины той или иной губернии[2]. Требовалось лишь одно — собрать как можно больше. Согласно отчетам губкомиссий, были утверждены несколько очередей изъятия ценностей из церквей[3]. В первую очередь изъятию подвергались раритеты наиболее богатых храмов и монастырей[4].

Отчеты губкомиссий составлялись по результатам кампании по изъятию церковных ценностей[5]. Исследуя результаты деятельности Ярославской губкомиссии по изъятию церковных ценностей, отметим, что из 33 церквей и монастырей губернии были изъяты:, золота — 22 ф. 83 зол., более 1381 штук драгоценных камней, из них бриллиантов — 405 шт., алмазов — 218 шт., яхонтов — 460 шт., рубинов — 2, жемчужин — 128, жемчуга китайского — 8 ф. 74 зол., сапфиров — 4, сибирских топазов — 1, риза жемчужная — 1, два шитых жемчугом одеяния, бирюзовый венок, других драгоценных камней — 20, серебра — 144 п. 03 ф. 78 зол.[6]. Тихвинская церковь, расположенная в Тверицах отдала серебра 25 ф. 91 зол., драгоценных камней — бриллиантов (38 шт.), рубинов (2 шт.), розочек (85 шт.), венок бирюзовый — 1[7]. Из церкви Ильи Пророка была конфискована почти вся серебряная утварь, в том числе

[1] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 951. Л. 27.
[2] Там же. Л. 40.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 68.
[4] Левин, О. Ю. Изъятие церковных ценностей и «церковная революция» (1922-1923) / О. Ю. Левин, Р. Ю. Просветов // Режим доступа: http://www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=orthodox.10 (дата обращения 24.10.2014).
[5] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.
[6] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
[7] Там же.

большой и малый ковчеги, в которых хранились частицы ризы Иисуса Христа[1].

Изъятию ценностей во Владимирской губернии были подвергнуты 46 церквей и Успенский кафедральный собор. Общее количество изъятых предметов составило около 27 пудов[2] и имело колоссальную оценочную стоимость[3]. 5 марта 1922 года начальник милиции произвел опечатку Успенского собора во Владимире и поставил караул для охраны до распоряжения председателя ГИК. «Опечатка собора произошла по поводу утери и хищения злоумышленно ключей согласно заявлению члена комиссии по изъятию церковных древностей тов. Беспалова...»[4]. Из Успенского собора 23 марта 1922 года было изъято ценностей в объеме 1 фунт 13 золотников золота и 4 пуда 52.3/4 золотника серебра[5].

Изъятое церковное имущество делилось на несколько категорий. Драгоценные металлы сдавались в финорганы[6], историко-художественные ценности — в музей, обиходное имущество и прочий «инвентарь» — на распродажу[7]. Многое было «реализовано», то есть продано частным лицам[8], а вырученные деньги переданы в губОНО, в артель инвалидов, ковровый трест, горкоммунхоз и другие организации[9].

В комиссию по изъятию входил заведующий губмузеем А.И. Иванов, поэтому наиболее древние и художественные вещи были оставлены музею и таким образом сохранены. А.И. Иванов, обеспокоенный большими запасами церковных богатств в закрытых храмах, 25 июля 1922 года писал: «...При современном обнищании страны было бы разумно и

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 20. Л. 74.
[2] 1 пуд = 16,38 кг.
[3] Федосова, Ю. В. Закрытие церквей в провинциальных городах Владимирской губернии в 20-х гг. XX в. / Ю. В. Федосова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. Серия исторические науки (Волжский рубеж). Т. 12. 2006. № 9. С. 32.
[4] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 396. Л. 4.
[5] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 390. Л. 244.
[6] Там же. Л. 134.
[7] Там же. Д. 246. Л. 143—144.
[8] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 390. Л. 148.
[9] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 396. Л. 105.

целесообразно спасти это имущество и использовать на те или иные многочисленные государственные нужды. Самым лучшим и легким способом... был бы тот, чтобы церковная власть сама взяла на себя инициативу разумной ликвидации громадных залежей бархатных, парчовых, шелковых и других предметов и полученные... суммы передала Советской власти... В этом направлении можно было бы сделать соответствующее внушение церковным властям...»[1].

Княгинин монастырь во Владимире добровольно сделал многочисленные пожертвования. 25 февраля 1922 года в губернскую комиссию Помгол от игуменьи и сестер было перечислено 2 млн. рублей личных пожертвований[2]. Комиссия по изъятию собрала в монастыре дополнительно более 8 пудов 14 фунтов серебра[3]. В это же время здания монастыря передавались губмузею[4]. Монахини из монастыря были выселены[5].

События в Шуе занимают особое место в истории отношений советской власти и церкви 1922 года. Локальное сопротивление в уездном городе приобретало значение открытого антиправительственного выступления и первого кровопролития в ходе кампании по изъятию церковных ценностей.

Шуя была одним из административных и культурных центров, в котором сложился особый уклад, свойственный промысловым селам и появлявшимся на их базе городам, жители которых занимались торговлей, отличались высоким уровнем зажиточности и грамотности. Это был один из самых культурно развитых уездных городов Владимирской губернии, в котором до революции было 9 церквей, театр, гимназии, мужское духовное училище. Шуя соединяла в себе черты города с развитой

[1] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 246. Л. 148.
[2] Там же. Д. 390. Л. 182—183.
[3] Там же. Л. 184—184 об, 194.
[4] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 20. Л. 17.
[5] Там же. Л. 17об.

промышленностью и с прочными православными традициями, являясь центром паломничества. В Воскресенском Соборе города хранилась знаменитая чудотворная икона Шуйской Смоленской Богоматери, собиравшая богомольцев со всей России[1].

Одним из популярных священников города был П.М. Светозаров[2]. До революции он много занимался благотворительной деятельностью. После октябрьской революции был арестован за то, что вопреки отмене в школах преподавания Закона Божьего перенес уроки в собор. В разгар голода одним из первых поддержал идею частичного изъятия ценностей из церквей в пользу голодающих[3].

После издания декрета ВЦИК, по инициативе духовенства Иваново-Вознесенска было созвано объединенное собрание представителей приходских советов, на котором решено обсудить вопрос об изъятии ценностей на местах, предварительно проверив имущество по описям, после этого организовать общие приходские собрания. 2 марта 1922 года П.М. Светозаров созвал экстренное собрание приходского совета, который после ознакомления с декретом вынес решение обратиться в Уисполком о разрешении провести 12 марта 1922 года общее собрание верующих для избрания членов Комиссии[4].

Действия уездных властей, очевидно не расходившиеся с общей линией проведения кампании, пока не предполагали принятия особых мер. 3 марта 1922 года постановлением Шуйского уисполкома была создана уездная комиссия по изъятию церковных ценностей под председательством А.Н. Вицина[5]. Работу планировалось начать с пролетарских районов, где находились наиболее бедные церкви. В богатых же храмах предполагалось сначала проверить описи церковного имущества. Пред-

[1] Иванов, Ю. А. Местные власти и церковь в 1922—1941 гг. (по материалам архивов Ивановской области) / Ю. А. Иванов // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 92—93.
[2] ГАРФ. Ф.Р.-1005. Оп. 1. Д. 377. Л. 11.
[3] Баделин, В. Золото церкви / В. Баделин. Иваново, 1993. С. 163—164.
[4] ГАРФ. Ф.А.-1005. Оп. 1. Д. 376. Л. 22—23; Д. 377. Л.3—4.
[5] ГАРФ. Ф.А.-1235. Оп. 2. Д. 45. Л. 30.

седателем губотдела ГПУ Д.И. Шороховым делался оптимистичный прогноз положения в губернии, им недооценивалась грозившая опасность: «...через осведомление выяснено, что при проведении декрета изъятия ценностей особых волнений среди верующих не произойдет»[1]. Прогноз оказался ошибочным, и позднее вся губерния превратилась в военный лагерь.

Столкновения между уполномоченными властей и верующими 15 марта 1922 года в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии в связи с изъятием церковных ценностей закончились нападением толпы местных жителей на милицию и на взвод красноармейцев[2]. В тот же день восстали две фабрики. Срочно были вызваны части особого назначения (ЧОН)[3] и красноармейцы 146-го полка. Итог был следующим — пятеро убитых и пятнадцать раненых. Затем последовали массовые репрессии[4].

Шуйские события наложили отпечаток на ход всего последующего изъятия. К числу негативных последствий следует отнести:

- политический шантаж в отношении «реакционного духовенства», на которое возлагалась вся полнота ответственности в случае организации новых акций протеста и столкновений населения с властями;

- меры по ужесточению изъятия;

- привлечение частей Красной Армии, особенно ЧОН;

- организацию судебных процессов по делу организаторов и руководителей Шуйских событий, сопротивлений в Москве, Владимире, Костроме и др.;

- «расстрельные приговоры», вынесенные по результатам суда

---

[1] Кривова, Н. А. События в Шуе — поворот к наступлению на церковь / Н. А. Кривова // Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/text/409337.html (дата обращения 13.07.2011).
[2] Шифротелеграмма секретаря Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) И. И. Короткова в Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви. 19 марта 1922 г. // Режим доступа: http://kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63&topic=483848.0
[3] ГАРФ. Ф.А.-1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 693 об.
[4] ГАРФ. Ф.А.-1005. Оп. 1. Д. 377. Л. 103—104.

и следствия троим организаторам[1].

Все они использовались губернскими властями с весны 1922 г.

«Шуйский инцидент» в Ярославле не был повторен. В целом изъятие прошло спокойно, если, конечно, не считать волнений в Ростове (крестный ход, собранный митрополитом Ростовским Иосифом)[2], а также попыток создать «живые цепи» вокруг церквей в Рыбинске[3]. Кроме того при изъятии Старецкого монастыря Ярославской губернии толпа в 300 человек не допустила комиссию к работе[4]. Значительная часть населения с недоверием отнеслась к мероприятию, проводимому советской властью. В ЦК Помгол обратился председатель губернского комитета по изъятию ценностей К. Курзин. Он писал, что сотрудники губмузея, «используя полномочия по отбору музейных ценностей на глаз определяли степень древности и необходимость той или иной вещи для музея»[5]. Отмечал председатель губкома и попытки приглашенных ювелиров подменить серебряные вещи на железные, медные и деревянные с тем, чтобы оставить их в церкви[6].

Интересно мнение сотрудника губернского музея К.Х. Прилепского, являвшегося прихожанином одной из церквей, который считал, что Ярославль — это город-музей, поэтому надо оставлять в его хранилищах как можно больше ценных предметов[7]. Поведение духовенства было скрытым, наиболее ценные вещи священники прятали. Важным фактом является то, что изъятие в некоторых церквях происходило по праздничным дням, когда церковная утварь доставалась для богослужения.

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-1005. Оп. 1. Д. 377. Л. 4—5.
[2] Цит. по: Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. М., 1998. С. 302.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.
[6] Там же. Л. 1.
[7] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

В Костромской губернии согласно отчету губкома в ЦК Помгол об изъятии церковных ценностей по Костромской губернии от 20 мая 1922 года, в фонд государства были изъяты 1 пуд, 36 фунтов золота, а также 494 пуд, 13 фунтов серебра[1]. Затруднения по изъятию в отдаленных районах губернии были вызваны распутицей на дорогах[2]. В большинстве уездов (Макарьевском, Кологривском) изъятие церковных ценностей было встречено спокойно или просто молчаливо[3]. Возможно, это происходило, потому что с самого начала изъятие проводилось под контролем милиции и экспертов, командированных политуправлением[4]. Изъятие ценностей начали с Ипатьевского и Богоявленского монастырей и расположенных на их территории Успенского и Богоявленского соборов.

Чтобы судить степени контроля над проводимыми мероприятиями, отметим, что телеграмма, подписанная председателем ВЦИК М.И.Калининым, требовала соблюдения инструкции по изъятию ценностей, определив порядок установления художественной ценности той или иной вещи при согласовании с костромским губмузеем[5]. Предметы религиозного культа из более 800 костромских храмов и 16 монастырей[6] подлежали охране, изымались с осторожностью, упаковывались экспертами и передавались первоначально в местные музеи, а затем разделялись на категории по степени ценности для переправки в столицу[7].

Начав изъятие с богатых, благоприятно настроенных приходов костромских городов к советской власти, руководители мероприятий переходили к проверкам деревенских храмов, используя политические мотивы[8]. Замена церковных ценностей хлебом и другими продуктами не допускалась. Возмещение золотом и серебром изымаемому равного коли-

[1] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1229. Л. 6,17.
[2] Там же. Л. 11.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 1.
[5] Там же. Л. 42.
[6] Там же. Л. 142.
[7] Там же. Л. 13, 29.
[8] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 25.

чества была возможна в отдельных случаях с разрешения губкомиссии по изъятию церковных ценностей[1]. Оценка велась также с точки зрения ювелирного искусства и старины изделия.

Следует признать, что местные органы власти начали активную борьбу с религиозными учреждениями, в ведении которых находились памятники древнерусской иконописи. Местная власть и церковь стремились отстоять свое право на административное и духовное руководство массами[2]. Тем не менее, организованных антисоветских выступлений костромского духовенства в середине 1920-х гг. было немного[3]. Однако уже с этого времени началась практика суровых санкций государственных карательных органов против духовенства как «активных участников контрреволюционного движения», несогласных с церковной политикой советской власти[4]. Допросы, аресты усилились весной 1922 года в связи с сопротивлением костромских священников изъятию храмовых ценностей[5].

Работа в губернии прошла сравнительно спокойно, значительных эксцессов за редким исключением почти не было. Выступления против изъятия церковных памятников искусства и старины наблюдались в Солигаличском уезде, Буйском, Ковернинском, Словинском районах Макарьевского уезда, Одоевской волости Ветлужского уезда[6]. Священники, председатели общины и кулаки, замешанные в данных мероприятиях, были арестованы[7].

Председатель губмузея В.И. Смирнов выступил в защиту памятников религиозного искусства, изымаемых из Ипатьевского монастыря[8].

---

[1] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 25.
[2] Правда. 1918 г. № 6. 22 (9) января.
[3] ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-3656. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.
[4] ГАКО. Ф.Р.-2150. Оп. 5. Д. 1. Л. 6—7об.
[5] Шимон, И. Я. «… Плюс атеизация всей страны» (Государственно-церкковные отношения в 1920—1930-х гг.) / С. Я. Шимон. Дубна, 2002. С. 42.
[6] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 181.
[7] Там же. Л. 142, 178.
[8] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 21.

Проводимые мероприятия, по его мнению, шли вразрез с некоторыми пунктами «Инструкции по учету, хранению и передаче религиозного имущества, имеющего историческое, художественное и археологическое значение»[1], «Инструкции для представителей Музейного Отдела Главнауки»[2], «Инструкции о порядке изъятия церковных ценностей, находившихся в пользовании групп верующих»[3]. В них говорилось о недопустимости отделения частей соответствующей эпохи (венцов, окладов, остатков древней басмы и т.д.) от самих икон[4]. Те же претензии предъявлялись и к тому факту, что изъятие икон из иконостаса и других предметов, характеризовавших эпоху, не сохраняет целостность архитектурно-художественного памятника.

Приходские общины писали заявления в местный комитет по изъятию церковных ценностей с просьбой о том, чтобы в церквях оставляли необходимое количество предметов для богослужения, поскольку после изъятия их оставалось недостаточно[5]. В связи с проводимыми мероприятиями участились случаи грабежей, хищений из церквей[6].

Успешное завершение данной кампании можно частично объяснить большой исполнительской дисциплиной, которая в то время наблюдалась в партийных и советских органах[7]. В печати была развернута кампания по дискредитации духовенства и церкви[8], были арестованы активисты и зачинщики[9].

Весьма значительная часть собранных денег пошла на организацию самого сбора, включая агитационную работу. 6 апреля 1922 года Бюро Центральной КИЦЦ констатировало получение суммы в 10 млрд.

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 1. Д. 166. Л. 14-21.
[2] Там же. Л. 27.
[3] Известия ВЦИК. 1922. № 47 (28 февраля).
[4] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 21.
[5] Там же. Л. 27.
[6] Там же. Л. 50.
[7] Отчет Агитационного Отдела 1-го Горрайкома РКП о проведенной компании об изъятии церковных ценностей // ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 951. Л. 40.
[8] ЦДНИКО. Ф.П.-1. Оп. 9. Д. 921. Л. 48.
[9] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 1228. Л. 56.

руб. на изъятие ценностей, постановив перевести их из Гохрана в Финотдел ВЦИК[1]. Позднее Бюро несколько раз санкционировало отпуск денежных средств губернским КИЦЦ. Изученные нами документы приводят следующие факты. Тверская КИЦЦ получила финансовые вливания 20 апреля 1922 года, а властям Костромской губернии 4 мая 1922 года было добавлено дополнительно на цели изъятия еще 300 млн. руб.[2]. Одновременно с финансовой проводилась и идеологическая поддержка[3].

Таблица 2

Объемы изъятого в 1922 г. церковного имущества на территории Центрально-промышленной области[4]

Губерния	Золото	Серебро	Драгоценные камни
Ярославская	22 фунта 83 золотников	144 пуда 03 фунтов 78 золотников	1381 шт.
Костромская	24 фунта	16 пудов	14 131 шт.
Владимирская	Более 1 фунта	5 пудов	-
Тверская	7 фунтов	-	-

На местах организовывались уголки безбожников, проводились лекции для малограмотных о Библии и ее ненаучности, о строении Вселенной и земли посредством различных методов антирелигиозной пропаганды (диспутов, административного воздействия в клубах, уголках, избах-читальнях)[5].

[1] ГАРФ. Ф.А.-1235. Оп. 140. Д. 59. Л. 38.
[2] Там же. Л. 39об., 40, 41, 44.
[3] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 2515. Л. 78.
[4] Составлена по материалам: ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; Кривова, Н. А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н.А. Кривова. М., 1997; Описи изъятого церковного имущества // Информационное обеспечение баз данных по истории России XX в. (На материалах Тверского и Уральского регионов). Словарь-справочник. Тверь: ТГУ, 1998. Ч. 2. С.14—15.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.

В истории взаимоотношений Советского государства и Церкви проблема изъятия церковных ценностей в начале 1920-х гг. до сегодняшнего дня остается одной из самых больных и сложных. В результате спланированной кампании по изъятию церковных ценностей государственная власть добилась результата по нескольким направлениям. Прежде всего, были получены значительные средства не только для помощи голодающим (табл. 2), но и на другие государственные нужды — внешнеполитические, оборонные, на борьбу с религиозными институтами.

В условиях формирования антирелигиозной концепции священнослужителей представляли как противников помощи голодающим, тем самым пытались лишить их авторитета, которым они пользовались у верующих. Кроме этого, была удобная возможность расправиться с теми, кто сопротивлялся этим акциям — духовенством, активными прихожанами[1]. Наконец, власти заставляли верующих участвовать во вскрытии мощей, изъятии священных сосудов, снятии окладов с икон[2]. Требование прямого участия в надругательстве над святынями приводило к подавлению и разложению личности верующего и способствовало превращению его в наиболее активного разрушителя старого мира[3].

***

Кампания по изъятию церковных ценностей не могла благоприятствовать упрочению контактов между властью и представителями музейных отделов. Решение религиозного вопроса такими методами вызывало протест и непонимание у общественных и религиозных организаций. В ходе проводимых мероприятий в губерниях Центрально-

[1] Суд над церковниками (дело о сопротивлении изъятия церковных ценностей у священника Соколова Нольско-Березовской в Солигаличском уезде) // Красный мир. 1922. 24 августа.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-600. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
[3] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 3088. Л. 2.

промышленной области было уничтожено и навсегда утеряно большое количество ювелирных изделий и произведений, которые имели исключительное историческое и художественное значение. С другой стороны, проданные в 1922 году произведения религиозного искусства за рубеж, были сохранены для запасников зарубежной культуры.

Подводя общий итог проведенной кампании, следует признать, что согласно разработанной Л.Д. Троцким схеме, основным механизмом осуществления изъятия церковных ценностей в центре и в регионах должна была стать разветвлённая сеть «секретных руководящих комиссий» с параллельно существующими с целью их прикрытия «официальными комиссиями или столами при комитетах помощи голодающим для формальной приёмки ценностей с верующими и пр.». На основании данного проекта Л.Д. Троцкого, утверждённого на Политбюро, была создана своеобразная система осуществления антицерковной кампании, когда за ширмой официальных комиссий советской власти действовали реальные органы изъятия ценных памятников искусства и старины в виде особых комиссий, в которых участвовали наиболее доверенные лица РКП(б) и ГПУ.

Кампания по изъятию церковных ценностей в губерниях Центрально-промышленной области не оправдала себя ни экономически, ни политически, ни морально-психологически. Голодающее население получило лишь небольшую часть ожидаемого хлеба (по неполным данным в марте 1922 года всего за две недели ЦК Помгол сдал 2 с лишним фунта золотых и 22 фунта серебряных изделий, при этом на счет помощи голодающим Наркомфин выделил всего лишь 1856 руб. 64 коп. золотом[1]), были утрачены бесценные памятники культуры культового происхождения, экономически и политически разгромленная церковь в глазах наро-

[1] Васильева, О. Ю. Красные конкистадоры / О. Ю. Васильева, П. Н. Кнышевский. М., 1994. С. 173.

да приобрела ореол мученичества[1]. Все вышеперечисленные особенности проводимой политики и нарастающее общее недовольство действиями власти предопределили дальнейшую политику в отношении церкви и сохранения губернских памятников искусства и старины.

Положительным моментом музеефикации являлась реставрация некоторых церковных ценностей, что способствовало их сохранению для народа и церкви. В то же время, в ходе музеефицирования предметов старины иконы и священные сосуды, превращаясь в музейные объекты, теряли дух церковной жизни, ритуалов и целостность их восприятия.

3.4. Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры

Накануне событий 1917 года в губерниях Центрально-промышленной области существовало несколько сотен усадеб, одни из которых принадлежали известным дворянским фамилиям, другие же, сменив владельцев, перешли в руки купечества.

На первый план в государственной музейной политике в послеоктябрьский период были выдвинуты губернские музеи, созданные на основе музеефикации усадебных памятников-территорий. По мнению Н.Г. Судоргина, термин «музеефикация территорий» подразумевает создание образа территории и вовлечение в целенаправленную деятельность по повышению воспитательного и познавательного уровня всю совокупность объектов историко-культурного наследия, музеев и достопримечательных мест на больших территориях путем формирования разветвленной организации и создания благоприятных условий для развития туристско-

[1] Ломбак, В. Итоги кампании по изъятию церковных ценностей в Костромской губернии / В. Ломбак // Красный мир. 1922. 26 августа; Изъятие церковных ценностей // Красный мир. 1922. 28 июля; Пермезский, Н. Ценности Костромских храмов — голодающим / Н. Пермезский // Красный мир. 1922. 15 июня.

экскурсионного обслуживания[1]. Сохранение усадеб в 1920-х гг. производилось, главным образом, путем размещения на их территории новых музейных ансамблей.

Сложность формирования музейной экспозиции в меняющихся условиях диктовало необходимость изменения среды бытования усадеб и сохранения их в искусственной, «консервирующей» среде[2]. Оптимальной исторически выработанной формой такой среды являлось музейное пространство. Однако музейная среда обрела чрезвычайную гибкость, легко вбирала в себя, сохраняя и трансформируя в музейные объекты практически любые фрагменты послереволюционной действительности.

Следует заметить, что активная разработка усадебной тематики началась в начале 1990-х гг., выдвигая приоритетные проблемы для рассмотрения — историю значимых в художественно-историческом отношении дворянских имений, особенности организации в них музеев. Объектами исследования служат, как правило, сравнительно небольшой круг известных усадеб в Центрально-промышленной области. В значительной степени это объясняется узкой источниковой базой, введением в научный оборот отдельных комплексов источников по теме.

Источники дают сведения об элементах государственной политики в отношении музеев, касающихся усадебной земли. В начале 1920-х гг. в ходе организации музеев составлялись планы земельных владений с указанием точных границ. Свою землю музеи были вынуждены использовать для получения так называемых спецсредств, так как на скудные бюджетные средства музей полноценно существовать не мог. Так, например, во Владимирской губернии учет и конфискация помещичьих имений и усадеб согласно положению СНК «О земельных комитетах» от 25 декабря

[1] Судоргин, Н. Г. Предисловие / Н. Г. Судоргин // Музеефикация территорий как средство воспроизводства исторической памяти: материалы научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 19 сентября 2013 г.) / отв. редактор Н. Г. Судоргин. Ростов н/Д, 2013. С. 3.

[2] Каулен, М. Е. Музеефикация как одно из основных направлений музейной деятельности / М. Е. Каулен// Режим доступа: borodino.ru (дата обращения 20.09.2013).

1917 года[1] осуществлялись земельными комитетами (затем — отделами) исполнительных комитетов уездных советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Они составляли подробные описи «недвижимого, живого и движимого мертвого инвентаря и имущества» в помещичьих имениях, требуя при этом документы и разъяснения от бывших владельцев или их доверенных лиц, управляющих[2]. Затем описанное имущество передавалось в ведение волостных Советов для дальнейшего использования.

Оценка усадебного наследия, в составе которого были уникальные памятники архитектуры, мемориальные сооружения, художественные коллекции и библиотечные собрания, в середине 1920-х гг. была неоднозначной. В процессе такой оценки учитывались все особенности усадьбы как архитектурно-художественного и историко-мемориального ансамбля[3]. С другой стороны, для многих сотрудников Наркомпроса и местных органов власти усадьба теряла всякое историческое и художественное значение, когда коллекции были из нее вывезены.

Усадебные ансамбли, подавляющее большинство которых было построено в конце XVIII—XIX вв., чаще всего не могли быть отнесены ни к высшей, ни к первой, ни даже ко второй и третьей категории, поэтому вопрос об охране таких усадеб не стоял. В целом по России из 540 усадеб, признанных ценными в первые послереволюционные годы, на 1 октября 1926 года оставлена на учете 221 усадьба (53 — по Московской губернии; 168 — по другим губерниям)[4].

Значительную помощь в обследовании памятников усадебной культуры, особенно в отдаленных местностях, оказывали уездные му-

---

[1] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 560—561.
[2] ГАВО. Ф.Р.-2716. Оп. 1. Д. 9. Л. 5—5об.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 105.
[4] Русская усадьба на пороге XXI века / Гос. музей-заповедник "Хмелита", О-во изучения рус. усадьбы, Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева; [редкол.: Ю.А. Веденин и др.]. Смоленск, 2001. (Хмелитский сборник; вып. 3). Вып. 3. С. 124.

зейные подотделы. В 1919 году сотрудник Юрьевского музейного подотдела В.И. Романов осмотрел и сделал описи помещичьих имений в селах Дроздово, Федоровское, Лучково, Малое Лучинское, Ратислово и Снегирево[1]. В результате, к концу 1919 года удалось взять под охрану государства 12 крупных помещичьих усадеб «с общим количеством заключающихся в них предметов до 4000»[2]. Значительная часть ценных предметов была немедленно вывезена в музейные хранилища[3].

Наиболее активно открытие музеев происходило во Владимирской губернии. В губернских городах Владимире, Муроме, Вязниках, Переславле, Александрове, Меленках, Юрьеве[4] данные мероприятия стали возможными в условиях национализации более 40 усадеб[5] в 1919 году. Губподотдел разместил в них самые крупные коллекции Сенькова и Демидова в Вязниках; Беднякова, Овсянникова и Ганшина в Юрьеве[6]. Двенадцать бывших помещичьих усадеб (самое известное имение «Ботик» бывшего владельца Воронцова-Дашкова[7]) были переданы в ведение отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины в 1919 году[8]. Около четырех тысяч уникальных экспонатов были сконцентрированы в губернском музейном фонде, сформированного при обследовании всех без исключения имений и церквей[9].

Согласно данным, собранным М.А. Баршевым, в 1918—1920 гг. было проведено несколько описей имения князей Голицыных в селе Си-

---

[1] Смирнова, А. П. Из истории охраны памятников культуры Владимирской области. 1917—1925 годы / А. П. Смирнова // Памятники истории и культуры. Ярославль, 1988. Вып. 3. С. 46.
[2] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 70.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 158. Д. 244.
[4] Там же.
[5] Загорская, А. Дворянские гнезда Владимирской губернии / А. Загорская // Режим достпа: http://www.kp.ru/daily/24139/357646/ (дата обращения 02.04.2015).
[6] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 38.
[7] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 8. Л. 9—10.
[8] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 200; Оп. 8. Д. 54. Л. 84.
[9] ГАВО. Ф.Р.-2716. Оп. 1. Д. 9. Л. 5,13,30—32об; Д. 34. Л. 63; Д. 87. Л. 133, 136—136об, 138 об.

ма Юрьевского уезда[1]. В них указывалось географическое положение имения, особенности климата и почв, а также отмечались наиболее важные отрасли помещичьего хозяйства; состояние построек сельскохозяйственного назначения и наличие инвентаря[2].

Особое внимание в описи 1920 года было уделено бывшей господской усадьбе, ее жилым и хозяйственным строениям, в том числе «главному каменному дому, крытому железом в три этажа», «каменному флигелю, крытому железом», занятым молочной и квартирами служащих» и т.п.; инвентарю и предметам быта, среди которых отмечены: мебель (столы, стулья, кресла, шкафы, комоды, ширмы, «кровати походные», «зеркало туалетное со столом», «сундучок, обитый красным деревом» и т.д.), ковры, утварь, посуда и украшения, например, «серебряная цепь: при ней серебряный крест и золотой медальон с изображением св. Александра Невского в 95 гр.». Всего в описи указано около 200 наименований «вещей из усадьбы Голицына»[3].

Опубликованное постановление владимирского губисполкома от 28 марта 1920 года обязывало всех владельцев (т.е. руководителей учреждений, обществ, частных лиц) художественно-исторических предметов представить в губернский музейный подотдел сведения о принадлежащих им памятниках искусства и старины. С 1920 года деятельность губернского музейного подотдела по учету и охране памятников усадебной культуры вступила «…на путь более спокойного, но в тоже время и более детального обследования»[4].

В течение 1920—1921 гг. были обследованы семь крупных помещичьих усадеб, а из сел Михайловского (бывшая усадьба князей Гру-

---

[1] Барашев, М. А. Охрана и использование памятников усадебной культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти / М. А. Барашев // Режим доступа: old.kovrov-museum.ru/uploads/Barashev10.doc (дата обращения 01.04.2015).
[2] ГАВО. Ф.Р.-2716. Оп. 1. Д. 87. Л. 5об.
[3] Там же. Л. 135—136об, 138об—143об.
[4] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 70.

зинских), Жерихово (бывшая усадьба князей Оболенских)[1], Муромцево (бывшая усадьба Храповицких), Фетинино и Андреевского (бывшая усадьба графского рода Воронцовых-Дашковых) было вывезено в губмузей 1438 «вещей художественно-исторического значения»[2]. Семь усадеб, пятнадцать монастырей, пятьдесят две церкви и одно частное собрание во Владимирской губернии подлежали обследованию с целью защиты в качестве памятников культуры[3].

Итак, основным путем сохранения усадебных ценностей казался вывоз из них всех движимых художественных ценностей в уездные и губернские центры, а также в Москву. Следует отметить подвижническую роль более 20 эмиссаров из центра, в числе которых можно перечислить В.А. Мамуровского, А.И. Анисимова, С.А. Стороженко, В.Т. Георгиевского, П.С. Шереметева и других[4]. Однако вывозы навсегда лишали усадьбы их овеществлённого культурного содержания, следом за ними уходила из усадьбы жизнь, гибли усадебные парки и сады, забывались имена владельцев — одним словом, разрушалась усадебная культура. Вывозы вещей сопровождались потерями, а попадая в единые государственные хранилища (музейное, архивное, библиотечное) и часто на долгие годы, оседая в запасниках, усадебные художественные ценности утрачивали живую связь с людьми и историей.

Представляется возможным частично определить, согласно исследованиям Л.В. Ивановой[5], что именно было вывезено из усадеб, расположенных в губерниях Центрально-промышленной области. Данной цели может послужить архивный документ — «Книга регистрации передачи

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 84.
[3] Барченкова, О. Б. Из истории национализации дворянских имений Владимирской губернии (1918—1926) / О. Б. Барченкова // Материалы исследований / Сост. А. А. Тенекина. Владимир, 2000. С. 15.
[4] Цит. по: Иванова, Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей / Л. В. Иванова // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 71.
[5] Там же. С. 75.

вещей из дворянских усадеб в музей»[1]. Он хранится в фонде москвоведа П.Н. Миллера (1867—1943) в архиве Государственного Исторического музея в Москве[2]. Данная «амбарная» книга, в которой делались краткие записи официального приема привезенных вещей из 125 усадеб. Они заключены в шесть граф: «Расписка» (здесь даны номера расписок, иногда фамилия эмиссара и дата вывоза); «Усадьба»; «Что вывезено»; «Куда и когда»; «Примечание»; «Губерния». В частности, из Владимирской губернии, согласно рассматриваемой описи, из усадьбы Левинсон-Леонидовых в июле 1919 году эмиссаром А.И. Анисимовым в Переславский музей были вывезены бисерные изделия и деревянная скульптура[3].

После вывоза наиболее ценных произведений искусства в Национальный музейный фонд (НМФ), в Румянцевский музей, в хранилище частных архивов, в библиотечный коллектор Музейного отдела Наркомпроса некоторые усадьбы снимались с учета[4]. В них согласно решениям волисполкомов устраивались совхозы, коммуны и трудовые артели[5]. Отношение новых владельцев к бывшему помещичьему имуществу зачастую носило разрушительный характер. Например, при ликвидации в 1924 году коммуны «Альтруист» было отмечено «бесхозяйственное отношение коммунаров к недвижимому имуществу, домам, парку и саду»[6]. В это время наряду с «варварским» отношением к помещичьему имуществу и усадебным постройкам, наблюдается расхищение предметов домашнего обихода бывших владельцев, в том числе имевших художественную и историческую ценность[7].

Ценности, имевшие художественное, научное и историческое значение собственностью государства, должны были быть переданы в му-

---

[1] Иванова, Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей / Л. В. Иванова // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 75.
[2] ОПИ ГИМ. Ф.-134. Д.185. Л. 1—37.
[3] Цит. по: Иванова, Л. В. Указ. соч. С. 73.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.
[5] ГАВО. Ф.Р.-445. Оп. 1. Д. 99. Л. 2; Д. 155. Л. 2—3.
[6] ГАВО. Ф.Р.-980. Оп. 2. Д. 390. Л. 3,7об.
[7] Иванова, Л. В. Указ. соч. С. 75.

зеи и галереи[1]. Однако к концу 1923 года только из четырнадцати бывших помещичьих усадеб Владимирской губернии были вывезены предметы усадебного быта музейного значения[2]. Мероприятиям такого рода поддержка оказывалась из столицы. Народный комиссариат просвещения в 1923 году выделил средства для ускоренного вывоза музейного имущества из ликвидируемых усадеб, церквей и монастырей Владимирской губернии в центральные музеи[3].

Созданию музейных подотделов во всех уездах губернии, а также обследованию и принятию на учет десятков памятников усадебной культуры способствовала активная деятельность руководителя владимирского губмузея А.И. Иванова[4]. В коллегию губернского музейного подотдела были введены представители от губземуправления и губсовнархоза для выработки общих мероприятий по охране музейных ценностей, находившихся в бывших помещичьих усадьбах. Значительную помощь в обследовании памятников усадебной культуры, особенно в отдаленных местностях, оказали уездные музейные подотделы.

В течение 1919—1920 гг. органы охраны памятников при поддержке местных исследователей родного края Владимирской губернии обследовали и взяли на учет усадьбы Трегубова в селе Лаптево, Зубовых в селе Фетиньино, Леонтьева в селе Жерехово, Воронцовых-Дашковых в селе Андреевское, бывшую усадьбу графини Уваровой в селе Карачарово Муромского уезда, бывшую усадьбу князя Салтыкова в селе Снегирево Юрьевского уезда и многие другие[5].

Во второй половине 1920-х гг. ряд бывших помещичьих усадеб Владимирской губернии был включен в список архитектурных памятни-

---

[1] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 567.
[2] Там же. С. 589.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 200.
[4] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 69.
[5] ГАВО. Ф.Р-1826. Оп. 1. Д. 11. Л. 112.

ков, состоявших на учете Музейного отдела Главного управления научными, художественными и музейными учреждениями Наркомпроса. Среди них — усадебные дома Акинфовых в с. Завалино Владимирского уезда, Баташовых в с. Гусь-Железный Меленсковского уезда, Свиньиных в с. Смоленском и Самсоновых в с. Бектышеве Переславского уезда, Голицыных в с. Сима Юрьевского уезда[1]. Вместе с тем некоторые бывшие помещичьи усадьбы оказались в ведении губмузея, причем, последний, как правило, сдавал их в аренду различным местным организациям. Подобная практика, как показали мероприятия 1929—1930 гг., носила отнюдь не безвредный характер.

При обследовании бывшей усадьбы князей Оболенских в селе Жерехово комиссия в составе директора Ивановского областного музея В.А. Чихачева, научного сотрудника Владимирского окружного музея Б.И. Григорьева и представителя Ставровского райадмотдела Г.И. Приданкина отмечала, что «главное здание (дворец) ... находится в стадии разрушения...»[2]. Помимо халатности арендаторов и руководства музеев делу охраны памятников усадебной культуры мешали и ведомственные противоречия, особенно между губмузеем и губземуправлением, которое стремилось изъять из ведения музея усадебные сады и парки[3].

В усадебной культуре 1920-х гг. был соединен широкий круг проблем. Например, задачи художественные, которые характеризовали взаимосвязь пластических видов искусства — архитектуры, садово-паркового, прикладного и изобразительного со зрелищными — музыкой, балетом, театром, народным искусством. Осознавая данные особенности, ярославские уездные органы подавали заявления в губподотдел с требованиями обеспечить охрану имений. В распоряжение волостных земельных коми-

[1] Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир, 1926. С. 92—93.
[2] ГАВО. Ф.Р.-26. Оп. 1. Д. 209. Л. 15.
[3] ГАВО. Ф.Р.-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

тетов и уездных советов были переданы не только помещичьи земли, но и все усадебные постройки со всеми принадлежностями. Срочно требовалось составление точной описи всего усадебного имущества и его «строжайшей революционной охраны»[1].

Отчасти такие призывы сверху не могли быть подкреплены и поддержаны волостной и сельской властью, поскольку в 1918 году никаких развернутых структур новой власти в сельской местности просто не было. Старая власть была свергнута, а новая еще только зарождалась. Народный комиссариат внутренних дел, который отвечал тогда за формирование местных советов, только в середине 1919 года констатировал в документах: завершилась «черновая работа по отливке форм новой власти» и «здание советского государства построено… от деревни и волости до центра»[2].

Волна погромов дворянских усадеб прокатилась именно в этот «маловластный» период. Погромы происходили стихийно и вопреки уже принятым декретам об охране памятников прошлого[3]. Согласно документам, процесс разрушения усадебного имущества в губерниях проходил в несколько этапов. Первый — это погромы, начавшиеся в период между февральской и октябрьской революциями и продолжавшиеся до весны 1918 года. Второй этап (собственно национализация или ликвидация) — с весны и до конца 1918 года, когда процесс перераспределения земли и ликвидации имений был в основном закончен, хотя на местах работа продолжалась и в 1919 году[4].

В послереволюционных условиях присутствовал определенный элемент организованности. Пока в деревне не было организованной власти, крестьяне обратились к вековой практике сельского схода, который

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 17.
[2] ГАРФ. Ф.А.-393. Оп. 2. Д. 2. Л. 3, 13.
[3] Рузвельт, П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917—1930 / П. Рузвельт // Русская усадьба : сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). М., 2009. С. 8.
[4] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI— XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 8.

в глазах крестьян всегда оставался весьма авторитетной инстанцией[1]. Часто именно по решению сельского схода крестьяне шли громить дворянские усадьбы «…сначала покончим с Кладищевым, а потом и за Хомутова…»[2].

Сельский сход отражал те настроения[3], которые преобладали тогда в крестьянской среде, а они были именно такими — негативно-разрушительными по отношению к прежним хозяевам жизни и ко всему, что с ними было связано[4]. Российское общество раскололось на два непримиримых лагеря, и ненависть переполняла представителей обеих сторон.

Исследователь Н.П. Рязанцев подтверждает, что подобные примеры были не единичны[5]. Краевед И.А. Тихомиров в 1917 году оценил целый ряд случаев варварского отношения крестьян к дворянским усадьбам в Ярославской губернии. В районе села Сырнева крестьяне купили усадьбу у помещика в 1917 году. Землю быстро поделили, но что делать с домом, не знали. В конце концов, его… просто сожгли»[6]. Исследователь Ю.П. Анисимов[7], публицист А.Н. Греч, считавшие бурные события 1917 года началом смертельной агонии усадебной культуры, тем не менее, были вынуждены признать, что революция лишь ускорила «медленный, неизбежный процесс умирания усадьбы»[8].

---

[1] Данилов, В. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902—1922» (Вместо предисловия) / В. Данилов, Т. Шанин // Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 5.

[2] Лютер, А. Дневник офицера / А. Лютер // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 158.

[3] Кондрашин, В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. / В. В. Кондрашин. М., 2001. С. 19.

[4] Пушкарева, И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России: (К постановке проблемы) / И.М. Пушкарева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 15.

[5] Цит. по: Рязанцев, Н. П. Русская дворянская усадьба накануне и в период Октябрьской революции / Н.П. Рязанцев // Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_09.htm

[6] Цит. по: Ермолин, Е. А. Судьба дворянских гнезд / Е. А. Ермолин, Г. В. Раздобурдина // Любитель природы: Статьи, очерки и рассказы, стихи, наблюдения, практические советы. Ярославль, 1996. С. 150—151.

[7] НИОР РГБ. Ф.-178. М 9502-6. Анисимов Ю. П. «Статья о русской усадьбе» (конец 1920-х гг.).

[8] См.: Греч, А. Н. Венок усадьбам / А. Н. Греч // Памятники Отечества. 1994. № 3/4. С. 9;

В рассматриваемый период времени, несомненно, раритеты из усадеб были спасены для отечественной культуры. Музейный отдел Народного комиссариата просвещения, отвечавший за охрану памятников искусства и старины в стране, летом 1918 года направил и в Ярославскую губернию своих эмиссаров[1]. В столицу был вывезен целый ряд ценнейших коллекций. Освобожденные от памятников искусства и старины помещения в условиях военного времени занимались под размещение частей Красной Армии, больницы, прочие заведения[2].

В Ярославской губернии в 1920 году местные специалисты обследовали и взяли на государственный учет около 60 бывших усадеб, в том числе Петровское в Рыбинском уезде (бывшее Михалковых)[3], Карабиха в Ярославском уезде (бывшее Некрасовых), Вощажниково в Ростовском уезде (бывшее Шереметевых), Сосновец в Пошехонском уезде (бывшее Лихачевых) и другие[4]. Более широкими полномочиями обладали эмиссары из центральных государственных и общественных организаций (например, Общества изучения русской усадьбы[5]). Результатом деятельности вышеуказанных специалистов явилось издание целого ряда путеводителей по усадьбам на основе проведенных исследований, наладилась экскурсионная работа в усадьбах. Вклад штатных сотрудников ярославского губмузея и губернского подотдела и членов Общества изучения русской усадьбы несопоставим. Первые сделали несравнимо больше, учитывая и спасая для российской и мировой истории и культуры тысячи памятников[6].

Анализ архивных материалов позволяет с большой степенью достоверности утверждать, что итоговая цифра Музейного отдела Наркома-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 116; Оп. 8. Д. 20. Л. 54.
[2] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. 8. Д. 19. Л. 138.
[3] Там же. Л. 135.
[4] Рязанцев, Н. П. «Спасти живую старину…»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 годах / Н. П. Рязанцев. Ярославль, 2000. С. 27—32.
[5] ГАРФ. Ф.Р.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37; Общество изучения русской усадьбы (1922—1930). М., 2002. С. 10.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 20. Л. 54.

проса — 540 обследованных усадеб по стране[1], а также цифры по губерниям не отражают полной картины изучения и взятия на учет дворянских усадеб. Чаще всего неучтенными оказывались усадьбы в самых отдаленных уездах различных губерний. Так, данные по Мышкинскому уезду Ярославской губернии не вошли в итоговую цифру губернского музея, а между тем только в 1920 году, например, агент губернского музея Н.Г. Николаев обследовал более десяти разрушенных усадеб и вывез из них в запасники музея около двадцати картин, старинную посуду, несколько рукописей и многое другое[2]. В Нерехтинском уезде в 1920 году была национализирована 21 усадьба, выселено 17 помещиков, в 1924—1925 гг. — еще 3. Национализированные памятники были взяты под охрану государства[3].

Следует вспомнить, что в первое послереволюционное десятилетие проблемы сохранения и использования памятников были связаны, главным образом, с покинутыми или реквизированными дворцами и усадьбами, содержавшими подчас богатое художественное убранство и обстановку, предполагавших образ жизни, немыслимый в новых условиях. Оставшиеся один на один с усадебными ценностями, крестьяне просили местные органы власти как можно скорее вывезти ценные музейные предметы, чтобы приспособить жилье под свои нужды[4].

В первые послереволюционные годы в дворянских усадьбах оставались огромные по своему значению художественные ценности (картины, портреты, посуда, зеркала, фарфор, хрусталь, мрамор, бронза, уникальная библиотека или, например, бесценная французская мебель в стиле времени Людовика XVI). Силами местных краеведов в октябре 1920 года, стремившихся спасти «остатки имения Батюшкова от совер-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 53. Л. 6, 10.
[2] Рязанцев, Н. П. «Спасти живую старину…»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 годах / Н. П. Рязанцев. Ярославль, 2000. С. 106—107.
[3] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 21. Л. 50.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 27.

шенного уничтожения», было написано обращение в Ярославский губернский отдел народного образования с «почтительнейшей просьбой … принять возможные меры к сохранению этого уголка (строений, деревьев, кустарников и прудов)»[1]. Ярославский губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины выдал Г.И. Добрякову «мандат на право охраны усадьбы», предложив ему «взять на себя заботу о возможном вывозе или сохранении … всех ценных имеющих отношение к памяти поэта предметов»[2]. Однако специалисту вывозить из Хантанова уже было нечего[3].

В фонды музея было передано небольшое количество экспонатов из национализированного имения Андреевское. Все остальное бесследно исчезло в ходе приспособления под общежитие для рабочих[4]. Специалисты отдела народного образования, несвоевременно взявшие под свой контроль имения Мурзино и Андреевское Марьинской волости Ярославской губернии, проводя контрольный осмотр помещений еще в 1919 году, отмечали высокую ценность предметов в художественном и историческом отношении, часть из которых на тот момент была загрязнена и сломана, а не передана в музей[5]. К сожалению, факт уничтожения уникальных собраний бывших имений в первые годы советской власти подтверждается многочисленными документальными свидетельствами[6], а также нашим исследованием.

В Ростове и Рыбинске работы по сохранению памятников усадебной архитектуры осуществлялись под контролем ярославского губернского подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1007. Оп. 1. Д. 17. Л. 117.
[2] Там же. Л. 126.
[3] Панов, Л. С. Из истории усадьбы К.Н.Батюшкова «Хантоново» / Л. С. Панов, Н. П. Рязанцев // VII Золотарёвские чтения: Тезисы докладов научной конференции (16—17 окт. 2000 г.): К 90-летию Рыбинского музея / Под ред. А. М. Селиванова. Рыбинск, 2000. С. 134.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 135.
[5] Там же. Л. 131.
[6] Там же. Л. 132; Оп. 3. Д. 164. Л. 27.

старины[1]. Руководство Рыбинского художественно-исторического музея не раз безуспешно обращалось в яргубподотдел с просьбой о предоставлении в распоряжение музея аванса на ремонтные работы, причитавшегося его сотрудникам[2]. Средства требовались и для организации сохранения предметов большой художественной ценности, находившихся на территории усадьбы Петровское Рыбинского уезда Ярославской губернии[3].

Положение Ростовского музея в 1920-х гг. было очень сложным. Множество экспонатов поступило в Ростовский музей из дворянских усадеб, монастырей, частных коллекций. В 1919 году после смерти известного ростовского краеведа И.А. Шлякова, в музей была передана его библиотека и собрание портретов, из села Воронино поступила библиотека дворян Леонтьевых. В 1920 году в музей из имения Вощажниково были перевезены архив графа Шереметева и библиотека, состоявшая из 2800 книг[4].

Из 15 усадеб Тверской губернии были вывезены портреты, картины, гравюры и фарфор, имевшие большую художественную ценность[5]. Нередко сами бывшие владельцы усадеб настаивали перед Музейным отделом на скорейшем вывозе предметов старины в Москву. В Народный комиссариат просвещения обратилась Е.В. Дервиз с просьбой обеспечить охрану усадьбы Домотканово Тверской губернии и вывезти из нее часть художественно-исторических ценностей[6]. Была принята на учет усадьба Тютчевых[7].

Итак, Музейный отдел Народного комиссариата направлял в усадьбы своих эмиссаров, а затем перепоручал охрану библиотек, мебе-

[1] ГАЯО. Рост. ф. Ф.Р.-140. Оп. 1. Д. 68. Л. 12.
[2] ГАЯО. Рыб. ф. Ф.Р.-429. Оп. 4. Д. 9. Л. 47.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 11.
[4] Там же. Л. 3 об.; ГАЯО. Ф. Р-1007. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.; ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 70, 143, 146.
[5] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 9. Л. 10об, 18, 20.
[7] Хачатуров, С. «Нам не дано предугадать...» / С. Хачатуров // Режим доступа: http://www.crynews.ru/info/1916.html

ли, а также картин и других предметов, имевших художественную ценность, местным советам и их подразделениям[1]. В целом ряде случаев сотрудники Музейного отдела учитывали ценности, а затем увозили наиболее ценное усадебное имущество. Местные власти осуществляли свою деятельность на основе циркуляра губземотдела «О праве передачи бывших частновладельческих имений отделам народного образования, собесам и другим учреждениям» № 477 от 31 января 1920 года[2]. Специалисты на местах обеспечивали сохранность оставшихся в их распоряжении усадебных коллекций, открывая музеи на основе собранных в имениях коллекций[3]. Самые большие собрания тверских музеев включали в себя предметы и художественные ценности из усадьбы военоначальника Гурко Сахарово, из усадьбы князей Куракиных Степановское-Волосово и ряда других[4]. В феврале 1919 году эмиссар по делам музеев В.В. Пашуканис впервые обследовал ряд усадеб Новоторжского уезда[5]. Помогавшие ему исследователи составили описи усадебных коллекций и библиотек, сохранившихся к тому времени[6].

С 1920 года начинается процесс перепрофилирования имений Серговка, Приют, Поняки, дачи Блохина, Епанешникова, Смирнова, а также Ульянова под школы, детские сады и колонии[7]. Согласно постановлению комиссии УОНО, памятники старины, искусства и природы, леса и парки в бывших имениях Новоокатово, Белеутово, Дедилово и других были взяты под охрану[8].

В июле 1923 года состоялась первая экспедиция студентов Тверского педагогического института в Старицкий уезд[9]. Под руководством

---

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 121. Л. 2об.; ГАТО. Ф.Р.-2799. Оп. 1. Д. 143. Л. 72.
[2] ГАТО. Ф.Р.-2799. Оп. 1. Д. 181. Л. 25-27, 51—53.
[3] ГАТО. Ф.Р.-291. Оп. 16. Д. 262. Л. 15—15об.
[4] ГАТО. Ф.Р.-854. Оп. 1. Д. 37. Л. 7; ГАТО. Ф.Р.-291. Оп. 2. Д. 394. Л. 146.
[5] ГАРФ. Ф.А.-853. Оп. 1. Д. 157. Л. 1—2 об; Ф.Р.-2898. Оп. 1. Д. 93. Л. 29—31.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 27.
[7] ГАТО. Ф.Р.-854. Оп. 1. Д. 115. Л. 13—13 об.
[8] ГАТО. Ф.Р.-2799. Оп. 1. Д. 245. Л. 2.
[9] ГАТО. Ф.Р.-57. Оп. 1. Д. 3. Л. 65—70.

А.Н. Вершинского были осмотрены усадьбы Вульфов в Бернове[1], Павловском и Малинниках. Исследователь подробно описал состояние архитектуры усадеб и упомянул об охране коллекций, связанных с именем А.С. Пушкина, Академии наук[2]. Изучением тверских усадеб, сбором сведений об обследованных имениях и вывезенных художественных ценностях (картинах, гравюрах, посуде, мебели и других) одновременно занималось «Общество изучения русской усадьбы»[3]. Отчет А.Н. Вершинского был опубликован в «Материалах Общества изучения Тверского края» в 1925 году[4].

В середине 1920-х гг. происходит ряд событий, которые едва не привели к полному уничтожению усадебных комплексов. В усадьбе Гурко (пос. Сахарово) был создан совхоз, затем территория бывшего имения была передана в распоряжение 4-й Тверской кавалерийской школы[5]. В апреле 1925 года она была сдана в аренду расквартированной в Твери 48-й стрелковой дивизии[6]. В присутствии представителей губернского и уездного исполнительных комитетов г. Твери из церкви-усыпальницы были извлечены и захоронены в усадебном парке останки русского генерал-фельдмаршала, известного благодаря своим победам в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., И.В. Гурко и его супруги Марии Андреевны. Здание родовой усыпальницы было приспособлено под библиотеку расположенной в усадьбе воинской части. Газета «Тверская правда» написала об этом событии в следующих выражениях: «Смердя-

---

[1] Вершинский, А. Н. В вотчине Вульфов в первой половине XIX в. / А. Н. Вершинский // В наши дни. 1936. № 2. С. 74—88.

[2] Черновые наброски статьи А. Н. Вершинского о судьбе усадеб, связанных с пребыванием А. С. Пушкина. 27 февр. 1923 г. // ГАТО. Ф. Р.-2691. Оп. 1. Д. 71. Л. 10—12.

[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37.

[4] Материалы Общества Изучения Тверского Края. Вып. 3—7. Тверь, 1925—1930; Фессалоницкий, С. Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г.: (По материалам экспедиции студентов Педагогического ин-та) / С. Фессалоницкий // Материалы Общества изучения Тверского края. 1925. Вып. 3. С. 22—23; Он же. Пушкин в кругу старицких дворян // Материалы Общества изучения Тверского края. 1928. Вып. 6. С. 3—26.

[5] ГАТО. Ф.Р.-852. Оп. 26. Д. 2397. Л. 3об.

[6] ГАТО. Ф.Р.-836. Оп. 1. Д. 764. Л. 180.

щие генеральские останки душителей рабочих и крестьян убраны. На этом месте теперь цветут цветы пролетарской культуры и знаний»[1].

Следствием данных мероприятий стало разрушение большей части построек усадьбы. Огромный урон был нанесен также и парку, обезображенному бессистемными вырубками и посадками деревьев.

Деятельность по вывозу имущества из усадеб Тверской губернии продолжалась до 1927 года. С этого момента органам ОГПУ было дано предписание усилить репрессии за халатность, за непринятие мер охраны и противопожарной безопасности на производстве. При этом небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых «имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие «вредительские акты», приравнивалась к государственному преступлению[2]. В ходе проведения проверки деятельности сотрудников тверского государственного областного музея и тверского губмузея сотрудниками Главнауки были опрошены старшие помощники хранителя музея К.И. Никольский и Н.Е. Фортунатов. Они разъяснили, что «все так наз[ываемое] «фондовое» имущество состояло в распоряжении Губмузея»[3]. Данный факт подтверждало то обстоятельство, что суммы, вырученные от реализации этого имущества в госфонд, по указанию завгубмузеем Красновым, перечислялись на счета спецсредств губмузея, тогда как суммы, выручаемые от продажи немузейного имущества, принадлежащего госмузею, перечислялись на счета последнего.

Председатель общества изучения Русской усадьбы А.Н. Греч обратился с заявлением в губмузей в ноябре 1928 года по поводу отсутствия охраны усадебных комплексов в Степановском-Волосове и Васильках Зубцовского уезда Тверской губернии[4]. Относительно бывшего имения

---

[1] «Выселение» предков господина Гурко // Тверская правда. 1925. 28 мая. С. 4.
[2] Викторов, Б. А. Без грифа «секретно» / Б. А. Викторов // Возвращение к правде. Вып. 3. М., 1990. С. 146, 147.
[3] ГАТО. Ф.Р.-291. Оп. 16. Д. 262. Л. 15—15 об.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 164. Л. 27.

Куракиных в поселке Степановское-Волосово он сообщал: «…Дом использован лишь отчасти под жилье: летом в двух флигелях жили пионеры из Москвы. Центральная часть дома, хотя и заколочена, но в нее нетрудно попасть; там валяются остатки коллекции минералов и обломки мебели. Обои содраны, под ними кое-где показалась старая орнаментальная роспись. В вестибюле уцелела роспись серед. прошлого века — виды куракинских усадеб Дорожаева, Надеждина и Степановского. Следует во что бы то ни стало предотвратить дом от сноса…»[1].

Исследователь предлагал отдать усадьбу под жилье (больницу, санаторий, детдом), «иначе она либо будет продана Волисполкомом на кирпич, или будет расхищена «по камушкам» Совхозом», который как раз во время пребывания А.Н. Греча в Степановском, расплачивался по задолженностям перед крестьянами кирпичом из разобранной ограды, окружающей главный двор[2]. Степановское и бывшая усадьба Панафидиных были сфотографированы автором заявления.

Целью комплексного обследования усадеб-музеев исследователями предлагалось «выяснение целесообразности существования усадебных музеев с научно-исторической, художественно-бытовой и культурно-просветительской стороны»[3]. Программа состояла из почти трех десятков пунктов, среди которых следует назвать исторические сведения, оргструктуру и штаты, руководство, описание территории и усадебных зданий, расходы по ремонту и реставрации, состояние инвентаря, характер и описание фондов, экспозицию, научно-исследовательскую и экскурсионную деятельность, роль специалистов в краеведческой работе, бюджет и составные его части, схематический план музея, взаимоотно-

[1] ГАТО. Ф.Р.-56. Оп. 1. Д. 57. Л. 176—176 об.
[2] Там же.
[3] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 142.

шения с губмузеем и Музейным отделом НКП, издательскую деятельность и многое другое.

***

Первые годы советской власти оказались исключительно сложным и трудным временем для сохранения памятников усадебной культуры губерний Центрально-промышленной области. Многие из них были разграблены, разрушены и просто исчезли в небытие. Разворовывались и уничтожались художественные ценности, вырубались сады и вековые парки. Само словосочетание «дворянская усадьба» стало одиозным. Вместе с тем в тот непростой для страны период государственные органы и отдельные музейные сотрудники приложили немало усилий для спасения усадебного наследия губерний.

Интенсивная деятельность по сбережению культурных ценностей ярославских, владимирских и тверских усадеб могла осуществляться только при наличии большого числа специалистов-профессионалов. По инициативе И.Э. Грабаря Музейным отделом Наркомпроса были осуществлены попытки наладить в некоторых сохранившихся усадьбах охрану памятников истории и культуры. В остальных имениях, объявленных народным достоянием, разместить хозяйственные и административные учреждения. Эмиссарам из центра было необходимо произвести учет, регистрацию и описание находившихся в имениях художественных, исторических и научных ценностей, а также вывезти наиболее значительные поддающиеся перемещению предметы в государственные музейные, библиотечные и архивные хранилища.

Характерно, что значительная часть энтузиастов пошла на сотрудничество с новой властью, хотя далеко не всегда принимала и поддерживала ее идеологию и политику. Среди сотрудников Музейного отдела Народного комиссариата просвещения были такие известные спе-

циалисты, как И.Э. Грабарь, Н.Г. Машковцев, Б.Р. Виппер, В.А. Городцов, А.И. Анисимов, П.П. Муратов, М.М. Хусид, а в губернских подотделах И.А. Тихомиров, Н.Г. Первухин, Н.Г. Огурцов, М.И. Смирнов, А.И. Иванов, В.И. Смирнов, Н.П. Рогожин, И.А. Виноградов, А.Н. Вершинский, Е.Ф. Дюбюк, Н.Н. Виноградов, А.И. Черницын и многие другие.

В усадьбы, расположенные в Центрально-промышленной области, достаточно отдаленных от столицы, были отправлены эмиссары, обладавшие чрезвычайными полномочиями, но без охраны и почти без финансовой поддержки. Современные исследователи подчас весьма негативно оценивают процесс вывоза предметов искусства и старины из дворянских усадеб, отмечая, что следом за вывозом культурных ценностей из усадьбы уходила сама усадебная жизнь, разрушалась усадебная культура. Однако, исходя из анализа конкретной обстановки того времени, приходится признать, что иного выбора у специалистов просто не было. Точнее говоря, он означал бы забвение и дальнейшее разрушение культурных ценностей.

Попытки трансформации функционального назначения усадьбы в 1920-е гг. были обречены на неудачу, благодаря существованию в обществе категорически отрицательного отношения не только к усадьбе, но и дворянской культуре вообще. Политический подтекст постоянно присутствовал в советских историографических исследованиях. Усадьба рассматривалась как место проживания видных деятелей науки и культуры (например, Борок — усадьба Н.А. Морозова, Карабиха — усадьба Н.А. Некрасова), или сквозь призму классовых противоречий — как арена угнетения крепостных крестьян.

Основные требования советской идеологии, проверке на лояльность которой подвергались мемуары, воспоминания, художественно-исторические описания усадеб, непосредственно отразились на трактов-

ке понятия «усадьба» в развернутом экономико-культурном смысле слова. В 1920-х гг. предпринимались попытки организации нескольких усадебных музеев, за редким исключением потерпевшие крах из-за отсутствия необходимой охраны, обслуживающего персонала, элементарного финансирования и почти полного отсутствия посетителей.

Период 1920-х гг. стал временем самого активного формирования губернского музейного фонда, превратившегося как в центр собирания национализированных ценностей, так и центр передачи этих ценностей в фонды сформировавшихся на местах музеев ярославской, костромской, владимирской и тверской губерний.

***

В основе охранительно-фиксирующих мероприятий руководства страны в деле сбережения материальных форм культурного наследия в губерниях Центрально-промышленной области с первых лет советской власти лежал экономический и политический утилитаризм.

Первоначально лозунги о необходимости всемерного сохранения памятников ценностей в губернских городах не были абстрактной декларацией. В руках местной власти оказалось огромное количество произведений искусства, памятников старины и художественных ценностей, представлявших в совокупности значительный историко-материальный ресурс. Условия гражданской войны и разрухи затрудняли осуществление реставрационных мероприятий в Ярославской, Владимирской, Тверской, Костромской губерниях. Сил и средств хватало только на то, чтобы восстановить памятники старины в крупных городах. Были выработаны новые принципы учета, методы реставрационных работ, используемые на современном этапе.

Местные органы власти были обязаны, согласно законодательству Советской России, обеспечивать сохранность памятников искусства и ста-

рины, находящихся на подведомственной им территории губерний. Мероприятия по обеспечению сбережения культурных ценностей должны были проводиться губернскими (уездными) органами охраны памятников совместно с реставрационными комиссиями, составлявшими планы мероприятий по обеспечению защиты и использования памятников искусства и старины, определяя состав и сроки выполнения необходимых мероприятий, роль и значение памятников в социально-экономическом и культурном развитии губерний.

Небольшая заинтересованность государственных структур в восстановлении памятников искусства и старины и приспособление их для социальных нужд в конце послереволюционного десятилетия способствовали тому, что реставрационная деятельность оказалась в первые годы советской власти низведена до положения инструментария при проведении историко-искусствоведческих изысканий памятников древней архитектуры и живописи.

Вместе с тем согласимся с мнением исследователей, что памятники старины начали разрушаться не только в условиях гражданской войны, а задолго до нее. Обстоятельства военного времени не способствовали защите памятников старины, а тем более привлечению внимания к более узкой задаче сбережения исторического наследия для потомков. Однако вопросы, связанные с сохранением памятников искусства, вопреки обстоятельствам, оказались подняты на небывалую высоту. Это стало возможным благодаря твердой позиции членов реставрационных комиссий и сотрудников местных музеев, научных и краеведческих учреждений, которые смогли отстоять принципы отечественного научного сообщества, заложенные еще в предреволюционные годы.

Контроль как административный, так и финансовый над деятельностью местных властей осуществлялся Музейным отделом НКП. Одновременно местные органы власти при недостатке специалистов и финан-

совых ресурсов также пытались оптимизировать свою деятельность. Взятые на учет храмы считались с этого момента отделениями музея, ответственность за их сохранность и поддержание в надлежащем виде как ценнейших памятников старины возлагалась на сотрудников музея. Однако если при церкви или монастыре как поставленном на учет памятнике древней архитектуры сохранялась хозяйственная община, обязательства по его сбережению и ремонту возлагалась на верующих.

В привилегированном отношении из всех памятников губерний Центрально-промышленной области оказались ценности Ярославля и Владимира. Спасение культурного наследия сразу после событий мятежа 1918 года в Ярославле, понимание ценности владимирской архитектурной школы явились началом взаимодействия органов власти, специалистов и церкви на качественно новом уровне. Уникальные памятники архитектуры и древнерусской живописи при активной поддержке государственной власти, были спасены. С помощью анкетных листов в каждой губернии проводились описи наиболее ценных произведений искусства каждые пять лет. Отчеты о проводимых мероприятиях в различных губерниях представлялись на общероссийских выставках. В то же время, недостаточное внимание, проявленное местными большевистскими руководителями к проблеме сбережения памятников старины в губерниях ЦПО, масштаб которой стал очевиден позднее, позволил распродать все более или менее ценное из накопленного епархиями губерний.

Борьба между московской и петроградской музейными секциями, голод в Поволжье в 1922 году — данные обстоятельства отрицательно сказывались на памятникоохранительной системе. Осложнялась ситуация и развернувшимся противостоянием губмузеев, коммунотделов и земельных организаций за использование средств от полученных в государственную собственность храмовых и усадебных комплексов. Спец-

средства руководству данных организаций приходилось добывать путем сдачи охраняемых памятников и земельных владений при них в аренду, наем и пользование.

Реквизиция церковных ценностей, осуществлявшаяся с начала 1922 года в губерниях Центрально-промышленной области, а затем широкомасштабная распродажа музейных коллекций, развернувшаяся в конце десятилетия, высвечивают еще одну цель охраны произведений искусства в послереволюционный период. Местные органы власти в лице членов городской или сельской подкомиссий, имея при себе письменное предписание на производство изъятия церковных ценностей, выданное губкомиссией в присутствии представителей общины и служителей церкви, изымали наиболее важные с точки зрения реализации предметы. Имущество каждого храма инвентаризировалось, протоколировалось и опечатывалось. В губернский финансовый отдел сдавалась квитанция о количестве полученного. Изъятие проводилось под контролем милиции и экспертов, командированных политуправлением.

Сложившаяся в губерниях Центрально-промышленной области в годы первого послереволюционного десятилетия структура органов охраны памятников искусства и старины стала частью общегосударственной системы. Важной являлась работа по обмену опыта, накопленного специалистами, учета всех памятников искусства и старины, находившихся на рассматриваемых территориях. Особенностью в деле сохранения памятников искусства и старины в рассматриваемых губерниях являлась возможность выявленные произведения искусства сразу размещать в рамках новых экспозиций. В деятельности музеев утвердился ансамблевый метод. В отличие от традиционного коллекционного (академического) принципа, вышеупомянутый метод выглядел более демократичным. В состав экспозиции такого музея предлагалось вводить вещи, зачастую не принадлежавшие к высоким образцам искусства,

но позволявшие создавать интерьерные композиции, способные передать реальную жизнь с ее типичными и индивидуальными особенностями.

Заниматься реставрацией недвижимых памятников в том масштабе, в котором это требовалось, государство не имело да и не предполагало. В исследованных нами документах государственных и региональных архивов не встречается ни одной перспективной и четко разработанной государственной программы. Въехавшие в бывшие купеческие и дворянские помещения чиновники требовали только скорейшего проведения работ по восстановлению в практических целях зданий, пострадавших во время событий гражданской войны, а также оборудование помещений для местных государственных учреждений, домов отдыха, детских лагерей, колоний и т.д.

Опыт сохранения памятников искусства и старины 20-х гг. XX века позволяет выявить не только причины неизменного интереса властей к градостроительству и архитектуре, но и причины приближенности к власти многих архитекторов, и внутренние, профессионально-творческие и психологические механизмы взаимодействия зодчества и управленческих структур. Многие мероприятия осуществлялись при активной финансовой и административной поддержке, осуществляемой Н.И. Седовой-Троцкой. Сохранением древнерусской живописи занималась реставрационная мастерская Третьяковской галереи, возглавляемая знатоком древнерусского искусства Ю.А. Олсуфьевым. Продолжая деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских под руководством известных реставраторов И.Э. Грабаря и П.Д. Барановского, мастерская совершила ряд экспедиций в село Боголюбо-

во под Владимиром[1], в Ростов и Ярославль, а также другие губернские города.

В восстановительном деле, по мнению В.М. Рославского, сыграли заметную роль специалисты петроградского отделения комиссии по реставрации памятников искусства и старины[2]. Однако противоположные интересы сторон, руководители (петроградского и московского отделений) которых по-разному видели цели и задачи реставрационной деятельности, не позволили специалистам найти взаимоприемлемое решение для полноценного и удовлетворявшего обе стороны объединения. Петроградский центр не смог противостоять административному ресурсу московской стороны, который позволил ей в 1924 году сосредоточить все реставрационное дело Советской Республики в созданном ими собственном ведомстве — Центральных государственных реставрационных мастерских, в состав которых не был приглашен ни один представитель Петрограда[3].

Как свидетельствуют документы конца 1920-х–начала 1930-х гг., в понятие «памятник» постепенно стал вкладываться новый смысл. Если декрет от 7 января 1924 года определял состав этого понятия как памятники зодчества, предметы искусства и старины музейного значения, археологические памятники, то в документах конца 1920-х–начала 1930-х гг. появляется понятие «исторические памятники». Отдавая дань идеологии, первыми в их составе числятся памятники революционного движения, а затем памятники зодчества, связанные с историческими событиями и лицами, монастыри, церкви, музейные предметы историко-художественного значения.

---

[1] Кудрявцев, Е. В. Об итогах экспедиций художников-реставраторов Государственной Третьяковской галереи на периферию в 1937 г. / Е. В. Кудрявцев // Искусство. 1938. № 4. С. 202.

[2] Рославский, В. М. Экспедиция Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи в Новгород в 1919 году / В. М. Рославский // Художественное наследие. 2006. № 23 (53) - Режим доступа: http://www.art-con.ru/node/1206.

[3] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 28. Д. 64. Л. 1.

Основное внимание в постановлениях уделялось важнейшему в тот период вопросу памятникоохранных мероприятий – предотвращению произвольных разборок, переделок и уничтожению памятников, их использованию не по назначению. Вопросы ликвидации архитектурных памятников губерний Центрально-промышленной области попали в поле ведения, главным образом, административных и хозяйственных кругов, мнения же специалистов и ученых, как правило, игнорировались. Снос памятников в 1920-х гг. оправдывался хозяйственными нуждами, «жизненно неотложной необходимостью, которая возникает в результате громадного размаха социалистического строительства». Не случайно один из идеологов такого подхода к национальному достоянию упрекал центральный орган охраны памятников в волоките и бюрократизму, что объективно явилось «тормозом в развитии».

Музейная система Центрально-промышленной области также подверглась трансформации. На учет были поставлены памятники, четко определены методы оценки музейных собраний и экспозиционной работы. Оценивался качественный уровень каждого музейного экспоната, степень идеологичности органичности коллекций. Предлагалось учитывать также возможности научно-просветительного использования, степень активности масс в научно-исследовательском и просветительном направлении, посещаемость музея и многое другое. Количество посетителей не определялось, но выдвигались требования разнообразия форм работы с посетителями (лектории, клубы, консультации, применение технических средств пропаганды).

Особое внимание уделялось количеству единиц хранения в основных фондах музеев. Это было связано с созданной государственной системой паспортизации памятников. Однако специалисты на местах, проводя в жизнь данные требования, понимали, что дотошный учет приведет к активному изъятию ценностей, поступивших в фонды. Трудно

оценить объемы изъятого из губернских музеев, однако количество проданного за рубеж материального культурного наследия говорит о том, что оно составляло значительную долю всех ценностей, вывезенных из страны.

При проведении политики советского правительства по отношению к музеям во многом проявлялась декларативность. Провозглашенные принципы сохранения культурного наследия были далеки от их реального воплощения. С одной стороны, на государственном и местном уровнях были составлены списки и взяты под охрану ценнейшие памятники искусства и старины. С другой стороны, медлительность местной власти, заинтересованность губернских чиновников в использовании движимого и недвижимого культурного наследия носили безапелляционный характер. Все это тормозило принятие экстренных мер по сохранению и реставрации памятников, где это было необходимо, сбережении существующих объектов, пропаганды и популяризации сбережения памятников искусства и старины.

ГЛАВА 4. НАПРАВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКООХРАННОГО ДЕЛА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Х ГОДАХ

4.1. Уничтожение памятников храмовой архитектуры в период «воинствующего безбожия»

В 1930-х гг. были предприняты меры для создания в «новом обществе» такого города, который смог бы сформировать феномен социалистического полиса и противопоставить его городам капиталистического общества[1]. В результате многие звенья, составлявшие материальную память губернских городов, исчезли. Реконструкция советских поселений принимала идеологизированный характер, отсюда — перенесение борьбы с инакомыслием на материальную и духовную основы городской инфраструктуры, в первую очередь, на культурные ценности губерний Центрально-промышленной области.

Это было связано с тем, что централизованная система государственного сохранения памятников была нарушена, судьба памятников истории и культуры, рассредоточенных по различным ведомствам, решалась в административных и хозяйственных кругах без учета мнения специалистов. Сформированная под эгидой Главнуки НКП РСФСР в 1920-х гг. сеть музейных учреждений переставала действовать как в центре, так и на местах. Курс в кадровой политике государства на использование имевших дореволюционное образование специалистов и подготовку новых, сочетание активной культурно-образовательной и серьезной научно-исследовательской деятельности был пересмотрен.

Тенденция принижать значение храмовых памятников для русской культуры, не признавать за ними высокой ценности полностью возобладала в конце 1920-х гг., разорвав существовавшую в первые послереволюционные годы связь между наукой и практикой. Активно проводимые

[1] О социалистической планировке расселения : тезисы доклада // Современная архитектура. 1930. № 6. С. 1—2.

губернские историко-охранные исследования развивались в разрезе музейного строительства, в рамках краеведческого движения. Основной упор был сделан на губернские центры, поскольку те уже имели материальную базу и подготовленных специалистов, опыт работы, развитые исследовательские традиции в деле сохранения памятников искусства и старины. Однако документы свидетельствуют о постоянных разногласиях между представителями Главмузея НКП РСФСР, ЦГРМ, губмузеев и местных органов власти по поводу оценки значения того или иного памятника. Во многих случаях, несмотря на протесты краеведов, изымались и «обезличивались» высокохудожественные произведения древнерусского зодчества.

Система сохранения памятников в губерниях Центрально-промышленной области в конце 1920-х гг. подверглась изменениям. С 1928 года Ярославский государственный областной музей стал подчиняться губернскому музейному управлению. В связи с образованием в 1929 году Ивановской промышленной области, в состав которой вошла и Ярославская губерния, музей получил статус окружного[1]. Перед окружным краеведческим музеем были поставлены две основные задачи: содействовать изучению природы, производственных сил округа, истории классовой борьбы и социалистического строительства; шире знакомить с ними трудящихся в целях активного содействия хозяйственному и культурному строительству округа. В начале 1930-х гг. при областном краеведческом музее был создан методический совет как совещательный орган, состоявший не только из сотрудников музея, но из представителей научных, образовательных и советских учреждений[2]. Однако практически все направления работы окружного музея планировались и контролировались вышестоящим органом[3].

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 56. Л. 61.
[2] Там же. Д. 60. Л. 8.
[3] Там же. Л. 61.

Главмузей НКП РСФСР направлял официальные протесты против действий местных властей, представлявших «грозную опасность разрушения и без того малочисленных памятников древнерусского искусства», в ответ на которые губернские инстанции обвиняли экспертов Главмузея в безответственности и слепом религиозном фанатизме, тормозящем работу и нарушающем план[1]. На основании Декрета ВЦИК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы»[2] была утверждена «Инструкция об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы»[3]. Эта инструкция касалась любых памятников зодчества, среди которых упоминались сооружения религиозного культа, прочно занявших место в перечне после гражданских и крепостных сооружений.

Положения данной инструкции устанавливали ранжирование памятников «в отношении использования». По их характеру были выделены памятники, используемые исключительно с целями научными и музейно-показательными с сохранением их художественно-исторического внешнего облика, обстановки и внутреннего «убранства»; к таковым были отнесены «музеи церкви» и «музеи-монастыри». Отметим, что в тексте инструкции отнесение к этой категории не связывалось с ценностной характеристикой памятника, речь шла, скорее, о возможностях использования.

Среди памятников другой категории («могущих быть использованными без особого ущерба для их сохранности и без нарушения их историко-художественной ценности») использование под музейные экспозиции не выделяется, но перечисляется наряду с «предоставлением этих памятников в пользование учреждениям, общественным организациям и лицам». Решение вопроса об отнесении памятника к той или иной кате-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 8. Д. 23. Л. 118.
[2] Собрание законодательства РСФСР. 1924. № 18. Ст. 179.
[3] Там же. Ст. 180.

гории являлось прерогативой специалистов Отдела по делам музеев Главнауки НКП РСФСР.

Архитектор И.А. Фомин еще в 1920-е гг. создал проект монумента. Он выглядел символично — хаос обломков классической архитектуры придавлен кубическим блоком с надписью «Мы разрушим, мы отстроим — вся сила в нас самих»[1]. Уверенность, что любые ценности можно возместить более значительными произведениями «пролетарской классики», являлась тенденцией «агрессивного оптимизма»[2]. Ценности материального наследия прошлого, которое ассоциировалось с идеями если не враждебными, то чуждыми, ставились под сомнение. Ответственный деятель Госплана, экономист и статистик Л. Сабсович доказывал необходимость за 15—20 лет снести с лица земли все города, села и деревни, построив взамен единообразную сеть поселений нового типа по предложенной им идеальной модели[3]. Осуществление такого рода поспешно родившихся идей зачастую приводило к невосполнимым утратам.

В номере от 15 января 1930 года в газете «Правда» было опубликовано письмо руководителя Главнауки НКП И.К. Луппола, в котором сообщалось, что вышеуказанная организация «постановила 11 января 1930 года снять с учета около 6000 памятников искусства и старины (из общего числа около 8000), из коих до 70 процентов являются памятниками церковной архитектуры»[4]. Данные цифры подтверждали курс, определенный Главнаукой НКП РСФСР на несколько лет вперед.

---

[1] Лисовский, В. Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики / В. Г. Лисовский. СПб., 2008.

[2] Иконников, А. О ценностях подлиых мнимых / А. Иконников // Режим доступа: http://apologetics.ru/index.php?catid=38:2011-07-26-19-58-54&id=1111:2013-05-14-21-51-17&Itemid=82&option=com_content&view=article (дата обращения 03.04.2015).

[3] Сабсович, Л. Города будущего и организация социалистического быта / Л. Собсович. М., 1929; Он же. Социалистические города. М., 1930.

[4] Правда. 1930. 15 января. С. 3.

С 1926 года начинается планомерная работа в губерниях Центрально-промышленной области по сносу церквей[1]. Представители власти во многом объясняли причины сноса хозяйственными целями, например, расширения транспортных проездов. С научно-технической точки зрения большемерный кирпич использовался для целей научной реставрации, обеспечивались фотографическая съемка и обмеры, был установлен план и научное наблюдение за разрушаемыми объектами[2]. В то же время реальная, основная и главная причина уничтожения культовых памятников заключалось в борьбе с религией, в духе образной трактовки марксистско-ленинского понимания религии как опиума для народа.

Городские и уездные исполкомы из других городов посылали в ЦГРМ письма с информацией о необходимости разборки церквей. В 1928 году Суздальская госфондовая комиссия возбудила вопрос о ликвидации нескольких тёплых церквей XVIII в.[3], в Кашине предлагалось снести девять церквей, по одной — в Ростове, Кинешме, Решме, Муроме[4].

Архитектурный отдел ЦГРМ, куда обращались специалисты с ходатайствами или информацией о сносе храмов, очевидно, не справлялся с таким объемом заявлений[5]. В отделе защищали преимущественно выдающиеся памятники, давая разрешения на слом церквей XVII—XVIII вв. Не возражая против разборки Воздвиженской церкви Ростова (XVII в.), реставраторы определили её как «не особо ценный памятник»[6]. Такая формулировка прочно вошла в обиход органов охраны памятников в конце 1920—1930-х гг. Воздвиженская церковь города Ростова была,

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.
[2] Там же. Д. 10. Л. 34об—35.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 121. Л. 75,75об.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 38—42.
[5] Там же. Д. 5, 6, 9, 13, 16.
[6] Там же. Д. 16. Л. 22.

возможно, первой из взорванных в губернских городах Центрально-промышленной области.

Отчасти музейные работники шли на компромисс, разрешая сломать некоторые постройки церковного ансамбля, например, колокольни или приделы. В Ростове Великом летом 1928 года горсоветом был намечен снос Благовещенской церкви 1682 года с великолепным иконостасом и иконами того же времени. Церковные сооружения ансамбля затрудняли дорожное движение. Сотрудники ЦГРМ предложили сломать часть поздних пристроек церкви. Но такие уступки подчас являлись некоторой отсрочкой.

С середины 1928 года местные власти Ярославля, Владимира, Ростова и Костромы начали планировать перестройку или слом нескольких городских ансамблей. Храмы Владимира, Юрьева-Польского, Калязина, Костромы, Ярославля, Твери подверглись разрушениям, сносам. В 1928 году горсовет Юрьева-Польского постановил расширить улицу 1 Мая за счёт сломки Воскресенской церкви XVII в. Власти древнего Калязина в июне того же года вынесли на обсуждение вопрос о сносе Калязинского монастыря. Следует отметить, что в рассматриваемый период времени реставраторы не допустили уничтожения данных памятников[1].

В конце 1920-х гг. в связи с работой над планами реконструкции губернских городов была поднята проблема определения места памятников прошлого в будущем социалистическом городе. В 1925—1928 гг. в прессе возникла дискуссия на эту тему, отразившая различное отношение к памятникам культуры прошлого хозяйственных кругов, с одной стороны, и специалистов-искусствоведов, с другой. Считалось, что уничтожение памятников, приспособление (перестройка) их в хозяйственных целях оправдываются «жизненно неотложной необходимостью, ко-

[1] Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е гг. / В. Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы межд. науч.-метод. конф. 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском / Под ред. А. А. Черёмина. М., 1998. С. 101.

торая возникает в результате огромного размаха социалистического строительства»[1]. Выступая в защиту памятников на различных собраниях и страницах прессы, А.В. Щусеву, И.Э. Грабарю и П.В. Сытину приходилось разъяснять архитектурно-художественную ценность губернских памятников и их роль в эстетическом облике городов[2].

Некоторые из сохраненных памятников искусства и старины по прошествии нескольких лет в связи с изменением политической ситуации, с усилением идеологического прессинга все равно будут разрушены. Поскольку памятники древнерусского зодчества находились в полной власти местных исполкомов, которые не были заинтересованы в их сбережении. Суздальский исполком (решением от 10 января 1928 года) добился снятия с государственной опеки ценных с историко-архитектурной точки зрения церквей города — Смоленской, Дмитровской, Борисоглебской (все XVIII в.) ввиду их изношенности»[3].

Обновление планировки городов, разрушение целых кварталов в угоду социалистической перестройке на практике претворилась во многих городах Ярославской губернии. В 1929 году Государственным институтом проектирования городов (Гипрогором) была начата разработка плана генеральной застройки Ярославля (окончательно утвержденного только через десять лет). Согласно данному грандиозному плану, предполагалось «в целях выправления профиля улиц и площадей» снести немало «давно закрытых и никем не используемых молитвенных зданий»[4] и застроить центральную часть Ярославля многоэтажными домами[5]. Генплан совсем не учитывал значение памятников архитектуры как элементов, формировавших историческое лицо города. Сносы проводились

[1] Цит. по: Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917—1967 гг. / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 198.
[2] Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917—1967 гг. / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 198; Рязанцев, Н. П. Охрана культурного наследия в России в XX веке / Н.П. Рязанцев. Ярославль, 2007. С. 11.
[3] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 87.

практически уже беспрерывно. Немногие оставляемые церкви включались в новую застройку «в музейном показе», как успели сделать с церковью Николы Надеина, оказавшейся во дворе высоких жилых домов, а также кирхой и синагогой, приспособленными под клубы. Важно заметить, что в целом генплан полностью осуществлен не был.

Основной причиной сноса церквей было, по мнению ярославских городских властей, начавшееся строительство резино-асбестового комбината (ЯРАК), жилых домов и возникшая в связи с этим острая нехватка кирпича, щебня[1]. Руководство завода обращается с просьбой в горсовет «передать на слом две или три церкви, в противном случае может случиться срыв намеченных работ»[2]. В июле 1929 года городские власти Ярославля принимают решение разобрать более десяти церквей[3], в частности, зимние храмы Варваринского, Благовещенского, Владимирского приходов XIX в., несколько колоколен, пристроек к храмам (табл. 3).

В протоколе указывалось даже ориентировочное количество кирпича, которое намеревались получить, — около 2 миллионов штук [4]. Местные реставрационные мастерские не возражали против слома некоторых зданий. Воскресенская, Никитская церкви были разобраны [5].

В сентябре 1929 года заместитель заведующего губмузея И.И. Князев и секретарь Ярославского отделения Центральных государственных реставрационных мастерских И.А. Тихомиров с большой тревогой сообщали в Главнауку НКП РСФСР, что «после разрешения сломки церквей посыпались требования на сломку от разных хозяйственных учреждений, нуждающихся в кирпиче, для поделки сараек и т.п.

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 427. Л. 187.
[2] Анкудинова, Е. А. Утраченные святыни Ярославля: справочник-путеводитель / Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман. Ярославль, 1999. С. 26.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 427. Л. 187.
[5] Там же. Л. 185.

Таблица 3

Список церквей, намеченных к разборке окрисполкомом г. Ярославля в 1929 году[1]

Церковь	Пристройки к ним
Владимирская	Сторожка и ограда
Благовещенская	Сторожка и ограда
Пятница Калашной	Сторожка и ограда
Вознесение	Сторожка и ограда
Единоверческая	Сторожка и ограда
Больничная	
Воскресение	
Успенский Собор	Колокольня и ограда
Покрова	
Варваринская	
Петропавловская	
Рождества Богородицы	Паперть и ограда
Николо-Тропино	

Часто сломка носит случайный характер по надобности какого-нибудь одного лица»[2]. Главнаука немедленно вмешалась, требуя отмены решений горсовета, так как «эти сооружения настолько ценны в историческом отношении, что почти все вошли в мировую историю искусства как показатели вполне своеобразной культуры Ярославля XVII века»[3]. Церкви Рождества Богородицы, Варвары Великомученицы и Петра и Павла на Волге удалось отстоять, но при условии реставраторам «вычинить и устранить безобразия»[4].

Однако уже 15 февраля 1932 году Ярославский горсовет сообщил в Ивановский облисполком, что «церковь Варвары Великомученицы, вследствие отсутствия в течение 14 лет со стороны музея и Главнауки какого бы то ни было ремонта, развалилась сама, сейчас разбираются

[1] Составлена по материалам: ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 2. Д. 83. Л. 1.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 69.
[4] Там же.

купола, и приостановить разбор уже фактически рассыпавшейся хламины было бы бессмыслицей»[1].

Сотрудники Ярославской реставрационной мастерской под руководством ученого-краеведа И.А. Тихомирова провели уникальные работы, сняв со стен с помощью специально разработанной технологии и переведя на гипсовую основу фрагменты монументальной живописи. Как отмечали реставраторы, этот памятник был первостатейной важности и исключительного историко-музейного значения, «меж тем, уступая необходимости, начата уже съемка фресок — и великолепный, своеобразный мир обезображен». Большая часть фрагментов монументальной живописи была продана, несколько фрагментов хранится в Государственной Третьяковской галерее, в Русском музее города Санкт-Петербурга, а основная часть — более 50 — в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Предполагая, что памятники искусства и старины может постигнуть участь церкви Варвары Великомученицы, началась борьба местных исследователей за сохранение каждого памятника искусства и старины. Если в 1929 году на учете ярославского музея находилось 42 памятника архитектуры[2], то в сентябре 1932 года сотрудниками музея была проведена дополнительная классификация церковных зданий города по степени их художественной ценности, в результате которой уже 57 памятников архитектуры были поставлены на учет Главнауки. Как было и определено государственной политикой, к первой категории было отнесено «имущество совершенно исключительной историко-художественной ценности — «уники», составлявшее «государственный фонд». По отношению к данной группе декларировалось право государственных органов охраны на изъятие в целях помещения в музей и обеспечения сохранности. Благодаря предпринятым действиям, 8 ярославских церквей (Иоанна Предтечи,

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.
[2] Анкудинова, Е. А. Утраченные святыни Ярославля: справочник-путеводитель / Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман. Ярославль, 1999. С. 23.

Иоанна Златоуста, Иконы Божией Матери Донская в Донской Слободе, Ильи Пророка, Федоровской иконы Божией Матери, Успенской единоверческой, Параскевы Пятницы на Туговой горе, Иоанна Златоуста) были отнесены к высшей категории, сохранившись в неизменном виде[1].

По данным горсовета, в 1930 году действующими в Ярославле числились семь приходов: церкви Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста, Иконы Божией Матери Донской в Донской Слободе, Илии Пророка на Ветке (с. Дядьково Ярославского уезда), Федоровской иконы Божией Матери, Успенской единоверческой, Параскевы Пятницы на Туговой горе[2]. Позднее некоторые из этих храмов были или закрыты (Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста), или снесены (Иконы Божией Матери Донская в Донской Слободе, Илии Пророка на Ветке, Успенская единоверческая)[3]. В составленные в 1930 году дополнительные списки на снос предполагались церкви первой категории — Богоявления, Рождества Богородицы, Варвары Великомученицы, Петра и Павла на Волге, мотивируя это тем, что «здания находятся в полуразрушенном состоянии, грозя обвалом, а затрата на их восстановление является совершенно нецелесообразной»[4].

В этом глобальном повороте старые специалисты были обречены на отстранение от своего любимого дела, тем более что они подчас не скрывали своего негативного отношения к происходившим в стране переменам. Когда в конце 1920-х гг. в Ярославле быстрыми темпами пошел процесс закрытия церквей, Союз воинствующих безбожников предложил, Н.Г. Первухину и другим старым специалистам подписать открытое письмо в поддержку такой политики. В письме были следующие строки: «Мы, работники Ярославского областного музея, считаем своим долгом откликнуться на брошенный призыв "Союза безбожников"... Мы желаем работать на

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.
[2] Там же. Д. 8. Л. 52—52об.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 764. Л. 147; Д. 864. Л. 83; Д. 37. Л. 1; Д. 1191а. Б.н.; Д. 650. Л. 106; Д. 364. Л. 83; Д. 758. Л. 1; Д. 1279а; Л. 39—40; Ф.Р.-2380. Оп. 2. Л. 138—189; Д. 42. Л. 142—143; Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 39; Д. 19. Л. 5; Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

совместной работе, дело советской общественности нас использовать»[1]. Сохранившийся в архиве документ беспристрастно зафиксировал: два человека отказались подписывать это письмо — Н.Г. Первухин и А.Е. Богданович.

В 1930—1931 гг. ярославский горсовет неоднократно возвращался к вопросу о сносе церквей, но каждый раз встречал противодействие сотрудников реставрационных мастерских, музея. Они опротестовывали решения городских властей, сообщали о них в Главнауку, без согласия которой тогда запрещено было сносить памятники архитектуры, находившиеся на учете. Часть городских церквей разобрали, остальные приспособили для общественных нужд — устроили в них магазины и общежития, мастерские, склады и даже школы[2].

Положение дел резко изменилось в августе 1931 года, когда вышло в свет постановление ВЦИК, разрешив передачу молитвенных зданий в коммунальные органы местных советов. Постановление сыграло трагическую роль в судьбе многих архитектурных памятников ЦПО. 11 ноября 1931 года на заседании ярославской межведомственной комиссии с участием горкомхоза, городского финансового отдела (горфо) и гормузея было принято решение «об изъятии из ведения музея и передаче коммунальным органам перечислением из фонда национализированных в фонд муниципализированных» сорока восьми храмов «как не имеющих никакой исторической ценности»[3]. На учете Главнауки было оставлено только десять церквей, остальные «как памятники второстепенной важности, дублирующие друг друга, сняты с учета»[4].

Городские власти получили возможность распоряжаться уникальными памятниками архитектуры и древнерусской живописи по своему

---

[1] Рязанцев, Н. П. «Тип культурного добровольца…» : Н. Г. Первухин и музейное дело в Ярославском крае в послереволюционные годы / Н. П. Рязанцев // Социальная история российской провинции: материалы Всерос науч. конф. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 138.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 427. Л. 187; Д. 650. Л. 37а—38.
[3] Там же1. Д. 650. Л. 37а—38.
[4] Там же. Д. 427. Л. 185.

усмотрению согласно постановлениям ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1933 года и 10 февраля 1934 года. Как отмечал орган ярославского обкома партии «Северный край», «Ярославль, имеющий более 30 церквей, не может оставаться городом музейных церквей, загромождающих площади, улицы и проезды, нельзя приостановить разрушение того, что мешает превращению Ярославля из епархиально-купеческой колыбели в доподлинно социалистический город... Этого требует широкая пролетарская общественность Ярославля, которая не раз доказала на ряде примеров ее отношение к религии. Ярославль богат церковной архитектурой, и после разборки нескольких церквей в центре города и на окраинах их останется еще значительное количество»[1].

В городе начались активные мероприятия по сносу, каждый год разбирали по несколько церквей. На месте Воскресенской (снесена в 1930 году), Варваринской (разобрана в 1931—1932 гг.), Всехсвятской (снесена в 1936 году) церквей были построены жилые дома, ансамбль церквей Власьевского прихода (снесен в 1933 году[2]) под строительство гостиницы «Ярославль» в 1936 году. Несколько церквей — Рождества Богородицы (снесена в 1930 году), Симеона Столпника (снесена в 1933—1934 гг.) были разобраны. Последней по времени, но, очевидно, самой невосполнимой утратой был снос в 1937 году кафедрального Успенского собора XVII в., одного из самых величественных и прекрасных в Ярославле, а также древнего ансамбля церкви Петра и Павла на Волге[3], Иоанна Златоуста[4], воплотивших в себе лучшие черты ярославской архитектурной школы. Данные решения оправдывались необходимостью освобождения территории набережной и Стрелки для организации парка, который задумывался как составная часть проекта «Большого

[1] Северный край. 1932. 18 февраля.
[2] Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля / Т. А. Рутман. Ярославль, 2008. С. 175—179.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 758. Л. 1.
[4] Там же. Д. 37. Л. 1.

Ярославля»[1]. Чтобы не нарушить панораму города и сохранить архитектурную доминанту, на его месте предлагалось построить высотное здание со шпилем. План предполагал, что в ближайшие 10 лет население города вырастет до 500 тысяч человек, поэтому проблеме именно жилищного строительства уделялось большое внимание[2].

В конце 1931 года на территории ИПО осталось только 38 из 44 памятников церковного зодчества высшей и 93 — из 124 первой категории, состоящих на учете Главнауки НКП РСФСР. Документально подтверждается связь закрытия храмов с политикой государственных органов.

Приходскую общину ярославского Успенского собора решением властей ликвидировали в 1930 году. В соборе был устроен склад для произведений древнерусского искусства[3], предназначенный к вывозу за границу через Госфонд, затем в нем хранили зерно. В 1935 году его арендовало военное ведомство. 26 августа 1937 года были взорваны главы, чтобы ускорить снос собора. После взрыва начались работы по разборке стен и оставшихся двух глав[4].

Приходской совет Успенского собора, ходатайствуя о сохранении культового здания перед специалистами Наркомпроса, просил обратить внимание то, что колокольня храма украшает весь город, а ее колокола «с лирическим мягким, мелодичным звоном» радуют горожан. Главнаука, ответив на письмо, подчеркнула, что «не считает нужным поддерживать дорогостоящим ремонтом колокольню, относящуюся к середине XIX века и особо художественного значения не имеющую…»[5].

---

[1] История советской архитектуры (1917—1954) / Под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. М., 1985. С. 52.
[2] Рязанцев, Н. П. Жилищное строительство в Ярославле в годы первых пятилеток / Н. П. Рязанцев // Деловые вести Ярославии. 2008. № 5. С. 4.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 427. Л. 294—295.
[4] Северный рабочий. 1937. 28 августа (№ 199).
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1269. Оп. 1. Д. 427. Л. 296.

С уничтожением центрального храма города был нанесен удар по традициям ростово-ярославской школы зодчества. Разрушение в 1937 году собора и другие функциональные внедрения в историческую среду набережной города привели не только к резкому изменению в архитектурном облике исторической части города, но и к замене ее социокультурной сущности — главный акцент был сделан на организации городского парка культуры и отдыха. В итоге разрушение церквей привело к утрате эстетического восприятия среды древнерусского города.

Некоторые сооружения остались. Такие ансамбли как Воскресения Христова, Воздвижения Креста Господня, Петра Митрополита были приговорены к сносу, их начали разбирать, но они вдруг понадобились в качестве складских и подсобных помещений. Храмы уцелели, но, как правило, в неузнаваемом виде, без глав и куполов[1].

Небольшая группа специалистов, понимавшая историческую и культурную ценность города, пыталась противостоять проводимым мероприятиям. Но к началу 1930-х гг. и это слабое сопротивление было подавлено. Ярославское отделение реставрационных мастерских, где работали болевшие за свое дело специалисты, были закрыты в 1934 году[2], в краеведческом музее проведена чистка кадров[3]. Специальная комиссия рекомендовала «обратить особое внимание на засоренность аппарата музея чуждыми элементами и заменить их работниками, отвечающими духу времени»[4].

Для сравнения приведем сведения о превышении своих полномочий и злоупотреблениях положением местных администраций губерний Нижнего Поволжья в деле закрытия и использования культовых зданий, церковного имущества, которые содержатся в различных видах источников

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1376. Оп. 1. Д. 12. Л. 62.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.
[3] Петр Барановский: труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 34.
[4] ГАРФ. Ф.А.-1235. Оп. 2. Д. 1650. Л. 27—34.

— в делопроизводственной документации краевых (областных), городских, районных, сельских органов власти (справках, отчетах инструкторов[1], письмах верующих. На рубеже 1920—1930-х гг. в краевой Комиссии по вопросам культов были часты поступления жалоб от духовенства и верующих на неправильное исчисление налогов, на оскорбления чувств верующих. Митрополит Саратовский Серафим был вынужден обратиться в октябре 1931 году в Нижне-Волжский крайисполком с просьбой предотвратить уничтожение священных для верующих предметов — святых даров, антиминсов, которое допускалось представителями советских органов власти при закрытии храмов в Балашовском, Вольском, Камышинском, Пугачевском округах[2]. Также последовали просьбы об уменьшении платы налога за аренду храмов за два года вперед.

Следует заметить, что местные органы власти стремились быстрее закрыть, снести или переоборудовать многие храмы без учета их художественной и архитектурной ценности. При этом основания для этого часто не соответствовали действительности. Так, побывавший во Владимире в 1925 году архитектор П.Д. Барановский, своим решением на недолгое время отложил разборку Рождественского храма[3]. Специалист Главнауки Наркомпроса Н.В. Левинсон в 1929 году отмечал: «Здание это представляет значительный интерес как научное воспроизведение памятников древнего Владимира XII в.»[4]. Руководство Владимирского ГИКа мнение ученых не учло, разрешив горкомхозу «сломать здания ныне закрытых церквей…»[5]. И в уже в июле 1930 года, с согласия Главнауки, которое не стало учитывать мнение своих специалистов, ор-

[1] См.: Докладную записку инструктора И.Е. Филимонова «О результатах проверки законности закрытия церквей в Ольховском районе» в президиум Сталинградского крайисполкома от 4 мая 1935 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГУ ГАВО). Ф.Р.-2059. Оп. 2. Д. 628. Л. 61-63 об.
[2] Там же.
[3] ГАВО. Ф.Р.-19. Оп. 1. Д. 38. Л. 152.
[4] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 1360. Л. 72.
[5] Там же. Л. 183.

ганы местной власти собор и колокольню Рождественского монастыря во Владимире сняли «с учета как разобранные»[1].

Нами было подсчитано, что на территории исследуемых губернских центров Центрально-промышленной области была уничтожена 141 церковь (табл. 4) — 50 % от всего количества памятников древнего зодчества губерний. Список храмов сократился в большей степени в Иваново и Костроме —80 и 75 % сооружений соответственно было уничтожено. Ярославская область потеряла 62 % храмов, а Тверская земля — 69 %. Относительно других губерний меньше всего церквей пострадало на Владимирской земле — 24%. Местные органы власти повсеместно поддержали политику государства, уничтожив памятники XVII-XIX вв. более чем на половину в каждой из губерний.

Таблица 4

Количество уничтоженных церквей в городах Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг.[2]

Город	Количество храмов, 1917 г.	Количество уничтоженных храмов, 1920—1930-х гг.
Владимир	104	25
Иваново	20	16
Кострома	41	31
Тверь	26	18
Ярославль	103	51

Несмотря на постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников»[1], в котором прямо указывалось на то,

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 24.

[2] Составлена по материалам: Цыпин, В. История Русской Православной Церкви. 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий / В. Цыпин. М., 1994; ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 24. Л. 20; Минин, С. Н. Утраченные памятники монументального искусства / С. Н. Минин // Минин, С. Н. Губерния в старой открытке / С. Н. Минин. Владимир, 2000. С. 44—47.

что со стороны местных органов власти происходит нарушение действующего законодательства, памятники самовольно ломали, переделывали, использовали не по назначению[2]. На практике, во Владимире проводилось систематическое разрушение памятников зодчества прошлого, прежде всего, храмов и монастырских комплексов. Признание здания как памятника не обеспечивало ему иммунитета. Уничтожение памятников старины в 1930-е гг. было сознательным и целеустремленным — оно было одной из форм борьбы со старым миром. Убиралось всё, что возвышалось над уровнем пролетарской и партийной символики. Кроме того, разрушались религиозные основы общества — уничтожалось то, что было построено родителями, дедами и прадедами.

В первую очередь разбирались на кирпич игравшие важную градостроительную роль постройки в центре Владимира[3]. Были разрушены все церкви, стоявшие по главной Большой Московской улице (за исключением церкви Николая Чудотворца в Кремле): Николы Златоврацкого в 1929 году[4] и Параскевы Пятницы в 1929—1930 гг.[5], собор и колокольня Рождественского монастыря в 1930 году[6], Владимирская часовня около здания городской управы, все храмы в восточной части центра или бывшем Ветшаном городе (за исключением Богородицкой церкви). Также были уничтожены храмы, которые формировали главное композиционное ядро города — церкви Св. Сергия в 1929 году, Св. Ильи в 1932 году, Св. Иоанна Богослова в 1933 году[7], и стоявшая южнее — церковь Жен Мироносиц в 1929 году, ограда и колокольня Успенского Княгини-

---

[1] Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников» // СУ РСФСР. 1933. № 44. Ст. 179; Свод памятников архитектурного и монументального искусства России / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1998. Ч. 1. С. 52.

[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 33. Л. 115.

[3] Смирнова, А. П. Из истории охраны памятников культуры Владимирской области. 1917—1925 гг. (по архивным материалам) / А. П. Смирнова // Памятники истории и культуры. Вып. 3. Ярославль, 1988. С. 45—49.

[4] ГАВО. Ф.Р.-24. Оп. 1. Д. 1360. Л. 183.

[5] ГАВО. Ф.Р.-26. Оп. 1. Д. 488. Л. 11.

[6] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 24.

[7] ГАВО. Ф.Р.-19. Оп. 1. Д. 703. Л. 11.

на монастыря в 1928—1932 гг. Полностью были разрушены церкви Воскресения Христова, Сретенская церковь Анастасиинского монастыря и другие[1].

В 1930-х гг. во Владимире было снесено более 20 процентов ценных архитектурных построек, т.е. каждый пятый памятник. Причины сноса были аналогичны ярославским — и идеологические и экономические. На территории города начинает развиваться промышленность, построена ткацкая фабрика «Пионер», маслобойный и кирпичный заводы и другие предприятия. Быстрое промышленное строительство в конце 1920-х гг. привело к значительному росту города и городского населения. В годы гражданской войны и экономического кризиса 1920-х гг. начался рост населения городов за счет миграции крестьянства, что также повлияло на развитие губернского центра, где количество рабочих к 1923 году сравнительно с предреволюционным периодом увеличилось в четыре раза. В 1926 году население города составляло уже 40 тысяч человек, а в 1939 году — почти 67 тысяч человек. Самым важным направлением становится жилищное строительство, которое развернулось в северном и восточном фабричных районах.

Начало более масштабного промышленного и жилищного строительства во Владимирской области относится к концу 1920—началу 1930-х гг. Территория края до 1936 года вошла в состав образованной в 1929 году Ивановской промышленной области. В этот период во Владимире построены такие заводы, как «Автоприбор», «Химпластмасс». В центральной части города в начале 1930-х гг. появились несколько больших многоквартирных домов для рабочих химического завода. При строительстве данных зданий проявилось характерное для исследуемого периода откровенно негативное отношение к историко-архитектурному наследию, в том числе к масштабу исторической городской застройки.

[1] Минин, С. Н. Губерния в старой открытке / С. Н. Минин. Владимир, 2000. С. 47.

Церкви, препятствовавшие застройке и расширению города, местные власти сносили не задумываясь[1]. Считалось, что старый город необходимо отстроить заново, активно увеличивая его фактические границы, сопровождая строительство проведением коммуникаций, а главное, перекраивая улицы до неузнаваемости. Такие стройки автоматически изменяли инфраструктуру всех прилегающих к городу районов с их церковными сооружениями. Всего на территории губерний Центрального России в 1920—1930-х гг. было построено более 1 000 заводов.

Сложна была судьба храмов, избежавших сноса. Музеи, не имевшие средств для сохранения и реставрации церквей, были вынуждены сдавать их в аренду. В конце 1920 — начале 1930-х гг. во Владимире составляются списки помещений под склады зерна, соли, льна. В этих списках можно найти Дмитриевский собор XII в., собор Княгинина монастыря XVI в.[2]. В Суздале Спасо-Ефименский, Покровский, Ризположенский монастыри и Смоленская церковь использовались НКВД, 15 церквей были переоборудованы под склады, остальные — под пригородное хозяйство, общежития, машинно-тракторную станцию[3]. В случае сохранения храма, окружавшая его ограда и кладбище безжалостно уничтожались, прекращался звон колоколов[4]. Города понесли большие потери в результате сноса храмов в 1920—1930-х гг. Были снесены многие памятники церковной архитектуры, такие как Рождественский собор одноименного монастыря, Богословская, Борисоглебская, Ильинская, Мироносицкая, Николо-Златовратская церкви, Владимирская часовня, лютеранская кирха[5].

---

[1] Купцов, А. Г. Миф о гонении церкви в СССР / А. Г. Купцов. М., 2009. С. 65.

[2] Минин, С. Н. Утраченные памятники г. Владимира / С. Н. Минин // Семь слонов. 1996. 22 февраля. С. 4.

[3] Ревякин, Е. С. Памятники церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия» (по материалам Ивановской промышленной области) // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв. Материалы XIV Международ. науч. конф. Иваново, 2015. С. 285.

[4] ГАВО. Ф.Р.-19. Оп. 1. Д. 716. Л. 69.

[5] Курышева, Е. Д. Памятники государства по отношению к церкви в 1917—1930 гг. : по материалам Владимрской губернии / Е. Д. Курышева // Антология проблем социально-экономического развития.

В течение нескольких лет плановым порядком было уничтожено то, что Православная Русь отстраивала несколько веков. Работники губернских органов власти, представляя свои проекты по использованию памятников, действовали в обход рекомендаций историков и архитекторов, согласовывая сносы и разборы памятников в вышестоящих организациях столицы, методично добиваясь решения, действуя согласно изменениям в законодательстве.

На Костромской земле в 1930-е гг., по нашим подсчетам, было снесено 80 процентов ценных архитектурных построек[1]. Анализу поддается список потерь, сопоставить количество исчезнувших и оставшихся которых возможно по книге Б. Дунаева, выпущенной в 1913 году [2]. Перечислим название некоторых церквей, которые были уничтожены в результате проводимой политики 1930-х гг.: костромской кремль с двумя соборами и барочной колокольней — старый собор XVII в.[3], Успенский кафедральный собор конца XVIII в.[4], рядом с ним триумфальные врата[5]; Богородицерождественский Собор в Ипатьевском монастыре[6]; церкви — Рождественская; Троицкая; Христорождественская на Дебре; Покровская в Полянской слободе[7]; Воскресенская на площадке; Предтеченская; Архангельская; Салтыковская в Богоявленском монастыре; Всехсвятская; Богоотцовская; Георгиевская на площадке; Космодамиановская на гноищах; Стефано-Сурожская; Введенская; Покровская в Крупенниках; Петропавловская; Царе-Константиновская; Успенская; Спасская на Под-

---

Пути решения: материалы межвузов. научно-практич. конф. студентов 15 нояб. 2006 г. Владимир, 2006. С. 69.

[1] Филатов, Е. Долг нашей совести / Е. Филатов // Художник. 1989. № 9. С. 32.

[2] Дунаев, Б. И. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства : Опыт археолого-статистической переписи / Б. И. Дунаев. М., 1913.

[3] ГАРФ. Ф.Р.-5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 14.

[4] ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-765. Оп. 1. Д. 467. Л. 1; Хлебников, М. Взрыв над Волгой / М. Хлебников // Молодой ленинец. 1990. № 20. С. 6—7; Рубанкова, Г. Взрыв костромского кремля / Г. Рубанкова // Костромские ведомости. 1999. 31 августа.

[5] ОГБУ ГАНИКО. Ф.П.-765. Оп. 1. Д. 467. Л. 20—21.

[6] Там же. Л. 9—9об.

[7] Костромской день (О снесении Покровской церкви в г. Костроме) // Северная правда. 1936. 15 марта. С. 4.

вязье; Богородицкая в Кузнецах; Собор Анастасиинского монастыря; Сретенская Анастасиинского монастыря; Власиевская; Ильинская; Знаменская; Борисоглебская[1]; Благовещенская; Успенская на Волге. Добавим в список Вознесенскую и Богословскую церкви[2].

Дискуссия о сносе соборной группы церквей кремля проводилась на страницах местной печати, информируя о проводимых мероприятиях: «Снести церкви соборной группы постановил президиум горсовета для расширения площади Парка культуры и отдыха. Церкви должны быть снесены в настоящем году. В Наркомпрос послана горсоветом просьба о снятии с учета намеченных к сносу церквей, в том числе и колокольни»[3].

Точку в противостоянии в борьбе за вышеуказанные памятники поставила резолюция, принятая Комитетом по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК о снятии с государственной охраны и учета и сносе зданий зимней и летней церквей Успенского собора и колокольни[4]. Вырученные средства от реализации зданий соборной группы должны были быть направлены, по мнению председателя секретариата ВЦИК Н.Ф. Новикова, на реставрацию и ремонт следующих памятников — закрытой церкви Воскресенья на Дебре зданий и Ипатьевского монастыря.

Представители Центральных государственных мастерских успели зафиксировать и замерить приготовленные к сносу памятники, тем самым, по нашему мнению, сохранив их данные в качестве исторических источников[5]. Л. Любимов записал в дневнике работ по научной фиксации и замерам нескольких церквей XVI—XVII вв. в г. Костроме: «… на 6 и 7 июля были назначены подрывные работы, ставившие своей целью

---

[1] Разрушенные храмы Костромы // Костромские епархиальные ведомости. 2008. № 7. С. 47-48.
[2] ОГБУ ГАНИКО. Ф.П-765. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.
[3] О закрытии церкви Спаса на Запрудне требуют рабочие фабрики № 5 в количестве 435 чел. // Красный мир. 1922. 24 августа; Зебрин, М. Вдоль да по улице / М. Зебрин // Северная правда. 1936. 5 августа. С. 3; ГАРФ. Ф.Р.-5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 18.
[4] ГАРФ. Ф.Р.-5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 12.
[5] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 52. Д. 110. Л. 5, 10.

опустить перекрытие собора (своды) путем подрыва внутренних столбов. Для этой цели в стенах собора и в столбах выбивались камеры для закладки зарядов… В этом примере было впервые, пожалуй, у нас проведено использование взрывчатки при обследовании памятника архитектуры…»[1]. В ходе подрывных работ были найдены уникальные фасады с остатками закомар, расположенных ниже известных с фресковыми росписями, пилястры и между ними древнее окно, заложенное с двух сторон[2].

В ночь с 7 на 8 июля 1934 года Костромской кремль перестал существовать, на месте Богоявленского и Успенского Соборов образовалась груда развалин, шестидесятичетырехметровая колокольня была уничтожена[3]. Как следует из документов, данному трагическому событию предшествовала подготовка взаимосвязанных мероприятий, начало которых относится к 1931 году, а завершение к 1935 году. В частности, изъятые золоченые предметы (иконостасы, киоты) из Успенского собора были взяты под контроль Костромским городским отделом ОГПУ в 1935 году[4].

Считая мероприятие экономически выгодным, дорожно-мостовое управление горкомхоза развернуло работы по сносу древней церкви, расположенной на ул. Крестьянской напротив здания городского диспансера. По окончании работ было получено 700 кубометров камня и 200 тысяч штук красного кирпича[5]. Разбор костромской церкви Ильи Пророка был произведен с целью получения материала для строительства Главпочтамта. Сначала снос памятников пытались оправдать хозяйственной необходимостью, но затем была выдвинута новая причина —

---

[1] ГНИМА. Ф.-31. Оп. 11. Д. 2. Л. 1—3, 8—10 // Цит. по: Елизаров, А. М. Как это было. Документы и материалы о сносе соборов Костромского Кремля в 1934 г. / А. М. Елизаров // Костромские епархиальные ведомости. 2008. № 7. С. 40.
[2] ГАРФ. Ф.Р.-1235. Оп. 52. Д. 110. Л. 5, 10.
[3] ГАКО. Ф.Р.-7. Оп. 5. Д. 44. Л. 174.
[4] Там же. Л. 178; ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 106.
[5] Сносится церковь (О сносе церкви по ул. Крестьянской) // Северная правда. 1935. 22 окт. С. 4.

необходимость идеологической борьбы[1]. Поразительно то, что многие памятники, попавшие под снос, незадолго до этого момента были отреставрированы общинами.

Некоторые представители губернской власти, руководствуясь пролеткультовскими идеями, при поддержке местного государственно-партийного руководства, недооценивали значение исторического и культурного наследия в общественной жизни[2]. В силу ограниченности своей идеологии они не могли увидеть в памятниках научной, эстетической и социальной ценности, поэтому смотрели на памятники как на средство идеологического воздействия на сознание масс, стремились использовать их только с пропагандистскими и прагматичными целями. По их мнению, если памятники не отвечали этим задачам, то они не заслуживали права существовать в социалистическом обществе.

Кроме того, в представлении православного русского населения храмы выполняли функцию хранилища некоей православной святыни (например, иконы, мощей). Таким образом, храм являлся своего род «футляром», в котором хранилось всё истинно ценное обладающее святостью. После революционных событий многие священники бежали, прихватив с собой иконы. И после этого, данный храм утрачивал свою ценность, становясь обычным домом. Те же процессы происходили, когда иконы прятали от осквернения или отправляли в музеи. Без икон храм переставал быть храмом. Возможно, поэтому местное население, во многом уже атеистичное, достаточно равнодушно отнеслось к превращению церквей в склады и клубы, к их разрушению. Если в столице первоначально были лишь единичные факты разрушения церквей большевиками, то в провинции местные органы власти действовали сложнее.

---

[1] Хроника безбожного фронта // Северная правда. 1934. 24 января. С. 4.
[2] Костромской день (О сносе соборной группы церквей Кремля в г. Костроме) // Северная правда. 1933. 16 июля. С. 4.

Список памятников архитектуры, подлежавших государственной охране в Костромском округе в 1930-х гг., был сокращен. Более того, с этого времени начался систематический снос исторических монументов и памятников культуры на территории района. Разбирались церкви, преимущественно, на кирпич. Горкомхозу разрешалось получать строительный материал путем ликвидации церквей низших категорий[1], которые считались памятниками, не представлявшими ни исторической, ни художественной ценности.

В Костроме собор Ипатьевского монастыря использовался музеем, а его подвал, усыпальница, звонница были заняты фабрикой, Орсом и складом зерна, в ограде с башнями находились свинарник и судомеханический завод[2].

Антирелигиозная работа, сопряженная со сталинским тезисом об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, стала окончательно приобретать погромный характер. Колоссальный ущерб памятникам костромской культовой архитектуры был нанесен в результате антирелигиозной борьбы под лозунгом: «Сметем с советских полей очаги религиозной заразы»[3]. Были разрушены более сорока церковных памятников Костромской земли, тесным образом связанных с историей и культурой русского народа, погибли образцы фресковой росписи, резные иконостасы, киоты, ценнейшие иконы, церковная утварь, высокохудожественные работы, предметы народного творчества.

В условиях развития городов Ивановской Промышленной области задачи градостроительства и сохранения памятников еще более переплетались. Стало очевидным, что сбережение памятников — задача не только просветительная и воспитательная, но и сложная градострои-

[1] ГАРФ. Ф.Р-5263. Оп. 1. Д. 722. Л. 20.

[2] Ревякин, Е. С. Памятники церковной архитектуры в период «воинствующего безбожия» (по материалам Ивановской промышленной области) / Е. С. Ревякин // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI вв. Материалы XIV Международ. науч. конф. Иваново, 2015. С. 285.

[3] Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967) / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 7. С. 200.

тельная. В связи с этим возникла дискуссия о месте архитектурных памятников в современном городе. Обсуждение было порождено распространением негативного отношения к историко-культурному наследию, которое господствовало в официальных кругах[1].

Многие церкви Костромской губернии были не уничтожены, а переделаны под жилье, отданы различным конторам и ведомствам. Богословская церковь в Костроме была перестроена под планетарий[2], в Преображенском соборе Галича размещен хлебозавод, Преображенский собор Чухломы и Солигаличский Крестовоздвиженский Борисоглебский храм были приспособлены под склады[3]. Такого рода мероприятия проходили и по всему Костромскому району. В Нерехте, Судиславле соборы были законсервированы, бывший Сыпановский монастырь под Нерехтой находился в плачевном состоянии. Разрушены были многие кладбища при монастырях, могилы известных костромских деятелей — И. Сусанина, В. Соколова.

Одно из лучших украшений города — известный памятник Ивану Сусанину работы знаменитого скульптора В.И. Демут-Малиновского, находившийся на центральной площади в Костроме, был снесен. Бронзовая фигура Сусанина и барельефы памятника переплавлены[4], гранитная колонна зарыта в землю, а гранитный пьедестал, с большим трудом доставленный ранее в Кострому из Финляндии, частично разбит на щебень для замощения улиц города[5].

Виновными в трагедии, которая случилась с памятниками истории и культуры в Костромской губернии, как и во всей промышленной области, в 1930-х гг., являются представители центральных и местных органов власти, общественность. Идеологическое оправдание разрушений

---

[1] Маленькие безбожники голосуют за закрытие церквей // Северная правда. 1930. 7 января.
[2] Филатов, Е. Долг нашей совести / Е. Филатов // Художник. 1989. № 9. С. 32.
[3] ОГБУ ГАНИКО. Ф.Р.-765. Оп. 1. Д. 467. Л. 5.
[4] Зонтиков, Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность / Н. А. Зонтиков. Кострома, 1997. С. 201.
[5] ГАКО. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 486. Л. 1. В дальнейшем на пьедестале воздвигли памятник В.И. Ленину.

церковной архитектуры было подкреплено резолюциями руководства в центре и на местах, положениями Союза воинствующих безбожников. Пользуясь неграмотностью населения, официальная пропаганда настраивала коллективы некоторых предприятий на активные выступления против церковных памятников[1].

Разрушение губернских культурных ценностей продолжалось в 1930-х гг. и в Калинине, на территории которого в 1935 году был взорван знаменитый Спасо-Преображенский кафедральный собор с колокольней[2]. Тогда же, в связи с постройкой канала Москва—Волга и устройством речного вокзала, снесли древнейший Тверской Отроч монастырь[3].

Методичный разрушительный процесс уничтожения памятников древнего церковного зодчества на «родине первых Советов» в городе Иваново начался еще в 1923 году, когда была снесена церковь Александра Невского, а затем в 1925 году — Владимирская часовня[4]. На рубеже 1920—1930-х гг. главный храмовый комплекс города, состоявший из церквей Воздвижения Креста и Рождества Христова, освободил место для создания площади Революции. Здание драматического театра разместилось на территории исчезнувшего собора Покрова Богородицы и церкви Троицы. В центральной части города на улице Ермака был разобран Собор Спаса Всемилостивого, а уничтожение Ново-Казанской ча-

---

[1] О закрытии церкви Спаса на Запрудне требуют рабочие фабрики № 5 в количестве 435 человек // Красный мир. 1922. 24 авг.; Закрыть церковь Бориса и Глеба требуют студенты текстильного института и лесного техникума // Северная правда. 1935. 28 апр.; Костромской день (О закрытии церкви Спаса на Запрудне в г. Костроме) // Северная правда. 1935. 28 апр.

[2] Пролетарская правда. 1935. 7 января; Салимов, А. М. Тверской Спас / А. М. Салимов // Градсовет: архитектурный альманах. 2008. № 7. С. 36.

[3] Свод памятников архитектуры и монументального искусства России / Гос. ин-т искусствознания Федерального агентства по культуре и кинематографии. Тверская область: в 6 ч. Ч. 2 / Отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2006. С. 120.

[4] Головкин, А. Об антирелигиозном движении в губернии / А. Головкин // На ленинском пути. 1928. № 9—10. С. 13.

совни стало отправной точкой строительства центрального почтамта. Центр Вознесенского посада остался без церкви Вознесения[1].

Сторонников перепланировок не остановила и политика руководства строительных мероприятий. Так, главный архитектор Ленинграда, автор первого генерального плана города Иваново Л.А. Ильин писал: «Строить на этом пятачке (территория дворца искусств) здание... немыслимо, будет тесно и дорого. Будет снесена, безусловно, живописная и ценная не только в масштабах Иваново-Вознесенска старинная игрушка. Я считал бы это большой потерей для живописности города и большой ошибкой»[2]. Мнение специалиста дальнейшую судьбу храмов не изменило — в 1931 году они были снесены. На месте памятников архитектуры появилась выложенная из кирпича надпись: «На месте очагов классового рабства построим дворец социалистической культуры»[3].

Аналогичные процессы затронули и города по всей Ивановской области. Создание новых или изменение названий старых площадей привели к тому, что Спасская площадь города Шуи была переименована — в Советскую. «Советская общественность требует, чтобы города способствовали той работе, которую ведёт республика. Главная площадь в городе должна иметь свой специальный характер, отвечающий политическим и идеологическим воззрениям современности. Перед зданием (Домом) советов необходима площадь, на которой могли бы собираться демонстрации, куда бы правильными потоками вливались достаточно широкие улицы, способствующие заполнению и эвакуации площади»[4].

В 1937 году на Базарной площади после сноса часовни Александра Невского и части торговых рядов было начато строительство кинотеатра «Родина» из кирпича разрушенной в октябре 1936 году Троицкой церк-

---

[1] Негасимый свет: судьбы храмов и судьбы людей земли Ивановской. Иваново, 2000. С. 155—160.
[2] Сиразиева, Л. Как в Ивановской области разрушали церкви / Л. Сиразиева // Иваново-Вознесенск. 2004. № 41 (26 октября). С. 26.
[3] Там же.
[4] ГАИО. Ф.Р.-2669. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3.

ви[1]. Перед кинотеатром установили трибуну. Базарную площадь переименовали в Центральную[2].

Проводя сравнения, отметим, что в городах Нижней Волги мощная атака на церковь в 1930-х гг. также привела к фактическому прекращению её организованной деятельности. Храмы были отобраны у ее владельцев и полуразрушены. В Саратове в лютеранской церкви разместили отделение госбанка, позднее — филармонию, кукольный театр. Католический собор был отдан под кинотеатр. Многие служители лютеранской и католической церквей (Э. Зайб, Х. Вагнер, Э. Пфайффер, А. Баумтрог и др.) были репрессированы. Часть из них стала жертвой компании борьбы «с фашистами и их пособниками» (1934—1935 гг.)[3]. Их вина заключалась в получении и распространении иностранной благотворительной помощи.

В 1939—1940 гг. при строительстве Угличского водохранилища взорвали Калязинский Троицкий Макарьев монастырь. В начале 1930-х гг. в монастыре был размещен дом отдыха для рабочих и служащих Московского электрозавода. В кельях была размещена экспозиция Калязинского историко-краеведческого музея, основанного И.Ф. Никольским в 1920 году[4].

Новая точка отсчета жизни монастыря может быть зафиксирована в 1936 году. Начиная с этого периода, началась разборка стен, башен, затем всех сооружений. ВЦИК и СНК РСФСР обязывали другие компетентные органы произвести замеры, фотофиксации и изготовление макета не только стены, но и всего памятника в целом за счет строительства Волга—

---

[1] Тихомиров, А. Церковь Александра Невского / А. Тихомиров // Рабочий край. 1992. № 47 (4 декабря). С. 3.

[2] Тихомиров, А. Как гибли храмы / А. Тихомиров // Рабочий край. 1993. № 21 (18 июня). С. 4; Он же. Ансамбль Лежневских церквей / А. Тихомиров // Рабочий край. 1994. № 38 (5 октября). С. 3.

[3] Песков, В. В. Культурная политика в 1928–1941 гг. На материалах Нижнего Поволжья / В. В. Песков // Создание и развитие полигона «Капустин Яр» – героическая страница истории Астраханской области (к 60-летию 4-го государственного Центрального Межвидового полигона Министерства обороны Российской Федерации (ГЦМПОРФ)): сборник статей научной конференции 21 апреля 2006 г. Астрахань, 2006. С. 163-166.

[4] Суворов, Н. А. Калязинские храмы и монастыри (краткие исторические очерки) / Н. А. Суворов. Калязин, 2004. С. 109.

Москва. Так же Комитету по охране памятников поручалось обеспечить сохранность фресок и ценного инвентаря. От некогда величественной обители остались лишь фрески XVII в., более ранние изразцы с рельефным орнаментом или с фигурой всадника, китовраса (русский вариант античного кентавра), фрагменты кирпичной кладки, куски белокаменной резьбы, надписи, вырезной металлический всадник — флюгер, снятый с одной из монастырских башен. А сохранившаяся до наших дней полузатопленная колокольня в Калязине стала символом разрушения русских святынь. Похожая ситуация сложилась Покровским Паисьевым Угличским мужским монастырем, затопленным при строительстве Угличского гидроузла в конце 1930-х гг.[1].

Первым Генеральным планом Переславль-Залесского можно назвать Генеральную схему 1928 года, составленную в Бюро планировки картоиздательства НКВД под руководством профессора Б. Коршунова. Схема задавала масштаб территории и численность населения города. Документ впервые рассматривал перепланировку и расширение города с занятием под парк Борисоглебского кладбища, отводом под строительство ряда участков, занятых церковными зданиями. Инженеры НКВД заверяли, что в неприкосновенности сохранят кремль и городище с валами. Музейный отдел и ЦГРМ боролись за сохранение облика древней обстановки. В Переславль-Залесский был послан реставратор Н.Р. Левинсон, который после осмотра сооружений подтвердил уникальность объектов и предложил выработать особые критерии определения ценности памятников архитектуры для подобных городов. В 1939 году сотрудники Ивановского облмузея составили список взятых на учет памятников[2].

В марте 1930 года руководство Центральных реставрационных мастерских выдало горсовету Переславля-Залесского разрешение на слом-

[1] Энциклопедия Угличского края / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2014.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 131. Д. 23. Л. 5.

ку Духовской и Предтеченской церквей (XVIII в.). В середине года дело с памятниками города заметно осложнилось. Реставратор В.А.Мамуровский докладывал об этом на заседании архитектурно-реставрационного отдела ЦГРМ: «...Положение памятников в Переславле-Залесском с каждым днём ухудшается. Без согласования с Главнаукой используются и разбираются церковные здания: занята под школу Сергиевская церковь, под клуб Симеон Столпник, при этом иконостасы ломаются без изъятия художественных частей»[1]. Соборная колокольня 1740 года I категории была разобрана, сломаны решётки XVIII века, предполагалась разборка зданий Введенской церкви, был поднят вопрос о сломке бывшего Даниловского монастыря. На заседании было решено отметить «недопустимость использования и разборки памятников историко-архитектурного значения без согласования с Главнаукой... Принять меры к срочному изъятию ценных художественных частей....»[2].

Положение в деле сохранения памятников искусства и старины Переславле-Залесского усугублялось тем, что в городе решено было строить крупный военный завод, в связи с чем предъявлялась необходимость разборки ряда древнерусских зданий. Вся «тяжба» городских властей с музейными работниками вокруг памятников старины временно завершилась выделением 11 памятников высшей и первой категории, которые необходимо было «безусловно сохранить» (комплексы Данилова, Никитского, Горицкого монастырей)[3].

К разборке допускались 17 церковных памятников, главным образом, XVIII−XX вв. Такая цена была «уплачена» музейными работниками и реставраторами как единственная возможность спасения главных памятников города[4].

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 60—62.
[2] Там же. Л. 38.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 12.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.

Массовый масштаб приобрёл в 1920—1930-х гг. процесс закрытия церквей и главных соборов в малых городах других территорий. Были закрыты соборы в Юрьеве-Польском, 8 церквей в Муроме и другие. Церкви после закрытия оказывались лишёнными защиты со стороны своего прихода. Храмы приспосабливали под клубы, общежития, кинотеатры, красные уголки, даже детские ясли и бани. Внутреннее убранство — иконостасы, иконы, церковная утварь — было национализировано. Частично ценности перевозили в губернские музеи, в Москву. Большинство книг, например, уничтожалось на месте. В закрытой Крестовоздвиженской церкви, художественном памятнике города Углича, с оригинальной восьмигранной колокольней, иконостас был распилен на дрова[1].

***

Период 1920—1930-х гг. характеризуется резким усугублением идеологической тенденциозности в отношении к прошлому своей страны в губерниях Центрально-промышленной области. Своеобразная оценка государством роли памятников старины как важного фактора социального развития общества отрицательным образом повлияла на всю охранную, музейную, краеведческую и реставрационную работу. В исследуемые годы наблюдалась борьба различных взглядов на сохранение храмовой архитектуры: с одной стороны, уничтожение «идеологически вредных» ансамблей; с другой — активные попытки общественности сохранить памятники искусства и старины для потомков.

Первопричиной уничтожения памятников, по нашему мнению, являлась борьба с религиозным мировоззрением. Утрата памятников культового зодчества повлекла за собой процессы разрушения в культурной

[1] Горстка, А. Н. История одной церкви / А. Н. Горстка. Углич, 1999. С. 18; Энциклопедия Угличского края / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2014.

среде, на всем территориальном пространстве Ивановской Промышленной области и смежных территорий.

Анализируя воздействие государственной политики на мероприятия по сносу церковных сооружений в различных губерниях, выделяем общим тот факт, что многочисленные храмовые комплексы, исчезнув с площадей и улиц, в значительной степени изменили облик большинства населенных пунктов и нанесли ущерб культурному наследию городов. Губернская культура понесла невосполнимые утраты.

Храмы губерний региона Центрально-промышленной области являлись некими точками, где были сфокусированы мировоззренческие и эстетические представления людей и составляли систему сакральных мест на определенном пространстве. Силуэты культовых зданий читались и как признак этнической и конфессиональной разнородности населения, вычленяя ареал их расселения в городе или селе. В губернских городах были представлены в основном православные, но существовали и старообрядческие, католические, лютеранские, мусульманские храмы, иудаистские синагоги и баптистские молитвенные дома. В советский период одинаковая судьба была у культовых зданий всех конфессий — их перестраивали, разрушали, или приспосабливали для различных функций, далеких от богослужебных. Население столкнулось с широким диапазоном реализации богоборческой программы советского государства.

Статус памятников культового зодчества изменялся, утратив богослужебное предназначение. Все эти процессы 1930-х гг. были тесно связаны с государственной политикой, проводившейся по всей стране, в том числе и в губерниях Центрально-промышленной области, борьбой всеми способами с религией: от уничтожения христианских святынь и заканчивая физическим уничтожением священников и верующих.

На протяжении 1930-х гг. отношение к памятникам трансформируется. Первоначально храмы национализировались, затем передавались лояльным по отношению к власти обновленцам. Когда стало ясным, что данная тактика не привела к уничтожению религии, была поставлена задача перепрофилировать, перестроить или снести культовые здания. Таким образом, они лишались своего главного статуса — богослужебного. В 1930-х гг. именно соборы закрывают и разрушают в первую очередь, реже храмы перестраивают. Не затронули разрушения некоторые «уники», т.е. уникальные архитектурные сооружения.

Активизация процесса разрушения памятников, с одной стороны, не имела под собой каких-либо законных оснований. Нормативно-юридически закреплялось сохранение памятников искусства и старины, на местах музейные работники активно боролись с органами власти, пытавшимися разрушить архитектурное наследие под эгидой строительства социалистических городов. Однако местная администрация действовала в обход рекомендаций историков и архитекторов, согласовывая сносы и разборы памятников в вышестоящих организациях столицы, ссылаясь на необходимость обеспечения жильем постоянно растущее население губернских городов.

Следует заметить, что новый генеральный план реконструкции и развития города «Большой Ярославль» впервые в отечественной практике разрабатывался и внедрялся как социальный документ с элементами социологического опроса населения. «Не особо ценные памятники» были навсегда вычеркнуты из плана развития городов Центрально-промышленной области.

Тем самым, в рассмотренный период, в основном, происходит функциональная замена культовых зданий, формируя «властную зону» бездуховного общества в губернских городах Центрально-промышленной области. В середине 1930-х гг. наблюдается социалисти-

ческая «имперская» волна, когда приоритетными становятся общественные архитектурные сооружения, изменявшие прежний облик центральных площадей и оттеснявшие сохранившиеся храмы на периферию исторической застройки.

4.2. Исследование, переучет и сохранение музейных ценностей

Специалисты Музейного отдела Главнауки, Центральных государственных реставрационных мастерских, поддерживавшие научные связи с губернскими музеями в 1930-х гг., решали проблемы исследования, учета и сохранения культурных ценностей по нескольким направлениям[1].

В комплексной и многоплановой деятельности ЦГРМ по сохранению памятников в губерниях Центрально-промышленной области (кроме реставрационной и консервационной работы) важное место занимали методические разработки. Например, была продолжена разработка критериев разделения архитектурных объектов на категории, подготовки первого государственного списка памятников и оценка проблем регистрации памятников[2]. Отметим, что разработанный специалистами мастерских комплексный подход к распределению памятников на категории отражал, в первую очередь, их ценность.

Мы солидарны с исследователем О.В. Галковой, которая считает, что в данной классификации ценность памятника выступала как субъективная, оценочная категория, отражавшая, в первую очередь, вклад того или иного памятника в мировое или национальное искусство и художественную культуру[3]. Впервые также была сделана попытка выстроить некую иерар-

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 61.
[2] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
[3] Галкова, О. В. Проблема типологизации памятников истории и культуры / О. В. Галкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 96.

хию памятников, разделив их на три неравнозначные категории в зависимости от их ценности. При всем том, что была отмечена их историческая и архитектурно-археологическая ценность, хронологический признак необоснованно считался важнейшим для определения художественной ценности того или иного сооружения[1].

В ходе развития в культуре тенденций историзма, архитектурные памятники трактовались исследователями как отображение исторического процесса. При этом художественный критерий оценки памятников играл определяющую роль в их использовании в музейном показе, который, в конечном счете, способствовал сохранению интересных с историко-культурной точки зрения объектов. После того как памятники истории перестали использоваться как религиозные объекты, их стали использовать под размещение музейных экспозиций. В результате нередко игнорировалась историко-культурная ценность памятника или возникали огромные противоречия, причиной которых могла стать, к примеру, организация атеистических экспозиций в культовых зданиях. Последствия реализации подобного подхода не могли не сказаться на отношении к движимым и недвижимым памятникам Центрально-промышленной области.

Мнение музейных работников не учитывалось при использовании реликвий XVIII—XIX вв. Уже на Всероссийском музейном съезде впервые прозвучала мысль о том, что музеи должны рассматриваться, прежде всего, как политико-просветительские организации. При этом среди новых функций музеев сохранение памятников не называлась. Принятые «Тезисы» на музейном съезде 1930 года отличались крайней нечеткостью и противоречивостью.

С одной стороны, исследователями подвергалось критике существующее состояние системы охраны памятников, специалистами отме-

[1] Галкова, О. В. Проблема типологизации памятников истории и культуры / О. В. Галкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 96.

чались факты нарушения законодательства, такие как порча и уничтожение памятников без фиксации, уклонение хозяйственных органов от поддержания в должном порядке используемых сооружений, беспризорное состояние ценностей музейного значения, бесконтрольные ремонты, реставрации и переделки. Музейными работниками выдвигалось требование о создании узаконенной сети местных органов охраны памятников, предлагалось сохранить в качестве городов-музеев «наиболее показательные исторические пункты и многое другое[1].

С другой стороны, необходимость сохранения памятников искусства и старины активно сочеталась с декларировавшимися с высоких трибун требованиями по использованию данных сооружений. Тем самым, по мнению Д.А. Равикович, музейные органы были поставлены в сложное положение[2]. Сначала они учитывали памятники архитектуры, затем, переведя их в жилой фонд, сдавали под различные нужды[3].

Очередной список памятников, подлежавших охране, был сформирован. Совершив очередную специальную экспедицию с целью учета памятников искусства и старины по территории губерний промышленной области, исследователи ЦГРМ рассылали на места списки памятников для уточнения. Первый список архитектурных памятников РСФСР, подлежавших государственной охране был подготовлен в 1930 году[4]. Из общего цикла зарегистрированных памятников (около 10000) в него вошли около 3000 объектов[5].

Тем самым, начался процесс сведения к минимуму числа памятников культовой архитектуры, используемых в качестве объектов музейного показа. Закрытие музейных зданий для посетителей или ис-

---

[1] Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917—1967 гг. / Д. А. Равикович // История СССР. 1967. № 2. С. 73.
[2] Там же.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 95.
[4] Левинсон, Н. Р. Охрана внемузейных памятников / Н. Р. Левинсон // Советский музей. 1932. № 6. С. 56.
[5] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 32—33.

пользование храмов под антирелигиозные или краеведческие музейные экспозиции, не связанные с памятником, приводили к уничтожению внутреннего убранства, духовной атмосферы. Советское общество объявляло памятники культового искусства лишенными высокой историко-культурной ценности. Сохранились в качестве музеев немногие, как правило, имевшие мировую известность. Уникальные по художественному замыслу, закрытые на долгую реставрацию, в их экспозицию были внесены чуждые элементы. Однако уже тот факт, что власти не закрыли музеи и не перепрофилировали здания, свидетельствовали о признании местными органами власти их исключительной ценности.

Использование памятников искусства и старины под музейные экспозиции становилось предпочтительным, а, иногда и единственно возможным способом сохранения губернской архитектуры. Данным специалистам была предоставлена возможность, используя здание-памятник в качестве музея, вовлекать его в процесс осмысления исторической реальности, уделяя при этом особое внимание отличающим его художественным формам, а также присущим ему культурным функциям и связям. В подобных случаях музеефикация памятника способствовала его превращению в объект музейного показа («как музей», где все подчиняется задачам музейного историзма, т.е. происходит осмысление памятников материальной культуры в системе связей, существовавших в исторической действительности), в рамках которого фиксировалось его современное состояние, выявлялся характерный для него художественный образ и благодаря его подлинности реконструировались исторические факты.

Работа ярославского музея строилась по следующим основным направлениям: изучение исторического прошлого, социалистическое строительство, изучение промышленных предприятий области, накопление материалов по бытовым аспектам жизни Ярославского края, приро-

ды и естественно-производительным силам региона[1]. В 1938 году Институт музейно-краеведческой работы организовал в Ярославле показательный отдел социалистического строительства, на примере которого стали строиться экспозиции в других музеях страны[2]. Директор ярославского областного краеведческого музея В. Катков, однако, отмечал, что «в Борисоглебском, Тутаевском, Галичском, Угличском, Солигаличском, Чухломском музеях отделов социалистического строительства не имелось»[3].

С целью сохранения культурных объектов на местах в конце 1930-х гг. на учет в Ярославской области было взято 89 архитектурно-художественных и исторических памятников[4]. Подчеркивалась большая историко-архитектурная ценность церквей Ильи Пророка XVII в. и Иоанна Предтечи в Ярославле, Спасо-Преображенского собора Переславля XII в. Подтверждалось, что во многих зданиях, представляющих большую историческую ценность, были размещены склады, мастерские, общежития (табл. 5). Отмечалось отсутствие контроля за арендаторами, обязанными бережно относиться к занимаемому помещению. Привлекалось внимание к тому, что в ликвидированных церквях гибли разного рода архивные документы и библиотеки книг религиозного содержания, расхищавшиеся и не учитывавшиеся в разделе госфондового имущества[5].

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 12.
[2] Рязанцев, Н. П. История Ярославского края (1930— 2005 гг.) / Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова. Ярославль, 2005. С. 12.
[3] Катков, В. Памятники старины охраняются плохо / В. Катков // Северный рабочий. 1940. 8 авг. С. 3.
[4] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 1. Д. 71. Л. 1,2,23.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.

Таблица 5

Список архитектурно-художественных исторических памятников по г. Ярославлю (1940 г.)[1]

№	Наименование памятника	Адрес	На какой охране находится	У какой организации находится в аренде	Что находится в памятнике
1	2	3	4	5	6
1	Б. ц. Ильи Пророка	Советская пл.	Государственная	Антирелигиозный музей	Музей
2	Бывш. Соборн дом	Пл. Челюскинцев	Государственная	Музей искусств	Музей
3	Б. ц. Спаса на городу	Подзеленье	Государственная	Облторг, Затон	Склады, общежитие
4	Б. ц. Иоанна Предтечи	Б. Пролетарская	Государственная	Свободная	Свободная
5	Б. ц. Иоанна Златоуста	Коровники	Государственная	РОНО, Завод «Победа рабочих»	Библиотека, клуб, общежитие
6	Б. ц. Николы Надеина	Волкова	Государственная	ГОРО	Склады
7	Б. ц. Рождества Христова	Малая Фенвральская	Государственная	Облместпром, Заготзерно	Склады, общежитие
8	Б. ц. Большая Федоровская	Б. Пролетарская	Государственная	Облпотребсоюз, Горторг	Склады
9	Б. ц. Николы Мокрого	Б. Октябрьская	Государственная	Облпотребсоюз, Горторг	Склады
10	Б. ц. Богоявления	Пл. Подбельского	Государственная	Облтрест, Кондитф-ка	Гараж, склады
11	Бывш. дом Иванова	Угол Б. Октябрьска и Любим	Государственная	Музей	Жильцы,
12	Б. ц. Власьевская	Ул. Кирова	Государственная	Водоканалстрой	Свободное
13	Бывш. Спасо-Преображенский м-рь	Пл. Подбельского	Государственная	Военвед	
14	Памятник жертвам белогвардейского мятежа	Советская пл.	Государственная		
15	… (не ясно)	Советская пл.	Местная	Облисполком	Облисполком
16	Бывш. Присутственные места (Краеведческий музей)	Советская пл.	Местная	Краеведческий музей	музей
17	Бывш. Епархиальное училище	Республиканская ул.	Местная	Пединститут	Пединститут
18	Арсенал	Волжская наб.	Местная	О.С.О.	Учебный пункт
19	Беседка на Волжской набережной		Местная	-	-

[1] Составлена по: ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

Окончание таблицы 5

20	Дом, где жил Ф.Г.Волков	Советская ул.	Местная	ЖАКТ	Жильцы
21	Б. ц. Петра и Павла	Красный Перекоп	Местная	Фабком Комбината	Кино-театр
22	Б. ц. Дмитрия Солунского	Б. Октябрьская	Местная		
23	Б. ц. Михаила Архангела	Революционная ул.	Местная		
24	Б. ц. Владимирская	Ул. Рыбинская-ул. Лисицына	Местная		
25	Б. ц. дома Вахрамеева	Советская ул.	Местная	Здравоохранение	Главная больница, мастерские
26	Б. ц. Николы Меленки	Красный Перекоп	Местная		
27	Бывш. дом Корытова	Ул. Носкова	Местная		Жильцы
28	Бывш. дом Работнова	Ул. Стрелецкая	Местная		
29	Б. ц. Никола Рубленный	Пл. Челюскинцев	Местная	Шинная мастерская	Мастерская

В 1930-х гг. непосредственной задачей сотрудников Ивановского областного музея как головного объединения области стало руководство и курирование работы музеев бывших четырех областей[1]. На протяжении всего периода существования ИПО директорат и сотрудники музея постоянно находились в командировках на всей территории области, посещая музеи Ростова, Борисоглебска, Рыбинска, Костромы, Суздаля, Владимира, Ярославля и других городов. Широк был и спектр решаемых вопросов — от обследования, инструктирования и ознакомления с «постановкой музейного дела», до заключения договоров на социалистическое соревнование[2].

Развивалось и сотрудничество Ивановского областного музея со специалистами из столицы. Знаменитая Третьяковская галерея взяла шефство над музеем, были организованы взаимные выезды сотрудни-

[1] Отчет о работе Иваново-вознесенского городского совета рабочих и красноармейских депутатов одиннадцатого созыва за 1929—1930 г. Иваново-Вознесенск, 1930. С. 100.
[2] Тимофеева, Т. П. «Лежит в развалинах Твой храм…» (О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939). Документальные хроники) / Т. П. Тимофеева. Владимир, 1999. С. 6.

ков[1]. Ивановский областной музей неоднократно просил специалистов из центра взять на учет все указанные в списках памятники, подлежавшие охране[2].

В областных музеях была произведена перерегистрация памятников иконописи, представлявших высокую историко-художественную ценность, поступивших из ликвидированных храмов ИПО. Существовал определенный набор эстетических понятий и критериев, на основании которых происходила оценка художественного уровня и качества работы. Оценивалась, прежде всего, датировка того или иного древнерусского произведения. Всего в Костроме было зарегистрировано 117 икон (XV—XX вв.), в Плесе — 16 (XVI в.)[3], Кинешме — 15, Макарьеве — 4, Решме — 5, Галиче — 63 (XV—XVI вв.)[4]. Ярославский окружной музей обменивался книгами об изразцах, курганах, русском шитье с Рязанским среднеокским музеем[5].

Владимирский музей принимал у себя специалистов ГАИМК и ЦГРМ для установления плана систематических наблюдений за состоянием Дмитриевского собора-музея[6]. Музейные работники сообщали в Главнауку, что в снятый с госбюджета памятник требовал необходимого ремонта (табл. 6). В связи с этим поступила просьба об отпуске денежных ассигнований на реставрацию Дмитриевского собора из 75 тыс. руб., полученных от реализации местных антикварных экспонатов через Госторг[7]. Ходатайство дало свой результат. В план капитальных работ на 1932 и 1939 гг. были включены работы по Успенскому и Дмитриевскому соборам, церкви Покрова на Нерли[8]. Были проведены капитальное

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.
[2] ИГИКМ. Книга приказов по Ивановскому областному краеведческому музею № 1. (1929—1935). Приказ № 60 от 27 мая 1931 г.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 12-40.
[4] Там же. Л. 4.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 56. Л. 58.
[6] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 21.
[7] Там же. Л. 28—28 об.
[8] Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 4,5.

укрепление стен и сводов, удаление всей масляной живописи в Дмитриевском соборе и связанное с этим раскрытие древних фресок[1]. Для осуществления работ были приглашены квалифицированные местные специалисты, архитектор из Ярославского музея[2].

Таблица 6

Список архитектурно-художественных исторических памятников г. Владимир, Владимирский район (1931 г.)[3]

Список архитектурных памятников высшей категории, находящихся в г. Владимире и районе	Список памятников, находящихся в эксплуатации
1	2
1. Успенский собор 1158 г. Иконостас XVIII в., фрески XII, XV - XVI вв.	1. Золотые ворота - бюро архматериалов.
2. Дмитриевский собор 1193 г. Фрески XII в.	2. Теплая церковь женского монастыря - бюро архматериалов.
3. Церковь Покрова на Нерли 1165 г.	3. Холодная церковь женского монастыря XV в. - по договору Союзхлебу под склад хлебофуража.
4.Палата Андрея Боголюбского XII в.	4. Богородицкая церковь - под склад хлебофуража.
5.Золотые ворота XII в.	5. Ильинская церковь - Владимирский ЦРК.
6.Земляные валы XII в.I Категории	6. Главный собор 1852 г. Боголюбовского монастыря - сдан Владимирскому ЦРК под склад хлебофуража.
7. Церковь Успенского б. женского монастыря XIII - XV вв., фрески XVII в.	
8. Богородицкая церковь 1649 г. Иконостас XVII в.	
9. Церковь Георгия XII-XVII вв. Иконостас и фрески XVIII в.	
10. Рождественская церковь в Боголюбове, примыкающая к палатам Андрея Боголюбского.	
11. Церковь Спаса 1657 г., церковь Успения 1666 г., б. Козьмин монастырь.	
12. Церковь с. Сновиц XVI в.	
13. Флорищева пустынь: Успенская 1681, Троицы 1684, Зосимы 1692, колокольня XVII в. г. Гороховец.	

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 82.
[2] Там же. Л. 8.
[3] Составлена по материалам: ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 1. Д. 217. Л. 27,67,93.

Окончание таблицы 6

1	2
14. Благовещенский собор XVII в., Воскресенская церковь XVII в., Сретенская церковь 1689 г., церковь Троицы XVII в., Знаменская церковь XVII в.	
15.Никольский монастырь XVII в.	
16.Знаменский монастырь XVII в.	
17.Дом Селина XVII в.	
18. Дом Сапожникова XVII в.	
19. Дом Шумилина XVII в.	
20. Дом Румянцева XVII в.	
21. Дом Судоплатова XVII в.	
22. Дом Белова XVII в.	
23. Б. тюрьма XVII в.	
…Церковь Бориса и Глеба находится в ведении Суздальского музея; церковь Никиты во Владимире следует перенести во II категорию, здание клуба им. Рыкова (б. Дворянское собрание) - то же самое, собор и колокольню Боголюбовского монастыря исключить из учета как памятники, не имеющие историко-художественных признаков, собор и колокольню Рождественского монастыря в г. Владимире исключить с учета как разобранные. Георгиевская церковь, построенная в XVII в. и перестроенная заново в XVIII в., от XII в. имеет только фундамент и в архитектурном отношении особого интереса не представляет и занимает добавочную большую площадь, мешает движению. Владимирский музей просит дать заключение о ее разборке в весенний сезон для употребления материала на постройки.	

Координация научной деятельности музейных организаций ЦПО велась из центра. С одной стороны, специалисты из Москвы оказывали огромную консультационную и практическую поддержку с целью формирования фондов и реставрации исторических объектов. С другой стороны, данные «разведки из центра» стимулировали необоснованно большой вывоз ценнейших памятников, которые имея местное происхождение, составляли основу экспозиций.

Архитектор ярославского отделения ЦГРМ И.И. Князев, научный сотрудник музея Д.А. Ушаков произвели осмотр зданий, принадлежав-

ших ростовскому музею, после окончания ремонтно-реставрационных работ[1]. Восстановление основных архитектурных элементов Богословской церкви, дома № 3, Красной палаты Ростовского Кремля, а также малой южной стены Кремля, Успенского собора было признано удовлетворительным[2].

Закрывавшиеся церкви требовали тщательной инвентаризации «исторических материальных и церковных предметов»[3]. Подчас не все учтенные ценности передавались в музей. Из 20 закрытых Даниловских церквей Ярославской области весь инвентарь и имущество было передано Даниловскому волостному исполнительному комитету[4].

В июне 1939 года музейно-краеведческий отдел Наркомпроса проверил состояние памятников архитектуры в области и выявил следующие недостатки. Реставрационные работы проводились только в Ярославле и не велись на объектах области; по вине арендаторов разрушались многие храмы Ярославля XVII в.; в неудовлетворительном состоянии находились такие памятники как Ростовский кремль, Борисоглебский монастырь, торговые ряды в Ярославле[5].

Подобные проблемы наблюдались и соседней губернии. Основное здание бывшего собора Рождества Богородицы 1747 г. в Боголюбове под Владимиром было занято под зерно от организации «Заготзерно». Прилегавшая к зданию церкви и палатам Андрея Боголюбского бывшая паперть XIX в. была определена под телятник Боголюбовского колхоза, что, по мнению специалистов, являлось крайне недопустимым, и влекло разрушение памятника. Вокруг здания палат и церкви наблюдался «самый антикультурный вид»[6]. В самом Владимире городские валы разрушались, в Успенском соборе протекала крыша, стены Дмитриевского

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.
[2] Там же. Л. 4.
[3] Там же. Д. 56. Л. 62.
[4] Там же. Л. 62,83.
[5] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 131. Л. 23.
[6] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 2. Л. 115.

собора покрылись трещинами, фрески XII в. портились. Церковь Покрова на Нерли находилась в беспризорном состоянии[1]. Только вышеупомянутое помещение палат Андрея Боголюбского находилось под наблюдением музея и содержалось в относительном порядке[2].

Начавшаяся затем реставрация в Боголюбове открыла остатки ряда первоклассных памятников зодчества XII в.: цоколя дворцового собора, белокаменный переход во дворец, 8-колонный киворий. Согласно данным отчета, «...музей принял решение о музеефикации Боголюбова и принял на себя сохранение оставленных не засыпанными памятников»[3]. Однако в отношении наиболее угрожающему разрушением памятника — кивория, работы, указанные в смете, не были проведены полностью, что ухудшило впоследствии состояние памятника. Данные сведения были указаны в музейной докладной записке от 15 августа 1938 года руководителем работ в Боголюбове Н.Н. Ворониным, подтверждено обследовавшим памятники от комитета по охране архитектором И.А. Тихомировым[4]. Однако музеем эти работы не были проведены (не поставлены щиты, предохранявшие памятники от осадков, не скреплены цементирующим раствором ветхие части памятника). Памятнику уникального художественного и исторического значения угрожало дальнейшее разрушение[5].

С закрытием Центральных государственных реставрационных мастерских в 1934 году практически прекратились и реставрационные работы на местах. Местные музеи не могли проводить такого рода работу, не имея достаточных средств[6].

В акте осмотра церквей города Твери отмечалось плачевное состояние церкви Живоначальной Троицы (за Волгой), «здание церкви

[1] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 1. Л. 111.
[2] Там же. Д. 2. Л. 115.
[3] Там же. Д. 9. Л. 8.
[4] Там же. Д. 12. Л. 29.
[5] Там же. Д. 2. Л. 112.
[6] ГАВО. Ф.Р.-1104. Оп. 1. Д. 8. Л. 59.

кубического типа, с октогональным барабаном... и восьмигранной главкой… с запада трапеза и шатровая колокольня… резной иконостас с пышной резьбой…»[1]. Церковь значилась в списке памятников архитектуры, подлежавших государственной охране, однако местными властями было принято решение о разборке главы храма и колокольни[2].

Некоторые изменения в финансировании памятникоохранных мероприятий происходят в конце 30-х гг. XX в.[3]. После долгой переписки с местными органами власти, Ярославно и Ярославфо выделили переславскому музею 15 000 руб. специально на ремонт и реставрацию памятников. Однако часть из выделенных средств изъял местный отдел народного образования на ремонт пионерского клуба и центральной библиотеки[4].

С середины 1930-х гг. в прессе стали появляться статьи с критикой тех местных властей, которые допустили гибель памятников. Например, группа московских архитекторов после посещения церкви Иоанна Предтечи в Ярославле написала в Книге отзывов о «варварском отношении к ценным фресковым росписям» этого храма. А ярославские власти, по мнению архитекторов, «не смогли придумать ничего лучшего, как занять эти здания под склады»[5]. Критические отзывы о недостаточной охране памятников опубликовала областная газета «Северный рабочий»[6], негативные высказывания о состоянии ярославских памятников встречались и на полосах центральной прессы. На страницах губернских газет появлялись заметки: «Памятники реставрируются плохо», «Нравы в музее»[7]. Наркомпрос РСФСР потребовал от директоров музеев строго соблюдать постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране ис-

[1] ГАТО. Ф.Р.-2723. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—3 об.
[2] Там же. Л. 54.
[3] ГАРФ. Ф.Р.-2306. Оп. 69. Д. 2751. Л. 16.
[4] Там же. Л. 5.
[5] ГАРФ. Ф.Р.-2306. Оп. 69. Д. 92. Л. 91.
[6] Северный рабочий. 1936. 19 сентября (№ 137).
[7] Катков, В. Памятники старины охраняются плохо / В. Катков // Северный рабочий. 1940. 8 авг. С. 3.

торических памятников»[1] и подчеркивал, что они будут нести уголовную ответственность за нарушение данного постановления. Кроме того, общественная собственность объявлялась в государственных постановлениях основой советского строя, неприкосновенной[2]. Люди, покушавшиеся на общественную собственность, должны были квалифицироваться как враги народа. В качестве меры судебной репрессии за хищение как высшей меры социальной защиты применялся расстрел с конфискацией имущества. Тем самым руководители местных органов власти, еще недавно руководившие разрушением памятников в угоду новой власти, были объявлены «врагами народа»[3].

Все, не соответствовавшее новым веяниям, по мнению властей, необходимо было убрать. Вместе с тем антирелигиозный музей, расположившийся в церкви Ильи Пророка в 1938 году, соответствовал заявленным требованиям к такого рода музеям. С целью формирования его экспозиции усилилась работа по сбору выставочного материала, привозимого из областных церквей (районов Юрьева-Польского, Мологского)[4]. Изъятые предметы были размещены в фонде, где они разбирались и систематизировались специалистами ярославского музея[5]. Созданная сеть антирелигиозных музеев по всей стране должна была показать, по мысли устроителей, социальные корни религии, ее реакционную роль на всех этапах развития человеческого общества, историю атеизма, классовую сущность религии и эксплуататорский характер церкви и служителей культа[6].

---

[1] Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников» // СУ РСФСР. 1933. № 44. Ст. 179.
[2] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 2. Л. 37.
[3] Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. // ГАРФ. Ф.Р-3316. Оп. 12. Д. 509. Л.15—16; ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.
[4] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 46.
[5] Там же.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 69. Д. 2624. Л. 7.

С точки зрения представителей новой власти, музей нуждался в корректировке основных направлений деятельности. Он неизбежно должен был утратить некий ореол «элитарности», то есть «буржуазности», выраженной уже в тех целях, которые сформулированы в его Уставе. Так, Ивановский губернский музей — бывший «Музей промышленности и искусства» должен был стать «понятным» пролетариату, а главное — «полезным» революционной власти в деле воспитания «нового человека». Поэтому из свойственных музею как социокультурному институту функций — собирания, хранения, изучения, экспонирования — гипертрофированно разрасталась функция просветительно-разъяснительная. Начинался процесс так называемого «окультуривания масс», пик которого приходится на 30-е гг. XX в.

Задачи, стоявшие перед губернскими музеями в связи с перестройкой системы, изменились. Приоритетным направлением в музейной работе в 1930-х гг. являлась просветительская работа с населением. Главенствующей становится функция народного просвещения, в то время как научно-исследовательская и хранительская функции уходят на второй план. Полезность губернских музеев оценивалась с точки зрения их идеологической целесообразности, а не историко-культурной значимости. Например, музеи-усадьбы в новую концепцию вписывались с большими оговорками. В качестве основной идеологической задачи им предлагалось «связать свою работу с общим строительством нового порядка жизни в СССР». Музей-усадьба должен был «в дни отдыха рабочих и крестьян ... отвлекать их от храмов и кабаков и давать удовлетворение умственным и эстетическим запросам рабочих масс»[1]. Задачи социалистического строительства, культурной революции, коммунистического воспитания масс требовали такой организации работы любого музея, чтобы он являлся центром пропаганды социалистического строительства

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 60. Л. 149.

области и районе, помогая областным и районным партийным организациям в осуществлении стоявших перед ними практических задач[1].

Местными органами власти поощрялся рост интереса к историко-революционным памятникам[2]. В 1936 году в списке памятников истории революции Ярославля были выделены 13 объектов культуры, в 1940 году — еще 10. В него попали фабрика «Красный Перекоп» и Мураловские (бывшие Спасские) казармы и Манеж, связанные с событиями 1905 года как места расстрела и митингов рабочих; Тугова гора — в 1918 году здесь находилась красная батарея в ходе белогвардейского мятежа и другие [3].

Особое внимание губернские музеи уделяли работе с учащимися. С 1934 года при музеях стали создаваться кружки для учащихся. В них занимались школьники, которых знакомили с историей, памятниками, культурой, природой края[4].

Музеям губерний Центрально-промышленной области 1930-х гг. вменялось срочно создать «марксистскую» экспозицию по истории религии и на ее основе вести работу. Не имея на это времени, памятникоохранные организации часто шли по пути создания таких экспозиций по преимуществу из этикеток и текстов, газетных вырезок.

Недовольство специалистов вызывали постоянные реорганизации управления музеями, приведшие к рассредоточению руководства разными профильными группами музеев по отдельным ведомствам. В 1930 году была упразднена Главнаука, создан сектор науки при Наркомпросе, в составе которого была музейная группа. Именно последний орган проводил в жизнь решения Первого музейного съезда, ведал подготовкой кадров. Восстановили музейный отдел в 1933 году, затем в 1939 году

---

[1] ГУ ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-1. Оп. 27. Д. 3088. Л. 15,38; ГАИО. Ф.Р.-2969. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 70. Л. 26.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.
[4] ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.П.-272. Оп. 223. Д. 1526.

переименовав в музейно-краеведческий. Но ему не подчинялись художественные музеи, которыми с 1936 года ведал Всесоюзный комитет по делам искусств[1]. Таким образом, единая система руководства музеями, созданная в 1920-х гг., в 1930-х гг. перестала функционировать[2].

В тридцатые годы по сравнению с 1920-ми гг. несколько снизилось внимание к таким направлениям музейной работы как комплектование фондов из предметов религиозного культа, исследовательская работа на их базе. Связано это было с тем, что их практически не осталось. В акте, составленном 18 августа 1931 года научным сотрудником Ярославского отдела Ивановского областного музея Н.П. Панковым и членом правления деревообделочной артели Ф.А. Антоновым, отмечалось, что в церкви Золотниковская пустынь Тейковского района Ивановской промышленной области вещей, имевших историческое и музейное значение, практически не было[3]. Историческую ценность представляло только внутреннее убранство зимней и летней церкви XVII в.

Другим направлением, наиболее активно проявившемся в музейном деле, являлось усиление исследовательской работы по хранению, реставрации и консервации объектов[4]. Средства выделялись как из государственного, так и местного бюджетов. Изыскивалась возможность проводить ремонтные работы за счет арендаторов[5].

Положительным результатом музейной политики середины 1930-х гг. являлся рост музейной сети РСФСР, состоявший из 626 музеев (80 находились в Москве, 60 — в Ленинграде, 486 — в провинции)[6]. Количество краеведческих музеев выросло с 61 до 397. Количественный рост сети музеев в стране сопровождался недостаточным ростом их

---

[1] Постановление СНК «О передаче Всесоюзной академии архитектуры в ведение Всесоюзного комитета по делам искусств» от 5 февраля 1936 г. // СП СССР. 1936. № 10. Ст. 80.
[2] Поправко, Е. А. Музееведение / Е. А. Поправко. Владивосток, 2005. С. 134.
[3] ГАВО. Ф.Р.-1826. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.
[4] Там же. Д. 56. Л. 108.
[5] Там же. Д. 9. Л. 8.
[6] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 69. Д. 2624. Л. 7.

бюджетов. Бюджет по 682 музеям в 1938 году составлял 108.931000 рублей, а в 1939 году по 784 музеям — 210.730600 рублей[1].

Усиление роли и увеличение объемов политико-просветительской работы планировалось исполнить за счет дополнительных финансовых средств. В объяснительной записке к смете Ярославского музея на 1936 год отмечалось, что основные расходы включали в себя затраты на экспедиции, экспозиционную работу, реставрацию, консервацию, научные командировки, фотографирование, выезды на фабрики и заводы, популяризацию музея, монтировочный материал, материал для художественных работ, дезинфекцию, приобретение печатных материалов, выписку журналов, газет, приобретение новой литературы, подписных изданий, приобретение репродукций, фоторабот[2]. В приходных ордерах по арендной плате были включены только поступления за помещения, которые не являлись памятниками старины. Приход от памятников старины был выделен в особую часть по смете ярославского музея и не использовался в насущных расходах[3].

Одна из оптимальных форм сотрудничества с музейной властью — совместная эксплуатация — заключалась в том, что все расходы по ремонту и реставрации наиболее ценных зданий, фресок и икон, лежали на музеях. При этих условиях вопрос о передаче части музейных коллекций центральным музеям кажется вовсе излишним. Возникавшие же противоречия по поводу экспонирования восстановленных икон и художественных реликвий были, на наш взгляд, вполне разрешимы путем популяризации. В более широком контексте и в универсальном смысле программы национального развития губернского общества, популяризацию следовало понимать, как повсеместное распространение знаний и культурной информации, обеспечение общедоступности, обеспечение доступности к

[1] ГАРФ. Ф.А.-2306. Оп. 69. Д. 2624. Л. 7.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 92. Л. 23.
[3] Там же. Л. 24.

этим знаниям и информации, прежде всего, обнародование сведений и данных о нематериальных составляющих культурного наследия, как для специалистов, так и интересующихся.

Противоречивость ситуации в музейном деле определяли следующие факты. Центральные музеи были нацелены на оказание помощи как методологической, так и практической (в том числе путем передачи части имеющихся в фондах предметов из дублетного и обменного фондов)[1]. Данная работа получила закрепление в постановлении СНК РСФСР «О предоставлении Наркомпросу РСФСР права производить изъятие из местных музеев художественных ценностей для передачи их на хранение в центральные музеи»[2].

Тем самым, произошло перераспределение музейных ценностей. Упрекать исследователей за такое обращение с вещами, ставшими затем национальными культурными ценностями, значило бы модернизировать исторические процессы. Идея особого отношения к памятникам старины и создания для них особых хранилищ — музеев — рождается лишь на определенном этапе развития общества, когда у него появляется потребность изучать свою историю. Кроме того, изучение конкретных памятников истории и культуры в центральных музеях дало возможность специалистам более наглядно представить закономерности развития и мировой художественной культуры.

В обстановке жесточайшей экономии, контроля и борьбы за самоокупаемость объектов народного хозяйства руководство практически сняло с себя ответственность за сохранение культурного наследия, переведя большинство историко-культурных памятников из государственного бюджета на местное финансирование. Отсутствие бюджетной поддержки сбережения памятников искусства и старины на местах при-

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 56. Л. 58; Д. 96. Л. 12.
[2] СУ РСФСР. 1935. № 13. Ст. 140; ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 56. Л. 78.

вело к фактическому уничтожению многих ценных объектов, к закрытию уникальных музеев в областях. Это являлось главной причиной многочисленных утрат историко-культурных объектов. Другая причина состояла в формировании в обществе и, прежде всего, в среде новой технической интеллигенции и служащих, сменивших старых специалистов, утилитарно-нигилистического отношения к культурному наследию.

Положительным процессом в 1930-х гг. являлся тот факт, что в провинции сохранились интереснейшие экспозиции музеев. Следует отметить, что именно губернские, уездные и волостные музеи стали хранителями памятников искусства и старины, спасенных на территории губернии. Посещение местными жителями провинциальных музеев было доступнее, чем центральных, что «делало их важнейшим очагом культуры на местах»[1]. В стенах музея посетители через знакомство с историей своей малой Родины изучали прошлое своей страны.

4.3. Деятельность краеведческих обществ по сохранению исторических памятников

В своей работе «Экология культуры» Д.С. Лихачёв отмечал, что понятие экологии нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека, полагал культуролог, не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды при этом — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей среды. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима

[1] Морозова, Д. П. Развитие музейного дела в губерниях Верхнего Поволжья. 1917—1930 гг.: дисс. на соис. учен. степн. канд. ист. наук / Д. П. Морозова. Ярославль, 2005.

для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности[1].

Вопрос о «нравственной экологии» не только не изучался, он даже и не был поставлен российской наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучались отдельные культуры, а также «остатки культурного прошлого», вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучалось «нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех её взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения. Культурную экологию, считал исследователь, — не следует смешивать с наукой реставрации и сохранения отдельных памятников. Культурное прошлое нашей страны должно рассматриваться не по частям, как повелось, а в целом»[2].

Представляется, что данные слова могут быть отчасти применены к действительности, связанной с деятельностью краеведческих обществ по сохранению культурных ценностей в 1930-х гг. Задолго до тридцатых годов Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война в Советской России нанесли огромный ущерб интеллектуальному потенциалу страны[3]. Десятки тысяч представителей российской интеллигенции или погибли, или вынуждены были бежать из страны, либо были лишены возможности заниматься активной политической, общественной, научной и преподавательской работой[4].

---

[1] Лихачев, Д. С. Прошлое — будущему / Д. С. Лихачев. М., 1985. С. 173—179.
[2] Лихачев, Д. С. Экология культуры / Д. С. Лихачев // Памятники Отечества». 1980. № 2. С. 34.
[3] Фельштинский, Ю. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики / Ю. Фельштинский. Лондон, 1988. С. 70—78.
[4] Полян, П. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. М., 2005. С. 498.

20-е гг. XX в., по мнению С.О. Шмидта, следует называть «золотым десятилетием» российского краеведения[1]. Данные обстоятельства объясняются просто. Многие представители старой интеллигенции, потерявшие после 1917 года профессию, статус, должность могли реализовать себя только в краеведении. В тех условиях только краеведение давало этим «осколкам старого мира», «старорежимной контре», «попам и буржуям», т.е. значительной части дореволюционной когорты, ощущение своей нужности и полезности, возможность найти применение своим навыкам и умениям и передать свои знания новым поколениям.

Вместе с тем революция открыла дорогу к знаниям миллионам людей. Объединение усилий дореволюционных интеллигентов и тысяч активных и талантливых представителей рабоче-крестьянской молодежи и привели к формированию феномена «золотого десятилетия» российского краеведения. По сравнению с предшествующим периодом 1905—1914 гг. краеведы 20—30-х гг. XX в. выигрывали в активности и массовости, но явно проигрывали в научном уровне. Краеведение 1920-х гг. развивалось в благоприятных условиях нэпа (относительное материальное благополучие и отсутствие массовых репрессий), а изучение родного края 30-х гг. XX в. — в условиях острой внутрипартийной борьбы в руководстве страны, антирелигиозных мероприятиях власти. Не было историка, который сочувственно не относился бы к краеведению. В противовес насаждавшемуся властями узкому «производственному» краеведению была разработана концепция «гуманитарного краеведения», в котором местность и город рассматривались как «собирательная личность».

Началом разгрома краеведческого движения историками принято считать конец 1920—начало 1930-х гг. Требуется оценить масштаб про-

[1] Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество. 1990. Вып. 1. С. 11—17.

водимых мероприятий. В рассматриваемый период времени Центральное бюро краеведения (ЦБК) курировало деятельность более чем 2,3 тысяч краеведческих организаций и экскурсионных станций[1]. Одновременно по «Делу о контрреволюционной группировке в ЦБК» были арестованы и осуждены более 150-ти человек[2]. Тем самым, к 1931 году была подведена черта под достижениями краеведов после так называемого академического дела, когда многие выдающиеся ученые, действительные члены Академии наук были высланы, а на их научное творчество был наложен запрет. Начался период политизированного и идеологизированного занятия любителей-краеведов. Затем при Комакадемии создано Общество краеведов-марксистов с целью «поставить краеведное движение на те рельсы, которые нужны социалистическому строительству»[3]. ЦБК прекратило существование по постановлению СНК РСФСР 1937 года, многие краеведческие общества закрылись, издания прекратились.

Положение усугубилось начавшимися еще в июне 1929 году политическими «чистками». И.Э. Грабарь присутствовал на собраниях в ЦГРМ даже после своего ухода с поста директора, пытаясь защитить бывших сотрудников и проведенные мероприятия мастерских от несправедливых обвинений[4]. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Игоря Эммануиловича за 1929—1931 гг., сведения, приведенные в «Докладной записке И.Э. Грабаря в комиссию по чистке аппарата о деятельности ЦГРМ» — ответ на публикацию Л. Лещинской и Козырева в газете «Безбожник»[5].

---

[1] Анциферов, Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Н. П. Анциферов. М., 1992.
[2] Ананьич, Б. В. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929—1931 годов / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/an-pan.htm
[3] Архангельский, С. Локальный метод в исторической науке / С. Архангельский // Краеведение. 1927. № 2. С. 193—194.
[4] Грабарь, И. Э. Письма / И. Э. Грабарь. Т. 2. М., 1977. С. 246.
[5] Крылова, Л. Н. И. Э. Грабарь и охрана памятников. Четыре этапа его жизни: свободный человек, свободный художник, общественный деятель, государственный служащий / Л. Н. Крылова // V Грабаревские чтения 5. Международная научная конференция». М., 2003. С. 106.

С начала 1930-х гг. краеведам чинились местными органами власти различные препятствия, органы ОГПУ их деятельность постоянно держали под «контролем», старались всячески «возглавить» и «направить». В этом отношении показательна директива Наркомпроса РСФСР, подписанная еще в 1928 году А. Луначарским «О работе краеведческих организаций», в которой нарком просвещения предписывал инструкторам отделов народного образования «учитывать и направлять работу краеведческих организаций»[1].

Ленинский курс на привлечение интеллигенции к социалистическим преобразованиям постепенно сменялся процессом вытеснения интеллигентов-профессионалов из руководящих органов страны, процессом их замены на представителей пролетариата. Работу краеведов необходимо было подчинить «социалистическому строительству». Тем самым критиковалась работа старых краеведов, их «буржуазно-кулацкие установки», утверждалась необходимость борьбы с аполитичностью в краеведении и укрепления ЦБК «марксистками силами».

Этот процесс коснулся и музейного строительства в Ростове Ярославской губернии, когда в конце 1920-х гг. многие краеведы и музейные деятели были репрессированы[2]. Ведущие музейные сотрудники Д.А. Ушаков, Н.Н. Ржевский, В.А. Талицкий, П.С. Иванов обвинялись в том, что после революции «обосновались» в Ростовском музее, организовали в нем научное краеведческое общество и под прикрытием этой организации осуществляли антисоветскую деятельность.

Их обвинили в том, что они оказывали содействие церковным общинам при изъятии церковных ценностей, сохраняли в музее вещи, явно не имевшие музейной редкости: «В работе музея допускали явно антисоветские и антимарксистские установки..., оказывали всяческое

[1] О работе краеведческих организаций // Еженедельник НКП. 1928. № 32. Л. 24.
[2] Рязанцев, Н. П. Из истории Ростовского музея в 1920-е годы (по материалам Музейного отдела Наркомпроса) / Н. П. Рязанцев // http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2009/ryazantsev.pdf

сопротивление органам Советской власти при закрытии церквей..., направили работу Музея в сторону изучения старины вместо изучения производительных и экономических сил района, производили явно ненужные раскопки»[1]. Краеведам вменялся подбор в штат музея антисоветской молодежи, продвижение ее в ВУЗы для подготовки антисоветских музейных кадров многое другое[2]. Особым совещанием при коллегии ОГПУ 18 августа 1931 года они были приговорены к различным срокам заключения, но из-под стражи были освобождены, т.к. им был зачтен в наказание срок предварительного заключения[3].

Отделения НКВД контролировали местные краеведческие общества путем проверки сотрудников через различного рода анкеты, отчеты. Например, в Рыбинске Ярославской губернии работники спецслужб заставляли краеведов отчитываться каждые три месяца[4].

Закономерным в связи с вышеперечисленным выглядел состав I Всероссийского музейного съезда 1930 года. В нем участвовали 209 делегатов с правом голоса и 116 с совещательным голосом из 16 краев и областей и 6 автономных республик РСФСР. Состав съезда отразил процесс смены кадров в отечественном музееведении. Среди делегатов 36 % имели стаж музейной работы до 1 года, 47 % — до 10 лет (т.е. пришли на работу в музей уже в советское время) и только 17 % — свыше 10 лет[5]. Таким образом, 64% профессионалов, сохранивших свое призвание в течение тяжелейших 13 лет — это не так уж и мало. Признавая необходимым повышение квалификации музейных работников, а также улучшение дела подготовки новых работников, Народному комиссариату просвещения поручалось осуществление указанных задач путем устройства соответствующих курсов, а также использование для

[1] «Вглядись в минувшее бесстрастно…»: Культурная жизнь Ярославского края 1920—1930-х гг. : Документы и материалы / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1994. С. 219.
[2] Там же. С. 214.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 215.
[5] Поправко, Е. А. Музееведение / Е. А. Поправко. Владивосток, 2005. С. 130.

работы в области музейного дела аспирантов и лиц, оканчивающих соответствующие учебные заведения[1].

На состоявшейся в марте 1930 года IV Всероссийской конференции по краеведению был пересмотрен вопрос о системе работы краеведческих обществ, закрепленный в Постановлении СНК РСФСР от 30 марта 1931 года «О мероприятиях по развитию краеведного дела»[2]. Вместо добровольных краеведческих организаций стали создаваться так называемые бюро краеведения, использовавшие административные методы управления[3]. Замена самодеятельных организаций бюрократическими органами привела к массовому выходу его участников и, в конечном итоге, к свертыванию общественной культурной работы.

Краеведческие организации в 30-х гг. XX в. вступили в качественно новый этап своего развития в деле сохранения культурных ценностей. Остался позади период научных изысканий отдельных исследователей, объединенных в немногочисленные научные общества, краеведение обрело характер широкого движения. В него активно включились значительные слои населения. Ощутимо возросла численность краеведческих организаций, которые объединяли научных работников учебных заведений, музеев, архивов[4].

Краеведы той поры стали приучать тянущуюся к знаниям молодежь к выявлению и сохранению памятников старины, их реставрации, системе более широкого овладения навыками традиционных местных производств. Это имело особое значение для развития коренных культурных традиций 1920-х гг., прежде всего малых городов. Местные исследования тесным образом были связаны с вопросами сохранения историко-культурного

---

[1] ЯИАМЗ. НВФ.-3731/1. Л. 1; Постановление ВЦИК и СНК «О музейном строительстве РСФСР» от 20 августа 1928 года // СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст. 726; За большевистскую партийность в краеведении: материалы к месячнику краеведения. М., 1931. С. 58—60.

[2] За большевистскую партийность в краеведении: Материалы к месячнику краеведения. М., 1931. С. 16—17.

[3] Там же.

[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп 5. Д. 15. Л. 29.

наследия, со всем ходом социалистических преобразований. Основные усилия краеведов были направлены на изучение важнейших проблем региональной истории, социально-экономического развития края в XVII–начале XX вв., революционного движения (табл. 7), культуры края, его историко-культурных памятников.

Таблица 7

Список памятников революционного движения по г. Ярославлю (1940 г.)[1]

№	Наименование памятника	Адрес	На какой охране находится	У какой организации находится в аренде	Что находится в памятнике
1	Бывш. Спасские казармы (госпиталь)	Угол Крестьянской и Революционной ул.	местная	Военвед	Госпиталь
2	Памятник на могилах рабочих	Донское кладбище, Кр. Перекоп	местная		
3	Клуб им. Сталина	Кр. Перекоп	местная	Кр. Перекоп	Школа и театр
4	Бывш. Манеж	Б. Октябрьская	местная	Военвед	
5	Школа на ст. Урочь	Ст. Урочь	местная		Школа
6	Дом, где помещалась подпольная типография большевиков	Суздальское ш., д. 8	местная		Жильцы
7	Бывш. дом Лопатина (облсуд)	Красная пл., 4	местная	Облсуд и прокуратура	
8	Бывш. дом губернатора	Волжская набережная	местная	НКВД	
9	Бывш. гостиница «Столбы»	ул. Кирова	местная	Промкомбинат и др. орган.	
10	Бывш. дом Дмитрия Ростовского	Пл. Подбельского	местная	Обл. Военкомат	

Наиболее крупной из краеведческих организаций Ярославской губернии являлось естественно-историческое и краеведческое общество[2].

[1] Составлена по: ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 147. Л. 20.

[2] Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Л., 1925. С. 28—31.

Еще в 1923 г. при ЯЕИО была создана секция краеведения[1]. Организаторами секции были И.А. Тихомиров, Н.Г. Первухин, Н.Г. Огурцов, А.И. Смирнов, А.Е. Богданович, другие ярославские краеведы[2]. Председателем секции был избран Н.Г. Первухин, секретарем — Н.Г. Огурцов[3]. Особое внимание в программе общества обращалось на «собирание и хранение памятников письменности прошлого и настоящего», «сохранение для науки и искусства остатков дворянской культуры»[4].

Члены секции принимали участие в организации и деятельности других научных организаций, проводивших краеведческие исследования: ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии, научно-исследовательского института Верхнего Поволжья[5]. Они поддерживали связи с Рыбинским научным обществом[6], Ростовским научным обществом по изучению местного края[7], другими краеведческими обществами, принимали участие в краеведческих съездах, конференциях.

Краеведческие общества Ярославля, Рыбинска, Ростова были крупнейшими, но не единственными. В губернии действовало еще 42 такого рода обществ — Мологское общество изучения родного края, Мышкинское естественно-научное и краеведческое общество, Норское общество по изучению местного края и другие[8]. Общества, кружки работали в других городах, селах области, входя в довольно развитую сеть краеведческих организаций.

---

[1] Ярославский край: Труды секции краеведения. Т. 3. Вып. 1. Сб. 1. Ярославль, 1928. С. 79—82.
[2] Кукушкина, Н. А. Естественно-историческое общество Ярославской губернии в 1917—1930 гг. / Н. А. Кукушкина // Путь в науку: Сб. научных работ аспирантов и студентов историч. факультета / Под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1998. Вып. 4. С. 83-86.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 5. Л. 66—72.
[4] Там же.
[5] Ярославский край: Труды секции краеведения. Т. 3. Вып. 2. Ярославль, 1929. С. 237—238.
[6] Рыбинск. Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1980. С. 240—241.
[7] Отчет Ростовского Научного Общества по изучению местного края за 1925 г. Ростов Ярославский, 1926. С. 4—5; Рыньков, И. Ростовское научное Общество по изучению местного края: Очерк 4-летней деятельности / И. Рыньков // Ярославский край. Т. 3. Вып. 1. Ярославль, 1928. С. 82—86.
[8] Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Л., 1925. С. 28—31.

Краеведческие исследования составляли одно из основных направлений деятельности музеев ЦПО. В музеях работало немало ученых, специалистов по истории, культуре местного края. Заведующим Ярославским государственным музеем, в который вошли музеи ЯГУАК, ЯЕИКО, картинная галерея, был историк искусства, знаток ярославских древностей Н.Г. Первухин. В музее работали И.А. Тихомиров, А.Е. Богданович, А.И. Малыгин, В.А. Перцев, Н.И. Шаханин[1], известные своими исследованиями в области истории, археологии, этнографии, древнерусского искусства. Их усилиями были созданы экспозиции историко-бытового, древнерусского, естественно-исторического отделов, картинной галереи, которые отражали различные аспекты исторического развития края, его многочисленных археологических, архитектурных, художественных памятников. В конце 20-х гг. XX в. фонды музея значительно пополнились предметами древнерусского искусства, картинами, книгами из монастырских и церковных собраний, дворянских усадеб[2].

Собиранием, изучением, научным описанием памятников, отражавших историко-культурное развитие края, были заняты почти все сотрудники музея. Большинство из них к тому же участвовало в работе губернского подотдела по делам музеев и охране памятников[3]. Сотрудники подотдела, которым руководил Н.Г. Первухин, часто выезжали в различные уезды губернии, занимались обследованием архитектурных памятников и находившихся в них художественных ценностей[4].

Краеведческие исследования вели сотрудники Ростовского государственного музея. Все они были членами РНОИМК. Однако их краеведческая работа выходила за рамки общества. Основное внимание они уделяли собиранию и изучению памятников материальной и духовной

[1] ЯИАМЗ. ЯМЗ-54797./2. Л. 2; ЯИАМЗ. НВ-1073. Л. 1-8.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 8. Л. 244—244об; Д. 3. Л. 6—12.
[3] ГАЯО. Ф.Р.-1401. Оп. 1. Д. 35. Л. 16.
[4] ГАЯО. Рыб. ф. Ф.Р.-429. Оп. 4. Д. 9. Л. 47.

культуры, созданию новых экспозиций, выставок, отражавших крупные события в истории Ростовского края[1]. Большое место в их работе занимали сохранение, изучение, реставрация многочисленных памятников Ростова[2]. Некоторые из них представляли музей на областных музейных конференциях в Ярославле и Рязани[3]. Кроме вопросов музейного строительства на конференциях рассматривались основные направления краеведческой деятельности музеев. Д.А. Ушаков, П.С. Иванов, другие сотрудники музея участвовали в деятельности уездного подотдела по охране памятников искусства и старины. Благодаря им были спасены многие художественные памятники из закрытых монастырей, церквей, включенные в коллекции музея.

Для того чтобы судить о деятельности краеведческой работы, не следует забывать, что краеведы должны были также сосредоточиться на поиске сырья «для станков пятилетки», хотя основная задача ставилась — изучить сам процесс краеведной работы в целях выработки наиболее рациональных методов ее ведения или разработать идеологически выдержанную методологию. Другой не менее важной задачей стала подготовка высококвалифицированных кадров научных сотрудников (создание аспирантуры).

Работу по спасению и сохранению культурных ценностей вели сотрудники всех музеев губернии. Их деятельностью руководил губернский подотдел по делам музеев и охране памятников. Работа музеев, таким образом, координировалась одним центром. Что касается краеведческого движения в целом, то такого центра в масштабах губернии оно не имело. Попыткой его создания было учреждение ассоциации по изучению производительных сил Ярославской губернии. В организации ассоциации участвовали Н.Г. Первухин, Н.Г. Огурцов, А.Е. Богданович, А.В.

---

[1] Анисимов, А. И. Реставрация памятников древнерусской живописи в Ярославле. 1919—1926 гг. / А. И. Анисимов. М., 1926. С. 11.
[2] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.
[3] Там же. Д. 9. Л. 5—9.

Шестаков, другие краеведы. Во главе ассоциации стоял комитет, в который входили В.К. Бурцев, М.Е. Кадек, Н.И. Шаханин. В нее входили научные общества, музеи, другие организации, занимавшиеся изучением природы, экономики местного края. Однако организующее значение ассоциации было невелико. Оно сводилось в основном к регистрации научных исследований, проводимых в губернии. Кроме того, ассоциация выделяла средства ученым, проводившим исследования по основным направлениям ее деятельности. Связанные со строительством работы заняли важное место в деятельности сотрудников. Исследователи широко понимали свои задачи. Помимо решения народнохозяйственных задач они одновременно исследовали исторические памятники, которые могли пострадать или исчезнуть в ходе строительных и ирригационных работ. Содействие всем членам секции в вопросах повышения музееведческой квалификации оказывал центр.

Несмотря на все достижения в работе, краеведческое движение в 1930-х гг. пошло на спад, ему был нанесен серьезный урон. Краеведение в губерниях Центрально-промышленной области было разгромлено. К сожалению, полной картины у нас нет. Приведем сведения, полученные в ходе самостоятельных поисков. Так, из материалов архива секретного отдела ОГПУ по Ивановской промышленной области следует, что 28 февраля 1931 года по статье 58, п. 10 Уголовного кодекса РСФСР было осуждено восемь костромских краеведов[1]. По нашим подсчетам, 16% всех краеведов Центрально-промышленной области (табл. 8) было репрессировано. Наибольшее количество исследователей пострадало в Костромском крае. Следует сказать и о жертвах первых серьезных гонений за веру в 1929—1934 гг. В Тверском районе, по данным местного отделения «Союза воинствующих безбожников», священнослужителей

[1] Сизинцева, Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930—1931 гг. / Л. И.Сизинцева// Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 114.

арестовывали за антиправительственную агитацию, за принадлежность к духовенству как социальному слою[1].

Таблица 8 [2]

Судьбы краеведов Центрально-промышленной области в 1930-х гг.

Город	Количество краеведов	Количество репрессированных краеведов
Кострома	11	8
Ярославль	21	5
Тверская губерния	80	5

Как было отмечено ранее, послереволюционные годы исследователи назвали «золотым десятилетием краеведения». Однако в начале 1930-х гг. урон данному движению был нанесен очень большой, сказавшись на кадрово-научном уровне краеведения. Это при всем том, что огромную роль в деле сохранения культурного наследия сыграли люди, пытавшиеся сохранить памятники в условиях идеологического прессинга. Чаще всего, безвозмездно выполнявшие свои обязанности, они ставили во главу угла взгляды на исключительную роль науки, особенно, в кризисный период истории.

Ярославский краевед, историк и музейный деятель Н.Г. Первухин являлся автором нескольких монографий о церквях Ярославля, в том числе работы «Ярославский первоклассный Толгский монастырь. 1314—1914», изданной в 1914 году. В 1919 году Н.Г. Первухин был назначен Уполномоченным по охране и разборке архивов Ярославской губернии. В ноябре

[1] Иванова, П. С. История Тверской епархии в XX столетии. Часть I (1900-1939 гг.) / П. С. Иванова. Тверь, 2009. С. 50.

[2] Сизинцева, Л. И. Материалы о разгроме костромского краеведения в 1930—1931 гг. / Л. И. Сизинцева // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 124; Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области: мартиролог 1937—1938. Тверь, 2000. Т. 2.

1921 года Нил Григорьевич стал заведующим Ярославского объединенного губернского, а с 1924 года — Государственного музея, в состав которого вошли исторический музей, художественная галерея, музей древнерусского искусства и естественного-исторический[1]. В 1930 году по делу «ярославских краеведов» он был арестован и выслан в Казань. Из обвинительного заключения по делу членов Ярославского Естественно-исторического и Краеведческого общества от 3 апреля 1931 года следовало, что «в системе работы … общества образовалась антисоветская группировка, поставившая себе задачей использовать деятельность указанного общества и соприкасающиеся с ним организации … в контрреволюционных целях»[2]. Антисоветская работа группы по краеведению, по мнению властей, выражалась, в первую очередь, «в борьбе с новым советским краеведением и в отстаивании старых методов краеведческих работ,… оставляя без внимания актуальные темы, в частности историко-революционные, наконец, отстаивала сохранение в целости памятников старины (церквей и т. п.), не считаясь с политическими и экономическими потребностями момента, и оставлении в церквах исторических ценностей...»[3].

Таким образом, в 1930-е гг. изменилась направленность краеведческой деятельности, она отмечалась идеологическими установками. Стал культивироваться «образ врага», проникшего в краеведение. «Врагами» власть считала «старых» специалистов, от которых следовало избавиться, т.к. они не понимали новых принципов краеведения.

Примечательна судьба костромского исследователя Ф.А. Рязановского. Сын священника, выпускник Галичского духовного училища, Костромской духовной семинарии и Московской духовной академии, он также активно встал на путь краеведческой работы. Уполномоченный

---

[1] Рутман, Т. А. Первухин Н. Г. / Т. А. Руман // Режим доступа: http://www.yaroslavskiy-kray.com/430/pervukhin-n-g.html

[2] Цит. по: Рязанцев, Н. П. История Ярославского края (1930—2005 гг.) / Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова. Рыбинск, 2005. С. 80.

[3] «Вглядись в минувшее бесстрастно...» // Культурная жизнь Ярославского края 1920—1930-х гг.: Документы и материалы. Ярославль, 1995. С. 216—217.

Главархива по Костромской губернии с 1918 по 1921 гг., действительный член Костромского научного общества по изучению местного края и хранитель музея с 1921 по 1930 гг., корреспондент «Поволжского вестника», «Северной правды», «Трудов Галичского отделения Костромского научного общества по изучению местного края», «Трудов Костромского научного общества по изучению местного края» — вот тот неполный список организованных им мероприятий[1].

Ф.А. Рязановский[2], отчитываясь об обследовании Солигаличских усадеб музейными работниками, писал: «Несмотря на голод, тиф, отсутствие обуви и пр., работалось с каким-то подъемом, увлечением, верой, и сделал много... Основное, что одушевляло в архивной и музейной работе — сохранение исторического документа, художественно-исторического предмета для будущей культуры. Этого увлечения хватило надолго»[3]. Анкетные данные подтверждают сказанное. В музее Ф.А. Рязановский был хранителем церковного и исторического отделов[4], безвозмездно исполнявшим обязанности делопроизводителя и счетовода[5]. Убедиться в интеллектуальном уровне краеведа можно, посмотрев количество изученных языков, которые перечислены в личных сведениях (греческий, латынь, немецкий, французский, польский)[6].

В судьбе Ф.А. Рязановского был переломный момент, связанный с утратой веры в Бога («до 14 лет сохранял детскую веру, — писал он в 1930 году — с 15-летнего возраста подвергся атеистической пропаганде со стороны старших школьных товарищей, произведших смятение в душе»)[7]. Кризис пришелся на годы учения в Галичском духовном училище. В трудные времена вера возвращалась, и даже на допросе в ОГПУ он

[1] Луговая, Г. М. Взаимодействие музеев и общественности в области исторического краеведения. 1917—1980-е гг. / Г. М. Луговая. Автореферат дис. канд. исторических наук. М., 1989.
[2] ЦДНИКО Ф.П.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л. 5; ГАКО. Ф. Р.-548. Оп. 1. Д. 6. Л. 24, 37—38; Д. 10. Л. 42.
[3] ЦДНИКО Ф.П.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л.72об.
[4] ГАКО. Ф. Р.-548. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.
[5] Там же. Л. 63—63об.
[6] ГАКО. Ф. Р.-548. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
[7] ГАКО. Ф.Р.-550. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

счел нужным показать: «По личному сознанию — не верующий, во всяком случае, не церковник, и не нигилист, ищущий... Без торжества правды мир неприемлем, торжество правды предполагает Бога»[1]. Примерно к тому же времени относилось увлечение социалистическими взглядами (в 1905 году участвовал в революционных событиях как крестьянский пропагандист, после чего, по его собственным словам, «осталась нелюбовь к подпольным организациям за стремление держать в шорах в кругу определенных вопросов... за моральный деспотизм и пр.»). В области гносеологии «довольно рано остановился на позитивизме Конта, стал поклонником научного факта, точной науки и противником спекулятивного мышления...»[2]. Закончилась биография краеведа арестом 13 ноября 1930 года и ссылкой[3].

Массовость краеведения уходила. В его рядах оставались единицы. Условия работы действительно были критическими. «Положение многих членов граничит в настоящий момент с голодом, — писал костромской краевед В.И. Смирнов еще в 1922 году, — русская наука вообще ходила в рубищах, но провинциальная наука, особенно в последнее время, являет поразительное зрелище нищеты»[4]. Это объяснялось тем, что при введении нэпа в целом ряде случаев работать стало труднее, чем в годы военного коммунизма, когда краеведение могли финансировать учреждения, заинтересованные в результатах работы местных научных обществ. Создавалось такое впечатление, что краеведческое дело никому не нужно — ни правительству, которое равнодушно к гибели подобных научно-

[1] ЦДНИКО Ф.Р.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л. 147об.
[2] Там же. Л. 148.
[3] Сизинцева, Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие (XIX — первая треть XX века) / Л. И. Сизинцева. Автореф. дис. канд. культурологии. М., 1998.
[4] Смирнов, В. И. Факты и цифры из жизни Костромского Научного об-ва по изучению местного края за 10 лет. 1912—1922 / В. И. Смирнов // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1923 год. Кострома, 1923. С. 26. (Далее — Отчет КНОИМК за ___год).

просветительных учреждений, ни народу — широким массам, которые не умеют еще ценить важности научной работы[1].

Главным мотивом, который заставлял продолжать исследования, было убеждение, «что только знание страны может вывести русский народ из создавшегося тяжелого положения»[2]. Тем самым судьба народа в целом воспринималась в соответствии с привычным для отечественной интеллигенции образом мыслей, как собственная судьба, а ответственность за нее целиком возлагалась на плечи «мыслящего меньшинства», поскольку народ, лишенный образования в силу социальных условий, не способен («еще») на верные действия[3]. Деятельность в данных условиях, несмотря на невыносимые рамки, в которых она протекала, тем не менее, можно считать неотчужденной, поскольку она имела внутренний смысл с сильным мотивационным зарядом, который был определен культурной традицией[4].

Подвижнический труд краеведов Центрально-промышленной области, как специалистов старой школы, так замененных новыми «марксистскими» кадрами, приводил к сложным поворотам в судьбе. Массовое разрушение памятников старины влекло за собой и наказание тех, кто боролся за их сохранение, утверждал идеи исторической преемственности. Среди арестованных было немало членов краеведческих обществ и организаций, школьных учителей и работников вузов, местных музеев и архивов.

М.И. Смирнов после окончания в 1889 году Сергиево-Посадской Вифанской семинарии учительствовал. В 1914 году окончил Нижегородское отделение Московского археологического института с отличием. Активная краеведческая деятельность М.И. Смирнова относится к

[1] Отчет КНОИМК за 1923 год. С. 32.
[2] Отчет КНОИМК за 1923 год. С. 33.
[3] Сизинцева, Л. И. Музейная деятельностьв Костромском крае. Становление и развитие (XIX — первая треть XX века): дис…. канд. культурологии / Л. И. Сизинцева. М., 1998.
[4] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 37.

1918 году, когда он стал организатором в Переславле-Залесском историко-художественного музея и одновременно Переславского научно-просветительского общества «Пезанпроб»[1]. Являясь руководителем как музея, так и научного общества, с момента их основания до 1930 года[2], он написал первую тетрадь воспоминаний, назвав ее «Как я стал краеведом». В конце её сам же автор отвечает на поставленный в заголовке вопрос: «Сделала меня краеведом любовь к моей Родине, а затем семейная обстановка моего воспитания и обучения, и, наконец, целый ряд фактов моей жизни»[3]. Последующие две тетради воспоминаний названы «На службе родному краю»[4].

В 1927 году специальной комиссией Наркомпроса М.И. Смирнов был премирован за научные труды по краеведению. В 1928 году вышел в свет первый в истории города путеводитель и справочник по Переславлю-Залесскому с иллюстрациями и планом города. По его инициативе начались широкие работы по выявлению и изучению памятников археологии, улучшалась и совершенствовалась экспозиция музея. Систематически велась кропотливая собирательская работа, позволившая пополнить фонды различными экспонатами и коллекциями.

М.И. Смирнов принимал активное участие в организации музея в Переславле, в котором вывезенные для спасения движимые памятники из имений, монастырей, церквей заняли достойное место в художественно-исторических экспозициях. Заведующий музеем дважды обращается в Наркомпрос РСФСР с просьбой передать из Румянцевского музея г. Москвы картины из собрания уроженца Переславля И.П. Свешникова

---

[1] Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е годы / В.Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы международной научно-методической конференции 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском. / Под ред. А. А. Черёмина. М., 1998. С. 97.

[2] Панфилов, В. И. Предисловие / В.И. Панфилов // Смирнов, М. И. Воспоминания и записки / М.И.Смирнов. М., 2003. С. 4.

[3] Смирнов, М. И. Воспоминания и записки / М. И. Смирнов. М., 2003. С. 11.

[4] Там же.

для организации художественного отдела. Вскоре Наркомпрос пересылает в Переславль 45 картин Свешниковского собрания[1].

Лихолетье российского краеведения коснулось М.И. Смирнова. В самом начале 1930 года. Он был арестован и отбывал ссылку в Туруханском крае. Затем М.И. Смирнов занимался краеведением и музееведением, но уже Сергиево-посадской земли, работая заместителем директора по научной части Загорского историко-архитектурного музея-заповедника[2].

Усилиями музейных работников посетители узнавали об особенностях развития своего родного края. В 20-х гг. XX в. исследователям удалось зарегистрировать 51 культовое сооружение в уездных городах и сельской местности Костромской губернии, представлявшее историко-художественную ценность[3]. Более 40 церквей губернского центра были научно описаны и взяты на учет[4]. Позднее многие из этих памятников — церковь Воскресения-на-Дебре, церковь Иоанна Златоуста, церковь Вознесения, церковь Спас-Преображения, архитектурный ансамбль Ипатьевского монастыря — приняли под охрану государства[5].

Одновременно проводилась работа по охране гражданских сооружений. К 1925 году краеведы составили список выдающихся произведений архитектуры Костромы[6]. Эти и другие памятники впоследствии также были приняты под охрану государства[7].

В 1930 году вместо Костромского научного общества было организовано бюро краеведения, принявшее от общества его материальные средства. Исследователи считают, что бюро краеведения не сыграло за-

---

[1] ЦАГМ. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 79.
[2] Панфилов, В. И. Предисловие / В. И. Панфилов // Смирнов, М. И. Воспоминания и записки / М.И.Смирнов. М., 2003. С. 4.
[3] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.
[4] ГАКО. Ф.Р.-6. Оп. 1. Д. 335. Л. 91.
[5] Там же. Л. 92.
[6] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 21. Л. 50.
[7] Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. Кострома, 1990. С. 10.

метной роли в культурной жизни губернии. В 1937 году бюро было ликвидировано[1].

Краеведческое движение в Центрально-промышленной области в 1930-х гг. перестало вписываться в официальную идеологию и политику. Поскольку краеведение — это движение с демократическими традициями, движение, дающее знания населению без «руководящих указаний» и минуя официальные каналы. Краеведы ратовали за разнообразие форм хозяйства и не соглашались с унификацией экономики, боролись за развитие культуры своего края, не соглашались с разрушением памятников истории и культуры, не соглашались с потерей местным населением своих корней, принимая идеологизацию всей культурной жизни в стране. Факты, добываемые краеведами, уже никак не подходили для официальной истории. В целом краеведы стали, говоря современным языком, инакомыслящими. Они не устраивали тот режим, который утвердился в 1930-х гг. Отсюда обвинения, гонения и репрессии многих краеведов.

Позже, в показаниях, зафиксированных протоколом в тюрьме ОГПУ в 1930 году, костромской краевед В.И. Смирнов признается: «Мое отношение к науке самое возвышенное. Я твердо убежден в силе человеческого разума. Знаю, что наука даст еще колоссальное увеличение естественных производительных сил, вскроет удивительные тайны природы и истории»[2]. Именно это убеждение заставило его «напречь последние силы... чтобы Об-во выжило»[3].

Костромское научное общество не только выжило, но и, в соответствии с концепцией В.И. Смирнова, постепенно обретало продуманную структуру. Огромная роль отводилась научным учреждениям, располо-

---

[1] Сизинцева, Л. И. Музейная деятельностьв Костромском крае. Становление и развитие (XIX — первая треть XX века): дис…. канд. культурологии / Л. И. Сизинцева. М., 1998.
[2] ЦДНИКО Ф.Р.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л. 133.
[3] Отчет о деятельности КНОИМК за 1923 год. Кострома, 1923. С. 32; ГАКО. Ф.Р.-548. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

женным в губернском центре и ведущим основную исследовательскую, методическую и просветительную работу, — лабораториям, станциям, сотрудниками которых были специалисты, получившие соответствующее образование. С одной стороны, они тесно были связаны с соответствующими академическими учреждениями, расположенными в столицах, благодаря переписке, обмену литературой[1], и личным контактам, с другой стороны, благодаря изданию программ, анкет, проведению экспедиций с широким привлечением любителей, они оказывались связанными с низовыми структурами Костромского научного общества. «В этом деле может принести пользу всякий, — писал В.И. Смирнов еще в момент основания организации, — даже маленькие коллекции и случайные наблюдения любителя могут быть полезны науке, так как решение общих научных вопросов подготовляется медленным и кропотливым накапливанием фактов и наблюдений»[2].

В.И. Смирнов служил науке на протяжении своей жизни[3], что отразилось в показаниях ОГПУ: «личные научные интересы и увлечения председателя... приводили к использованию финансовых средств и издательства общества... в ущерб другим сторонам деятельности»[4]. И все же талант руководителя позволил краеведам почти 10 лет сглаживать противоречия, создавать рабочую обстановку в музее, опираясь на главное, что всех их объединяло: любовь к исследовательской работе, стремление собрать и сохранить материалы, исследовать их. «Должен признаться, мне обидно было заниматься только организац. работы для других членов Общества, не заним. своим любимым делом... я не мог равнодушно проходить мимо удивительных памятников по истории и своеобразию

[1] ГАРФ. Ф.А-2307. Оп. 3. Д. 141. Л. 59.
[2] ГАКО. Ф.Р.-550. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.
[3] ЦДНИКО Ф.Р.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л. 65.
[4] ГАКО. Ф.Р.-548. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

костромской деревни»[1], — признавался В.И. Смирнов в своих показаниях 1930 году.

Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в начале 1930-х гг. была наиболее заметна даже на фоне общего подъема. Председатель Центрального бюро краеведения (ЦБК) академик С.Ф. Ольденбург отмечал в частном письме: «Костромское общество считаю одним из самых лучших краеведческих обществ, образцовым по размаху и интенсивности работы»[2]. Его история неоднократно становилась объектом исследования в связи с изучением российского и регионального краеведения[3]. Невозможно переоценить роль деятелей общества Д.П. Дементьева, Л.Н. Казаринова, а также одного из его основателей и бессменного председателя с 1921 по 1929 гг. В.И.Смирнова[4], инициативы краеведов Е.Ф. Дюбюка, Н.Н. Виноградова, А.И. Черницына[5], вошедших в президиум губернской коллегии по охране памятников истории и культуры.

Новый этап в развитии краеведения начинается с 1937 года, когда краеведение в стране практически остановилось после ликвидации ЦБК, его центральных изданий и областных бюро. Была утрачена самая сильная его сторона — массовость. Изучение края стало уделом узкого круга лиц — работников архивов и музеев.

Конечно, сохранялось школьное краеведение, потому это наиболее элементарный и всем понятный путь к познанию. Краеведение являлось

---

[1] ЦДНИКО Ф.Р.-3656. Оп. 2. Д. 4323. Л. 107об.

[2] Филимонов, С. Б. Эпистолярный архив В. И. Смирнова / С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 321.

[3] Филимонов, С. Б. Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг.: Дис....канд. ист. наук / С. Б. Филимонов. М., 1974; Флейман, Е. А. Краеведческое движение в Верхнем Поволжье в 1917—1930 гг.: Дис.... канд. ист. наук / Е. А. Флейман. Ярославль, 1987; Шипилов, А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII — начале XX в.: Дис.... канд. ист. наук / А. Д. Шипилов. М., 1985.

[4] Бочков, В. Н. Подвижники Костромского краеведения: Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев / В. Н. Бочков // Второе свидание: Глазами краеведов. Ярославль, 1974; Китицына, Л. С. Памяти Василия Ивановича Смирнова / Л. С. Китицына, П. Н. Третьяков // Советская археология. 1968. № 4.

[5] ГАКО. Ф.Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3; Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

знанием о прошлом и настоящем своего края: от большого региона до своего родного города или села, своей улицы, своей школы, своего завода, своего института. Вплоть до генеалогических связей, которые делают понятным историю обычных людей, помогают изучать повседневность. И каждый ребенок начинал познавать мир с познавания того, что находится ближе всего. В познании природы, и в познании общественных связей окружающего ребенка мира, краеведение играло основную роль. Именно краеведческий музей, в котором, как правило, соседствовал отдел природы и отдел истории, конкретизировал представление об окружающей экологической и социальной среде.

Первоначально количество традиций в советское время было ограничено. Новые традиции были связаны с революционным движением, воинским подвигом, формировавшие в некоторой степени, современные традиции культуры. Однако исключались целые пласты общественной деятельности дореволюционного времени. Убиралась информация о людях, участвовавших в попечительской деятельности, исчезали сведения о культуре имущих классов. Стиралась из памяти роль священнослужителей, промышленников, купцов, — роль тех, кого относили к господствующим классам, если это не были люди, наделенные широкой известностью. Невозможно стало заниматься генеалогией.

В то же время, краеведы Центрально-промышленной области в исследуемый период, объединяя местную интеллигенцию, приобщая к освоению культуры молодежь из малограмотных семей, собрали ценнейший материал для истории. Это были памятники уходящего и современного быта в городе и деревне, записи изменений в словаре разговорной речи, дневниковые записи и анкеты различного содержания.

При этом основная линия государства была направлена на то, чтобы поставить краеведческую работу под полный контроль партии. Были за-

крыты многие научные общества. ЯЕИКО было ликвидировано[1]. Краеведы В.Н. Бочкарев, Н.Г. Первухин, В.А. Перцев, А.А. Соколов были репрессированы[2]. Другие отошли от научной деятельности, влача нищенское существование: «…на 68 р. пенсии, когда мера картошки 25 р., а ее на 3-4 дня... воз дров в 40-50 полен — 50 р.? Мяса, масла, чая сладкого не видишь по месяцам… истощение, бессилие»[3].

В 30-х гг. XX в. краеведческими исследованиями занимались в основном преподаватели ЯПИ, сотрудники музеев[4]. Не имея возможности издавать труды, сборники, они публиковали свои работы в местной периодической печати[5]. Закрытие научных обществ, репрессии, коснувшиеся их членов, не могли не сказаться на развитии всего губернского краеведения в последующие годы.

Деятельность сотрудников краеведческих органов и общественного актива проходила в трудных условиях, так как встречала косвенное противодействие. В годы восстановления народного хозяйства и его дальнейшего развития разрушение памятников часто связывалось с производственными нуждами, с реконструкцией городов. Часть памятников пострадала от неправильных методов в антирелигиозной работе, часть — из-за отсутствия финансирования. Так, один из активистов С. Кисловский в начале октября 1927 года сообщал из Тверской губернии, что два музея — Кашинский и Калязинский — ликвидируются, так как, снятые с государственного финансирования, «на местные средства» они приняты не были[6]. На одном из заседаний ЦБК, проходившем в это же время, обсуждался доклад ученого секретаря бюро Д.О. Святского об его коман-

---

[1] ГАЯО. Ф.Р.-1400. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.
[2] Ананьич, Б. В. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929—1931 годов / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/an-pan.htm
[3] Из письма И. А. Тихомирова В.Г. Богораз-Тану. 14 декабря 1931 г. // Краеведческие записки. Вып. 7. Ярославль, 1991. С. 16—17.
[4] ЯИАМЗ. ЯМЗ-23384/3. Л. 1—8.
[5] Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 317—324.
[6] Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 278.

дировках в Кострому, Ярославль[1]. В докладе сообщалось, что снятие в этих городах музеев с госбюджета «вредно отразилось и на работе краеведческих обществ»[2].

Несмотря на тяжелые финансовые условия, краеведческое движение в Тверской губернии в своем составе к 1930 году насчитывало до 80 исследователей. Основным направлением работы общества являлся принцип всестороннего познания истории края, а также его природы в согласии с программами «…новой Советской школы всех ступеней и типов, и то стремление широких масс экскурсировать, которое растёт с каждым годом. Но являются вопросы: куда и как экскурсировать?». С этой целью в течение 10 лет общество выпускало серию экскурсионных сборников, посвященных природе Твери и Тверской губернии, публиковало статьи разнообразной тематики: «Тверской археологический музей и его библиотека», «Тверское губернское Археологическое бюро», «Питание населения Тверской губернии», «История Дворцового сада», «Уголок Пушкина в Старице», «Тверское общество врачей».

В Педагогическом институте было организовано «Справочное бюро» по краеведению. Любой мог позвонить по телефону и дежурные преподаватели и старшекурсники отвечали на все вопросы. Членами общества проводились экскурсии по Твери и ее некрополям[3].

Краеведами тех лет издавались многочисленные периодические издания, научные труды, программы. Костромское научное общество издало 66 сборников статей с 1917 по 1930 гг., 25 из них — отделениями общества, что подтверждает большую активность и планомерность работы обществ. Именно в этот период находятся возможности и для издательской практики в уездах и волостях. Так, Солигаличское отделение общества с

[1] ГАРФ. Ф.А.-2307. Оп. 6. Д. 30. Л. 58.
[2] Известия ЦБК. 1927. № 9. С. 309.
[3] Петренко, Е. Хранители тверской истории / Е. Петренко // Тверская Жизнь. 2006. 9 февр. С. 2.

1917 по 1930 гг. выпустило 12 отдельных изданий «Трудов...», Галичское — 5, Кологривское — 4 и т. д.[1].

Неравнодушие губернских краеведов к своему делу явилось основой деятельности по изучению и сохранению памятников искусства и старины родного края. Музейная деятельность была ее существенной частью, средством, условием, дававшем возможность для того, чтобы краеведческое дело развивалось и жило.

***

1920—начало 1930-х гг. были периодом расцвета губернского краеведения. Его демократический характер привлекал к работе культурные силы на местах. Благотворный вклад краеведческих обществ в развитие памятников искусства и старины принес краеведческому движению авторитет и признание.

Пополнение краеведческих сил Центрально-промышленной области происходило в основном за счет интеллигенции. Среди краеведов было немало квалифицированных специалистов — музейных и архивных деятелей, учителей, статистиков, — хорошо знавших особенности культуры своего края. Государственным и местным органам власти необходимо было направить инициативу творческой интеллигенции в русло социалистического строительства. Являясь одним из каналов по вовлечению «дореволюционных» специалистов в реалии новой жизни, краеведческие общества во многом восполняли недостаток в губерниях, особенно в первые годы советской власти, государственных научно-исследовательских учреждений.

Результаты своей деятельности краеведы стремились сохранить для науки и сделать их достоянием широкой общественности. Итоги ис-

[1] Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. Кострома, 1990. С. 11.

следований публиковались в виде сборников статей и отдельных монографий. Значительную роль в координации научной работы играли губернские и уездные краеведческие съезды и конференции.

В Костромской, Владимирской, Тверской и Ярославской губерниях все музеи в первое время после их организации находились в ведении местных исследовательских обществ и работали на основе энтузиазма и безвозмездности. Музеи являлись признанными среди масс очагами культуры. Важнейшим направлением работы краеведов была охрана внемузейных памятников: произведений архитектуры и древнерусской живописи, археологических объектов. Часто краеведы, не дожидаясь указаний государственных и местных органов, сами брали на себя инициативу по сохранению исторических памятников. Дать описание раритетов, наладить элементарную охрану в далеких уголках губернии могли только местные культурные силы. Инициативу краеведов всемерно поддерживали губернские коллегии по охране памятников истории и культуры, созданные в каждой губернии в 1918 и в 1919 гг. Краеведы привлекались как консультанты в состав коллегий на добровольных началах.

Наметившийся на рубеже 1920—1930-х гг. процесс уничтожения демократических тенденций отрицательно повлиял на общественную активность. Конец нэпа и установление сталинской диктатуры привели к уничтожению тех свобод, которыми пользовались краеведы Центрально-промышленной области ранее. Новая эпоха требовала полного подчинения науки интересам государства, установления тотального государственного контроля над всеми процессами, в том числе и при изучении прошлого. Краеведение как массовое самодеятельное движение в новую реальность не вписывалось. «Дело краеведов» положило конец «золотому десятилетию» в губернских городах.

Несмотря на это в 30-х гг. XX в. краеведческие организации продолжали существовать, однако их деятельность становилась все более формальной. Волна репрессий, обрушившаяся на страну в 1937—1938 гг. не миновала и музейную интеллигенцию. Старым специалистам предъявлялись обвинения в контрреволюции, срыве заданий пятилеток, саботаже и т.п.

Конец 1920 — начало 1930-х гг. сильнейшим образом затормозило развитие советской памятникоохранной деятельности. Репрессии, развернувшиеся против «замаскировавшихся буржуазных спецов», продолжавших «подрывную» деятельность в советских учреждениях, привели к тому, что замечательные традиции отечественной науки подверглись глумлению, а их носители — преследованию. В первую очередь новые веяния коснулись верхнего эшелона власти. В 1927 году отстраняется от должности заведующей Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Н.И. Троцкая, долгие годы с успехом защищавшая сотрудников «своего ведомства» от карательных органов. В 1929 году с поста наркома просвещения был смещен А.В. Луначарский, при поддержке которого основные реставрационные начинания губернских краеведов, по выражению И.Э. Грабаря, находились «как за каменной стеной».

Преследования коснулись и центральных реставрационных мастерских, некоторые специалисты которых в 1930 году уже находились под следствием. Среди арестованных оказался многолетний соратник И.Э. Грабаря и формально второй человек в ЦГРМ А.И. Анисимов. Ярославская реставрация также понесла ощутимые потери. Сильнейшей критике подвергся заведующий музеями города, многолетний сторонник и защитник реставрационных принципов специалистов города И.А. Тихомиров. Были репрессированы многие краеведы, в частности, в Ярославле — Н.Г. Первухин, в Рыбинске — братья Золотаревы, владимир-

ские краеведы — Л.С. Богданов и А.И. Иванов, директор Переславского музея М.И. Смирнов, а в музеях губернских городов Центрально-промышленной области начались повальные проверки, приостановившие на время памятникоохранные мероприятия.

В 1937 году реформирование губернского краеведения Центрально-промышленной области и связанных с ним учреждений вступило в завершающую стадию. Данный процесс стал возможен на основании того, что 10 июня 1937 года было принято постановление СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах». Наконец, письмом Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» 1938 года были закрыты все краеведческие организации, а такого рода работу предлагалось вести в производственных коллективах, при домах культуры, учебных заведениях и т.п. В губерниях Центрально-промышленной области данные нормативно-правовые акты были применены на практике.

Со второй половины 1930-х гг. губернская краеведческая наука испытала на себе идеологический гнет и контроль партийных органов, работа краеведческих обществ была признана отсталой и вредной, репрессиям подверглись многие краеведы-историки. В сложный исторический период губернское краеведение трансформировалось в основном в музейное (краеведческие музеи существовали во всех областных и краевых центрах) и школьное краеведение. Нарушение принципов демократического, коллегиального управления музеями, заложенных в начале 1920-х гг., исключение музеев из системы научных учреждений, разрушение централизованной системы охраны памятников, ликвидация краеведов как заинтересованной группы общественности в деле сохранения культуры и старины, к концу 1930-х гг. привело к невосполнимым утратам памятников истории в Центрально-промышленной области.

***

Подводя итоги четвертой главы, отметим, что узкопрактический подход в 1930-х гг. к историческому и культурному наследию прошлого, нигилистические призывы избавиться от «ненужных традиций прежней культуры, борьба с религией»[1], варварское истребление памятников старины, в первую очередь, церковных сооружений и предметов религиозного культа, нанесли непоправимый ущерб истории и культуре губерний[2] Центрально-промышленной области.

Опираясь на решения партийных и государственных органов разного уровня, губернские власти быстро решали насущные вопросы промышленного строительства, гражданской архитектуры и исторических памятников.

К числу чисто административных мер, исходивших из высших эшелонов власти, явилось создание и укрепление всесоюзной организации «Союза воинствующих безбожников» на местах. Как показали дальнейшие события, это было своего рода идеологической подготовкой массового уничтожения памятников губерний Центрально-промышленной области, прежде всего, русской народной культуры, церковного зодчества и искусства.

Не все культурные единицы прошлого могли легко интегрироваться в новые социальные условия, если рассматривать тот момент эволюционного социокультурного пути как последовательного усложнения культурных порядков, и соответственно в модернизационные измерения[3]. И задача заключалась не в том, чтобы учитывать те культурные единицы наследия, которые втягивались в модернизационные процессы, но и те, которые

---

[1] Кугрышева, Э. В. Становление и развитие государственной политики Российской Федерации по охране памятников истории, культуры и музейному делу в 1918—1941 гг. (На материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук / Э. В. Кугрышева. Астрахань, 2004.

[2] Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников итории и культуры Верхнего Поволжья в 1917—1930 гг.: дисс. на соис. учен. степ. канд. ист. наук / Н. А. Личак. Ярославль, 2003.

[3] Селезнева, Е. Н. Культурное наследие в контексте макроэкономической динамики / Е. Н. Селезнева // Режим доступа: www.ifapcom.ru/files/Monitoring/selezneva_kult_nasl_makroistor.pdf

оставались «автономными», тем не менее, адаптируясь к модернизационным изменениям.

В отчетах руководства подчеркивалось, что религиозные организации являются единственно легально существующей контрреволюционной силой, имевшей влияние на массы. Тем самым фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией. Руководители антирелигиозных мероприятий из Москвы и Ленинграда, участвуя в утверждении генеральных архитектурных планов развития губернских городов, предлагали уничтожить до 90 % памятников архитектуры и ценной городской застройки исторических городов, что и было осуществлено, например, в Иваново и Костроме. Составители схемы перепланировки городов Центрально-промышленной области отвергали наличие сооружений религиозного культа и не останавливались перед сносом того или иного памятника, если он мешал, по их мнению, архитектурно-промышленному развитию города. Была создана идейная, административная и организационная основа уничтожения искусства, которая воспроизводилась постоянно, облекая партийную мысль в образе действия губернских администраторов и хозяйственников в течение десятилетий.

Возможность произвола по отношению к памятникам истории и искусства давала местным чиновникам неоспоримые выгоды, предоставляя возможность проявить усердие в борьбе с «наследием старого порядка». Тем более что духовная ценность памятников культуры, как правило, не вписывалась в шкалу жизненных ценностей советских людей, а, напротив, воспринималась ими как досадная помеха их деятельности.

В то время как местные органы охраны памятников Центрально-промышленной области, несмотря на свой малочисленный персонал и скудные средства, пытались усиленно проводить работу по сбережению

уникальных культовых памятников зодчества, — набирала силу и крепла антирелигиозная пропаганда по всей стране, что весьма негативно отражалось на положении церковных памятников. Данные условия привели к тому, что начиная с 1929 года в стране впервые совместными действиями центральной и местной советской власти было осуществлено организованное уничтожение художественных, архитектурных и исторических памятников. Массовое планомерное уничтожение памятников было бы невозможно без создания централизованной организации, ориентированной на культурные погромы. Таким центром руководства культурными погромами стал «Союз безбожников», превращенный ее лидерами из организации, ведущей антирелигиозную пропаганду, в «Союз воинствующих безбожников» — штаб действий против верующих и религиозной культуры всей Центрально-промышленной области.

В связи с вышеуказанными процессами руководством центральных памятникоохранных организаций выдвигаются новые схемы определения ценности музейных объектов ЦПО. В первую очередь, местными губисполкомами оценивается место каждого памятника в местной памятникоохранной системе. Для удовлетворения потребности в кирпиче и ломе объекты культурного наследия идут под снос. Многие культовые здания переоборудуются под склады и бытовые учреждения. Из перепрофилированных помещений в центральные музеи вывозились остатки церковных ценностей, размещавшиеся в запасниках местных музеев. Ценные экспонаты, спрос на которые имелся за границей, активно реализовывались через Госторг. Предполагалось, что арендаторы будут заботиться о помещениях. Однако, как показала практика, ценность исторического здания понимали не все. Поэтому губернские памятники старины не только не охранялись власть предержащими органами надлежащим образом, но и теми же структурами разрушались.

За несколько лет неузнаваемо изменился облик многих губернских городов, были забыты достигнутые в 20-е гг. XX в. успехи в музейном строительстве и сохранению памятников. Реставрационные мастерские, в которых работали болеющие за свое дело специалисты, были закрыты, в музеях была проведена чистка кадров. Ликвидация местных краеведческих обществ, арест опытных краеведов оставили древности городов без попечения со стороны специалистов перед разрушительными действиями местных властей.

Ведущее место в системе, во влиянии на охранную и музейную практику с этого периода времени теперь занимали отделы идеологического значения, являвшиеся методическими центрами для всех остальных. В последующие годы развитие музеев и оценка их места в музейной сети страны протекали в сложившейся парадигме.

С конца 1930-х гг. волна разрушений памятников в Центрально-промышленной области, как и по всей стране, пошла на спад. В это же время были собраны остатки ценнейших памятников, составивших современное богатство городских музеев. Подготовленный в 1938 году общий список советских памятников явился основным результатом памятникоохранной политики. В музеях работали квалифицированные специалисты, пытавшиеся сохранить культурные ценности для потомков путем отбора, оценки и реставрации памятников искусства и старины.

В условиях антирелигиозной пропаганды и социалистического строительства уничтожение древнерусской культуры являлось приоритетным, не оставляя достаточного места памятникам искусства и старины в губерниях Центрально-промышленной области, окончательно разрывая связь с традиционной народной культурой.

Следует в то же время отметить роль известных специалистов, под контролем которых были сохранены выдающиеся памятники древнерусского искусства. В частности, в губернские города с консультациями

постоянно приезжал исследователь-реставратор П.Д. Барановский, который обследовал состояние многих памятников, подтверждая необходимость сохранения архитектурного облика того или иного города-музея. К его мнению власти достаточно часто прислушивались. Благодаря его энтузиазму многие из ценных памятников сохранились до наших дней.

Другой ключевой фигурой можно назвать И.Э. Грабаря. Под его руководством было организовано несколько экспедиций по территории губерний Центрально-промышленной области в начале 1920-х гг. Архитектурные памятники Ярославля, Владимира и Кашина обследовались с целью производства реставрационных работ. Комиссия под руководством И.Э. Грабаря давала научные заключения разрушенным памятникам Ярославля, защищая храмы от губительных действий местной администрации. В 1930-е гг. после разгрома Центральных государственных реставрационных мастерских исследователь отдал много времени автобиографической книге «Моя жизнь». В ней он вспоминал не только о событиях своего жизненного пути, рассказал о людях, с которыми встречался и дружил, о мероприятиях, в которых он был участником и свидетелем. Книга, вышедшая в 1937 году, до сих пор является важным источником для исследователей охраны произведений живописи 1920-х гг.

Трагичнее сложилась судьба организатора реставрационных мастерских в Ярославле, Новгороде и Вологде А.И. Анисимова (а также многих других краеведов), закончившего свою жизнь в 1937 году в Беломоро-Балтийском лагере (лагпункт Кузема).

Процесс развития памятникоохранного дела губерний Центрально-промышленной области в 1930-х гг. испытал влияние элементов бюрократизма и государственного администрирования, стремления командовать губернскими властями, в ходе деятельности которых были утрачены куль-

турные ценности, накопленные прежними поколениями и сохраненные в первые годы большевистской власти. Неоправданно преувеличивались пропагандистские функции местной власти при недооценке специфики, роли и направления музейной научно-исследовательской работы. Все это во многом предопределило те недостатки в деле сохранения памятников искусства и старины, которые существуют и по сей день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. С первых месяцев существования Советской России перед властью встали проблемы, требовавшие незамедлительного решения. Одна из них — сохранение движимых и недвижимых памятников искусства и старины от разграбления и уничтожения путем принятия постановлений и законов, позволявших регулировать отношения между властью, пользователями и собственниками памятников. Вторая проблема — создание системы специальных государственных органов в центре и на местах, которые бы профессионально решали вопросы учета, сохранения, использования, защиты памятников от разрушения и искажения их подлинного вида.

В первые послереволюционные годы советское общество достигло такого уровня отношения к своему культурному прошлому, чтобы законодательно объявить его «достоянием народа». В их состав входили материальные и духовные составляющие, имевшие личное, коллективное, государственное или другое происхождение. Они являлись всеобъемлющими, достоверными и образными носителями информации о прошлом. Однако таковыми памятники искусства и старины могли быть только при условии своего сбережения.

Обеспечивая свободу культуре, право на культурную самобытность, государство взяло на себя разработку стратегических задач культурного строительства и обязанности по сохранению памятников искусства и старины, доступную финансовую поддержку культурных ценностей на местах. В то же время, декреты 1918—1921 гг., направленные на обеспечение сохранности и использования культурных ценностей, не установили ясного правового статуса памятников, определяющего формы владения и управления ими. В основу всех первых законов был положен

принцип максимального охвата памятников искусства и старины, чтобы сохранить огромную массу культурных ценностей от вывоза за границу. На протяжении исследуемого периода это законодательство изменялось в зависимости от того, как изменялись социально-экономические и политические условия в стране. Государственными и местными органами власти выделялись, в первую очередь, памятники, имевшие материальную ценность и возможность реализации на внутреннем и внешнем рынке.

Организационную структуру государственных памятникоохранных органов определяли три основные фактора: нечеткое разделение функций между Наркоматом имуществ, Наркоматом просвещения и исполкомами Советов рабочих и крестьянских депутатов разного уровня, начиная с ЦИК до исполкомов сельских советов, в чьем реальном распоряжении, как полномочных органов государственной власти, памятники находились; наличие в столицах — Москве и Петрограде — разных комиссий и учреждений, часто дублирующих функции друг друга, но подчиняющихся разным наркоматам; зависимость их работы от наличия в столицах профильных институтов и кадров опытных специалистов в деле сохранения памятников искусства и старины.

2. Важным условием реализации системы государственных органов охраны памятников в центре и на местах являлось формирование корпуса различных специалистов, которых можно было бы привлечь и к нормотворческой работе, и к практическому осуществлению работ по учету, систематизации, определению форм владения памятниками искусства и старины. В свою очередь, решить любые проблемы как, например, учет, сохранение и реставрация памятников, особенно недвижимых, в масштабах огромной страны было невозможно без формирования специализированных организаций. Особенность его формирования состояла также в том, что костяк его сотрудников в первое десятилетие составили опытные и высококвалифицированные специалисты. Часто они шли на сотрудниче-

ство с властью не по идейным соображениям, а просто осознавая, что именно эта власть делает то, на чем они безуспешно настаивали многие дореволюционные десятилетия.

Сформированные губернские структуры, реализовавшие начинания из центра страны, были взаимосвязаны и взаимоответственны за качественное сохранение стабильности системы выявления, изучения, сохранения и использования объектов культурного наследия губерний Центрально-промышленной области. Сохраняли практически все представлявшие ценность памятники искусства и старины. Руками местных любителей старины в Ярославской губернии были описаны материальные ценности, находившиеся в церквях, а также убранство и состояние храмовых комплексов. Специалистами Тверской и Ярославской губерний были классифицированы и учтены усадебные комплексы. Стимулировалось создание и поддержка губернских краеведческих обществ, между близлежащими ярославским и владимирским губерниями проводились научные исследования с целью выявления известных школ архитектуры и иконописи. За короткий период на безвозмездной основе центральные органы власти, наделенные законодательной инициативой, получили в свое распоряжение в форме отчетов и паспортов всю «картину», связанную с приобретенными «по наследству» памятниками искусства и старины каждой губернии Центрально-промышленной области.

3. Анализ научной литературы подтверждает, что тема сохранения культурного наследия в 20—30-х гг. XX в. постоянно привлекала внимание исследователей. Однако библиография, посвященная проблемам сохранения памятников искусства и старины губерний ЦПО, весьма немногочисленна. Недостаточно изученными оставались функции губернских органов власти сохранения памятников искусства и старины, результаты проводимых мероприятий в губерниях Центрально-промышленной

области, масштабы ликвидации церковного наследия — кампании по изъятию церковных ценностей, а также особенности развития музейного дела в губерниях ЦПО в изучаемый период. Рассмотрение всех вышеперечисленных проблем в отечественной и региональной историографии носит дискретный, разрозненный, фрагментарный характер и не дает целостного и обобщенного представления о формировании системы сохранения памятников искусства и старины и ее специфике в период 1920—1930-х гг.

4. Введенные в оборот новые исторические источники центральных и губернских архивов, освещающие различные аспекты памятникоохранного дела в регионе в первые послереволюционные десятилетия, позволили рассмотреть совокупность проблем, возникших в связи с мероприятиями по национализации, сохранению, а затем и добросовестному (недобросовестному) использованию памятников искусства и старины на местах.

5. В условиях революции и жесточайшей гражданской войны благодаря созданной государственной системе сохранения памятников удалось спасти и сохранить огромное количество предметов старины и искусства. Следует согласиться с мнением многих авторитетных современников, которые считали, что в условиях революционного времени часть культурных ценностей погибла, что в основе памятникоохранной политики лежал экономический и политический утилитаризм. В то же время, огромный список культурных ценностей, которые удалось выявить, взять на учет и сохранить в фондах многочисленных государственных музеев, невозможно не оценить. Благодаря усилиям государства, энергичной работе органов охраны памятников и неожиданно высокому уровню сознания широких масс населения удалось добиться того, что многие исторические памятники были спасены.

6. Государственная политика в отношении культурного наследия изменилась в конце 1920—начале 1930-х гг. Курс был взят на

упорядочение огромной массы культурных ценностей, на снятие с государственного учета многочисленных предметов немузейного значения. В непростых условиях было решено совершенствовать сохранение памятников искусства и старины через рыночные механизмы. Местные органы власти сдавали в аренду памятники архитектуры, реализовывали через антикварную торговлю часть предметов немузейного значения, подготавливали для распродажи за рубежом культурные ценности.

Огромную роль в спасении культурных ценностей в те годы сыграли музеи. Если в 1920-х гг. происходил их быстрый рост, что обеспечивало элементарную сохранность многочисленных культурных ценностей, то уменьшение численности действовавшей государственной музейной сети в 1930-х гг. вовсе не означало гибель экспонатов. Они оставались неотъемлемой частью Государственного музейного фонда, что являлось твердой гарантией их сохранения.

Вместе с тем параллельно охранительным усилиям государства постепенно нарастали противоположные тенденции в государственной политике. Отчасти они были вызваны объективными экономическими причинами, как голод в Поволжье, послевоенная разруха. Но отчасти начинали действовать субъективные факторы, например, стремление ликвидировать религию и церковь, как государственные институты. В конечном итоге, эта тенденция привела к уничтожению части церковного имущества, к масштабным распродажам за рубежом культурных ценностей.

Таким образом, серьезные изменения в политической жизни страны на рубеже 1920—1930-х гг. повлекли за собой изменение государственной политики в отношении культурных ценностей. Закончился «культурный нэп». Отношение государства к памятникам старины и искусства становилось более утилитарным. Власть хотела получать от них реальную экономическую и идеологическую выгоду. Не желавшие соглашаться с таким

узким подходом старые специалисты стали помехой на пути. Репрессиям подверглось большое количество краеведов. Многочисленные краеведческие общества как массовая база краеведческого движения, были формализованы и включены в систему партийно-государственного аппарата. Весьма плодотворный процесс создания местной системы органов сохранения памятников искусства и старины был завершен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Адмотдел	Административный отдел
Б. ц.	Бывшая церковь
Бывш.	Бывшая
ВГО ОГПУ	Владимирский губернский отдел ОГПУ
ВИК, волисполком	Волостной исполнительный комитет
ВКП(б)	Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ	Высший Совет Народного хозяйства
ВХНРЦ	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК	Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАТО	Государственный архив Тверской области
ГАО	Губернский административный отдел
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАЯО	Государственный архив Ярославской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ГИК, губисполком	Губернский исполнительный комитет
ГИМ	Государственный Исторический музей
Главмузей	Главное управление по делам музеев
Главнаука	Главное управление по делам науки
ГНИМА им. Щусева	Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. Щусева
ГО	Губернский отдел
Горкомхоз	Городское коммунальное хозяйство
Горсовет	Городской совет
Госмузей	Государственный музей
Госторг РСФСР	Государственная экспортно-импортная контора, акционерное общество
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
Губземотдел	Губернский земельный отдел
Губмузей	Губернский музейный отдел
ГубОНО	Губернский отдел народного образования
Губплан	Губернский плановый отдел
Губтранс	Губернский транспортный отдел
Губфинотдел	Губернский финансовый отдел
ГЭС	Гидроэлектростанция

ЖАКТ	Жилищно-арендное коммунальное товарищество
КИПЦ	Комиссия по изъятию церковных ценностей
КНО	Костромское научное общество
Комитет Помгол	Комитет Помощи голодающим
Мунифонд	Муниципальный фонд
Наркомпрос (НКП)	Народный комиссариат просвещения
НИИВП	Научно-исследовательский институт Верхнего Поволжья
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОблОНО	Областной отдел народного образования
ОГБУ ГАНИКО	Государственный архив новейшей истории новейшей истории Костромской области
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление
ОНО	Отдел народного образования
Пл.	площадь
РА ИИМК	Рукописный архив Института истории материальной культуры
РАИМК	Российская академия истории материальной культуры
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РК КПСС	Районный комитет Коммунистической Партии Советского Союза
РНОИМК	Ростовское научное общество изучения местного края
РПЦ	Русская православная церковь
РФ ГАЯО	Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области
СЗ	Собрание законов
СНК	Совет Народных Комиссаров
СТО	Совет Труда и Обороны
СУ	Собрание узаконений
СО ОГПУ	Секретный отдел ОГПУ
ТГОМ	Тверской государственный объединенный музей
Уисполком, уездисполком	Уездный исполнительный комитет

Ул.	Улица
Учкомбов	Учебный комбинат по борьбе с вредителями сельского хозяйства
ЦБК	Центральное бюро краеведения
ЦГРМ	Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦПО РСФСР	Центральной промышленная область РСФСР
ЦРК	Центральный рабочий кооператив
ЧОН	Части особого назначения
ЯГУАК	Ярославская губернская ученая архивная комиссия
ЯЕИКО	Ярославское естественно-историческое краеведческое общество
ЯМЗ	Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯО ЦГРМ	Ярославское отделение Центральных государственных реставрационных мастерских
ЯПИ	Ярославский педагогический институт
ЯХМ	Ярославский художественный музей
Яроблоно	Ярославский отдел народного образования
Яроблфо	Ярославский областной финансовый отдел

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Опубликованные источники

А) Нормативно-правовые акты

1. Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. [Текст] // Декреты Советской власти. - Т. I. - М., Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 373-374.

2. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. [Текст] // История Советской Конституции (в документах). 1917—1956 гг. / Под ред. С. С. Студеникина. - М.: Госюриздат, 1957. - С. 109-110.

3. Декрет СНК «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» от 1 апреля 1918 г. [Текст] // Известия. - 1918. - 14 апреля. – С. 1.

4. Приказ Народного комиссариата государственного призрения «О прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов» от 1 апреля 1918 г. [Текст] // Режим доступа: http://www.r-komitet.ru/law/faith/ussr/razdel/20011918 (дата обращения 23.11.2011).

5. Декрет СНК «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработки проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 12 апреля 1918 г. [Текст] // Правда. - 1918. - 14 апреля. – С. 1.

6. Декрет СНК «О национализации Третьяковской галереи» от 3 июня 1918 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 387-388.

7. Декрет СНК «О конфискации имущества низложенного Российского императора и членов бывшего Российского императорского дома» от 13 июля 1918 г. [Текст] // Декреты Советской власти. - Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 374.

8. Постановление СНК «О постановке в Москве памятников великим людям» от 17 июля 1918 г. [Текст] // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. - М.: Сов. Россия, 1973. - С. 18-19.

9. Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г. [Текст] // Декреты Советской власти. 1957–1989. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. - Т. 3. - С. 232.

10. Декрет СНК «О воспрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 18 сентября 1918 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1918. - № 69. - Ст. 751.

11. Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.-19410. - Оп. 1. - Д. 2. - Ч. 1. - Л. 29.

12. Постановление СНК «О превращении Большого Кремлевского дворца в музей» от 3 декабря 1918 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 395-396.

13. Постановление НКП «Об организации губернских коллегий по делам музеев и охране памятников искусства и старины» от 7 декабря 1918 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.А.-2306. - Оп. 2. - Д. 39. - Лл. 35-36.

14. Постановление НКП «Об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев» от 30 июля 1919 г.

[Текст] // Охрана культурного наследия России XVII—XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 399-400.

15. Циркуляр тверского губернского земельного отдела «О праве передачи бывших частновладельческих имений отделам народного образования, собесам и другим учреждениям» от 31 января 1920 г. № 477 [Текст] // ГАТО. Ф.Р.-2799.- Оп. 1. - Д. 181. – Лл. 25-27, 51-53.

16. Декрет СНК «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевской лавры» от 20 апреля 1920 г. [Текст] // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. - М.: Сов. Россия, 1973. - С. 400-401.

17. Постановление НКЮ «О ликвидации мощей» от 25 августа 1920 г. [Текст] // Революция и церковь. - 1920. - № 9–12. - С. 74–81.

18. Декрет СНК «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16 сентября 1921 г. [Текст] // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. - М.: Сов. Россия, 1973. - С. 407-409.

19. Декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях» от 27 декабря 1921 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.А.-2307. – Оп. 3. – Д. 164. – Л. 200.

20. Декрет ВЦИК «О передаче Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины части сумм, вырученных от продажи музейных ценностей» от 9 февраля 1922 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII—XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 409-410.

21. Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г. [Текст] // Собрание Узаконений Совета Народных Комиссаров РСФСР (СУ РСФСР). - 1922. - № 19. - Ст. 217.

22. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» от 8 марта 1923 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1923. - № 11. - Ст. 133.

23. Постановление ВЦИК и СНК «О производстве перерегистрации состоящих на учете памятников искусства и старины» от 29 марта 1923 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1923. - № 96. - Ст. 952.

24. Декрет СНК РСФСР «О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера» от 19 сентября 1923 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1923. - № 79. - Ст. 762.

25. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об учете и охране памятников искусства старины и природы» от 7 января 1924 г. [Текст] // СУ РСФСР. - 1924. - № 18. - Ст. 179.

26. Декрет СНК СССР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» от 19 февраля 1924 г. [Текст] // СУ РСФСР. - 1924. - № 19. – С. 2.

27. Постановление НКП «Правила аукционной продажи и торговли антикварно-художественными предметами» от 25 апреля 1924 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1924. - № 51. - Ст. 480.

28. Декрет СНК «Об установлении сбора, взимаемого при перерегистрации и регистрации предметов искусства и старины» от 16 мая 1924 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII-XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 434-435.

29. Декрет СНК «Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР» от 17 февраля 1925 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII—XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 435-436.

30. Постановление СНК РСФСР «О предоставлении Народному комиссариату просвещения по Главному управлению научных, научно-художественных и научно-музейных учреждений права сосредоточения всех сумм, отчисляемых от реализации государственных фондов немузейного значения, изъятых из музеев-дворцов и прочих памятников» от 7 апреля 1925 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII-XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 436-438.

31. Циркуляр НКВД РСФСР «О борьбе с хищениями церковных ценностей» от 22 мая 1925 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.А.-393. - Оп. 2. - Д. 1107. - Л. 11.

32. Декрет ВЦИК и СНК «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» от 14 сентября 1925 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII—XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 436-438.

33. Инструкция Наркомпроса и Комэкосо по госфондам РСФСР «О порядке учета и реализации музейными учрежденями ненужного и ветхого имущества, а также госфондов неузейного значения» от 13 января 1926 г. [Текст] // Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р.-1400. - Оп. 1. - Д. 5. - Лл. 41-42.

34. Письмо ВЦИК РСФСР «О выявлении и охране памятников революционных движений» [Текст] от 16 мая 1927 г. // СУ РСФСР. - 1927. - № 28. - Ст. 681.

35. Циркуляр НКВД РСФСР «Об охране музейных ценностей» от 12 мая 1927 г. // ГАРФ. Ф.А.-393. - Оп. 1. - Д. 232. - Л. 12.

36. Постановление СНК СССР «Об организации Наркомторгом СССР вывоза за границу предметов старины и роскоши, не

представляющих музейной ценности» от 28 июня 1927 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.Р.-5446. - Оп. 3. - Д. 207. - Л. 1.

37. Постановление Наркомторга СССР «О новом порядке вывоза из страны товаров антиквариата» от 4 мая 1928 г. [Текст] // Советская торговля. - 1928. - № 10. – С. 264.

38. Постановление СНК СССР «О выделении и экспорте антикварных ценностей» от 24 июля 1928 г. [Текст] // ГАРФ. Ф.Р.-5446. - Оп. 4. - Д. 393. - Л. 1.

39. Постановление ВЦИК и СНК «О музейном строительстве в РСФСР» от 20 августа 1928 г. [Текст] // СУ РСФСР. - 1928. - № 116. - Ст. 726.

40. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [Текст] // СУ РСФСР. – 1929. – № 35. – С. 2.

41. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. // ГАРФ. Ф.Р-3316. - Оп. 12. - Д. 509. - Л. 15-16.

42. Постановление ВЦИК «Об утверждении Положения о Междуведомственном комитете по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК» от 20 августа 1932 г. [Текст] // СУ РСФСР. - 1932. - № 69. - Ст. 309.

43. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10 августа 1933 г. [Текст] // Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. - М.: Сов. Россия, 1973. - С. 60-61.

44. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников» от 10 февраля 1934 г. [Текст] // Охрана

культурного наследия России XVII-XX вв. / Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 448-449.

45. Постановление СНК РСФСР «О предоставлении Наркомпросу РСФСР права производить изъятие из местных музеев художественных ценностей для передачи их на хранение в центральные музеи» от 7 мая 1935 г. [Текст] // Охрана культурного наследия России XVII-XX вв./ Под ред. Л. В. Карповой. – М.: ВООПИК, 2001. - С. 449-450.

46. Постановление СНК «О передаче Всесоюзной академии архитектуры в ведение Всесоюзного комитета по делам искусств» от 5 февраля 1936 г. [Текст] // СП СССР. - 1936. - № 10. - Ст. 80.

Б) Сборники документов, статистические сборники, энциклопедии, публицистика

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943. - Сб. в 2-х частях [Текст] / Сост. М. Е. Губонин. - М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994. – 1064 с.

2. Александр Бенуа размышляет: статьи, письма, высказывания [Текст]. - М.: Сов. художник, 1968. – 138 с.

3. Анциферов, Н. П. Из дум о былом: Воспоминания [Текст] / Н. П. Анциферов. - М.: Феникс; Культурн. инициат., 1992. – 512 с.

4. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. [Текст] / Сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. [Кн. 1.]. - М. - Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997. - 594с.

5. Бенуа, А. Н. Мои воспоминания. В пяти книгах [Текст] / А. Бенуа. – М.: Наука, 1990. - Т. 1 : Кн. 1, 2, 3. - 711 с.

6. Бенуа, А. Н. О памятниках [Текст] // Александр Бенуа размышляет… (статьи и письма 1917—1960 г.) / Подгот. издания, вступит. статья и комментарии И.С. Зильберштейна и А.Н. Савина. - М.: Советский художник, 1968. - 749 с.

7. Бинович, Л. К вопросу организации Центрально-промышленной области [Текст] / Л. Бинович // Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/43645/l.binovich.k_voprosu_organizacii_centralno_promyshlennoy_oblasti.pdf.

8. Бухарин, Н. И. Этюды [Текст] / Н. И. Бухарин. - Репр. воспр. изд. 1932 г. - М.: Книга, 1988. – 359 с.

9. Бычков, Ю. А. Житие Петра Барановского [Текст] / Ю.А. Бычков. - М.: Сов. Россия, 1991. — 173 с.

10. Бюллетени Костромского губерского статистического бюро. - № 3: Бюллетень по секции статистики народного образования [Текст]. – Кострома, 1919. – 14 с.

11. Вачнадзе, Г. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации [Текст] / Г. Вачнадзе. - М.-Марбург: Книга лтд, 1995. - 596 с.

12. «Вглядись в минувшее бесстрастно…»: Культурная жизнь Ярославского края 1920—1930-х гг. : Документы и материалы [Текст]/ Под ред. А. М. Селиванова. - Ярославль, 1994. – 392 с.

13. Владимирский епархиальный съезд духовенства и мирян. Протокол (27 марта 1923 г.) [Текст]. - Владимир, 1923. – 146 с.

14. Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. [Текст] - М.: Внешторгиздат, 1960. – 1136 с.

15. Все мы Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную.

1918—1953. Краткие биографические сведения [Текст]. – Ярославль: Рыб. Дом печати, 2012. – 568 с.

16. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ, 1921—1923 [Текст]. – М.: Центр. Архив ФСБ, 2005. – 542 с.

17. Головкин, А. Об антирелигиозном движении в губернии [Текст] / А. Головкин // На ленинском пути. – 1928. - № 9-10. - С. 13.

18. Грабарь, И. Э. Воспоминания [Текст] / И. Э. Грабарь. - М.: Искусство, 1937. – 373 с.

19. Грабарь, И. Э. Моя жизнь [Текст] / И. Э. Грабарь. – М.: Республика, 2001. - 495 с.

20. Грабарь, И. Э. О древнерусском искусстве [Текст] / И. Э. Грабарь. - М.: Наука, 1966. – 386 с.

21. Грабарь, И. Э. О русской архитектуре. Исследования [Текст]/ И.Э. Грабарь. - М.: Наука, 1969. – 424 с.

22. Грабарь, И. Э. Письма 1914-1936 [Текст] / И. Э. Грабарь. - М.: Наука, 1968. – 424 с.

23. Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апреля 1923 г.: стеногр. отчет [Текст]. – М.: Политиздат, 1963. – 716 с.

24. Дунаев, Б. И. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства : Опыт археолого-статистической переписи [Текст] / Б.И. Дунаев. - М. : [б. и.], 1913. – 116 с.

25. Записка Л. Д. Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) о создании секретной комиссии по изъятию ценностей из московских церквей. 11 марта 1922 г. [Текст] // The Trotsky Papers, 1917—1922. - Vol. 2. - (1920-1922). - Paris, 1971. - P. 688.

26. Иванов, А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время в революции [Текст] / А. И. Иванов // Материалы по изучению Владимирской губернии. – Владимир: Призыв, 1926. – С. 25-32.

27. Из письма И. А. Тихомирова В.Г. Богораз-Тану. 14 декабря 1931 г. [Текст] // Краеведческие записки. Вып. 7. – Ярославль, 1991. – С. 16-17.

28. Из частного письма П.Д. Барановского [Текст] // Северный край. - 1993. - 28 сент. – С. 4.

29. История русской православной церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Аннотированный справочник-указатель [Текст]. - М., 1995. – 300 с.

30. История Советской Конституции (в документах). 1917—1956 гг. [Текст] / Под ред. С. С. Студеникина [Текст]. - М., 1957. - 200 с.

31. «Как много интересного было в Ярославле» (письмо П.Д.Барановского Н.Н.Малыгину по случаю юбилея Ярославской реставрации, бывшей 25 лет назад) [Текст] // Северный край. - 1993. - 28 сент. – С. 3.

32. Как это было: документы и материалы о сносе соборов Костромского Кремля в 1934 г. [Текст] / Сост. А. М. Елизаров. - М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2003. – 50 с.

33. Катков, В. Памятники старины охраняются плохо [Текст] / В. Катков // Северный рабочий. – 1940. - 8 авг. – С. 3.

34. Козлов, В. Ф. Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917—1930 гг. (по материалам московских архивов и музеев) [Текст] / В. Ф. Козлов // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. - М., 1990. - С. 40-54.

35. Козлов, В. Ф. Обзор документов отдела письменных источников Государственного Исторического музея о музейном деле и охране памятников истории и культуры во Владимирской губернии в первые годы Советской власти (1918—1927 гг.) [Текст] / В. Ф. Козлов // Теории и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. - М., 1985. - С. 204-211.

36. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 11-ти томах [Текст]. - М.: Госполитиздат, 1984.

37. Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций [Текст]. – Л., 1925. – 34 с.

38. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. – Кострома: Губернская Типография, 1911. – 400 с.

39. Культурное строительство во Владимирской области. 1917-1977 гг.: Сборник документов [Текст]. - Ярославль: Верх.-Волжское кн. изд-во, 1982. – 231 с.

40. Культурное строительство в Ивановской области (1917—1987): Сборник документов [Текст] / Под ред. В.П. Терентьева. - Ярославль: Верх.-Волжское кн. изд-во, 1987. – 384 с.

41. Культурное строительство в СССР. 1917-1927 гг. Документы и материалы. 1928-1941 гг. [Текст] - М.: Наука, 1986. – 387 с.

42. Культурное строительство в СССР. Статистический сборник [Текст]. - М.-Л.: Госпланиздат, 1940. – 268 с.

43. Ленин, В. И. Военная переписка 1917—1922 гг. [Текст] / В. И. Ленин. - М.: Госполитиздат, 1966. – 126 с.

44. Ленин, В. И. О религии [Текст] / В. И. Ленин. - М.: Политиздат, 1983. – 182 с.

45. Ленин, В. И. Об атеизме, религии и церкви (сборник произведений, писем и других материалов) [Текст] / В. И. Ленин. - М.: Мысль, 1980. – 405 с.

46. Ленин, В. И. Переписка, доклады, документы [Текст] / В. И. Ленин, А. В. Луначарский. - М.: Наука, 1971. – 766 с.

47. Ленин, В. И. Социализм и религия: об отношении рабочей партии к религии [Текст] / В. И. Ленин // Пролетарий. - 1909. № 45 (13/26 мая). – С. 3.

48. Лобанов, В. В. «Следствие не нуждалось в объективном доказательстве и подтверждении вины» Документы Госархива Российской Федерации о репрессиях против обновленческого духовенства и мирян во второй половине 1930-х гг. [Текст] / В. В. Лобанов // Отечественные архивы. - 2009. - № 6. - С. 94-101.

49. Луначарский, А. В. Кому принадлежит церковное имущество [Текст] / А. В. Луначарский. - М.: Главполитпросвет, 1922. – 36 с.

50. Луначарский, А. В. Революция и искусство. Об изобразительном искусстве [Текст] / А. В. Луначарский. – М.: Советский художник», 1967. - 512 с.

51. Луначарский, А. В. Почему нельзя верить в бога? Избранные атеистические произведения [Текст] / А. В. Луначарский - М.: Наука, 1965. - 444 с.

52. Луначарский, А. В. Революция и искусство. Об изобразительном искусстве [Текст] / А. В. Луначарский. - М.: Новая Москва, 1957. – 512 с.

53. Луначарский, А. В. Христианство или коммунизм [Текст] / А. В. Луначарский. – Л.: Ленинградский Гублит, 1926. - 75 с.

54. Лютер, А. Дневник офицера [Текст] // Памятники Отечества. - 1992. - № 25. - С. 158-164.

55. Машковцев, Н. Революция и памятники [Текст] / Н. Машковцев // Художественная жизнь. - 1919. - № 1. - С. 4-8.

56. Олейник, О. Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: Справочно-библиогр. Указатель [Текст] / О. Ю. Олейник. - Иваново: ИГЭУ, 2000. - 202 с.

57. Описи изъятого церковного имущества [Текст] // Информационное обеспечение баз данных по истории России XX в. (На материалах Тверского и Уральского регионов). Словарь-справочник. - Тверь: ТГУ, 1998. - Ч. 2. - 145 с.

58. Отчет о работе Иваново-Вознесенского городского совета рабочих и красноармейских депутатов одиннадцатого созыва за 1929—1930 г. [Текст]. – Иваново-Вознесенск, 1930. – 120 с.

59. Отчет о деятельности Меленковского исполкома и его отделов на XVI уездном съезде Советов за время 28 ноября 1923 г. 1 ноября 1924 г. [Текст]. - Меленки: «Меленки», 1925. - 50 с.

60. Отчет о работе Иваново-вознесенского городского совета рабочих и красноармейских депутатов одиннадцатого созыва за 1929—1930 г. [Текст] – Иваново-Вознесенск, 1930. – 150 с.

61. Отчет Ростовского Научного Общества по изучению местного края за 1925 г. [Текст] – Ростов Ярославский, 1926. – 65 с.

62. Отчет Ярославского Естественно-Исторического общества с 1913 по 1919 г. [Текст]. – Ярославль: Тип. Окружного Комиссариата Яросл. военного округа, 1919. - 87 с.

63. Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов [Текст] / Сост. Г. Г. Анисимов. - М.: Сов. Россия, 1973. – 186 с.

64. Охрана культурного наследия России XVII—XX : Хрестоматия [Текст] / Под ред. Л. В. Карпова. - М.: Дрофа, 2000. – 272 с.

65. Первый областной съезд воинствующих безбожников: Ивановская промышленная область (Резолюциии и постановления). [Текст]. – Иваново-Вознесенск, 1930. – 15 с.

66. Политика советского правительства в области музейного строительства. Эрмитаж, который мы потеряли. Документы 1920—1930 гг. [Текст] – СПб.: Нева, 2002. – 416 с.

67. Положение о Костромской губернской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины [Текст] // Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. - Кострома, 1919. – 123 с.

68. Попов, Ф. Итоги антирождественской эстафеты в Ярославле [Текст] / Ф. Попов // Антирелигиозник. – 1931. - № 3. – С. 91-92.

69. Попов, Ф. Антипасхальная кампания в Ярославле [Текст] // Антирелигиозник. – 1931. - № 5. – С. 95-97.

70. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Ч. 1-2. - М., 1961. Рост членов в организациях СВБ [Текст] // Антирелигиозник. – 1931. - № - 12. – С. 58.

71. Районы Ивановской промышленной области. Ч. 1. Экономическая характеристика [Текст]. - М.-Иваново: Ивановское областное государственное издательство, 1933.

72. Репрессированная интеллигенция, 1917—1934 гг. [Текст]. – М.: Центр. Арх ФСБ России, 2010. – 495 с.

73. Романова, С. Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян. 1937-1938 гг. [Текст] // Отечественные архивы. - 2001. - № 4. - С. 4-12.

74. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917—1941: Док. и фотомат. [Текст] - М.: Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 400 с.

75. Рыбинск. Документы и материалы по истории города. [Текст]. – Ярославль: В.Волжск. кн. изд-во, 1980. – 272 с.

76. Рыньков, И. Ростовское научное Общество по изучению местного края: Очерк 4-летней деятельности [Текст] / И. Рыньков // Ярославский край. – Т. 3. – Вып. 1. – Ярославль, 1928. – С. 82-86.

77. Сборник декретов и постановлений по охране памятников истории и культуры. 1917-1967 гг. [Текст] - М.: Наука, 1968. - 220 с.

78. Сборник постановлений по музейному строительству РСФСР. 1931—1932 гг. [Текст] - М.: Издание Музейного отдела НКП РСФСР, 1934. – 178 с.

79. Сборник статистических сведений по Костромской губернии. [Текст] – Вып. 5. – Кострома, 1918. – 510 с.

80. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России [Текст]/ Гос. ин-т искусствознания Федерального агенства по культуре и кинематографии. Тверская область: в 6 ч. Ч. 2 / Отв. ред. Г. К. Смирнов. - М.: Наука, 2006. - 220 с.

81. Священный собор Православной российской церкви. Деяния. [Текст] - М.: Издание соборного Совета, 1918. - Кн. I. - Вып. I. – 308 с.

82. Следственное дело патриарха Тихона: сборник документов по материалам центрального архива ФСБ РФ. [Текст]. - М.: «Памятники исторической мысли», 2000. - 1016 с.

83. Смирнов, М. И. Воспоминания и записки / М. И. Смирнов. [Текст]. - М.: MelanarË, 2003. - 130 с.

84. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : [Обзоры и сводки ОГПУ] [Текст] / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов; РАН. Ин-т российской истории, Центральный архив ФСБ России, Научный совет РАН. «История международных отношений и внешней политики России», Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Комиссия историков России и Финляндии, АН Финляндии Ренвалл-Институт (Хельсинки), Александровский институт (Финляндия). – М.: Издат. центр Института российской истории РАН, 2001. – т. 1. 1922—1923 г. В 2-х частях. - М., 2001; Т. 3. 1925. В 2-х частях. - М.: Наука, 2002; - Т. 4. 1926. - М.: Наука, 2001; Т. 6. 1928. - М.: Наука, 2002; Т. 5. 1927. - М.: Наука, 2003; Т. 7. 1929. - М.: Наука, 2004; Т. 8. - 1930. - В 2-х частях. Ч. 1. – 864 с; Ч. 2. - 871 с. - М.: Наука, 2008.

85. Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сб. док. и материлов : (1917—1972 гг.) [Текст] / сост. Ф.В. Борисевич; Белорус. добр. о-во охраны памятников истории и культуры, Бюро пропаганды. - Минск: Полымя, 1972. – 430 с.

86. СССР по районам. Центрально-промышленная область / Сост. М. Б. Вольф, Г. А. Мебус [Текст]. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – 151 с.

87. Сталин, И. В. О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. [Текст] / И. В. Сталин // Сталин, И. В. Сочинения. – Т. 11. / И. В. Сталин. - М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. - С. 27–64.

88. Статистический временник Российской империи. Серия 2. [Текст]. - СПб.: Издание Центрального Статистического Комитета, 1871. – Вып. 1. – 305 с.

89. Тимофеева, Т. П. Ретроспектива музейно-реставрационного дела во Владимирском крае (1918—1941 гг.) [Текст] / Т. П. Тимофеева // Режим доступа: http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/009/timofeeva01.html

90. Тихон, патриарх. Россия в проказе [Текст] / Патриарх Тихон. – М. : Лодья, 1998. – 128 с.

91. Троцкая, Н. Музейное строительство и революция [Текст] / Н. Троцкая // Наука и искусство. - М.; Л., 1926. - № 1. - С. 29-53.

92. Хусид, М. М. Разочарование [Текст] / М. М. Хусид // Среди коллекционеров. – М., 1921. - № 5. - С. 1-5.

93. Чивилихин, В. Память [Текст] / В. Чивилихин. - Л.: Лениздат, 1983. – 767 с.

94. Штраус-Одинокий, А. Антирелигиозная работа музеев Ивановской промышленной области [Текст] / А. Штраус-Одинокий // Антирелигиозник. - 1931. - № 6. - С. 73-75.

95. Ярославский, Е. М. Коммунизм и религия [Текст] / Е. М. Ярославский. - М., 1936. – 63 с.

96. Ярославский, Е. М. Против религии и церкви [Текст] / Е. М. Ярославский. 1932–1935. Т. 1-3. - М.: Партиздат, 1936.

97. Ярославский, Е. М. О религии [Текст] / Е. М. Ярославский. - М.: Госполитиздат, 1957. – 630 с.

98. Ярославский, Е. М. Религия и ВКП (б) [Текст] / Е. М. Ярославский. - М., 1926. – 198 с.

II. Неопубликованные источники (систематизированные по месту хранения)

1) Федеральные архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

Ф.А.-410. Народный комиссариат имуществ республики (1917-1918)
Оп. 1.
Д. 1,2,79.
Оп. 2.
Д. 2,

Ф.А.-2306. Народный комиссариат просвещения РСФСР
Оп. 2.
Д. 39.
Оп. 28.
Д. 2,9,22,64,144,154,777.
Оп. 38.
Д. 18.
Оп. 69.
Д.26,354, 2530,2531,2624,2751,
Оп. 70.
Д.70,1037.

Ф.А.-2307. Главное управление научных и музейных учреждений) (Главнаука) Наркомата Просвещения РСФСР, сектор науки Наркомата Просвещения РСФСР
Оп. 1.
Д. 7,16,21,53,141,301,330.
Оп. 2.
Д. 7,9,39,152,157,159,160.

Оп.3.

Д.1,2,4,12,19,20,22,23,48,53,68,70,91,94,104,116,131,135,140,141,144,158,163,164,173-176,200,206,250,258,316,354,369

Оп. 4.

Д. 14,63,67,68.

Оп 5.

Д. 15,16.

Оп 6.

Д. 30,35,37.

Оп. 7.

Д. 67,68,70.

Оп.8.

Д.4,8,11,12,16,19,20,22,23,34,38,52,53,54,60,84,108,109,121,130,135,179,182,190,214,232,233,251,252,253,256,257-260.

Оп. 9.

Д. 112,132,133,165.

Оп. 12.

Д. 15,18,21.

Оп. 13.

Д. 30,35,39,43.

Оп. 14.

Д. 24,37,40,57,67,70.

Оп. 16.

Д. 26,27,31,164,165.

Оп. 17.

Д. 60,66,68.

Оп. 22.

Д. 306,307.

Оп. 39.

Д. 19,132,141.

Ф.А.-3385 «Комиссия заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР» (1923-1925).

Оп. 1.

Д.1,93,785,790,801.

Оп. 2.

Д. 1,6,9,99,110.

Оп. 3.

Д. 4-10,11,27.

Ф.Р.-353 «Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР)») (1917-1963)

Оп. 3.

Д.790-793,807.

Ф.Р.-363. «Верховный трибунал при Всероссийском Центральном исполнительном комитете; Верховный Суд РСФСР» (1918-1991)

Оп. 1.

Д. 7,10,12,39.

Ф.Р.-393. «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР» (НКВД РСФСР)

Оп. 2.

Д. 1782,1783,1790.

Ф.Р.-1065 «Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском центальном исполнительном комитете» (1922-1923)

Оп. 1.

Д.16,21,27.

Ф.Р.-1234 «Верховный трибунал при Всероссийском Центральном исполнительном комитете, Верховный Суд РСФСР» (1918-1991)

Оп. 1.

Д. 377-380,383.

Ф.Р.-1235 «Всероссийский государственный исполнительный комитет (ВЦИК)»

Оп. 2.

Д. 1331,1333,1337.

Оп. 45.

Д. 117,123.

Оп. 52.

Д. 110,116.

Ф.Р.-1726 «Комисия Совета труда и обороны (СТО СССР) по учету реализации государственных фондов» (1922-1927)

Оп. 1.

Д. 129,131.

Оп. 2.

Д. 38,45.

Ф.Р.-3316 «Центральный исполнительный комитет СССР (Главархив СССР)»

Оп. 27.

Д. 386,400.

Ф.Р.-3431 «Всероссийский Церковный поместный собор (Священный собор)« (1917-1918)

Оп.1.

Д.2,20,45,67,98,108,151,156,166,272,283,309,364,371,373,
396,408,515,562,563,565

Ф.Р.-5142. Протоколы заседаний президиума высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (1920-1922).

Оп. 3.
Д. 1148,1155.
Ф.Р.-5263. «Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР» (1922-1938).
Оп.1.
Д.1,2,5,9,12,30,37,44,58,94,101,117,226,310,340,690,691,692,704, 707,715,722,723-727,775,776,790.
Оп. 2.
Д. 7,9,10,12,24.
Оп. 10.
Д. 2,3,33,37,39.
Ф.Р.-5407 «Центральный Совет союза воинствующих безбожников СССР» (1925-1941)
Оп. 1.
Д. 1,13,19,35.
Оп. 2.
Д. 13,14,37,38,44,84,144,3884,3885.
Оп. 5.
Д.1-15.
Ф.Р-5446. Совет народных комиссаров СССР Совет министров СССР (1923 – 1991)
Оп.1в.
Д.481,283,491.
Оп. 1.
Д. 457,458.
Оп. 3.
Д. 22,25.
Оп.11а.
Д.37,39.
Ф.Р-6991 «Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР» (1943-1985)
Оп. 2.
Д. 4,35,80,97.
Ф.Р.-8422 «Валютный комитет при СНК» (1936-1937)
Оп. 1.
Д.2,3,7.

Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) (г. Москва)
Ф.-2. Ленин В. И. (1881 - 1923 гг.)
Оп. 1.
Д. 8776, 25228.
Ф.-5. Секретариат В. И. Ленина (1917 - 1923 гг.)

Оп. 1.
Д. 120,121,125.
Ф.-19. Совет народных комиссаров, Совет труда и обороны РСФСР, Комиссия при СНК РСФСР (Малого совнаркома) (1919 - 1921 гг.)
Оп. 1.
Д. 12,24,40,52,55.
Ф.-89.
Оп. 4.
Д. 119,137.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) (г. Москва)
Ф.-89. «Личный фонд Е. Ярославского»
Оп. 4.
Д. 3,7,26,28,29,30,38.

Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ) (г. Москва)
Ф. 54. Музейный отдел Наркомпроса
Д. 17,28,228,229,234,251.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) (г. Москва)
Ф. 231/5.
Д. 10. Барановский П. Д. Письмо к Погодину
Д. 11. Барановский П. Д. Письмо к Бажанову (2 августа 1948 г.)
Ф.-178.
М 9502-6. Анисимов Ю. П. Письмо к Айдарову С. В. (2 октября 1928 г.)
Ф.784-15 Анисимов Ю. П. «Статья о русской усадьбе» (конец 1920-х гг.).
Ф. 261
Д. 42. Анисимов А. А. Расписка в получении от издательства М. и С. Сабашниковых денег для оплаты негативов фресок и мозаики церкви св. Софии в Киеве (26 декабря 1926 г.)
Д. 61. Анисимов А. А. Письма к С. Сабашникову М. В. (1923 г.)
Ф. 369
Д. 161. Князев В. Письмо к Князеву В. от Бонч-Бруевича В.Д. (20 июля 1934 г.)

Отдел рукописей государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ) (г. Москва)
Ф.-106. Фонд И. Э. Грабаря.
Ф.-67. Отдел реставрации ДРЖ. № 332.
Ф.-68. Фонд А.И.Анисимова

Д. 257 (Грамота Святейшего Патриарха Тихона с благословением работы Комиссии по реставрации памятников искусства и старины (август 1918 г.)

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва)
Ф.-31. Обмерный фонд бмеры памятников архитектуры
Оп. 11.
Д. 2,4,7.

Российский государственный исторический архив (РГИА) (г. Санкт-Петербург)
Ф.-207. Особенная канцелярия главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий
Оп. 17.
Д. 172,174,179.

2) Местные архивы
Центральный архив города Москвы (ЦАГМ).
Ф.-1. Центральные реставрационные мастерские (1918-1934).
Оп. 1.
Д.1,18,19,20,21,28,30-38,51,52,53,54,71,444,445,454-457,460-464,469,490,501.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)
Ф.-1103 «Владимирское губернское научное общество по изучению местного края» (1921-1929)
Оп. 1.
Д. 11,20,21,28,41,54,59.
Ф.-1104 «Владимирское окружное научное общество по изучению местного края» (1929-1930)
Оп. 1.
Д. 3,4,8,9-16.
Ф.Р.-24. Владимирский губернский исполком Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917-1929)
Оп.1.
Д.18,21,22,23,26,27,31,32,38,40,41,43,84,121-122,246,390,396,416,424,426,496,557,580,587,614,743,1051,1188,1281,136
Оп. 3.
Д. 2,3 (ч. 1-3),8,9 (т. 1),11 (ч. 1,2),17,65,429,430,435.
Оп. 4.
Д. 1,23,34,39.
Оп. 5.

Д. 5,15,17.
Ф.Р.-980. Земельное управление исполкома Муромского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917-1929)
Оп. 1. Д. 14
Ф.Р.-1045 «Отдел народного образования исполнительного комитета Владимирского губсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губоно)» (1917-1923)
Оп. 1.
Д. 1,109,110,174,176,1805.
Оп. 3.
Д.17,65,72.
Ф.Р.-1826. Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник (1918-1960)
Оп.1.
Д.1,2,3,4,8,9,11,14,19,20,21,22,23,26,27,31,32,38,40,41,46,58,66,69,72,73,75,106,115-118,120,121,122,175,176,179,192,196,208,215,217,229, 321
Оп. 2.
Д. 1,2,9,12,14,20.
Ф.Р.-2590. Суздальский государственный музей (1919-1939)
Оп. 1.
Д. 2-10,21,30-35,77,90.
Ф.Р.-2786. Земельный отдел исполкома Юрьев-Польского уезда Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Владимирской губернии
Оп. 1.
Д. 10,12,17,29.
Ф.Р.-3239 «Муромское научное общество краеведения»
Оп. 1.
Д.1,3,5-10.
Ф.П.-3. Владимирский административный отдел исполнительного комитета Владимирской губернии Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1914-1928)
Оп. 2.
Д. 1,2,3,4,5,14
Ф.П.-19. Владимирский Исполнительный комитет городских Советов депутатов трудящихся (горисполкомы).
Оп.1.
Д. 3,4,183,220,232,331,358,427,560,561,562,564,568,703-710.
Ф.П.-25. Исполнительный комитет Александровского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917-1920)
Оп. 1.
Д. 2,3,10,11,18

Ф.П.-31. Муромский исполнительный комитет уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполкомы, уики).
Оп.1.
Д.1,5,6,7,8.
Оп.2.
Д. 13,14.
Ф.П.-48. Исполнительный комитет волостных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Владимирского уезда (волисполкомы, вики).
Оп.1.
Д. 2, 32,587,589 .
Оп. 2.
Д. 5, 26,27.
Оп. 3.
Д. 25, 33, 88, 103,105.
Оп. 6.
Д. 46,47.
Оп. 9.
Д. 1, 3,6.
Оп.10.
Д. 1,4.
Ф.П.-85. Фракция РКП(б) - ВКП(б) Владимирского губернского исполнительного комитета (Фракция РКП(б) - ВКП(б) Владимирского губисполкома)
Оп. 2.
Д. 25, 37,77.
Ф.П.-307. Административный отдел исполнительного комитета Владимирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губадмотдел).
Оп. 1.
Д. 2,46,58,59,64.
Оп. 2.
Д. 1,2,3,4,11,20.
Ф.П.-357. Отдел управления исполнительного комитета Владимирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
Оп. 1.
Д. 78, 79, 114,118,131,190,258,270,367,566,1000,1055.
Оп. 2.
Д. 177,178,221,231,231а,233,244,262-265,273.
Ф.П.-358. Отдел управления исполнительного комитета Владимирского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917-1923)

Оп. 1.
Д. 7, 9,11,19,22,27,29
Оп. 3.
Д. 14, 62,129,138,139.

Ф.П.-366. Отдел управления исполнительного комитета Суздальского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1917-1923)
Оп. 1.
Д.72,73,74,76,77,80,81,82,83,85,190-194,272-276,279,280-283,284

Ф.П.-445. Исполнительный комитет Владимирской губернии Совета рабочих, крестьянких и красноармейских депутатов. Отдел юстиции (губюст) (1918-1922)
Оп. 1.
Д. 99,155,176,254

Ф.П.-499. Плановая комиссия исполнительного комитета Владимирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
Оп. 1.
Д. 21,33,34.

Ф.П.-3189. Муромский уездный административный отдел.
Оп. 1.
Д. 12,13,21,33,34-45,66,70,71,74-82,85,104,110

Государственный архив Ивановской области

Ф.Р.-393. Иваново-Вознесенский отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины
Оп. 1.
Д. 14,259,260,287.

Ф.Р.-486. Ивановское отделение Художественного фонда РСФСР

Ф.Р.-192969. Государственный музей палехского искусства Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР (с. Палех) (1931-1950)
Оп. 1.
Д. 1,5,8,13,18,24,25,31,33,41,56,67,77,84,87,90

Ф.Р.-2725. Управление по делам искусств при исполнительном комитете Ивановского областного совета депутатов трудящихся (г. Иваново) (1934-1952)
Оп. 1.
Д. 11,12,28,29,38

Ф.Р.-192977. Палехское отделение Художественного фонда РСФСР (рабочий поселок Палех)
Оп. 1.
Д. 40,42,44,69,738

Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурылина (ИГИКМ).
Книга приказов по Ивановскому областному краеведческому музею № 1. (1929-1935). Приказ № 60 от 27 мая 1931 г.

Государственный архив Костромской области (ГАКО)
Ф.Р.-1. «Костромской губернский Совет народного хозяйства»
Оп. 1.
Д. 486,488,489.
Ф.Р.-6. «Исполнительный комитет Костромского губернского Совета РК и КД»
Оп. 1.
Д. 21,210,335,511,513, 698,1228,1229,1233.
Ф.Р.-7. «Исполнительный комитет Костромского городского Совета народных депутатов»
Оп. 1.
Д.1-14,596, 616,1760,2388,2389.
Оп.6.
Д. 1311,1316,1317.
Оп. 8.
Д. 16,17,19.
Оп. 12.
Д. 1,2,5,10,11,12.
Ф.Р.-24. Отдел народного образования исполнительного комитета Костромского губернского Совета РК и КД
Оп. 3.
Д. 11,13,15,21.
Ф.Р.-107. Личный фонд И.Я. Рязановского
Ф.Р.-235. Костромской губернский административный отдел (1923-1928)
Оп. 1.
Д. 73,83,88,89,93.
Ф.Р.-371. Исполнительный комитет Костромского окружного Совета РК и КД (1929-1930)
Оп. 1.
Д. 383,388,389.
Ф.Р.-550. Костромское научное общество по изучению местного края
Оп. 1.
Д. 2,3,4-10,16.
Ф.Р.-838. Костромское отделение Ивановского научного общества по изучению местного края.
Оп. 1.
Д. 7,8,11,67,69,70-73
Ф.Р.-1022. Личный фонд Е.В. Сапрыгиной

Ф.Р.-1224. Личный фонд В.Н. Бочкова
Ф.Р.-2102. Уполномоченный совета по делам религий по Костромской области
Оп 6.
Д. 330,336,339,340,342.
Ф.Р.-1099. Костромское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
Оп 1.
Д. 1,33,30,33,36,39,43,45.
Ф.Р.-2028. Научно-производственный центр по сохранению, использованию и реставрации памятников историко-культурного наследия департамента культуры, кино и исторического наследия администрации Костромской области
Оп 1.
Д. 1,12,17,19,21.

Государственный архив новейшей истории новейшей истории Костромской области (ОГБУ ГАНИКО).
Ф.П.-1. «Костромской губком РКП(б)» (1918-1922)
Оп. 2.
Д. 305-19308,345,355,918,920,921,934,1056,1084,1684
Оп. 9.
Д. 720,799,921,1166,1168,1169.
Оп. 10.
Д. 921,933,934.
Ф.П.-2. «Костромской горком ВКП(б)»
Оп. 1.
Д. 4,5,53, 54, 98, 404, 489,656,657,659.
Ф.П.-3. «Костромской окружной комитет ВКП(б) Ивановской промышленной области » (1929-1930)
Оп. 1.
Д. 7,227,239,250.
Оп 2. Д. 225,237,246-249,259.
Ф.П.-9. «Чухломской уездный комитет» (1918-1929)
Оп. 1.
Д. 4,221,220,228
Ф.П.-21 «Красносельский районный комитет ВКП(б) Ивановской и Ярославской областей» (1929-1944)
Оп. 1.
Д. 185,190,194.
Ф.П.-26 «Солигаличский районный комитет ВКП(б) Костромской области »
Оп 1.

Д. 207,210-212.
Ф.П.-160. «Шарьинский окружком ВКП(б)» (1922-1930)
Оп 1.
Д. 134,307.
Ф.П.-765 «Костромской обком ВКП(б)»
Оп. 1.
Д. 475,765,467.
Ф.П.-3656 «Управление Министерства государственной безопасности СССР по Костромской области » (1918-1953)
Оп. 1.
Д. 1,3,7,9,10,12.
Оп. 2.
Д. 65,6179,6180.
Оп. 3.
Д. 1, 2,3,14,20,22,23,28,29.

Государственный архив Тверской области и его филиалы (ГАТО)
Ф.Р.-103 «Тверской губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»
Оп. 1.
Д.1,3,5,9,11,31,28,42.
Ф.Р.-488 «Тверской губернский отдел народного образования»
Оп. 5.
Д. 16,18,20,26,48,56,90.
Ф.Р.-2691 «Личный фонд А.Н.Вершинского»

Тверская областная картинная галерея (ТОКГ).
Ф.-1. Тверской губернский музей

Государственный архив Ярославской области и его филиалы (ГАЯО)
Ф.Р.-178 «Ярославский губернский отдел народного образования»
Оп. 1.
Д. 577, 856, 1034, 1654, 2084, 3059, 3713,3714.
Ф.Р.-19221 «Ярославское естественноисторическое и краеведческое общество»
Оп. 1.
Д. 2,3,6,7,9.
Ф.Р.-600 «Комиссия по изъятию церковных ценностей исполкома Ярославского губернского Совета»
Оп. 1.
Д. 2-10,13,15,16,20,31,32,34,39.
Ф.Р-913. Смирнов М.И.
Оп. 1.

Д. 1-3,20.

Ф.Р.-1007 «Ярославский губернский подотдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы»

Оп. 1.

Д. 2,3,5,10,17,51,33,64-66,93.

Ф.Р.-1033 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Уполномоченный по делам религий при Совете Министров СССР по Ярославской области » (1941-1984)

Оп. 1.

Д. 1.

Ф.Р.-1269. Ярославский горсовет и его исполком

Оп. 1.

Д. 32,37,364,427,650,758,764,864,1191а,1279а

Оп. 5.

Д. 1,3.

Ф.Р.-1376 «Исполнительный комитет Ярославского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»

Оп. 1.

Д. 12.

Оп. 2. Ч. 1.

Д. 111,120,294,402; Ч. 2. Д. 21,27,83

Оп. 2.

Ч. 2. Д. 83

Ф.Р.-1400. «Государственный ярославский историко-архитектурный музей-заповедник» (1919-1947).

Оп.1.

Д.

3,5,6,8,9,12,13,18,21,25,27,28,32,34,70,71,74,75,77,81,85,87,88,91,92,93,94,96,98,102,104,108,114,115,116,119,129,130,140,148,150,155,161,174.

Ф.Р.-1401 «Ярославский отдел ЦГРМ»

Оп. 1.

Д. 4-8,16,19,20,21,24,26,30,31,35,56.

Ф.Р.-45 «Ярославский губернский ликвидационный отдел церковно-монастырских имуществ» (1918-1921)

Оп. 1.

Д. 1,2,4,6,8,13,15,17.

Ф.Р.-2380. Ярославский облсовет и исполком

Оп. 1.

Д. 2,3,8,19.

Оп. 2.

Д. 18,42

Центр документации новейшей истории (ГУ ЯО ГАЯО ЦДНИ).
Ф.П.-1.
Оп. 27.
Д. 86, 176, 214, 664, 667, 688,951,952, 1698,2515,3088, 3150, 3409, 3414
Ф.П.-394 «Ярославский губком ВКП(б)» (1917-1929)
Ф.П.-913. «Ярославский губернский совет Союза воинствующих безбожников» (1925-1930)
Оп. 1.
Д. 1,2,11-17
Ф.П.-918. «Ярославский городской совет Союза воинствующих безбожников» (1929-1933)
Ф.П.-3378. «Ярославский районный совет Союза воинствующ безбожников» (1930-33)
Ф.П.-272 «Ярославский обком КПСС» (1936-1940)
Оп. 223.
Д. 991, 1512, 1514,1526.
Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (ЯИАМЗ).
НВФ-3731/1, НВФ-3731/3, НВФ-3731/10, НВФ-3731/15, НВФ-8169/43, НВФ-8169/46, НВФ-8169/52
ЯМЗ-26237/15, ЯМЗ-26237/27.
ЯМЗ-54994/3, ЯМЗ-54994/4, ЯМЗ-54994/5.
ЯМЗ-54727/14, ЯМЗ-54727/30.
ЯМЗ-54797/2.
ЯМЗ-55017/16.
ЯМЗ-55327/10.

Ярославское отделение центральных реставрационных мастерских (1920—1930 гг.)
Архив ОАО «Ярреставрация» (неразобран)

Ярославский художественный музей (ЯХМ).
Ф.-1. Отдел древнерусского искусства ярославского губернского музея
Оп. 1.
Д. 109,111,115.
Ф.-7. Ярославское отделение Центральных реставрационных мастерских (ЯО ЦГРМ)
Оп. 1.
Д. 25,57,59,62,68,70

Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО).
Ф.Р.-13. Рыбинский губернский отдел народного образования.

Оп. 1.
Д. 289,333.
Ф.Р.-121. Рыбинское отделение Ярославского естественно-исторического общества.
Оп.1.
Д. 2,3,7,10,12,15,16,17,18,20,21,22,23,28,29,30.
Ф.Р.-334 «Рыбинское научное общество»
Оп. 1. Д. 23
Ф.Р.-19418. Рыбинское районное бюро краеведения.
Оп. 1.
Д. 6,26,29,38,44,58,59,63.
Ф.Р.-429. Рыбинский историко-архитектурный музей заповедник (1927–1952)
Оп. 1.
Д. 1-1922;58.
Оп. 2.
Д. 2,14,18,32, 33,42,44, 53,61.
Ф.Р.-1270. Мологское общество изучения родного края.
Оп. 1.
Д. 1,12,13,15,16,17.

Ростовский филиал ГАЯО (РФ ГАЯО).
Ф.Р.-6.
Оп. 3.
Д. 132.
Ф.Р.-9.
Оп. 1.
Д. 102.

Архив государственного музея-заповедника Ростовского кремля (АМЗРК).
А-158;А-175;А-204

Г) Периодические издания

Журналы:

1. «Антирелигиозник» (Москва, 1926—1941). Научно-методический журнал, орган Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. Освещал опыт антирелигиозной пропаганды в СССР и за рубежом, помещал статьи по истории религии и атеизма, а также методические материалы для агитаторов и пропагандистов.

2. «Бюллетень Главнауки НКП» (1923—1933)

3. «Бюллетень официальных распоряжений и сообщений НКП» (1922—1927)

4. «Еженедельник Народного Комиссариата просвещения» (Москва, 1922—1948). Журнал публиковал Постановления Наркомпроса, новые законы страны, распоряжения, инструкции и другие нормативные акты о просвещении.

5. «Журнал Московской Патриархии» (Москва, 1931, 1935, 2011), первое официальное периодическое издание Московского Патриархата после революции 1917 г. С 1931 по 1935 г. вышло 24 номера «Журнала Московской Патриархии» под редакцией Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского).

6. «Известия ЦБК» (Москва, 1925—1929); «Краеведение» (Москва, 1923—1929); «Советское краеведение» (Москва, 1930—1936). В 1921 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) — научный и организационный центр краеведческого движения. С 1923 г. стал выходить журнал «Краеведение», а с 1925 г. издавались «Известия ЦБК», с 1931 г. – «Советское краеведение».

7. «Костромской церковно-общественный вестник» (Кострома, 1917-1918), журнал для духовенства и мирян Костромской епархии.

8. «Костромские епархиальные ведомости» (Кострома, 1885), издавались при костромской духовной семинарии.

9. «Народное просвещение» (Москва, 1918—1930), журнал был рассчитан на работников органов народного образования. В журнале публиковались материалы организационно-педагогического, теоретического, научно-методического, проблемного характера, освещались актуальные вопросы состояния и организации народного образования, пропаганды передового педагогического опыта и др.

10. «Революция и церковь» (Москва, 1919—1924). Журнал издавался в РСФСР и СССР наркоматом юстиции. Центральный периодический антирелигиозный орган. Журнал популяризировал среди трудящихся идею отделения церкви от государства, вёл борьбу с воинствующим клерикализмом всех исповеданий и разоблачал контрреволюционную агитацию духовенства. На его страницах выступали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства.

11. «Советский музей» (Москва, 1931—1941). Основанный в 1931 г. журнал Советский музей был рупором новой идеологии.

12. «Среди коллекционеров» (Москва, 1921—1925). Журнал (ежемесячник собирательства) — периодический журнал, посвященный искусству и коллекционированию.

Газеты:

13. «Беднота». (Москва, 1918—1931). Ежедневная газета для крестьян, орган ЦК ВКП (б). Газета уделяла много внимания работе с сельскими корреспондентами, проводила слёты, семинары; сплотила вокруг себя около 4 тыс. активных селькоров. «Беднота» направляла свои усилия на воспитание крестьянских масс, пропаганду преимуществ крупного коллективного хозяйства, освещение вопросов повышения культуры села. В период индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства газета мобилизовала трудящееся крестьянство на претворение в жизнь мероприятий партии и Советского правительства, на борьбу с кулачеством за социалистическое переустройство деревни.

14. «Безбожник» (Москва, 1922—1941), еженедельная газета атеистической направленности являлась печатным органом Центрального Совета Союза воинствующих безбожников.

15. «Гудок» (Москва, 1917, 1920), российская общефедеральная газета железнодорожников. Бывший орган Министерства путей сообщения

СССР и ЦК профсоюза рабочих ж.-д. транспорта. В 1920-е гг. большую известность приобрела т. н. четвёртая полоса «Гудка», носившая сатирический характер. Здесь помещались злободневные фельетоны, в том числе написанные на материале писем рабочих корреспондентов и читателей.

16. «Известия Владимирского губернского исполнительного комитета» (Владимир, 1917). Общественно-политическое издание.

17. «Известия Рыбинского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Рыбинск, 1917—1918). Общественно-политическое издание.

18. «Известия Ярославского губисполкома» (Ярославль, 1919—1920). Общественно-политическое издание.

19. «Ковровская беднота» (Ковров, 1916—1920). Общественно-политическое издание.

20. «Красный мир»; «Северная правда» (Кострома, с 1907—по н. вр.). Общественно-политическая газета Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации. Старейшее печатное издание, выходящее на территории Костромской области и одна из старейших газет выходящих в современной России.

21. «Московский церковный вестник» (Москва, 1989—2012). Российская православная газета, выходившая с мая 1989 по конец 2012 года. Существует как интернет-сайт.

22. «Пролетарская мысль»; «Тверская правда»; «Пролетарская правда»: «Тверская жизнь» (Тверь, 1917-по н. вр.), орган Тверского Совета рабочих депутатов, Центрального бюро профессиональных союзов и совета фабрично-заводских комитетов города Твери. Начиная с пятого номера, название газеты сменилось на «Известия Тверского Совета рабочих и солдатских депутатов». В 1926 г. газета была переименована в «Тверскую правду», а в 1931 г. — в «Пролетарскую правду». В 1952 г. стала носить название «Калининская правда». Современное название — «Тверская жизнь» с 1990 г.

23. «Северный рабочий». (Ярославль, 1908). Общественно-политическое издание.

24. «Спутник активиста» (Тверь, 1926—1928). орган Твер. губкома ВКП(б) и губисполкома основное внимание уделял вопросам партийного, советского, профсоюзного, комсомольского и хозяйственного строительства, местного опыта работы; публиковал также статьи по истории революционного движения в губернии.

II. Исследовательская литература

А) Монографии, сборники статей

1. Алексеев, В. Иллюзии и догмы [Текст] / В. Алексеев. - М.: «К Единству!», 1991. - 400 с.

2. Алексеев, В. Штурм небес отменяется? [Текст] / В. Алексеев. - М.: Политиздат, 1992. - 304 с.

3. Алексеев, В. Православная общественность в современном мире. - [Текст] / В. Алексеев. - М.: «К Единству!», 2006. - 592 с.

4. Амосов, Н. Октябрьская революция и церковь [Текст] / Н. Амосов. - М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1939. - 100 с.

5. Ананьич, Б. В. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929—1931 гг. / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях [Текст] // Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/an-pan.htm

6. Анисимов, А. И. Реставрация памятников древнерусской живописи в Ярославле. 1919—1926 гг. [Текст] / А. И. Анисимов. - М.: Центральные государственные реставрационные мастерские, 1926. – 16 с.

7. Анисимов, А. И. О древнерусском искусстве [Текст] / А. И. Анисимов. - М.: Искусство, 1983. – 220 с.

8. Андреев, И. Благодатна ли советская церковь [Текст] / И. Андреев. - Джорданвилль, Нью-Йорк: Православная Русь, 1948. – 147 с.

9. Андреев, И. Краткий обзор истории русской церкви от революции до наших дней [Текст] / И. Андреев. Джорданвилль, 1952. - 182 с.

10. Анкудинова, Е. А. Утраченные святыни Ярославля: справочник-путеводитель [Текст] / Е. А. Анкудинова, Т. А. Рутман. - Ярославль: Нюанс, 1999. – 128 с.

11. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта: В 2 т. [Текст] / А.С. Ахиезер. - Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1998. - 600 с.

12. Балдин, К. Е. Ивановский край в истории отечества [Текст] / К. Е. Балдин, Ю. А. Ильин. - Иваново: Референт, 2007. – 108 с.

13. Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение [Текст]. - М.: Ин-т христианской культуры и средневековья, 1998. - 574 с.

14. Боголепов, А. Церковь под властью коммунизма [Текст] / А.Боголепов. – Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1958. – 202 с.

15. Борисевич, Ф. В. Развитие Советского законодательства по охране памятников истории и культуры [Текст] / Ф. В. Борисевич. – Минск: Полымя, 1976. – 190 с.

16. Брихничев, И. П. Патриарх Тихон и его церковь [Текст] / И. П. Брихничев. - М., 1923.

17. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера [Текст] / В. И. Вернадский. - М.: Айрис Пресс, 2004. - 576 с.

18. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги [Текст] / Отв. ред. Ю. А. Поляков. - М.: АН СССР, 1991. - 320 с.

19. Врангель, Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры [Текст] / Н. Врангель. – СПб.: Нева, 1999. – 319 с.

20. Галай, Ю. Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации 1917—1929 годы. Историко-правовой аспект [Текст] / Ю.Г.Галай. - Нижний Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997. - 275 с.

21. Галай, Ю. Г. Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегородской земле. 1917—1941 гг. [Текст] / Ю. Г. Галай. - Горький, 1989. - 152 с.

22. Галай, Ю. Г. Политико-правовые вопросы охраны культурных ценностей в первые годы Советской власти. Лекция [Текст] / Ю. Г. Галай. - Горький, 1989. – 32с.

23. Гидулянов, П. В. Отделение церкви от государства в СССР [Текст] / П. В. Гидулянов. - М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1926. - 712 с.

24. Гидулянов, П. В. Церковь и государство по законодательству РСФСР [Текст] / П. В. Гидулянов. - М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1923. – 87 с.

25. Гидулянов, П. В. Церковные колокола на службе магии и царизма [Текст] / П. В. Гидулянов. - М.: Изд-во «Атеист», 1930. – 78 с.

26. Гиленсон, А. Б. В помощь работнику музея [Текст] / А. Б. Гиленсон. - М.: Наркомпрос РСФСР, 1936. - 65 с.

27. Горбунов, В. В. Разработка В.И. Лениным проблемы культурного наследия [Текст] / В. В. Горбунов. - М.: Знание, 1980. – 64 с.

28. Горев, М. Материалы для агитаторов по вопросу изъятия церковных ценностей для голодных [Текст] / М. Горев. - М.: Главполитпросвет, 1922. – 36 с.

29. Горев, М. Сборник материалов, документов и разоблачений [Текст] / Под ред. В. Рожицкого. - Харьков: Госиздат Украины, 1922. – 45 с.

30. Горев, М. Троицкая лавра и Сергий Радонежский. Опыт историко-критического исследования [Текст]. - М.: Изд-е Нар. Ком. Юстиции, 1920. – 340 с.

31. Горев, М. Церковные богатства и голод в России / М. Горев. - М.: Гос. изд-во, 1922. – 24 с.

32. Горстка, А. Н. История одной церкви [Текст] / А. Н. Горстка. – Углич: Сев. паломник, 1999. – 120 с.

33. Гумилев, Н. Л. Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Н. Л. Гумилев. - СПб.: Кристалл, 2002. – 587 с.

34. Де Моз, Л. Психоистория [Текст] / Л. Де Моз. - РнД.: Феникс, 2000. - 512 с.

35. Денисов, М. Ф. Охрана памятников культуры в новых градостроительных условиях. В помощь лектору [Текст] / М. Ф. Денисов. - М.: О-во «Знание», 1992. – 42 с.

36. Добровольская, Э. Д. Ярославль. Тутаев : архит.-худож. памятники / Э. Добровольская, Б. Гнедовский [Текст]. - М. : Искусство, 1981. - 309 с.

37. Достояние народа : о сбережении памятников истории и культуры в Сов. России, 1917—1987: [Фотокнига] / авт. текста Бычков Ю. А.; сост.: Ю. А. Бычков, А. Д. Вятич-Бережных. - М.: Сов. Россия, 1988. – 209 с.

38. Евстратова, А. И. Общественно-политическая жизнь Верхнего Поволжья в 1920—1930-х гг. XX века [Текст] / А. И. Евстратова. - Кострома, 2004. - 175 с.

39. Жуков, Ю. Н. Сохраненные революцией: охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 годах [Текст] / Ю. Н. Жуков. - М.: Моск. рабочий, 1985. - 208 с.

40. Жуков, Ю. Сталин: Операция «Эрмитаж» [Текст] / Ю. Н. Жуков. - М.: Вагриус, 2005. - 366 с.

41. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры : 1917—1920 гг. [Текст] / Ю. Н. Жуков. - М.: Наука, 1989. - 301 с.

42. Забелин, И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории / И. Е. Забелин. - М.: б/и, 1873. - 300 с.

43. Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства. Материалы агитпропсовещания при ЦК ВКП(б). Май-июнь 1928 г. [Текст] / Под ред. Б. Ольхового. - М.-Л., 1928. - 120 с.

44. Залевский, А. Искусство и пролетариат [Текст] / А. Залевский. - М.: Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов, 1918. - 48 с.

45. Зыбковец, В. Ф. Безбожники и социалистическая перестройка деревни / В. Ф. Зыбковец [Текст]. - М.: Безбожник, 1930. – 45 с.

46. Зыбковец, В. Ф. Национализация монастырских имуществ Советской России (1917—1925 гг.) [Текст]. - М.: Наука, 1975. – 205 с.

47. Иванова, Л. В. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв. : Ист. очерки [Текст] / Л. В. Иванова. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 600 с.

48. Иванова, Л. В. Культурная жизнь в СССР. 1917—1927. Хроника [Текст] / Л. В. Иванова, М. Б. Кейрим-Маркус, Р. А. Кленова. - М.: Наука, 1975. – 768с.

49. Иванова, П. С. История Тверской епархии в XX столетии. Часть I (1900—1939 гг.) [Текст] / П. С. Иванова. - Тверь: Тверской государственный университет, 2009. - 656 с.

50. Ильина, Г. И. Культурное строительство в Петрограде (октябрь 1917—1920) [Текст] / Г. И. Ильина. - Л.: Наука, 1982. - 240 с.

51. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: «Паритет», 2006. – 480 с.

52. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. СПб.: «Паритет», 1996. – 415 с.

53. Кандидов, Б. П. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда [Текст] / Б. П. Кандидов. - М.: Безбожник, 1929. – 224 с.

54. Кандидов, Б. П. Голод 1921 г. и церковь [Текст] / Б. П. Кандидов. - М.: Огиз - «Моск. рабочий», 1931. - 92 с.

55. Кандидов, Б. П. Классовая позиция религиозных организаций в октябре 1917 г. [Текст] / Б. П. Кандидов. - М.: тип. Издательства «Дер эмес» в Москве, 1933. – 159 с.

56. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти [Текст] / М. Е. Каулен. - М.: Луч, 2001. – 163 с.

57. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри России [Текст] / М. Е. Каулен. - М.: РИПОЛ классик, 2005. – 766 с.

58. Кашеваров, А. Н. Государство и Церковь: 1917—1945 гг. [Текст] / А. Н. Кашеваров. - СПб.: Санкт-Петербург. гос. техн. ун-т, 1995. - 180 с.

59. Кедринский, А. А. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда [Текст] / А. А. Кедринский, М. Г. Колотов, Б. Н. Омстов, А. Г. Раскин. - Л.: Госполитиздат, 1983. - 312 с.

60. Кейрим-Маркус, М. Б. Государственное руководство культурой Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917—середина 1918) [Текст] / М. Б. Кейрим-Маркус. - М.: Наука, 1980. – 199 с.

61. Керщенцев, П. М. Культура и Советская власть [Текст] / П. М. Керщенцев. – Пг.: Гос. изд., 1918. – 23 с.

62. Керщенцев, П. М. К новой культуре [Текст] / П. М. Керщенцев. - Пг.: Гос. изд., 1921. – 45 с.

63. Ким, И. П. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР [Текст] / И. П. Ким. – М.: Госполитизат, 1955. – 140 с.

64. Ким, И. П. О некоторых аспектах культурной революции и особенностях советского опыта ее осуществления [Текст] / И. П. Ким. - М.: Госполитизат, 1970. – 160 с.

65. Ким, И. П. 40 лет советской культуры [Текст] / И. П. Ким. - М.: Госполитизат, 1957. - 380 с.

66. Козлов, В. Л. Успенский княгинин монастырь во Владимире [Текст] / В. Л. Козлов. - М.- Владимир, 1995. – 135 с.

67. Кондаков, И. В. Культурология: История культуры России [Текст] / И. В. Кондаков. - М.: Омега-Л; Высшая школа, 2003. - 616 с.

68. Константинов, Д. Гонимая церковь (Русская православная церковь в СССР) [Текст] / Д. Константинов. - Нью-Йорк: Ассоциация авторов и издателей, 1967. – 169 с.

69. Краеведные учреждения СССР: Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций [Текст]. - Л.: Изд-во ЦБК, 1925. – 33 с.

70. Крапивин, М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917—конец 1930 гг.) [Текст] / М. Ю. Крапивин. - Волгоград: Перемена, 1997. - 367 с.

71. Красиков, Л. А. На церковном фронте (1918—1923) [Текст] / Л. А. Красиков. - М.: Госиздат, 1923. - 25 с.

72. Кривова, Н. А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства [Текст] / Н. А. Кривова. - М.: «Аиро-XX», 1997. - 247 с.

73. Крупская, Н. К. Вопросы атеистического воспитания [Текст] / Н. К. Крупская. - М.: Просвещение, 1973. - 288 с.

74. Криптон, К. Защита канонов православия 1922—1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным [Текст] / К. Криптон// Вестник русского студенческого христианского движения. - Париж. - 1979. - № 128. – С. 21-24.

75. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление [Текст] / А. М. Кулемзин. - Кемерово: Изд-во Кемер. Обл ИУУ, 2001. - 209 с.

76. Лапшин, В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году [Текст] / В. П. Лапшин. - М.: Советский художник, 1983. – 496 с.

77. Лихачев, Д. С. Русская культура [Текст] / Д. С. Лихачев. - М.: Искусство, 2000. - 440 с.

78. Личак Н.А. Сохранение и восстановление памятников истории и культуры Верхнего Поволжья (1917—1930 годы). Монография [Текст] / Н. А. Личак. - Ярославль, ООО «ЯрМедиаГруп», 2008. - 183 с. – 7 п.л.

79. Личак Н.А. Охрана памятников Верхнего Поволжья в послереволюционное десятилетие. Монография [Текст] / Н. А. Личак. - Саарбрюккен: Ламберт Академик Паблишинг, 2011. - 185 с. – 7 п.л.

80. Лукин, М. Н. Революция и церковь [Текст] / М. Н. Лукин. - М.: Госиздат, 1923. – 34 с.

81. Лунин, А. В. Октябрьская революция и церковь [Текст] / А. В. Лунин. - М.: Госиздат, 1925. – 130 с.

82. Майорова, Н. С. Государственно церковные отношения в 1917—1929 гг. [Текст] / Н. С. Майорова. – Кострома: Костром. гос. университет, 2006. - 287 с.

83. Максакова, Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Л. В. Максакова. – М.: Наука, 1977. - 343 с.

84. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов [Текст] / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. - М., 2009. - 290 с.

85. Митрофанов, Г. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг. К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920—1927 гг. [Текст] / Г. Митрофанов. - СПб.: Нева, 1995. – 200 с.

86. Митрофанов, Г. История Русской Православной Церкви. 1900—1927 [Текст] / Г. Митрофанов. – СПб.: Сатис, 2002. – 443 с.

87. Мосякин, А. За пеленой янтарного мифа. Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб [Текст] / А. Мосякин. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. - 712 с.

88. Мотшман, К. Государственная политика в отношении церкви после 1917 г. [Текст] / К. Мотшман. - Штутгарт, 1988. – 199 с.

89. Музейное дело России [Текст] / Под ред. М. Е. Каулен. - М.: Изд-во «ВК», 2003. – 614 с.

90. Негасимый свет: судьбы храмов и судьбы людей земли Ивановской [Текст]. - Иваново: Ивановская газета, 2000. - 200 с.

91. Объедков, А. И. Охрана памятников революционного движения, труда и искусства [Текст] / А. И. Объедков. - М.: Госиздат, 1930. – 131 с.

92. Овцин, Ю. И. Большевики и культура прошлого [Текст] / Ю. И. Овцин. - М.: Г осиздат, 1969. – 96 с.

93. Одинцов, М. И. Государство и церковь в России. XX век. [Текст] / Рос. Акад. управления. Политологический центр / М. И. Одинцов. - М.: Луч, 1994. – 171 с.

94. Олейник, И. И. Органы юстиции Верхневолжского региона в 1920—1930-х гг.: историко-правовой аспект [Текст] / И. И. Олейник. - Владимир: ВЮИ, 2002. – 120 с.

95. Олещук, Ф. Н. 10 лет Союзу воинствующих атеистов СССР [Текст] / Ф. Н. Олешук. - М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1936. – 35 с.

96. Олещук, Ф. Н. О задачах антирелигиозной пропаганды [Текст] / Ф.Н.Олещук. - М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1937. – 33 с.

97. Олещук, Ф. Н. Пятилетие Союза воинствующих безбожников [Текст]/ Ф. Н. Олешук. - М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1930. – 20 с.

98. Основы советского музееведения [Текст] / М-во культуры РСФСР, Науч.-исслед. ин-т музееведения; [редкол.: П. И. Галкина и др.]. - М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1955. – 373 с.

99. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. III. - М.: Изд-во МГУ, 1988. — 400 с.

100. Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации [Текст]/ Под ред. Е. Д. Кульчинской, К. В. Рыцарева, А. С. Щенкова. - М.: Памятники историической мысли, 2004. - 696 с.

101. Петр Барановский: труды, воспоминания современников [Текст]. - М.: Фонд П. Д. Барановского, МГО ВООПИиК, 1996. - 340 с.

102. Платонов, О. А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке [Текст] / О. А. Платонов. Т. I. - М.: «Родник», 1997. - 1040 с.

103. Подобедова, О. И. Игорь Эммануилович Грабарь [Текст]/ О. И. Подобедова. - М.: Сов. художник, 1964. – 400 с.

104. Полякова, М. А. Международное право и охрана культурного наследия [Текст]/ Под ред. С. И. Сотниковой и И. М. Вандулакиса; составители М. А. Полякова и А. А. Александров. - Афины: Изд-во Ионийского ун-та, 1997. - 243 с.

105. Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России: Учебное пособие для вузов [Текст] / М. А. Полякова. - М.: Дрофа, 2005. - 271 с.

106. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке [Текст]/ Д. В. Поспеловский. - М., 1995.

107. Проданные сокровища России [Текст] / Авт. проекта: Ильин Н., Семенова Н.; Общ. ред. Семенова Н.; Предисл.: Пиотровский М.; Послесл.: Хорошилов П.; Науч. ред. Сарабьянов А. - М. : Трилистник: Рус. авангард, 2000. - 296 с.

108. Разумов, В. А. Богатства, возвращенные народу. Как были сохранены художественно-исторические богатства нашей родины в первые годы Советской власти [Текст]/ В. А. Разумов. - М., 1968.

109. Равикович, Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917-1960-х гг.) [Текст]/ Д. А. Равикович. - М., 1988.

110. Рар, Г. Плененная церковь: очерк развития взаимоотношений между государством и церковью [Текст] / Г. Рар. - Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954.

111. Раскин, А. Г. Охрана и реставрация памятников архитектуры / А. Г. Раскин, Н. Н. Весонис. - Л.: Лениздат, 1981. – 248 с.

112. Регельсон, Л. Трагедия Русской церкви 1917—1945 [Текст] / Л. Регельсон. – Париж: YMCA-PRESS, 1977. – 632 с.

113. Религия и церковь в культурно-историческом развитии русского севера (К 450-летию преп. Трифона, Вятского чудотворца). Материалы межд. науч. конф. [Текст] / Под ред. В. В. Низова. Т.1. Киров, 1996. – 220с.

114. Реформы в России: путь к демократии и согласию (XX—XXI вв.) : [сб. тр. по курсу «Отечеств. история»] [Текст] / Под ред. Е. А. Флеймана. - Кострома : Изд-во КГТУ, 2004. - 50 с.

115. Романов, К. И. Местные музеи и как их устраивать [Текст] / К. И. Романов. - М., 1919.

116. Рославский, В. М. Становление учреждений охраны и реставрации памятников искусства и старины в РСФСР 1917—1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация [Текст] / В.М. Рославский. - М.: Полимаг, 2004. - 400 с.

117. Россия XX века - Восток Ксеркса или Восток Христа. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века [Текст]. - Ростов/Д.: Троицкое слово, 2004.

118. Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью [Текст] / Сост. Г. Штриккер. - М.: ПРОПИЛЕИ, 1995. - 400 с.

119. Рутман, Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле [Текст] / Т. А. Рутман, И. Бусева-Давыдов. - Ярославль: изд-во Александра Рутмана, 2004. - 104 с.

120. Рутман, Т. А. Храмы и святыни Ярославля. История и современность. (Историко-краеведческое издание) [Текст] / Т. А. Рутман. - Ярославль: изд-во Александра Рутмана, 2008. – 677 с.

121. Рутман, Т. А. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле [Текст] / Ппредисл. Т. С. Злотниковой. - Ярославль: изд-во Александра Рутмана, 2001. – 191 с.

122. Рутман, Т. А. Ярославский Казанский женский монастырь [Текст] / Т. А. Рутман. - Ярославль: изд-во Александра Рутмана, 2010. – 222 с.

123. Рыбак, К. Е. Антиквариат. История, основы атрибуции и экспертизы [Текст] / К. Е. Рыбак. – М.: Художник и книга, 2003. – 122 с.

124. Рязанцев, Н. П. История Ярославского края (1930—2005 гг.) [Текст] / Н. П. Рязанцев, Ю. Г. Салова. - Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2005. - 280 с.

125. Рязанцев, Н. П. Охрана культурного наследия в России в XX веке: текст лекций [Текст] / Н. П. Рязанцев. - Ярославль: ЯрГУ, 2007. - 70 с.

126. Рязанцев, Н. П. «Спасти живую старину…»: Охрана памятников и музейное строительство в Ярославской губернии в 1918—1929 годах [Текст]/ Н. П. Рязанцев. – Ярославль: ЯрГУ, 2000. - 165 с.

127. Рязанцев Н. П. Сохранение культурного наследия в Советской России (1917—1930-е гг.) [Текст] / Н. П. Рязанцев. - Ярославль: ООО Копи-Центр, 2011. – 247 с.

128. Самохин, Ю. С. Оправдание краеведения [Текст] / Ю. С. Самохин. - М.: РМАТ, 2000. - 220 с.

129. Сапрыкина, Н. С. Замыслы и реализации, исторические факты. Очерки об архитектуре Ярославля [Текст] / Н.С. Сапрыкина. - Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2009. - 286 с.

130. Сапрыкина, Н. С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность [Текст] / Н.С. Сапрыкина. - Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2006. - 494 с.

131. Семенова, Н. Проданные сокровища России [Текст] / Н. Семенова, Н. Ильин. - М.: Трилистник, 2000. – 296 с.

132. Сервис, Р. Ленин [Текст] / Р. Сервис. - М.: Попурри, 2002. – 625 с.

133. Степанов (Русак), В. Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе [Текст]/ В. Степанов. – Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1987. – 215 с.

134. Стратонов, И. Русская Церковная смута [Текст] / И. Стратонов. - Берлин, 1932.

135. Скворцов-Степанов, И. И. Избранные атеистические произведения [Текст] / И. И. Скворцов-Степанов. - М.: АН СССР, 1959. - 556 с.

136. Слассер, Р. Сталин в 1917 году [Текст] / Р. Слассер. - М.: Прогресс, 1989. – 320 с.

137. Смирнов, И. С. Из истории строительства социалистической культуры в первый период Советской власти [Текст] / И. С. Смирнов. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1949.

138. Смирнов, И. С. Ленин и советская культура, государственная деятельность В.И. Ленина в области культурного строительства. Окт. 1917—лето 1918 г. [Текст] / И. С. Смирнов. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 448 с.

139. Собсович, Л. Города будущего и организация социалистического быта [Текст] / Л. Собсович. - М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1929.

140. Собсович, Л. Социалистические города [Текст]. - М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. - 124 с.

141. Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США: учебное пособие / А. Б. Соколов. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – 242 с.

142. Стешенко, Л. А. Правовая охрана памятников культуры в СССР [Текст] / Л. А. Стешенко. - М.: Наука, 1974. - 49 с.

143. Стовичек, М. В. Архитектурная среда русской провинции в эпоху модерна (Кострома, Рыбинск, Ярославль) [Текст] / М. В. Стовичек. - Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. - 127 с.

144. Суворов, Н. А. Калязинские храмы и монастыри (краткие исторические очерки) [Текст] / Н. А. Суворов. - Калязин: Кимрская типография, 2004. - 173 с.

145. Такер, Р. Сталин. История и личность / Р. Такер. - М.: Весь мир, 2006. – 661 с.

146. Татищев, В. Н. Предложение о сочинении истории и географии российской [Текст] / В. Н. Татищев // Музееведческая мысль в России XVIII—XX веков: сб. документов и материалов. - М., 2010. - С. 55–66.

147. Тимофеева, Т. П. «Лежит в развалинах Твой храм…» (О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939). Документальные хроники) [Текст] / Т. П. Тимофеева. - Владимир, 1999. - 112 с.

148. Тирле, А. Разграбление и уничтожение культурного наследия: «Безбожная пятилетка» [Текст] / А. Тирле. М. : Приор-Издат, 2004. 150 с.

149. Титлинов, Б. В. Церковь во время революции [Текст] / Б. В. Титлинов. - Пг., 1924.

150. Троицкий, С. Размежевание или раскол [Текст] / С. Троицкий. - Париж, 1932.

151. Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. l. Протоколы пленарных заседания 1-5 декабря 1930 г. [Текст] / Под ред. И. К. Луппола. М., 1931; Т. II. Материалы секционных заседаний 1—5 декабря 1930 г. [Текст] / Под ред. И. К. Луппола. - М.-Л., 1931.

152. Тугай, Т. И. Деятельность краеведов Южного Урала по сохранению культурно-историчнского наследия в 1914—1930-е гг. [Текст] / Т. И. Тугай. - Оренбург, 2006.

153. Федоров-Давыдов, А. А. Советский художественный музей [Текст] / А. А. Федоров-Давыдов. – М.: ИзоГИЗ, 1933 . – 93 с.

154. Федотов, А. А. Ивановская епархия РПЦ в 1918—1998 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством [Текст] / А. А. Федотов. - Иваново : ИвГУ, 1999. - 260 с.

155. Феноменов, М. Я. Музей местного края [Текст] / М. Я. Феноменов. - М., 1919. – 52 с.

156. Флейман, Е. А. Географические названия на карте России-путешествие в историю : монография [Текст] / Е. А. Флейман. - Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. - 106 с.

157. Флейман, Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении : учеб. пособие [Текст] / Е. А. Флейман. - Кострома : КГТУ, 2001. - 80 с.

158. Флейман, Е. А. Историко-краеведческие организации в России (вторая половина XIX—начало XX вв.) : Учеб. пособие [Текст] / Е.А. Флейман. - Кострома: КГТУ, 2002. - 26 с.

159. Флейман, Е. А. Краеведческая литература: опыт изучения регионов : монография [Текст] / Е. А. Флейман. - Кострома: КГТУ, 2007. - 72 с.

160. Флейман, Е. А. Краеведение в Поволжье [Текст] / Е.А. Флейман. - Кострома: КГТУ, 1995. - 213 с.

161. Флейман, Е. А. Статьи краеведческих обществ Верхнего Поволжья 1920 годов : библиогр. список [Текст] / Е. А. Флейман. - Кострома : КГТУ, 2003. - 34 с.

162. Фролов, А. И. Хранители Московской старины: Алексей и Прасковья Уваровы [Текст] / А. И. Фролов. - М., 2003. - 292 с.

163. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти [Текст] / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

164. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви. 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий [Текст] / В. Цыпин. - М.: Московская Патриархия; Издательский дом «Хроника», 1994. – 844 с.

165. Цыпин, В. История Русской православной церкви. 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий [Текст] / В. Цыпин. - М.: Хроника, 1994. - 256 с.

166. Цыпин, В. Русская Церковь (1917—1925) [Текст] / В. Цыпин. - М.: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 1996. – 336 с.

167. Цыпин, В. История Русской церкви. 1917—1997 [Текст] / В. Цыпин. - М., 1997. – 199 с.

168. Шмит, Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции [Текст] / Ф. И. Шмит. - Л.: Academia, 1929. - 248 с.

169. Шебуев, Н. Москва безбожная. Спутник безбожника [Текст] / Н Шебуев. - М.: Акциздат. об-во «Безбожник, 1930. - 152 с.

170. Штриккер, Г. Русская Православная церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью [Текст] / Г. Штриккер. - М., 1995. – 150 с.

171. Ярославль в старых открытках и фотографиях [Текст, илл.] / Сост. В.В. Горшкова, Е.Л. Гузанов, А.И. Шемякин. – М.: Искусство, 1998. – 406 с.

Статьи

172. Айхенвальд, Ю. Народный музей и его создатели [Текст] / Ю. Айхенвальд // Рыбинская правда. - 1965. - 29 июля.

173. Алексеев, В. Вначале был декрет [Текст] / В. Алексеев // Диалог. - 1991. - № 4. - С. 96-97.

174. Алексеев, В. Рекруты безбожной пятилетки [Текст] / В. Алексеев // Перспективы. - 1991. - № 4. - С. 90-98.

175. Алтухов, А. Забота В.И. Ленина о памятниках культуры и искусства [Текст] / А. Алтухов // Искусство. - 1962. - № 4. - С. 21-22.

176. Антирелигиозная пропаганда исторических и краеведческих музеях// Труды научно-исследовательского института музееведения [Текст] / Под ред. А. В. Ушакова и М. А. Казариной. Вып. VIII. - М., 1962. - С. 230-231.

177. Астафьева, О. Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике / О. Н. Астафьева // Синергетика: будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. - М.: ЛКИ, 2008.

178. Астафьева, О. Н. Культурная политика формирования целостности социокультурного пространства города [Текст] / О. Н. Астафьева // X конгресс этнологов и антропологов России: тезисы докладов. - М., ИЭА РАН, 2013. – С. 218-219.

179. Бабаева, Л. М. Из истории национализации частных художественных собраний в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) [Текст] / Л. М. Бабаева // История СССР. - 1977. - № 2. - С. 186-193.

180. Байрау, Д. Интеллигенция и власть: советский опыт / Д. Байрау // Отечественная история. - 1994. - № 2. - С. 122-135.

181. Бакланов, Н. Б. Изучение строительной техники как один из способов датировки памятников [Текст] / Н. Б. Бакланов // Известия ГАИМК. - 1938. - № 7-8. - С. 33-40.

182. Белов, Е. Г. Судьба церковных ценностей, изъятых властью в 1922г. [Текст] / Е. Г. Белов // Вестник русского христианского движения. - Париж, 1972. - № 104. – С. 80.

183. Белов, Ю. Кто создал суздальский музей / Ю. Белов [Текст] // Призыв. – 1989. – 8 сент. – С. 4.

184. Бенуа, А. Н. Ленинградские особняки [Текст] / А. Н. Бенуа // Музей. – 1924. – № 2. – С. 22.

185. Бенуа, А. Н. О памятниках [Текст] / А. Н. Бенуа // Александр Бенуа размышляет… (статьи и письма 1917—1960 г.) / Подгот. издания, вступит. статья и комментарии И.С. Зильберштейна и А.Н. Савина. – М.: «Советский художник», 1968. - С. 69-71.

186. Богуславский, Г. А. Из истории советского законодательства об охране памятников (декрет от 5 окт. 1918 г.) [Текст] / Г. А. Богуславский // Известия вузов. Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 87-93.

187. Бориснев, С. В. Современные проблемы теории и методологии исторического исследования [Текст] / С. В. Бориснев // Армия и общество. – 2010. – № 3. – С. 81-87.

188. Бочков, В. Н. Подвижники Костромского краеведения: Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев [Текст] / В. Н. Бочков // Второе свидание: Глазами краеведов. – Ярославль, 1974.

189. Брайчевский, М. Ю. Сохранить памятники истории [Текст] / М. Ю. Брайчевский // История СССР. – 1966. – № 2. – С. 205-226.

190. Бубнов, А. С. Приветственное письмо к съезду музейных работников [Текст] / А. С. Бубнов // Культурное строительство в РСФСР. Документы и материалы. 1928—1941. - Т. 2. - М., 1986. – С. 2.

191. Булыгин, И. А. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства [Текст] / И. А. Булыгин, С. М. Троцкий // Вестник истории мировой культуры. – 1958. – № 3. – С. 169-174.

192. Бухарин, Н. И. Реконструктивный период и борьба с религией (доклад) [Текст] / Н. И. Бухарин // II-й Всероссийский съезд безбожников. – М., 1929. – С. 43-47.

193. Васильев, А. Г. Формирование концептов культурной, социальной, коллективной памяти в дискурсе социально-гуманитарного знания [Текст]/ А. Г. Васильев // Режим доступа: http://culturalmemoryandtext.blogspot.ru.

194. Васильев, А. Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга в интеллектуальном контексте эпохи [Текст] / А. Г. Васильев // Время — История — Память: ист. сознание в пространстве культуры. - М., 2007.

195. Васильев, А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций [Текст] / А. Г. Васильев // Человек и культура. - 2015. - № 1. - С. 72-91.

196. Васильев, А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия [Текст] / А. Васильев // Фунда-

ментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. - М.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. - Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. - С. 56-68.

197. Васильева, О. РПЦ и Советская власть в 1917—1927 гг. [Текст] / О.Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40-55.

198. Васильева, О. Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 годах [Текст] / О. Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40-54.

199. Васильковский, П. Е. Роль краеведов в охране природы и памятников культуры [Текст] / П. Е. Васильсковский // Краеведение. – 1929. – № 6. – С. 21-27.

200. Васильковский, П. Е. Краеведческая работа организаций в РСФСР к 1930 г. [Текст] / П. Е. Васильсковский // Краеведная работа в РСФСР. – М., 1930. – С. 30-35.

201. Виденеева, А. Е. К истории уничтожения ростовских колоколов [Текст] / А. Е. Виденеева // Режим доступа: http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/007/videneeva11.html.

202. Виноградов, Н. Д. Охрана памятников культуры в первые годы советской власти [Текст] / Н. Д. Виноградов, Ю. П. Малиновский // Архитектура СССР. – 1958. – № 11. – С. 35-39.

203. Виппер, Б. Р. Рембрандты в изгнании [Текст] / Б. Р. Виппер // Среди коллекционеров. - 1922. - № 1. – С. 124-127.

204. «Взять на учет все духовенство...» [Текст] // Источник. – 1994. – № 6. – С. 101-105.

205. Власов, В.А. Первый нарком просвещения: взгляд американского историка [Текст] / В. А. Власов // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. - 2011. - № 23. - С. 333-337.

206. Воронин, Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник: Заметки к постановке вопроса [Текст] / Н. Н. Воронин // Советская археология. – 1954. – Вып. 19. – С. 49.

207. Всем республиканским, областным и окружным краеведческим организациям РСФСР о новых формах организации краеведческой работы [Текст] // Советское краеведение. – 1930. – № 6. – С. 2-3

208. Галай, Ю. Г. Правовая охрана памятников в первые годы советской власти [Текст] / Ю. Г. Галай // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. – Горький, 1990. – С. 178-188.

209. Галай, Ю. Г. Губернские и областные органы охраны памятников в РСФСР [Текст] / Ю. Г. Галай // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. – Н.Новгород, 1991. – 183 с.

210. Галай, Ю. Г. Первая государственная регистрация памятников искусства и старины в РСФСР [Текст] / Ю. Г. Галай // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике. - Н.Новгород, 1995.

211. Галай, Ю. Г. Голод 1922 года в России и сокровища православных храмов [Текст] / Ю. Г. Галай // Нижегородский православный сборник. - Н.Новгород, 1997. – С. 3.

212. Галай, Ю. Г. Правовая эффективность первых советских декретов по охране памятников истории и культуры [Текст] / Ю. Г. Галай // Нижегородские юридические записки. - Вып. 3. - Н.Новгород, 1997. - С. 10-12.

213. Гейнике, Н. А. Роль краеведных организаций в деле охраны памятников искусства и старины [Текст] / Н. А. Гейнике // Известия ЦБК. - 1928. - № 9. - С. 3.

214. Гарданов, В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) [Текст] / В. К. Гарданов // История музейного дела в СССР: Сб. науч. статей. - М., 1957.

215. Гарданов, В. К. Музейное строительство в РСФСР (1917—1920-е гг.) [Текст] / В. К. Гарданов // Вопросы истории. - 1955. - № 4. – С. 80-86.

216. Гнедовский, М. Б. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования [Текст] / М. Б. Гнедовский, В. Ю. Дукельский // Музейное дело. Музей - культура - общество. Сб. науч. тр. - Вып. 21. - М., 1992. - С. 7-19.

217. Годунова, Л. Н. Органы управления музейным делом в СССР. 1917—1941 гг. Музейное строительство в СССР. (Центральный музей революции) [Текст] / Л. Н. Годунова // Музейное дело в СССР. Сб. науч. тр. - Вып. 19. - М., 1989. - С. 13-42.

218. Грабарь, И. Э. На страже памятников искусства [Текст] / И. Э. Грабарь // Красная новь. - 1923. - № 40. – С. 18-20.

219. Грабарь, И. Э. О музейных делах [Текст] / И. Э. Грабарь // Художественная жизнь. - 1920. - № 2. – С. 26-30.

220. Грабарь, И. Э. Восемь лет реставрационной работы [Текст] / И. Э. Грабарь // Вопросы реставрации. Сборник ЦГРМ. - М., 1926. - Вып. 1. - С. 10.

221. Грабарь, И. Э. Реставрация у нас и на Западе [Текст] / И. Э. Грабарь// Наука и искусство. - 1926. - № 1. - С. 91.

222. Грабарь, И.Э. Реставрация памятников древнерусского зодчества [Текст] / И. Э. Грабарь // И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве. - М.: Искусство, 1966. - С. 357-360.

223. Греч, А. Н. Венок усадьбам [Текст] / А.Н. Греч // Памятники Отечества : Альманах. - 1994. - № 32. - С. 9-26.

224. Грязнова, Е. В. Социальная память как элемент культуры [Текст] / Е.В. Грязнова// Человек и культура. - 2015. - № 1. - С. 92-106.

225. Дауге, А. Охрана памятников искусства и старины в провинции [Текст] / А. Дауге // Художественная жизнь. - 1920. - № 2. – С. 11-13.

226. Дитмар, А. Б. Очерк истории административного деления Ярославского края [Текст] / А. Б. Дитмар // Краеведческие записки. Вып. 2 / Под

ред. П. Г. Андреева, А. Н. Иванова, М. Г. Мейеровича. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1957. - С. 209-232.

227. Ермолин, Е. Русская культура. Персоналистская парадигма образовательного процесса [Текст] / Е. Ермолин // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ermol/09.php

228. Ермолин, Е. Судьба дворянских гнезд [Текст] / Е. Ермолин, Г. Раздобурдина // Любитель природы: Статьи, очерки и рассказы, стихи, наблюдения, практические советы. - Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. - С. 150-151.

229. Жуков, Ю. Н. Роль права в охране культурно исторического наследия в первые годы Советской власти [Текст] / Ю. Н. Жуков // Советское государство и право. - 1983. - № 11. - С. 117-122.

230. Закс, А. Б. Всероссийский музейный съезд [Текст] / А. Б. Закс // Вопросы истории. - 1980. - № 12. - С. 31-33.

231. Закс, А. Б. Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917—1936) [Текст] / А. Б. Закс // Труды НИИ музееведения. - Вып. 22. - М., 1970.

232. Закс, А. Б. Историко-бытовой отдел Русского музея (1918—1943) [Текст] / А. Б. Закс // Очерки истории музейного дела. - М., 1962.

233. Закс, А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917—1941) [Текст] / А. Б. Закс // История музейного дела в СССР: Сб. науч. статей. - М., 1968.

234. Закс, А. Б. Музееведческий центр России (1930—1960-е годы) [Текст] / А. Б. Закс // Вопросы истории. - 1994. - № 10.

235. Закс, А. Б. Музеи исторического профиля в 1917—1934 гг. [Текст] / А. Б. Закс // История СССР. - 1962. - № 5.

236. Злотникова, Т. С. Провинция в культуре [Текст] / Т.С. Злотникова // Культурология: Энциклопедия. В 2 тт. – М.: РОССПЭН, 2007.

237. Злочевский, Г. Русская усадьба на страницах дореволюционных изданий [Текст] / Г. Злочевский // Памятники Отечества. - 1992. - № 25. - С. 86.

238. Золотова, Т. Н. Наследие в эпоху социокультурных трансформаций [Текст] / Т. Н. Золотова, М. Е. Каулен, Н. А. Кочеляева, Н. А. Томилов // Культурологические исследования в Сибири. - 2008. - № 3.

239. Иванов, К. Музею — полвека [Текст] / К. Иванов // Северный рабочий. - 1962. - 12 июня.

240. Иванова, Л. В. Вывоз из усадеб художественных ценностей: По архивным материалам [Текст] / Л. В. Иванова. // Памятники Отечества. - 1992. - № 25. - С. 71.

241. Ионова, О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти [Текст] / О. В. Ионова // История музейного дела в СССР / О. В. Ионова. - М., 1957. - С. 11.

242. Ионова, О. В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР [Текст] / О. В. Ионова // Труды НИИ музееведения. - Вып. 5. - М., 1961. - С. 80-175.

243. Ионова, О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928—1941) [Текст] / О. В. Ионова // Очерки истории музейного дела в СССР. - Вып. 5. - М., 1963.

244. Каменский, А. Б. «...Сей город за центр всего государства почесть можно...». Герард Фридрих Миллер. 1705—1783 / А. Б. Каменский // Краеведы Москвы. - Ч. 1. - М., 1991. - С. 32–44.

245. Карасева, М. Переславскому музею - 60 [Текст] / М. Карасева, В. Панфилов. // Коммунар. - 1979. - 30 мая. - С. 25.

246. Карпов, А. Ю. Патриарх Тихон [Текст] / А. Ю. Карпов // Православные святые и чудотворцы. - М., 2005. - С. 282-299.

247. Карпыч, В. Ф. Ближайшие задачи краеведческой секции комакадемии [Текст] / В. Ф. Карпыч // Советское краеведение. - 1930. - № 3-4.

248. Катков, В. Памятники старины охраняются плохо [Текст] / В. Катков// Северный рабочий. - 1940. - 8 авг. - С. 3.

249. Каулен, М. Е. Музеефикация храмов и монастырей Верхнего Поволжья в первой половине 1920-х гг. (по документам ЦГА РСФСР и ОПИ ГИМ) [Текст] / М. Е. Каулен // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: тезисы докладов III регион. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры». - Н.Новгород, 1992. - С. 91-93.

250. Ким, И. П. О закономерностях культурной революции в СССР [Текст] / И. П. Ким // Вопросы истории. - 1960. - № 5.

251. Ким, И. П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР [Текст] / И. П. Ким // Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг. - М., 1967.

252. Ким, И. П. Исторический опыт культурной революции в СССР [Текст] / И. П. Ким // Вопросы истории. - 1968. - № 1.

253. Киндзерская, М. А. Охрана памятников в начальный период осуществления социалистических новаций / М. А. Киндзерская // Культурная жизнь Юга России. - 2009. - № 2. - С. 8-9.

254. Киндзерская, М. А. Музейное дело и охрана культурно-исторического наследия в дореволюционной России [Текст] / М. А. Киндзерская // Научные труды Российского государственного торгово-экономического университета: сб. науч. тр. Т. 1. - М., 2010. - С. 106-118.

255. Китицына, Л. С. Памяти Василия Ивановича Смирнова [Текст] / Л.С. Китицына, П. Н. Третьяков // Советская археология. - 1968. - № 4.

256. Киселев, А. С. О музеях и музейной работе [Текст] / А. С. Киселев // Музейное строительство в РСФСР. 1931—1934. - М., 1934.

257. Клабуковский, И. Г. Задачи краеведения после IV Всероссийской конференции [Текст] / И. Г. Клабуковский // Советское краеведение. - 1930. - № 5.

258. Клемм, Е. Задачи художественных отделов местных и республиканских музеев [Текст] / Е. Клемм // Советский музей. - 1932. - № 1.

259. Кожин, Н. Значение и задачи охраны памятников искусства, старины и ревдвижения [Текст] / Н. Кожин // Советское краеведение. - 1934. - № 1. - С. 5-6.

260. Козлов, А. А. Фактический отказ от политики охраны памятников истории и культуры в конце 1920-х годов [Текст] / А. А. Козлов. // Советское государство и право. - 1989. - № 12. - С. 116-121.

261. Козлов, В. Л. Трагедия малых городов : о разрушении монастырей, церквей, часовен в 1928—1930 гг. (Ростов, Углич, Ярославль, Переславль-Залесский) [Текст] / В. Л. Козлов. // Россияне. - 1995. - № 7/8. - С. 67-79.

262. Козлов, В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920—1930-е годы [Текст] / В. Ф. Козлов // Режим доступа: http://www.danilovbells.ru/bellsonrussia/articles/gibel_tserkovnyh_kolokolov_v_192.html.

263. Козлов, В. Ф. Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917—1930 гг. (по материалам моск. архивов и музеев) [Текст] / В. Ф. Козлов // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. - М., 1990. - С. 40-54.

264. Козлов, В. Ф. Краеведение как государственное дело [Текст] / В. Ф. Козлов // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов: «Любовь к Малой Родине — основа патриотизма» (Воронеж, 31 января Москва, 1 февраля 2005 г.). - М., 2006. - С. 22-27.

265. Козлов, В. Ф. Краеведы о целях и задачах краеведения (по страницам центральной краеведческой периодики 1920-х гг.) [Текст] / В. Ф. Козлов // Археографический ежегодник за 2004 г. - М., 2005. - С. 229-241.

266. Козлов, В. Ф. Монастыри России в первые годы после революции [Текст] / В. Ф. Козлов // Журнал Московской Патриархии. - 1993. - № 4. - С. 26-33.

267. Козлов, В. Ф. Музеи-монастыри в Советской России [Текст] / В. Ф. Козлов // Мир источниковедения. - М., 1995. - С. 120-125.

268. Козлов, В. Ф. Первый штурм московской старины [Текст] / В. Ф. Козлов // Архитектура и строительство Москвы. - 1990. - № 11.

269. Козлов, В. Ф. Свидетельствуют документы (об изъятии церковных ценностей) [Текст] / В. Ф. Козлов // Журнал Московской Патриархии. - 1993. - № 9. - С. 47-52.

270. Козлов, В. Ф. Судьбы памятников истории и культуры Переславля-Залесского в 1920—1930-е гг. [Текст] / В. Ф. Козлов // Малые города России. Проблемы истории и возрождения: Материалы межд. науч.-метод. конф. 16—17 октября 1998 г. в г. Переславле-Залесском [Текст] / Под ред. А. А. Черёмина. - М.: Москвоведение, 1998. - С. 101-110.

271. Козлов, В. Ф. Судьбы памятников архитектурной старины в 1920—1930-х годов (по протоколам ЦГРМ) [Текст] / В. Ф. Козлов // Археографический ежегодник за 1991 г. - М., 1992.

272. Коноплева, М. Особняк Шуваловых [Текст] / М. Коноплева // Среди коллекционеров. - 1922. - № 7-8.

273. Кормильцева, О. М. Как начиналась охранная деятельность [Текст] / О. М. Кормильцева // Санкт-Петербург: Культура. История. Искусство. Сохранение наследия. - 1998. - № 1. - С. 3-5.

274. Крупнов, Е. И. Памятники культуры - всенародное достояние [Текст]/ Е. И. Крупнов // Советская археология. - 1965. - № 2.

275. Кудрина, Т. А. Культурное наследие : правовой аспект в истории отношений государства и Русской Православной Церкви [Текст] / Т. А. Кудрина. Славянский правовой центр // Режим доступа:

http://www.rlinfo.ru/projects/seminar1200/08.html (дата обращения 26.01.2005).

276. Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. [Текст] / Г. А. Кузина // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). - М., 1991. - С. 100.

277. Кукушкина, А. В. К вопросу об имущественном аспекте государственно-церковных отношений в первые годы Советской власти (на примере Ярославской губернии) [Текст] / А. В. Кукушкина // Минувшее, сливаясь с настоящим. - Ярославль: ЯрГУ, 1993. - С. 91-93.

278. Кукушкина, А. В. Борьба с религией и церковью в годы НЭПа // Некоторые проблемы современной науки : Тезисы конф. молодых ученых [Текст] / А. В. Кукушкина. - Ярославль, 1992. - С. 73-75.

279. Кукушкина, А. В. Церковь и голод 1921 г. (на материалах Ярославской губернии) / А. В. Кукушкина // Путь в науку: сб. студенческих работ. - Ярославль: ЯрГУ, 1992. - С. 35-39.

280. Кукушкина, Н. А. Естественно-историческое общество Ярославской губернии в 1917—1930 гг. [Текст] / Н. А. Кукушкина // Путь в науку: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета/ Под ред. д-ра ист. наук А.М. Селиванова. - Ярославль: ЯрГУ, 1998. – Вып. 4. – С. 83-86.

281. Крестовская, А. Хотели простора - получили пустырь (Об уничтожении церквей в Ярославле в 1930-х гг.) [Текст] / А. Крестовская // Золотое кольцо. - 1991. - 24 сентября. - С. 6.

282. Курганова, Н. Первые шаги (из истории суздальского музея, 1918 год) [Текст] / Н. Курганова // Суздальская новь. - 1977. - 25 окт.

283. Курышева, Е. Д. Памятники государства по отношению к церкви в 1917—1930 гг. : по материалам Владимирской губернии [Текст] / Е. Д. Курышева // Антология проблем социально-экономического развития. Пути

решения: материалы межвузов. научно-практич. конф. студентов 15 нояб. 2006 г. - Владимир, 2006. - С. 69-72.

284. Кызласова, И. Л. О благословении Патриархом Тихоном трудов деятелей культуры по сохранению и реставрации памятников древней живописи [Текст] / И. Л. Кызласова // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 2 (19). С. 27–33.

285. Лазаревский, И. Собиратели и антиквары прошлого А.З. Хитрово / И. Лазаревский [Текст] // Среди коллекционеров. - 1921. - № 6-7.

286. Лебина, Н. Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба [Текст] / Н. Лебина // Вопросы истории. - 1996. - № 5-6. - С. 15.

287. Лившиц, Ф. Д. Перепись населения 1937 г. [Текст] / Ф. Д. Лившиц // Демографические процессы в СССР. - М.: б/и, 1990. - 310 с.

288. Личак, Н. А. Сохранение памятников архитектуры в Ярославле (1918—1921 гг.) [Текст] / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические проблемы общества: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. д-ра техн. наук, проф. Л.П. Размолодина. - Ярославль: ООО НТЦ «Рубеж», 2006. - Вып. 2. – С. 288-292. – 0,4 п.л.

289. Личак, Н. А. Сохранение и восстановление памятников архитектуры города Твери в 1918—1930 гг. [Текст] / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заочная межрегиональная университетская научно-методическая конференц./ Под ред. А.В.Бородкина. - Ярославль: Изд-во «Литера», 2008. – С. 255-259. - 0,4 п.л.

290. Личак, Н. А. Роль П.Д. Барановского в сохранении культурного наследия города Ярославля в 1920-х годах [Текст] / Н. А. Личак // Актуальные проблемы научного знания в XXI веке : сб. ст. II (заочной) межрегион. науч.-практ. конф., г. Рубцовск, 7 июня 2008 г. – Рубцовск; Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. – С. 240-245. – 0,4 п.л.

291. Личак, Н. А. Сохранение памятников архитектуры в Ярославле (1918—1930 гг.) [Текст] / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические

проблемы общества. Сб. науч. тр. Ярославль: ЯГТУ, 2008. - Вып. 3. – С. 202-208. – 0,4 п.л.

292. Личак, Н. А. Законодательные инициативы Советского правительства в области охраны культурного наследия в 1917—1918 годах [Текст] / Н. А. Личак // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития. Статьи и доклады VIII международной научно-практической конференции МЭСИ, 23 мая 2008 г. - М.: МЭСИ, 2008. - С. 486-490. – 0,3 п.л.

293. Личак, Н. А. П.Д. Барановский - краевед и общественный деятель [Текст] / Н. А. Личак // Российская семья: историко-психологический портрет: Материалы XXIV Всерос. науч. конференции Санкт-Петербург. 15-16 декабря 2008 г. В 2 ч. – Ч. 2. - Спб. : Нестор, 2008. – С. 47-51. – 0,4 п.л.

294. Личак, Н. А. Охрана памятников истории и культуры в Верхнем Поволжье в начале 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Научный журнал. Раздел «История». - СПб, 2009. - № 97. - С. 28-35. – 0,6 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

295. Личак, Н. А. Сохранение культурного наследия г. Ярославля в 1920-х гг. под руководством И.Э. Грабаря [Текст] / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры. II Всероссийская научная конференция, посвященная основателю университета П.Г.Демидову. 28-29 января 2009 г. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – С. 147-150. - 0,2 п.л.

296. Личак, Н. А. Деятельность государственных органов власти по спасению памятников г. Ярославля в 1920—1930 гг. [Текст] / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заоч. межрегион. университ. науч.-метод. конференц./ Под ред. А.В. Бородкина. - Ярославль: Изд-во «Литера», 2009. - 0,4 п.л.

297. Личак, Н. А. Исследовательские работы ЦГРМ по изучению архитектурных особенностей древнерусских памятников в Верхнем Поволжье в начале 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: заочная межрегион. университет. науч.-метод. конференц./ Под ред. А.В.Бородкина. Ярославль: Изд-во «Литера», 2009. – С. 263-266. – 0,2 п.л.

298. Личак, Н. А. Деятельность органов местной власти по сохранению культурного наследия во Владимирской губернии в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // XX век в истории России: актуальные проблемы: V международ. науч.-практ. конф. : сб. статей (август, 2009). / Под ред. С.Д. Морозова. - Пенза: РИО ПГСХА, 2009. – С. 54-57. – 0,2 п.л.

299. Личак, Н. А. Проблемы государственного финансирования охраны памятников в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития. Россия. Москва. IX международная научно-практическая конференция. Ч. 3. Россия, октябрь 2009. - М., 2009. – С. 60-65. – 0,4 п.л.

300. Личак, Н. А. Направления работы Первой Всероссийской реставрационной конференции 1921 г. [Текст] / Н. А. Личак // «Век нынешний, век минувший …»: Исторический альманах. - Вып. 8 / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. - С. 102-109. - 0,6 п.л.

301. Личак, Н. А. Противоречия в системе охраны памятников в Советской России во второй половине 1930 гг. [Текст] / Н. А. Личак // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». - 2010. - № 4/5. - С. 68-74. – 0,6 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

302. Личак, Н. А. Памятники искусства и старины в контексте государственной политики Советской России в начале 1930-х годов [Текст] / Н. А. Личак // Научные проблемы гуманитарных исследований (Институт реги-

ональных проблем российской государственности на Северном Кавказе). Серия «История». - Пятигорск, 2010. - Вып. 2. - С. 127-135. – 0,7 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

303. Личак, Н. А. «Еще недавно Кострома являлась одним из красивейших городов Верхнего Поволжья…»: разрушение костромского церковного зодчества в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - 2010. - № 7. - С. 46-53. – 0,5 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

304. Личак, Н. А. «…Сметем с полей очаги религиозной заразы!»: уничтожение ярославских храмов в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Научные проблемы гуманитарных исследований (Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе). Раздел «История». - Пятигорск, 2010. - Вып. 3. - С. 64-71. – 0,8 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

305. Личак, Н. А. Разрушение памятников церковного зодчества в Иваново-Вознесенской губернии в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». - Вып. 2. - Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. - С. 83-92. – 0,5 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

306. Личак, Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2010. - № 16. – С. 202-209. – 0,5 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

307. Личак, Н. А. Уничтожение церковных колоколов в Костромской губернии в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: IX Международная конференция. - Иваново, 2010. - С. 112-114. – 0,4 п.л.

308. Личак, Н. А. Проведение экономической и антирелигиозной политики государства в Костромской губернии в 1920—1930-х годах через изъятие колоколов [Текст] / Н. А. Личак // II Всероссийская научная конференция с международным участием «Научное творчество XXI века». - Красноярск, 2010. – С. 125-130. - 0,4 п.л.

309. Личак, Н. А. А. И. Анисимов: историк, исследователь, реставратор [Текст] / Н. А. Личак // Социальные и гносеологические проблемы общества. Сб. науч. тр. - Ярославль, ЯГТУ, 2010. - Вып. 4. – С. 99-106. - 0,3 п.л.

310. Личак, Н. А. Тенденции развития государственно-церковных отношений Верхнем Поволжье в 1920-х годах [Текст] / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры: межкультурные отношения и динамика национального развития: материалы III Международной научной конференции, посвященной основателю университета П.Г. Демидову и 1000-летию г. Ярославля / Отв. ред. В. В. Томашов. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 156-163. - 0,4 п.л.

311. Личак, Н. А. Закрытие церкви в селе Черная заводь Некрасовского района в 1938 г.: по материалам архива Филиала ГУ ЯО ГАЯО - ЦДНИ [Текст] / Н. А. Личак //«Век минувший, век нынешний…»: исторический альманах / Под ред. Ю. Ю. Иерусалимского, В. П. Федюка, В. М. Мараса-новой; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – Вып. 9. – С. 167-171. – 0,3 п.л.

312. Личак, Н. А. Антирелигиозная деятельность партийной фракции ярославского губсовета «Союза воинствующих безбожников» в 1920—1930-х годах [Текст] / Н. А. Личак // «Ярославль - центр княжества, губернии, об-

ласти. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления», международ. университ. науч.-практ. конф., посвященная 1000-летию Ярославля и в связи с 25-летием подписания Европейской хартии о местном самоуправлении (1985 г.). Материалы конференции, 20—21 апреля 2010 г./ Под науч. редакцией проф. А. В. Бородкина. – Ярославль: Изд. ЯФЛГУ имени А. С. Пушкина», 2010. – С. 85-88. – 0,2 п.л.

313. Личак, Н. А. Сохранение памятников храмового искусства Владимирской губернии в начале 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Церковь в истории и культуре России: сб. мат. Международной научной конференции, посвящ. памяти преподобного Трифона Вятского (1546-1612) 22—23 ноября 2010 г. Международн. научн. конф. - Вятка: Вятский гос ун-т, 2010. - С. 288-291. – 0,3 п.л.

314. Личак, Н. А. Классификация памятников искусства и старины в первые годы советской власти [Текст] / Н. А. Личак // Наука и современность – 2010: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Часть 1/ Под общ. Ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. - С. 102-106. – 0,5 п.л.

315. Личак, Н. А. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Ярославской губернии в 1922 г. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки». - 2010. - № 2 (08). - Ч. 1. - С. 74-77. – 0,3 п.л.

316. Личак, Н. А. Особенности проведения экономической и антирелигиозной политики государства в Костромской губернии в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий. Серия «Гуманитарные и общественные науки». - 2010. - № 2 (08). - Ч. 2. - С. 112-114. – 0,3 п.л.

317. Личак, Н. А. Административные меры по сохранению культурного наследия в Советской России в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». - 2011. - № 3 (17). - С. 22-28. – 0,6 п.л. (журнал

включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

318. Личак, Н. А. Разрушение памятников церковной архитектуры г. Владимир в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. - Тамбов, 2011. – № 4 (10). – Ч. III. - С. 85-88. – 0,3 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

319. Личак, Н. А. «…ибо ни за что на свете Советской власти не отдадим: деятельность губ подотдела по делам музеев и охраны памятников на Костромской земле в 1920-х гг.» [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы X Международной научной конференции. 16—17 февраля 2011 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2011. - Ч. 2. - С. 123-129. - 0,3 п.л.

320. Личак, Н. А. Продажа предметов искусства в РСФСР за границу 1928 году [Текст] / Н. А. Личак // Человек в пространстве культуры: «русский мир» в контексте полилога культур». IV Международная научная конференция, посвященная основателю университета П.Г. Демидову и 40-летию воссоздания Ярославского государственного университета, 15-летию возвращения имени П.Г. Демидова Ярославскому университету. 28-29 января 2011 г. - Ярославль: ЯрГУ, 2011. - С. 93-96. – 0,3 п.л.

321. Личак, Н. А. Историко-культурные ценности в первые годы ВОВ [Текст] / Н. А. Личак // Научное мнение: Научный журнал. - СПб., 2011. - № 2. - С. 21-25. – 0,4 п.л.

322. Личак, Н. А. Методы исследования государственной системы охраны памятников истории и культуры Верхнего Поволжья (1918—1941 гг.) [Текст] / Н. А. Личак // Модернизация как условие развития современной России: Статьи и доклады XI Междунар. научно-практическая конферен-

ции. Москва 27 мая 2011 г. / Главный редактор Н. В. Тихомирова / Под ред. П.Ю. Федорова, Н.М. Чепурновой, Н.С.Чучунова. – М.: МЭСИ, 2011. - С. 123-127. – 0,3 п.л.

323. Личак, Н. А. Вопросы реституции церковных ценностей [Текст] / Н. А. Личак // Российская государственность и право: современное состояние и перспективы / Под общ. ред. к.п.н. С. В. Зуевой. - Ярославль: Изд-во Городской методический центр по вопросам развития городского самоуправления, 2011. - С. 38-42. – 0,3 п.л.

324. Личак, Н. А. Памятники храмового искусства г. Владимира в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // «Путь святости Земли Ярославской»: I международная научно-практическая конференция. - Ярославль, 2011. – С. 80-85. – 0,3 п.л.

325. Личак, Н. А. Репрессии против советских краеведов в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Актуальные проблемы науки: сб. науч. тр. По мат-ам междунар. научно-практ. конф. 27 сентября 2011 г.: в 6 частях. Ч. 2. - Тамбов: изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – С. 83-84. – 0,2 п.л.

326. Личак, Н. А. Памятники усадебной культуры Верхнего Поволжья в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2011. - № 11.3. - С. 843-849. – 0,3 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

327. Личак, Н. А. Памятники истории и культуры в Советской России (1917—1938 гг.) [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы X Международной научной конференции. 16—17 февраля 2012 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2012. - Ч. 2. - С. 87-93. – 0,4 п.л.

328. Личак, Н. А. Верхневолжские музеи в деле охраны памятников в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Облик российской провинции: исторические и со-

циокультурные проблемы: V Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. – Елабуга, 2012. - С. 472-478. – 0,5 п.л.

329. Личак, Н. А. Особенности проведения общероссийской кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году [Текст] / Н. А. Личак // Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в XXI в.: межд. заочн. науч-практич. конф. - Тамбов, 31 января 2012 г. - С. 76-78. – 0,2 п.л.

330. Личак, Н. А. Организация памятникоохранных мероприятий в Костромской губернии в начале 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Романовские чтения. Кострома и судьбы российской государственности: материалы конф. 15–16 марта 2012 г. - Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. - С. 166-168. – 0,3 п.л.

331. Личак, Н. А. Утрата храмов Верхнего Поволжья в начале 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XI Международной научной конференции. 21 февраля 2013 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2013. - Ч. 2. – С. 512-518. – 0,4 п.л.

332. Личак, Н. А. Православное краеведение в духовно-нравственном воспитании студентов [Текст] / Н. А. Личак // Вопросы православного краеведения в школе и вузе: памяти святителя Дм. Ростовского. 24 декабря 2012 г. - Ярославль: Ярославский гос. педаг. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2013. – 0,2 п.л.

333. Личак, Н. А. Состояние ярославского краеведения в 1930-х годах [Текст] / Н. А. Личак // Актуальные вопросы образования и науки. Сборник научных трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф. 30 декабря 2013 г. - Тамбов, 2014. - Ч. 12. - С. 90-95. - 0,1 п.л.

334. Личак, Н. А. Ревитализация памятников Верхнего Поволжья как необходимый фактор культурной среды города [Текст] / Н. А. Личак // IX Ямбургские чтения «Социально-экономические доминанты развития общества: история и современность». 4 апреля 2014 г. - Кингисепп, 2014. - С. 224-228. – 0,2 п.л.

335. Личак, Н. А. Ячейки Союза воинствующих безбожников в Верхнем Поволжье [Текст] / Н. А. Личак // Наука сегодня: международная научно-практическая конференция. - Вологда, 2014. – С. 41-42. – 0,2 п.л.

336. Личак, Н. А. Содержание охраны российских древностей в дореволюционный период [Текст] / Н. А. Личак // Развитие российской государственности и Ярославский край: материалы всероссийской научно-практической конференции 27 ноября 2013 г. / Под ред. Ю.Ю. Иерусалимского. - Ярославль: ЯрГУ, 2014. - С. 353-359. – 0,4 п.л.

337. Личак, Н. А. Верхневолжские приходы и музеи в деле сохранения памятников искусства и старины в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIII Международной научной конференции. 12-13 марта 2014. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2014. - Ч. 2. - С. 528-534. – 0,3 п.л.

338. Личак, Н. А. Значение исторического и культурного наследия в общественной жизни Ярославля в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Роль Русской Православной Церкви в становлении и развитии российской государственности» 20 ноября 2014 г. - С. 392-399. – 0,3 п.л.

339. Личак, Н. А. Роль И.Э. Грабаря в сохранении культурного наследия Ярославля в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий. - 2015. - № 1 (Социально-гуманитарные науки). - С. 287-297. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

340. Личак, Н. А. Деятельность отделений по реставрации памятников искусства и старины Наркомпроса в Ярославской, Владимирской губерниях в 1918—1919 гг. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. Секция «Исторические науки и археология». - 2015. - № 3.7 (63). – С. 3146-3159. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

341. Личак, Н. А. Изъятие церковных ценностей в Костромской губернии в 1922 г. [Текст] / Н. А. Личак // Университетский научный журнал. Раздел «Филологические и исторические науки, искусствоведение». - 2015. - № 11. – С. 20-27. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

342. Личак, Н. А. Изъятие церковных ценностей во Владимирской губернии в 1922 г. [Текст] / Н. А. Личак // Научное мнение. Серия «Философия, филологические науки и искусствоведение». - 2015. - № 7. – С. 36-40. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

343. Личак, Н. А. Формирование понятия «памятник искусства и старины» в первые послереволюционные годы [Текст] / Н. А. Личак // Научное мнение. Серия «Философия, филологические науки и искусствоведение». - 2015. - № 8. – С. 86-91. – 0,5 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

344. Личак, Н. А. М.И. Смирнов: краевед и музейный деятель [Текст] / Н. А. Личак // Теория и практика общественного развития: международный научный журнал. - 2015. - № 18. – С. 214-216. – 0,3 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

345. Личак, Н. А. Уничтожение памятников искусства и старины в Центрально-промышленной области в 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак// Вестник Орловского государственного университета. – 2015. - № 4 (45). - С. 98-102. – 0,6 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

346. Личак, Н. А. Понятие «памятник искусства и старины» в законодательстве Советской России 1920—1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. – 2015. - № 4. - С. 316-321. – 0,6 п.л.

(журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

347. Личак, Н. А. К вопросу об унификации понятия «памятник искусства и старины» в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // В мире научных открытий (Социально-гуманитарные науки). - 2015. - № 9.1. - С. 15-28. – 0,6 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

348. Личак, Н. А. Создание музейной системы во Владимирской губернии в начале 1920-х годов [Текст] / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. – 2015. - № 5. – С. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

349. Личак, Н. А. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины Тверской губернии в 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. – 2015. - № 6. – С. 302-304. – 0,3 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

350. Личак, Н. А. Н. И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. / Н. А. Личак // Ярославский педагогический вестник. – 2016. - № 1. – С. 287-291. – 0,4 п.л. (журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).

351. Личак, Н. А. Антирелигиозные музеи верхнего Поволжья в 1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XIV Международной научной конференции. 18 марта 2015 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2015. - Ч. 1. - С. 553-556. – 0,4 п.л.

352. Личак, Н. А. Формирование органов охраны памятников в Тверской губернии в начале 1920-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Фундаментальные проблемы социально-экономического развития общества история и совре-

менность: X Ямбургские чтения. 10 апреля 2015 г. / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – Санкт-Петербург, 2015. - С. 143-146. – 0,2 п.л.

353. Личак, Н. А. Состояние краеведческих обществ Советской России в 1920-1930-х гг. [Текст] / Н. А. Личак // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XV Международной научной конференции. 23 марта 2016 г. - Иваново: Изд-во ИГУ, 2016. - Ч. 2. - С. 489-495. – 0,4 п.л.

354. Лопатина, Е. Г. Законодательные акты советского государства в области культурно-исторического наследия (1917—1923 гг.) [Текст] / Е.Г.Лопатина // История государства и права. - 2007. - № 10. - С. 31-32.

355. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн: Александра, 1992. - С. 201-203.

356. Луппол, И. Проблема культурного наследства [Текст] / И. Луппол // Под знаменем марксизма. - 1935. - № 1. – С. 2.

357. Луппол, И. Диалектический материализм и музейное строительство [Текст] / И. Луппол // Труды I Всероссийского музейного съезда. - М., 1931. – С. 3.

358. Лихачев, Д. С. Памятники культуры — всенародное достижение [Текст] / Д. С. Лихачев // История СССР. - 1961. - № 3.

359. Майорова, Н. С. Местная власть и сектанские организации Костромской губернии в 1920-е гг. [Текст] / Н. С. Майорова // Режим достуа:http://www.kocio.kostromaeparhia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=72:2010-01-31-14-49-20&catid=43:-1&Itemid=63

360. Малицкий, Г. Л. Обзор деятельности комиссии по музееведению [Текст] / Г. Л. Малицкий // Государственная академия истории материальной культуры. Московская секция. - М., 1928. - № 1. – С. 23-28.

361. Машковцев, Н. Г. Принципы музейного строительства [Текст] / Н. Г. Машковцев // Художественная жизнь. - 1920. - № 4-5.

362. Мелехов, В. И. Сохранение и государственная охрана объектов культурного наследия России [Текст] / В. И. Мелехов, Л. Г. Шаповалова // Правоведение. - 2005. - № 3. - С. 12-20.

363. Минин, С. Н. Утраченные памятники г. Владимира [Текст] / С. Н. Минин // Семь слонов. - 1996. - 22 февраля. – С. 4.

364. Минин, С. Н. Утраченные памятники монументального искусства / С.Н. Минин // Минин, С. Н. Губерния в старой открытке [Текст] / С. Н. Минин. - Владимир: Посад, 2000. - 58 с.

365. Михайловская, Н. «Мы подбираем брошенные традиции...» : [Из истории развития краеведения в России, 1917—1927…] [Текст] / Н. Михайловская // Художник. - 1992. - № 4/5. - С. 3-6.

366. Моисеев, Н. Н. Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза [Текст] / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. - 1997. - № 2-3. - С. 7-15.

367. Моисеев, Н. Н. Сохранить человечество на земле [Текст] / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. - 2000. - № 1. - С. 12.

368. Морозов, С. «… И надо полагать, навсегда прекращен в Ярославле церковный звон» [Текст] / С. Морозов // Городские новости. - 1995. - 5 января. – С. 3.

369. Мосякин, А. Антикварный экспертный фонд. Антология документов и фактов [Текст] / А. Мосякин // Наше наследие. - 1991. - № 1-3.

370. Мосякин, А. Продажа [Текст] / А. Мосякин // Огонек. - 1989. - № 6-8.

371. Музею-55 [Текст] // Коммунар. - 1974. - 29 июля.

372. Назаренко, Я. А. Охрана и учет художественных коллекций в Петрограде (1917—1922) [Текст] / Я. А. Назаренко // Среди коллекционеров. - 1922. - № 4.

373. Наши очередные задачи [Текст] // Материалы Общества Изучения Тверского края. - Вып. 7. - 1930. - С. 4.

374. Неподобная, Г. А. Культурное наследие и государственая политика: к постановке проблемы [Текст] / Г. А. Неподобная // Режим доступа: http://mmj.ru/index.php?id=40&article=253&type=98 (дата обращения 30.09.2004).

375. Одинцов, М. И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [Текст] / М. И. Одинцов // Режим доступа: http://krotov.info/history/20/1940/odinzov.htm (дата обращения 21.01. 2011).

376. Одинцов, М. И. «Дело» патриарха Тихона/ М. И. Одинцов // Отечественные архивы. - 1993. - № 6. - С. 46-71.

377. Одинцов, М. И. Жребий пастыря [Текст] / М. И. Одинцов // Наука и религия. - 1989. - № 1, 4-6.

378. Одинцов, М. И. Золото Льва Троцкого [Текст] / М. И. Одинцов // Диспут. - 1992. - № 4.

379. Одинцов, М. И. Изъят из церковных имуществ [Текст] / М. И. Одинцов // Гласность. - 1991. - № 31.

380. Одинцов, М. И. Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти [Текст] / М. И. Одинцов // Вопросы научного атеизма/ М. И. Одинцов. - М., 1989. - Вып. 39. - С. 307-313.

381. Одинцов, М. И. Путь длиною в семь десятилетий: От конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) [Текст] / М. И. Одинцов // На пути к свободе совести. - М., 1989. - С. 29-71.

382. Одинцов, М. И. Хождение по мукам [Текст] / М. И. Одинцов // Наука и религия. - 1990. - № 5-8.

383. Одинцов, М. И. Золото Льва Троцкого [Текст] / М. И. Одинцов // Религия, церковь в России и за рубежом. - М., 1995. - С. 53-65.

384. О'Коннор, Т. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры [Текст] / Т. О'Коннор. - М.: Прогресс, 1992. - 222 с.

385. Олейник, О. Ю. Власть, интеллигенция и патриотизм в советском обществе в 1930-е годы [Текст] / О. Ю. Олейник // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. - Иваново, 2002. - Вып. 2. С. 11-17.

386. Оснос, Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры [Текст] / Ю. Оснос // Искусство. - 1940. - № 6.

387. Осокина, Е. А. Антиквариат. (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) [Текст] / Е. А. Осокина // Режим доступа: http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/29-1-0-1340 (дата обращения 09.02.2011).

388. Павин, Г. Г. Реконструкции г. Иваново и проблемы его архитектурного образа [Текст] / Г. Г. Павин // Хозяйство Ивановской области. - 1936. - № 5. - С. 64.

389. Пайпс, Р. Россия при большевиках [Текст] / Р. Пайпс. - М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.

390. Панов, Л. С. Из истории усадьбы К. Н. Батюшкова «Хантоново» [Текст] / Л. С. Панов, Н. П. Рязанцев // VII Золотарёвские чтения: Тезисы докладов научной конференции (16—17 окт. 2000 г.): К 90-летию Рыбинского музея / Под ред. А. М. Селиванова. - Рыбинск, 2000. - С. 134.

391. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма [Текст]/ Пер. с нем. И.Карташевой. - СПб., 2000. - 416 с.

392. Петренко, Е. Хранители тверской истории [Текст] / Е. Петренко // Тверская Жизнь. - 2006. - 9 февр. - С. 2.

393. Переславский муниципальный район: Туристический путеводитель Переславского муниципального района издан в соответствии с областным планом мероприятий по подготовке к празднованию 1000-летия г. Яро-

славля [Текст] / Сост. Н. А. Личак. - Ярославль: Департамент экономического развития Ярославской области, 2010. - 26 с. - 0,3 п.л.

394. Подобедова, О. И. И. Э. Грабарь [Текст] / О. И. Подобедова // История русского искусства. - Т. X. - Кн. 2. - М., 1969

395. Подобедова, О. И. Вместо предисловия [Текст] / О. И. Подобедова // Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. - М., 1966.

396. Подобедова, О. И. Вводная статья к разделу «Письма И. Э. Грабаря из экспедиций (1919-1930 годы)» [Текст] / О. И. Подобедова // Игорь Грабарь. О древнерусском искусстве. - М., 1966.

397. Подобедова, О. И. Игорь Грабарь. [1871—1960]. К истории советского искусствознания [Текст] / О. И. Подобедова // Искусство. - 1966. - № 6.

398. Подобедова, О. И. К уяснению роли иконы и фрески в духовной жизни Руси [Текст] / О. И. Подобедова // Святыни и культура. - М., 1992. - С. 125-133.

399. Подобедова, О. И. Выявление, изучение и сохранение памятников русского средневекового искусства. К проблеме традиций [Текст] / О. И. Подобедова // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. - М., 1993. - С. 4-35.

400. Полякова, М. А. Культурное наследие: историческая динамика [Текст] / М. А. Полякова // Обсерватория культуры. - 2006. - № 1. - С. 62.

401. Полякова М.А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия [Текст] / М. А. Полякова // Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/poljakova_kult_nasl_historical.pdf

402. Полякова, М. А. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в Москве [Текст] / М. А. Полякова // Москва в начале XX в.: будни и праздники. Московская старина. Новорусский стиль. - М., 1997.

403. Полякова, М. А. Судьба «Подмосковных» в 1920-е гг. (документы свидетельствуют) [Текст] / М. А. Полякова // Отечество: краеведческий альмана / М. А. Полякова. - М., 1996.

404. Полякова, М.А. Усадебная культура и социальные потрясения в России в двадцатые годы XX века [Текст] / М. А. Полякова // Русская усадьба на пороге XX века. Хмелитский сборник. - Вып. 3. - Смоленск: СГПУ, 2001. - С.113-127.

405. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь: испытания начала XX века [Текст] / Д. В. Поспеловский // Вопросы истории. - 1993. - № 1. – С. 21-26.

406. Преображенский, Н. Ф. Роль и значение IV Всероссийской конференции по краеведению [Текст] / Н. Ф. Преображенский // Советское краеведение. - 1930. - № 1-2. – С. 22-28.

407. «Применить к попам высшую меру наказания» [Текст] // Источник. - 1995. - № 3. - С. 114-131.

408. Пушкарева, И. М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России: (К постановке проблемы) [Текст] / И. М. Пушкарева // Отечественная история. - 1999. - № 4. - С. 15-21.

409. Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917—1967) [Текст] / Д. А. Равикович // История СССР. - 1967. - № 7. - С. 193-202.

410. Радус-Зенькович, В. О некоторых вопросах музейной работы [Текст] / В. Радус-Зенькович // Советский музей. - 1938. - № 5. – С. 23-27.

411. Разгон, А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917) [Текст] / А. М. Разгон // История музейного дела в СССР: Сб. науч. статей. - М., 1957. – С. 60-67.

412. Разрушенные храмы Костромы [Текст] // Костромские епархиальные ведомости. - 2008. - № 7. - С. 47.

413. Рашковский, А. Л. История и методология краеведения [Текст] / А. Л. Рашковский. Частный электронный архив личных фондов, коллекций и документов // Режим доступа: http://www.1archive-online.com/archive/rushkovsky/kraevedenie.htm.

414. Рожнова, К. А. Они были первыми [Текст] / К. А. Рожнова // Памятники Отечества. - 1988. - № 2.- С. 7-14.

415. Рославский, В. М. Советская власть и исторические памятники в 1918 г.: реставрация, охрана, реквизиция [Текст] / В. М. Рославский // Россия и современный мир. - 2005. - № 3. - С. 208-213.

416. Рославский, В. М. Особенности современного изучения истории советской реставрации [Текст] / В. М. Рославский // Христианство в искусстве / Сост. И. А. Стерлигова, Л. А. Щенникова, отв. ред. А. К. Левыкин : Материалы и исследования. - М., 2010. - С. 355-372.

417. Рославский, В. М. Первое периодическое издание в России, посвященное проблемам реставрации памятников искусства и старины. Новые книги по истории книжной культуры [Текст] / В. М. Рославский // Книга в пространстве культуры: [сб. ст.]: вып. 1 / Отв. сост. О.Р. Хромов. - М.: Рос. гос. б-ка, 2005. – С. 234-250.

418. Рубанкова, Г. Взрыв костромского кремля / Г. Рубанкова // Костромские ведомости. - 1999. - 31 августа. – С. 2.

419. Русская усадьба и ее судьбы: Круглый стол [Текст] // Отечественная история. - 2002. - № 5. - С. 139.

420. Рутман, Т. А. Из истории Успенского собора в Ярославле [Текст] / Т.А. Рутман // Источники по истории реставрации и изучения памятников русской художественной культуры. XX век. - М., 2005. - С. 104-111.

421. Рыбак, К. Е. Современные проблемы регулирования музейной деятельности [Текст] / К.Е. Рыбак // Культура: управление, экономика, право. - 2005. - № 4. - С. 37 – 39.

422. Рязанцев, Н. П. Жилищное строительство в Ярославле в годы первых пятилеток [Текст] / Н. П. Рязанцев // Деловые вести Ярославии. - 2008. - № 5. - С. 4.

423. Рязанцев, Н. П. Из истории Ростовского музея в 1920-е годы (по материалам Музейного отдела Наркомпроса) [Текст] / Н. П. Рязанцев // Режим доступа: http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/2009/ryazantsev.pdf

424. Рязанцев, Н. П. Общество и власть в деле охраны памятников: по материалам Ярославской губернии. 1918—1943 [Текст] / Н. П. Рязанцев // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник. - М.; СПб., 1996. - С. 214-216.

425. Рязанцев, Н. П. Русская дворянская усадьба накануне и в период Октябрьской революции [Текст] / Н. П. Рязанцев // Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_09.htm

426. Салимов, А. М. Тверской Спас [Текст] / А. М. Салимов // Градсовет: архитектурный альманах. - 2008. - № 7. - С. 36.

427. Самохин, Ю. С. Оправдание краеведения [Текст] / Ю. С. Самохин. М., 2000 // Режим доступа: http://kraevedenie.chat.ru/sam/sam0.htm.

428. Свичкарь, И. Г. Теоретико-методологические основы сохранения историко-культурного наследия / И. Г. Свичкарь // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 12 (303). - Вып. 55. - С. 90-94.

429. Сипейкин, А. В. Союз безбожников как инструмент реализации антирелигиозной и антицерковной политики [Текст] / А. В. Сипейкин // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. - 2009. - № 43. - С. 17-32.

430. Сиразиева, Л. Как в Ивановской области разрушали церкви// Иваново-Вознесенск [Текст] / Л. Сиразиева // Иваново-Вознесенск. - 2004. - № 41 (26 октября). - С. 26.

431. Слово в защиту культуры : письма сов. ученых руководителям партии и государства (1922—1934) [Текст] / публ. подгот. В. С. Соболев; предисл. В. А. Попов // Вестн. АН СССР. - 1990. - № 10. - С. 110-118.

432. Смирнов, И. С. В.И. Ленин и руководство делом народного образования (к истории реорганизации Наркомпроса в 1920—1921 гг.) [Текст] / И. С. Смирнов // Советская педагогика. - 1958. - № 4. – С. 21-25.

433. Смирнова, А. П. Из истории охраны памятников культуры Владимирской области. 1917-1925 гг. (по архивным материалам) [Текст] / А. П. Смирнова // Памятники истории и культуры. - Вып. 3. - Ярославль, 1988. - С. 45-49.

434. Смолин, В. Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России [Текст] / В. Ф. Смолин // Известия Археологической комиссии. - Вып. 63. - Пг., 1917. - С. 121-148.

435. Соболев, В. С. Академия Наук и краеведческое движение [Текст] / В. С. Соболев // Вестник РАН. - 2000. - Т. 70. - № 6. - С. 535-541.

436. Стратонов, И. Русская церковная смута. 1921-1931 гг. [Текст] / И. Стратонов // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. - М.: Крутицкое патриаршее подровье, 1995. – С. 20-25.

437. Тимофеева, Т. П. Архитектурно-реставрационная история Дмитриевского собора в XX в. (1919-2000 гг.) [Текст] / Т. П. Тимофеева // Материалы исследований ВСМЗ. - Владимир, 2003. - С. 131-142.

438. Тимофеева, Т. П. Архитектурно-реставрационная история белокаменных памятников Боголюбова в XX веке [Текст] / Т. П. Тимофеева // Материалы исследований ВСМЗ. - Владимир, 2007. - С. 12-19.

439. Тимофеева, Т. П. Владимирский музей в 1940-1958 гг. Тезисы [Текст] / Т. П. Тимофеева // Материалы исследований ВСМЗ / Т. П. Тимофеева. - Владимир, 1998. - С. 8-9.

440. Тимофеева, Т. П. Градостроительная история Владимирского края в документах госархива Владимирской области [Текст] / Т. П. Тимофеева //

Архивы и культура. Тезисы докладов научно-практической конференции. - Владимир, 1998. - С. 10-11.

441. Тимофеева, Т. П. 20 лет из истории Успенского собора во Владимире (1918—1939). Документальная хроника [Текст] / Т. П. Тимофеева // Христианское чтение. - СПб.: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 1992. - № 2. - С. 40-54.

442. Тимофеева, Т. П. Дмитриевский собор [Текст] / Т. П. Тимофеева // Православная энциклопедия. - Т. XV. - М.: Православная энциклопедия, 2007. - С. 207-215.

443. Тимофеева, Т. П. История реставрации древней живописи Успенского собора в XX веке / Т. П. Тимофеева // Материалы исследований ВСМЗ. - Владимир: Альянс-Архео, 2004. - С. 75-82.

444. Тимофеева, Т. П. «Лежит в развалинах Твой храм…» О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918—1939). Документальные хроники [Текст] / Т. П. Тимофеева. – Владимир: Русархив, 1999. – 111 с.

445. Тимофеева, Т. П. Музейное дело во Владимирском крае в 1918—1939 гг. Документальная хроника [Текст] / Т. П. Тимофеева // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья / Материалы II региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». - Н.Новгород: Этнос, 1991. - С. 278-284.

446. Тимофеева, Т. П. Ретроспектива музейно-реставрационного дела во Владимирском крае. (1918—1941 гг.). Избранный документальный свод из фондов ГАВО [Текст] / Т. П. Тимофеева // Сообщения Ростовского музея. - Ростов, 1998. - С. 299-334.

447. Тихомиров, А. Церковь Александра Невского [Текст] / А. Тихомиров// Рабочий край. - 1992. - 4 декабря. – С. 4.

448. Тихомиров, А. Как гибли храмы [Текст] / А. Тихомиров // Рабочий край. - 1993. - № 21 (18 июня). - С. 4.

449. Тихомиров, А. Ансамбль Лежневских церквей [Текст] / А. Тихомиров // Рабочий край. - 1994. - 5 октября. – С. 3.

450. Травля Патриарха Тихона [Текст] // Слово. - 1991. - № 1. - С. 78-83.

451. Тутаев (Романов-Брисоглебск): Туристический путеводитель Тутаевского муниципального района издан в соответствии с областным планом мероприятий по подготовке к празднованию 1000-летия г. Ярославля [Текст] / Сост. Н. А. Личак. - Ярославль: Департамент экономического развития Ярославской области, 2010. - 26 с. - 0,3 п.л.

452. Филатов, Е. Долг нашей совести [Текст] / Е. Филатов // Художник. - 1989. - № 9. - С. 32-33.

453. Филимонов, С. Б. Эпистолярный архив В. И. Смирнова [Текст] / С. Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1974 год. - М.: Наука, 1975. - 400 с.

454. Фитцпатрик, Ш. Культурная революция в России, 1928—1931 [Текст]/ Ш. Фитцпатрик. - Блумингтон: Издательство Индианского университета, 1978. - 190 с.

455. Фитцпатрик, Ш. Повседневный сталинизм [Текст] / Ш. Фитцпатрик. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. - 115 с.

456. Флейман, Е. А. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. [Текст] / Е. А. Флейман // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры / Под ред. Ю. В. Лебедева. – Кострома: Костромской общественный фонд культуры, 1990. - С. 10-16.

457. Флоренский, П. Н. Храмовое искусство как синтез искусств [Текст] / П. Н. Флоренский // Архитектура и строительство Москвы. - 1988. - № 6.

458. Фриз, Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России [Текст] / Г. Л. Фриз // История СССР. - 1991. - № 2. - С. 107-119.

459. Фролов, А. И. Русская усадьба на пороге XXI века: О-во изучения русской усадьбы (1922 — начало 1930-х гг.): Организация, состав, ведущие направления работы [Текст] / А. И. Фролов // Русская культура вне границ: Информационно-аналитический сборник. Вып. 6. РГБ: НИО Информкультура; Государственная культурно-досуговая ассоциация России. - М., 1996. - С. 30-32.

460. Хлебников, М. Взрыв над Волгой [Текст] / М. Хлебников // Молодой ленинец. - 1990. - № 20. - С. 6-7.

461. Черепанова, Н. Г. Государственная политика в отношении дворянских усадеб в 1920-е годы [Текст] / Н. Г. Черепанова // Проблемы истории, филологии, культуры. Ч. 1: История: Межвуз. сб. / Ин - т археологии РАН, Магнитогор. гос. пед. ин - т. 1997. - Вып. 4. - С. 230-236.

462. Шкаровский, М. Русская православная церковь в 1943—1957 гг. [Текст] / М. Шкаровсский // Вопросы истории. - 1995. - № 8. – С. 30-35.

463. Шмелев, Г. Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 г. [Текст] / Г. Шмелев // Вопросы истории. – 2003. - № 11. - С. 36-51.

464. Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения [Текст] / С. О. Шмидт // Отечество : Краеведческий альманах. М., 1990.

465. Шмидт, С. О. Краеведение - это всегда краелюбие [Текст] / С. О. Шмидт// Режим доступа: http://his.1september.ru/2004/22/4.htm

466. Шмидт, Ф. И. Исторические, этнографические и художественные музеи [Текст] / Ф. И. Шмит // Очерки истории и теории музейного дела. - Харьков, 1919. – С. 38-43.

467. Шнеерсон, Н. А. Из опыта построения художественно-исторического краевого музея [Текст] / Н. А. Шнеерсон // Московский краевед. - 1928. - Вып. 7-8. – С. 115-122.

468. Шнеерсон, Н. А. Об опытно-показательных учреждениях при краеведческих музеях [Текст] / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. - 1931. - № 4. – С. 10-11.

469. Шнеерсон, Н. А. Музейный съезд и музеи Поволжья [Текст] / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. - 1931. - № 4. – С. 9-12.

470. Шнеерсон, Н. А. Проблема сети и научно-исследовательской работы краеведческих музеев [Текст] / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. - 1934. - № 1. – С. 10.

471. Шнеерсон, Н. А. К вопросу о целеустановке исторических музеев [Текст] / Н. А. Шнеерсон // Советский музей. - 1935. - № 6. – С. 43-44.

472. Шпаковская, Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом [Текст] / Л. Шпаковская // Неприкосновенный запас. - 2004. - № 1. - С. 10.

473. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе [Текст] / П. Штомпка // Социологические исследования. - 2001. - № 2. – С. 3-12.

474. Ятманов, Г. С. Деятельность Петроградского Отдела музеев по охране памятников искусства и старины и музейному строительству [Текст] / Г. С. Ятманов // Музей (Петроград). - 1923. - № 1. – С. 35.

Литература на иностранном языке

475. Binion, R. Doing Psychohistory [Book] / R. Binion // The Journal of Psychohistory. - 1978. - Vol. 5. - № 3. - P. 31.

476. Вуковиh, М. Естетички рогледи А.В. Луначарского [Book] / М. Вуковиh. - Никшип, 1988/

477. Cooley, C. H. Human Nature and the Social Order [Book] / C. H. Cooley. – New York: Charles Scribner's Sons, 1922 (1st published 1902). – v, 460 p.

478. Czarnowski S. Kultura [Book] / Czarnowski S. Dzieła. Tom. I. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

479. Erikson, E. Dimensions of the New Identity [Book]/ E. Erikson. - New York, 1974.

480. Key concepts of museology [Text]/ A. Desvallees, F. Mairesse // The International Council of Museums 2010—2012. Режим доступа: http://icom.museum/professional-standards/key-concepts-of-museology/.

481. Maciejewska-Jamroziakowa, A. Anatol Lunaczarski — aksjologiczny wymiar estetyki [Book] / A.Maciejewska-Jamroziakowa. - Poznan, 1989.

482. Seligman, Germain. Merchants of Art, 1880-1960 [Book] / G. Seligman. - New York, 1960.

483. Habsburg, Geza von. When Russia Sold Its Past [Text]/ Geza von Habsburg // Art & Auction. - March. - 1995.

484. Warburg A. M. Ausgewahlte Schriften und Wurdigungen [Book] / Hg. v. D. Wuttke. Baden-Baden, 1992 (3. Aufl.).

485. Williams, R.C. Russian Art and American Money, 1900-1940 [Book] / R.C. Williams. - Cambridge, Massachusetts, and London, 1980.

486. Wojnar, I. Lunaczarski [Book] / I. Wojnar. - Warsz., 1980.

Диссертации, авторефераты диссертаций

487. Антонова, Е. В. Становление и развитие советского музейного дела, 1917—июнь 1941 гг. (На материалах Ленинграда) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Антонова. - Л., 1990.

488. Бойко, Т. В. Московские музеи и монастыри в контексте культурно-просветительской политики советского государства в 1917—1920-е гг. [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. В. Бойко. - М., 2006.

489. Баринова, И. К. Охрана памятников истории и искусства в культурной политике Российской Федерации (1917—1999 гг.) [Текст]: дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / И. К. Баринова. - М., 2006.

490. Васкэ, П. А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в Советской Рос-

сии. 1917—1941 гг. [Текст]: дис... канд. юрид. наук / П. А. Васкэ. - Н. Новгород, 2006.

491. Галкова, О. В. Российские традиции охраны культурного наследия [Текст]: дис. ... докт. ист. наук : 24.00.01 / О. В. Галкова**.** - Волгоград, 2012.

492. Говорова, И. В. Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте государственно-церковных отношений [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И. В. Говорова. - М., 2006.

493. Гулев, В. В. Политика Советского государства в области культуры (окт. 1917—1921 гг.) [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук / В. В. Гулев. - М., 1984.

494. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. [Текст]: дис. (научный доклад) … докт. ист. наук / Ю. Н. Жуков. - М., 1992.

495. Киндзерская, М. А. Музейное дело и сохранение историко-культурныхз памятников в России в начале XX в. конце 1930 гг. [Текст]: дис... канд. культурологии / М. А. Киндзерская. - Краснодар, 2005.

496. Козлов, А. А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры / А. А. Козлов. 1917—1941 гг. [Текст]: дис... канд. юрид. наук. - М., 1990.

497. Козлов, В. Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму, 1917—1928 гг. [Текст]: автореф. канд. дис. / В. Ф. Козлов. - М., 1984.

498. Кормильцева, О. М. Охрана художественно-исторических памятников пригородов Петрограда - Ленинграда в первое десятилетие советской власти [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. М. Кормильцева. - Л., 1985.

499. Кривова, Н. А. Власть и Русская православная церковь в 1922—1925 гг. (Политика ЦК РКП (б) по отношению к религии и церкви и ее

осуществление органами ГПУ-ОГПУ) [Текст]: дис… докт. ист. наук / Н. А. Кривова. - М., 1998.

500. Луговая, Г. М. Взаимодействие музеев и общественности в области исторического краеведения. 1917—1980-е гг. [Текст]: автореферат дис. канд. исторических наук / Г. М. Луговая. - М., 1989.

501. Матвенов, Е. Р. Исторический опыт сохранения культурного наследия в РФ 1920—2009 гг. (на материалах Республики Калмыкия) [Текст]: автореф. дис.... канд. ист. наук. - Астрахань, 2010.

502. Миронова, Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества [Текст]: дис. … канд. культурологических наук / Т. Н. Миронова. - М., 2000.

503. Неподобная, Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921—1929 гг. (На материалах Урала) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Г. А. Неподобная. - Екатеринбург, 2002.

504. Набиев, Р. Политика Советского государства по отношению к религии и церкви в 1920—1930-е годы. (На материалах национальных республик Поволжья и Приуралья) [Текст]: дис... докт. ист. наук / Р. Набиев. - Казань, 1992.

505. Одинцов, М. И. Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) [Текст]: автореф. дис ... докт. ист. наук/ М. И. Одинцов. - М., 1996.

506. Омельченко, Н. А. Проблема культурного наследия в идейной жизни советского общества I пол. 1920-х гг. [Текст]: автореф. дис. канд. ист. наук / Н. А. Омельченко. - М., 1985.

507. Полищук, И. С. Духовенство и крестьянство в политике большевицкой партии и советской власти в 1920—1930-х гг. (На материалах Тверской губернии) [Текст]: дис… канд. ист. наук / И. С. Полищук. - Тверь, 2001.

508. Постернак, О. П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920—1930-х гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / О. П. Постернак. - М., 2006.

509. Разумов, Д. С. Антицерковная политика советской власти в 1921—1929 гг. (по материалам Верхнего Поволжья) [Текст]: дис… канд. ист. наук / Д. С. Разумов. - Ярославль, 1997.

510. Ревякин, Е. С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и церкви в 1929—1936 гг. : по материалам Иванов. пром. обл. [Текст]: дис. ... канд. исторических наук / Е. С. Ревякин. - Иваново, 1995.

511. Рославский, В. М. Деятельность Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи — Центральных государственных реставрационных мастерских. 1918—1934 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / В. М. Рославский. - М., 2002.

512. Рыбак, К. Е. Музей в нормативной системе (историко-культурологический анализ) [Текст]: дис... д-ра культурологии / К. Е. Рыбак. - СПб, 2006.

513. Сизинцева, Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие (XIX—первая треть XX века) [Текст]: дис. … канд. культурологии / Л. И. Сизинцева. - М., 1998.

514. Селезнева, Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов [Текст]: дис. ... д-ра филос. наук / Е. Н. Селезнева. - М., 2004.

515. Стравинскас, В. В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия [Текст]: дис. ... канд. юр. наук/ В. В. Стравинскас. - Н.Новгород, 2008.

516. Филимонов, С. Б. Источники по истории исторического краеведения в РСФСР. 1917—1929 гг. [Текст]: дис... канд. ист. наук / С. Б. Фили-

монов. - М., 1974.

517. Филимонов, С. Б. Историческое краеведение в России и документальные памятники (1917—1929 гг.) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / С. Б. Филимонов. - М., 1992.

518. Флейман, Е. А. Краеведческое движение в Верхнем Поволжье в 1917—1930 гг. [Текст]: дисс.... канд. ист. наук / Е. А. Флейман. - Ярославль, 1987.

519. Флейман, Е. А. Краеведческое движение в Поволжье. 1917—1930 гг. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Флейман. - Ярославль, 1997.

520. Шимон, И. Отношения Советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [Текст]: автореф. дис.... докт. ист. наук / И. Шимон. - М., 1995.

521. Шипилов, А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII—начале XX в. [Текст]: дис.... канд. ист. наук / А. Д. Шипилов. - М., 1985.